

Михаил Болтунов

Библиотека

Победы

ДИВЕРСАНТ

Annotation

Диверсант... Немногим это по плечу. Умение мастерски владеть оружием и собственными нервами, смелость и хладнокровие, бесконечное терпение и взрывной темперамент в те секунды, когда от тебя, и только от тебя, зависит победа над смелым и опасным врагом...

- [Михаил Болтунов.](#)
 - [ПО ИМЕНИ КСАНТИ](#)
 - [«Ехайте обратно, товарищ маршал...»](#)
 - [«Не поминай лихом...»](#)
 - [Уходили в поход партизаны...](#)
 - [Война на пороге родного дома](#)
 - [По ком звонит колокол?](#)
 - [«Я полюбил его...»](#)
 - [Командир диверсионной бригады](#)
 - [Наш комдив удалой...](#)
 - [«Подстава» от Никиты Хрущева](#)
 - [ГЕНЕРАЛ ДИВЕРСАНТОВ](#)
 - [«Прошу зачислить в кадры Красной армии...»](#)
 - [Под грифом «Секретно»](#)
 - [История с географией](#)
 - [Энергичный, смелый командир](#)
 - [«Моя фактическая специальность — разведчик»](#)
 - [Командировка в Аргентину](#)
 - [КОСТРЫ НА СНЕГУ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)

- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
- [ШАГИ В НЕЗНАЕМОЕ](#)
 - [«Готовься к трибуналу, лейтенант...»](#)
 - [В поиск уходит разведка](#)
 - [Благодарность от товарища Сталина](#)
 - [«Любите ли вы разведку?»](#)
 - [«Я волнуюсь, заслышав французскую речь...»](#)
 - [«Провалишься, пеняй на себя...»](#)
 - [«Я представляю великую страну»](#)
 - [«Марокканский» генерал](#)
- [КОМАНДИР ОТРЯДА «КАСКАД»](#)
 - [Неожиданный гонец](#)
 - [Праздничный «салют»](#)
 - [Помощник военного атташе](#)
 - [«Памятливый» кадровик](#)
 - [Командирское слово — кремень](#)
 - [«Громкие» дела 13-го отдела](#)
 - [«Увидев нас, Дубчек заплакал...»](#)
 - [Убрать предателя...](#)
 - [«Афганистан» или «Авганистан»?](#)
 - [Особая территория на карте планеты](#)
 - [«Придется тряхнуть стариной...»](#)
 - [ХАД на страже безопасности](#)
 - [«Четко трудится разведка...»](#)
 - [«Не надо высоких наград...»](#)
- [Фотографии](#)
 -
 -
 -
 -
 -
 -

Михаил Болтунов.
Диверсант

ПО ИМЕНИ КСАНТИ

«Ехайте обратно, товарищ маршал...»

Спецпоезд Маршала Советского Союза Климента Ворошилова стоял на запасных путях под Могилевом. Шел седьмой день войны.

Позавчера за Оршей поезд Заместителя председателя Комитета обороны завернули обратно. Ворошилов ругался, кричал, но железнодорожник стоял на своем. Это был кряжистый, крепкий мужчина, лет пятидесяти, в форменной черной фуражке, куртке. Как оказалось, в Гражданскую войну он служил в Первой Конной под началом у Ворошилова.

Своего командира узнал сразу — в гимнастерке, с синими кавалерийскими петлицами, Ворошилов точь-в-точь как на предвоенном портрете, который висит у них в красном уголке рядом с портретом Кагановича.

— Товарищ маршал! Климент Ефремович! — увещевал разбушевавшегося Ворошилова железнодорожник. — Как же я вас пропущу? На следующем перегоне немецкие танки. Мне же никто этого не простит. Ехайте обратно в Оршу.

Ворошилов кипел, но поделать ничего не мог. Железнодорожник прав — немецкие танки перерезали железную дорогу на Минск. И он не солоно хлебавши возвратился в Оршу, а потом в Могилев.

Ворошилов сидел за большим столом, установленным посреди вагона, перебирал телеграммы, которые выучил почти наизусть, и слушал Шапошникова.

Борис Михайлович, бледный, больной, лежал здесь же на диване.

22 июня 1941 года, после немецких ударов, связь со штабом Белорусского особого военного округа была потеряна. Никто толком не мог сказать, что произошло, где находится командующий округом Павлов со своими генералами, что с ними?

Тогда же обеспокоился Ворошилов и судьбой заместителей наркома, двух маршалов — Бориса Шапошникова и Григория Кулика. Они находились в войсках — первый занимался вопросами строительства укрепрайонов на новой линии обороны, второй — инспектировал войска.

К счастью, вчера к западу от Могилева полковник Хаджи Мамсуров, откомандированный в его распоряжение, отыскал маршала Шапошникова. Вместе с ним был и командарм 1 ранга Павлов со своим штабом.

Ворошилов поехал сам, забрал Шапошникова и вот теперь слушал

горький рассказ Бориса Михайловича. В маршальском вагоне находились также полковники Хаджи Мамсуров и Гай Туманян. Они помогали Ворошилову наводить порядок в войсках, а главное — разворачивали партизанское, диверсионное движение.

Климент Ворошилов опять перебрал телеграммы из Москвы. Ни одной доброй новости. Отступление, бегство, прорыв немцев, окружение... И это по всему советско-германскому фронту. Маршал протянул пачку телеграмм Мамсурову. Тот молча читал, передавал листки Туманяну. Лица полковников темнели.

Маршал вспомнил командующего Дмитрия Павлова, когда тот при их встрече отдавал рапорт. Осунувшийся, постаревший за два дня войны, он тянул ладонь к козырьку. Но ладонь не слушалась хозяина, рука дрожала, пальцы дергались...

Подбежал испуганный комиссар Фоминых. Фуражка набок, вздернута вверх.

Ворошилов заскрипел зубами.

— Твою мать... Член военного совета, бездельник... Спишь?

Фоминых лишь промычал что-то невнятное и отчаянно замотал головой:

— Да, печальное воспоминание...

Тем временем Шапошников закончил свой рассказ, замолчал и повернулся к Ворошилову.

— Н-да... — протянул Климент Ефремович, — наверное, как в старой русской поговорке, до Можая, а от Можая — гнать будем.

В вагоне стало тихо. Мамсуров глядел на Туманяна. Как позже будет вспоминать сам Хаджи Джиоревич, после этих слов у него мороз пробежал по коже. Неужто, действительно, немец до Можая дойдет?

В эту минуту в дверь вагона постучали: на пороге стоял командующий округом Дмитрий Григорьевич Павлов. Он приехал доложить обстановку.

Ворошилов кивком головы пригласил его к карте, которая была разложена тут же на столе. Поднялся и Шапошников. Они оба внимательно слушали доклад командующего.

Чем больше говорил Павлов, тем угрюмее становились лица Ворошилова и Шапошникова. Они и без него знали обстановку, но в изложении командующего события последних дней прозвучали еще более трагически.

Едва дослушав доклад Павлова, Ворошилов взорвался.

— Помнишь, как ты жалобу на меня написал товарищу Сталину? — вопрошал Ворошилов. — Мол, зажимаю твой рост, не даю двигаться

молодым. Да тебе не округ, тебе дивизию доверить нельзя!

Павлов, без кровинки в лице, слушал Климента Ефремовича.

— Простите меня, товарищ маршал, — бормотал он, захлебываясь то ли от слез, то ли от волнения. — Простите дурака... Виноват я перед вами.

Никто не вымолвил ни слова. Только Ворошилов крепко выругался и отошел в другой конец вагона.

Настроение, и без того паршивое, было испорчено вконец.

Павлов уехал. Мамсуров вдруг почувствовал, как душно в вагоне. Он вышел на улицу. Вокруг было темно, и только на Западе, по самому горизонту, сколько хватал глаз, полыхало зарево пожаров.

Хаджи присел прямо на насыпь рядом с вагоном и смотрел на зарево. Страшно ли ему было в тот момент? Пожалуй, нет. Он ведь понимал, что главное его дело — воевать. Беспокоило другое. Он, как и тысячи советских людей, задавал себе тяжкий вопрос: как это могло случиться? И не находил ответа. Больнее всего, что на этот вопрос, судя по всему, не мог ответить не только он, полковник Мамсуров, но даже прославленный маршал Ворошилов, который еще год назад был наркомом обороны, и маршал Шапошников — вчерашний начальник Генштаба. Уж они-то знали ответы на все вопросы, как казалось вчера. Ан нет.

Все звенели в ушах ворошиловские слова: «Допустим до Можая...» Что это: просто минутная слабость или действительно маршал допускает такое развитие событий?

«Нет, мы скоро его остановим, — отгонял дурные мысли Мамсуров, — ударим так, чтоб не повадно было...» Только чем ударим?

И вправду, ведь у них сегодня самые свежие данные. Мамсуров уже неделю мотается с Ворошиловым по фронтовым дорогам и видит, как отступают, бегут наши лучшие дивизии. Сам собирал командиров на этих фронтовых дорогах, ставил им задачу от имени маршала Ворошилова: не допустить прорыва танков. В его полевой сумке хранится блокнот с расписками командиров частей о полученной боевой задаче по обороне рубежей западнее Орши, Могилева, Рогачева.

И что же? Немцы прут и прут.

Это была уже четвертая война полковника Хаджи Мамсурова. В свои неполные тридцать восемь лет он успел повоевать на Гражданской, в Испании, на советско-финском фронте и вот теперь — новая война. Это потом, позже ее назовут Великой Отечественной, напишут песни о том, как «двадцать второго июня ровно в четыре часа...»

А 22 июня он лежал дома с высокой температурой, глотал таблетки, грел шею, которую невозможно было повернуть от боли. Оказалось война

— лучшее лекарство. Видимо, первое потрясение от страшного известия было столь велико, что болезнь отступила.

Утром 24-го начальник разведуправления генерал Филипп Голиков вызвал Мамсурова к себе. Хаджи-Умар руководил 5-м разведывательно-диверсионным отделом. Признаться, он так и рассчитывал, что разговор пойдет о развертывании партизанской, диверсионной работы в тылу врага.

К разговору Мамсуров был готов, захватив документы, явился по вызову.

Однако начальник военной разведки завел речь совсем о другом. Оказывается, он получил приказ откомандировать Мамсурова в распоряжение маршала Ворошилова.

Голиков сказал, что это решение считает неверным и обратился в Центральный комитет партии.

Откровенно говоря, Мамсуров удивился такому заявлению начальника. Филипп Голиков никогда не отличался смелостью и мнение свое отстаивать не умел, а может быть, и не желал. А тут, по поводу него, всего лишь полковника, такой сыр-бор.

Что мог сказать Мамсуров? ЦК он и есть ЦК — как скажет, так и будет. Он ответил: «Я — солдат и выполню любой приказ партии».

В Центральном комитете подтвердили откомандирование, и Голиков сообщил Мамсурову, что Ворошилов ждет его на Белорусском вокзале. Поезд маршала уже стоял под парами.

До отхода состава оставалось меньше часа. Мамсуров успел забежать домой, захватил с собой пару белья и уже на лестнице столкнулся с женой Линой. Она возвратилась из-под Гродно, где в составе курса Военной академии имени М. В. Фрунзе была на стажировке. Переговорив несколько минут, они распрощались, и Хаджи поспешил на вокзал.

Когда он вошел в вагон Ворошилова и доложил о прибытии, маршал спросил, почему не явился утром. Мамсуров ответил, что ему разрешили уехать из управления всего час назад.

Ворошилов был явно не в настроении. Выругавшись, он сказал, что зря защищал Голикова, когда тот оказался в списке подлежащих уничтожению. Тогда Мамсуров даже не понял, о чем идет речь, — какие списки, какое уничтожение?

Ворошилов сказал, что едут они в Минск, так как с 22 июня потеряна связь со штабом Белорусского военного округа. Все попытки Генштаба выйти на Павлова до сего часа, 24 июня, ни к чему не привели.

Пока ехали до Орши, откуда поезд Ворошилова повернули обратно, Климент Ефремович не уставал сокрушаться, мол, старую систему

укрепрайонов вдоль границы с прибалтийскими странами, Польшей и Румынией разрушили, а новую построить не успели.

Действительно, после того, как наши войска после 1939 года выдвинулись западнее старой границы на 100-300 км, поступила команда разрушить прежние укрепрайоны.

Строительством новых укрепрайонов заниматься было некогда — разгорелись бои на Халхин-Голе, потом на советско-финском фронте... Опомнились уже накануне войны, но поздно.

Мамсурову трудно было судить, в какой мере во всем этом виноват Ворошилов. Ведь до апреля 1940 года он оставался наркомом обороны. Однако Климент Ефремович упирал на то, что дров наломали сменивший его Семен Тимошенко и новый начальник Генштаба Георгий Жуков.

Правда, жизнь иногда преподносила поучительные уроки. Вот как об одном случае, произошедшем в дороге, вспоминал сам Хаджи Мамсуров: *«Вместе с Ворошиловым мы ездили на машине в западном, северо-западном, юго-западном направлениях от Могилева в поисках штаба Белорусского округа.*

Во время такой поездки проезжали мимо каких-то авиаремонтных мастерских. Ворошилов остановил машину, вышел. Ему доложили, что час назад мастерские бомбила фашистская авиация. Маршал оглядел развалины и с возмущением спросил: "Какой же дурак разрешил строить здесь мастерские?"

Совершенно не желая его обидеть, я сказал: "Наверное, без вашего ведома их тут бы не построили".

Ворошилов пристально посмотрел на меня и произнес: "Выходит, что я дурак? Старый дурак".

Я смутился. Мне стало его жаль, и в душе я корил себя за бестактность».

Но было ли это бестактностью? Будь вокруг Ворошилова побольше таких Мамсуровых, может и не гнал бы нас враг «до Можая».

...Хлопнула дверь вагона, прервав воспоминания Мамсурова, и на ступеньках появился Ворошилов. Мамсуров поднялся с насыпи.

Климент Ефремович долго молча смотрел на запад, на зарево, потом тихо, устало сказал: «Да, война разгорается не на жизнь, а на смерть».

Потом он велел разбудить шофера. Вместе они двинулись в штаб фронта. Ворошилов остался в штабе, а полковник Мамсуров убыл в район, где готовились люди для будущих партизанских отрядов.

«Не поминай лихом...»

Первые дни войны опрокинули доктрину «воевать малой кровью на чужой территории». Всем стало ясно — кровь будет большая и территория своя. Тут и воевать. Теперь уже никто не спорил, что нужны диверсанты, партизаны, нужны действенные меры по борьбе с фашистами в тылу врага.

Но ни профессиональных партизан, ни диверсантов после 1937 года в стране не сыскать днем с огнем. И по существу, 5-й разведывательно-диверсионный отдел ГРУ полковника Хаджи Мамсурова оказался единственным, кто мог хоть чему-то научить будущих партизан. На большее просто не было времени.

С началом войны в Белорусский особый военный округ выехал не только Хаджи Мамсуров, но и весь его отдел.

Помогая Ворошилову уточнять обстановку, искать маршалов Шапошникова и Кулика, полковник Мамсуров не забывал о своем главном деле — развертывании партизанского движения. Кроме них, этого сделать было некому.

Разумеется, руководство Белоруссии в лице Пономаренко, Эйдинова, Киселева, Мазурова нашло, организовало людей. Но их надо было ознакомить с тактикой партизанской войны, установить явки, связи, конспиративные квартиры, тайники, подготовить агентов для деятельности в подполье.

На эту огромную работу было всего двое суток. Практически весь отдел Мамсурова работал в Белоруссии: Гай Туманян, Николай Патрахальцев, Иван Демский, Василий Троян, Сергей Фомин, Валерий Знаменский, Николай Щелоков, Григорий Харитоненков, Петр Герасимов.

Это были опытные разведчики-диверсанты.

Гай Лазаревич Туманян еще в 20-е годы участвовал в ликвидации бандитских формирований в Чечне, после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе направлен в Отдельную дальневосточную армию. Позже несколько лет работал в Китае.

С 1935 года служил в разведывательно-диверсионном отделении ГРУ, участвовал в гражданской войне в Испании.

Василий Абрамович Троян также находился в Испании, потом был направлен на советско-финский фронт.

Под стать им и остальные офицеры отдела.

«Вся наша особая группа, — вспоминал Мамсуров, — в те дни

работала по организации специальной сети агентуры в районе Рогачева, Могилева, Орши. Останавливали отходящие части, потерявшие связь с вышестоящим командованием. Именем Маршала Советского Союза Ворошилова направляли их в район Чаусы на сосредоточение и организационное укрепление в тылу.

Я каждый раз докладывал Ворошилову о том, что делала наша особая группа.

В первую же встречу с секретарем ЦК компартии Белоруссии Пономаренко мы обговорили вопросы организации партизанского движения и срочной подготовки специальных разведывательно-диверсионных кадров, набросали план мероприятий».

Известно, что 27 июня 1941 года специальная группа Мамсурова приступила к подготовке и обучению нескольких сотен партийных и советских работников, предназначенных для деятельности в тылу.

Самому Хаджи-Умар Джиоровичу пришлось срочно выехать в Могилев. Там он провел совещание с руководством области и города. О чем говорил Мамсуров? О том, что необходимо организовать население на строительство противотанковых заграждений, а также о создании противодиверсионных отрядов и подразделений по борьбе с фашистскими десантами.

«Ночью 28 июня я уехал в район подготовки партизанских кадров, — напишет позже Мамсуров, — и до наступления утра проводил занятия по тактике диверсионных действий.

Обучение шло, по сути, днем и ночью. Эту группу утром 29 июня (а их было около 300 человек) мы направили на выполнение боевых задач в тылу противника.

По моей просьбе в район приехали Ворошилов и Пономаренко, чтобы сказать будущим партизанам напутственные слова.

Так зарождалось партизанское движение в Белоруссии».

До 5 июля 1941 года особая группа Мамсурова продолжала готовить в районе Могилева партизан-диверсантов, руководителей подпольных организаций.

За Это время в жизни полковника Хаджи Мамсурова произошло много событий. По приказу Ворошилова ему пришлось арестовывать командующего Белорусским особым военным округом командарма 1 ранга Дмитрия Павлова.

До сих пор по этому поводу много суждений. В одном из фильмов, например, показано, как Павлова берут под арест сотрудники НКВД.

Во многих публикациях, вышедших в последние годы, высказано

огромное количество гипотез — кто же сыграл роковую роль в судьбе Павлова? Были намеки, в том числе и на Ворошилова. Мол, маршал докладывал Сталину о состоянии дел на Западном фронте — он и виновен в гибели Дмитрия Григорьевича. Все это не более чем досужие вымыслы.

Мамсуров точно знал, что Ворошилов здесь ни при чем. Он стал свидетелем разговора между Шапошниковым и Ворошиловым о судьбе командующего Павлова.

Как же все обстояло на самом деле?

27 июня в разговоре с Шапошниковым Ворошилов сказал, что имеет указание отстранить Павлова от командования округом и отправить под охраной в Москву.

Шапошников согласился: Дмитрий Григорьевич — командующий никудышный. Однако высказал мысль о том, что арест Павлова был бы ошибкой, которая ничего, кроме вреда, не принесет.

«Не то теперь время, — повторял он. — Это вызовет тревогу и суматоху в рядах командиров».

Ворошилов надолго задумался, потом взял блокнот и стал писать шифрованную телеграмму на имя Сталина. Написав, прочитал ее Шапошникову. В ней он докладывал обстановку на сегодняшний день на Западном фронте и делал свои выводы и предложения.

Ворошилов просил Сталина не арестовывать Павлова, а просто отстранить от командования округом и назначить командующим танковой группой, сформированной из отходящих частей в районе Гомель-Рогачев.

По данным штаба округа, там находилось около двух танковых дивизий.

Однако Сталин принял другое решение.

29 июня Ворошилов отдал приказ Мамсурову арестовать генералов Павлова, Климовских, Клича. Уже были готовы машины с охраной.

Мамсуров так будет вспоминать об аресте генералов. *«Первым подошел сам Павлов. Снял ремень с пистолетом и, подав их мне, крепко пожал руку, сказал: "Не поминай лихом, Ксанти, наверно, когда-нибудь в Могилеве встретимся". В отличие от вчерашней ночи он был почти спокоен и мужественен в эту минуту. Павлов первым сел в легковую машину.*

Вторым сдал оружие начальник штаба Климовских. Мы с ним раньше никогда не встречались. Он был также спокоен, ничего не сказал и сел в ту же машину.

Третьим подошел ко мне замечательный товарищ, великолепный артиллерист — командующий артиллерией округа Клич. Мы прекрасно

знали друг друга по Испании и всегда общались как хорошие товарищи. Клич был жизнерадостным человеком.

Он протянул свое оружие, с улыбкой обнял меня и тихо сказал: "Вот как дело обернулось из-за этого фанфарона и самовлюбленного павлина". Он имел в виду, конечно, Павлова.

Через несколько минут небольшая колонна двинулась в путь на Москву».

Мамсуров смотрел вслед удаляющимся машинам и думал о словах генерала Клича.

«А ведь действительно фанфарон». Вспомнилась их первая встреча в Испании в декабре 1936 года. Тогда весь день Хаджи — или Ксанти, как называли его испанцы — вместе с переводчицей Линой, шофером Муњосом и мотоциклистом Луисом мотались по фронтовым частям. Несколько раз попадали под бомбежку «юнкерсов» и «капрони», под минометный огонь и к вечеру, едва живые, прибыли в штаб обороны Мадрида.

Мамсуров зашел к главному советнику — комбригу Владимиру Гореву, чтобы доложить обстановку. В кабинете он увидел генерала Испанской королевской армии. На фоне скромно, по-фронтовому одетых наших командиров — Ратнера, Лукача, Львовича, Помощникова этот испанец гляделся странно — словно он только что прикатил с парада или высокого приема. Но Хаджи прекрасно знал — какие сейчас парады? Уже два месяца идут непрерывные тяжелые бои. Напряжение страшное. И вдруг в этом рабочем, фронтовом кабинете разодетый в парадную форму с золотыми нашивками и аксельбантами генерал. «Просто павлин какой-то», — подумал тогда Хаджи.

Комбриг Владимир Горев представил Мамсурова. И вдруг «павлин» на чистейшем русском языке отрекомендовался: «Генерал Пабло».

Мамсуров с недоумением глядел то на «генерала Пабло», то на Горева. Владимир Ефимович лишь хитро улыбался. Оказалось, этот разодетый генерал вовсе не испанец, а наш Дмитрий Павлов, танкист. Фамилию его Хаджи слышал, но прежде они никогда не встречались. Теперь вот повезло лично пожать руку.

Павлов оказался сильно навеселе, петушился, рисовался, однако Мамсурову было не до него. Хаджи вынул из-за пазухи карту и стал докладывать обстановку, сложившуюся на Мадридском участке.

Потом он прилег на несколько часов, а проснувшись еще затемно, уехал в район университетского городка и, откровенно говоря, забыл о Павлове.

Ему были больше по душе другие танкисты — героический капитан Арман (П. Арман) или полковник Мелле (С. Кривошеин), не вылезавшие из танков сутками.

Однако не знал Хаджи Мамсуров, что теперь судьба будет постоянно сводить с Павловым до того самого мига, когда на его долю выпадет горькая обязанность — арестовать Дмитрия Григорьевича и его штаб.

Вторая их встреча произошла там же, в Испании. Хотя и заочно. Мамсуров попал под огонь танковых орудий, которыми командовал... Павлов.

Он находился в 14-й интербригаде. Ею руководил Вальтер (К. Сверчевский). В операции под Лас-Роса кроме этой бригады участвовало еще несколько частей и соединений.

Интербригадовцы наступали, и для развития успеха командование ввело в бой бригаду Сверчевского. И вдруг по боевым порядкам, штабу был открыт беглый огонь из танков. Погибло более 60 командиров и бойцов.

Наступление сорвалось, несмотря на исступленные попытки Вальтера поднять батальоны в атаку.

Старший советник комбрига, а фактически начальник штаба бригады Александер (полковник Помощников) пытался добиться связи с вышестоящим штабом, чтобы прекратить огонь по своим. Однако ничего не получалось. Телефон не работал.

В штабе 14-й интербригады всегда были офицеры связи, представлявшие артиллеристов, которые поддерживали своим огнем ввод в бой подразделений. Поэтому всякого рода ошибки исправлялись достаточно быстро. Павлов этого не делал и офицеров связи не присылал. Вот и результат.

А дальше события развивались так. *«Когда попытки поднять бригаду в атаку ни к чему не привели, — вспоминал Хаджи Мамсуров, — я поехал в полевой штаб Центрального фронта и застал там командующего — дряхлого испанского генерала Пасаса, а также наших советников — Мерецкова, Кулика, Воронова, пребывающих в благодушном настроении, видимо в результате успешно начатого наступления.*

Но самое удивительное, что в штабе я увидел Павлова. Он был в изрядном подпитии, все в той же петушиной форме испанского генерала, оживленно беседовал с Пасасом.

Я подошел к ним с намерением сообщить Павлову о результатах огневых налетов его танковой бригады и срыве наступления. Но заговорить удалось не сразу. Дмитрий Григорьевич по-русски упорно объяснял ничего не понимающему Пасасу, что он — генерал Павлов,

повторяя это в разных вариациях.

Увидев меня, Пасас спросил, что он говорит. Я ответил, что командир танковой бригады представляется ему, как командующему Центральным фронтом.

Пасас наконец понял — разодетый в золото генерал носит имя Пабло. Он улыбнулся и сказал, что его любимый святой — Павел и поэтому ему приятно познакомиться с замечательным генералом Пабло. При этом он не забыл упомянуть, что святой Павел тоже любил вино, явно намекая на подвыпившего Павлова.

Моя попытка обратиться к Дмитрию Григорьевичу не удалась, и я рассказал, что произошло с вводом в бой 14-й интербригады, стоявшему здесь же Кулику. Тот только развел руками.

Наконец Павлов отпустил измученного старика, и я поведал эту историю Дмитрию Григорьевичу. Он возмутился и стал все отрицать. Более того, заявил, что сейчас два его танковых батальона ведут бой в населенном пункте Махадаонда. Говорил так убедительно и напористо, что не поверить было нельзя.

Однако, каково же было мое удивление после возвращения в бригаду. Передовые подразделения оказались там же, где я их оставил, — залегшими под огнем врага у Махадаонда. Танки Павлова стояли где-то в тылу передовых подразделений и вели редкий огонь по селению, в котором к тому времени уже сосредоточились пять батальонов испанских фашистов с итальянскими танками "Ансальдо".

Словом, начавшееся первое контрнаступление республиканцев в районе северо-западнее Мадрида, было сорвано Павловым, который, видимо, даже и не понимал всей глупости и преступности действий».

Так завершилась их вторая встреча. Потом будет третья, четвертая... Опять в Испании, в Москве в Академии имени М. В. Фрунзе, в Ленинграде во время советско-финской войны. И всюду Павлов оставался самым собой.

Встретив однажды Мамсурова в штабе округа, он с этакой бравадой спросил: не хочет ли Хаджи войти в Хельсинки на его танке? На что Мамсуров, в ту пору командир особого лыжного отряда, ответил вопросом: «А не хочет ли Павлов прокатиться с ним на лыжах?» На том и расстались.

...Маршал Шапошников оказался прав. После ареста командующего Павлова и генералов обстановка в штабе ухудшилась. Возросли нервозность, неуверенность, страх.

3 июля штаб Западного фронта переехал под Смоленск. Ворошилов возвратился в Москву.

Но по его приказу особая группа Мамсурова еще оставалась в районе

Могилева, готовила партизан-диверсантов и отправляла их в тыл, на территорию, захваченную противником.

Закончив работу, разведчикам предстояло убыть в штаб Западного фронта. Ворошилов лично отдал приказ наркому внутренних дел Белоруссии Цанаве выделить охрану и машины для переезда особой группы.

Однако после возвращения с задания в установленном месте не оказалось ни охраны, ни машин. Разведчики ждали всю ночь, не веря, что нарком Цанавка наплевал на приказ маршала Ворошилова и их попросту бросили.

Спас положение предусмотрительный Туманян. Он оставил свою машину в другом месте, и шофер Лаппо, который оказался дисциплинированнее и порядочнее наркома, вывез разведчиков из-под удара наступавших фашистских войск.

5 июля 1941 года особая группа разведуправления прибыла в штаб фронта. Обстановка была угрожающей. Мамсуров так и не смог понять, кто теперь командует фронтом. Командовали все, кто находился здесь — Тимошенко, Мехлис, Буденный, Еременко. Это создавало путаницу, неразбериху. Начальники рангом пониже, приехавшие вместе с маршалами, тоже руководили, в основном угрожая направо и налево расстрелами. Однако такие методы только усугубляли ситуацию.

Смоленск сильно бомбила немецкая авиация. Центр города был разрушен, горел. На улицах трупы женщин, детей.

Вечером, когда стих очередной налет фашистов, Мамсуров, Туманян и Троян встретились с Михаилом Мильштейном, который был назначен заместителем начальника разведки Западного фронта. Особая группа «передавала дела» фронтовым разведчикам.

Они говорили, что Смоленск — это последний рубеж отступления. Здесь фашистам уготована смерть.

Вдруг во время разговора неожиданно началась отчаянная стрельба зениток. Оказалось, прилетели два наших самолета. Это было странно, поскольку во время немецкого налета зенитная артиллерия молчала. В штабе фронта поднялась тревога. Из окна штабного барака выпрыгнул известный военачальник, которого хорошо знали разведчики. Он вывихнул ногу, и его под руки увели в санчасть.

На следующий день Мамсуров увидел его с костылями. На груди военачальника появились две ленточки — золотая и красная, обозначающие тяжелое и легкое ранение. Эти отличия были введены накануне.

С удивлением смотрел Хаджи-Умар на костыли, отглаженную

щеголеватую гимнастерку, знаки ранения, полученные при прыжке из окна штаба. Этот военачальник чем-то напоминал ему командарма 1 ранга Павлова. Только, пожалуй, Павлов был честнее и умнее.

Через два дня в штаб фронта из Москвы пришла шифрограмма: Мамсурову, Туманяну, Трояну следовало немедленно убыть в столицу, а оттуда — в Ленинград для организации партизанского движения на Северо-Западе.

Жаль было покидать Западный фронт, где за первые две недели войны столько пережито и где, казалось, решалась судьба Родины.

Впереди был Ленинград. Война разгоралась... Четвертая война Мамсурова.

А все начиналось в 1918 году... с пропавшего буйвола, когда пятнадцатилетний Хаджи пас хозяйский скот.

Уходили в поход партизаны...

Хаджи выбежал в сад. Обида душила его. Внутри все клокотало. Отец, родной отец, накричал на него, да еще дал пощечину. В их семье воспитание было строгое, горское, к сыновьям относились особенно сурово. Сколько помнил себя Хаджи-Умар, никогда отец не говорил ему что-либо с улыбкой. Он всегда оставался серьезен и требователен. К этому привык Хаджи, но чтоб ударить?...

Он плакал от обиды, от несправедливого отношения к нему.

А всему виной кулики... С самой весны, когда трава в Осетии буйно идет в рост, Хаджи пас кулацких буйволов. В тот июньский день ему стало плохо, сильно болел живот. Это потом, с годами, он поймет, что у него случился приступ аппендицита.

Он не мог идти, падал на землю. Потом вновь поднимался. От жары, назойливых мух буйволы разбрелись в разные стороны, а когда пришла пора их собирать, Хаджи не досчитался одного буйвола.

Разгорелся скандал. Кулаки приехали в их дом требовать выплату за утерянного буйвола. Соседи рассказали, что животное в тот день возвратилось домой раньше стада, кулаки его спрятали, потом продали, но требовали компенсацию.

Кулацкая семья была богатой, мужчин много, и сила оказалась на их стороне.

На следующее утро кулаки подстерегли Хаджи на окраине аула и избили его нагайками.

Окровавленный, он с трудом дошел до дома. Мать уложила сына в постель, как могла успокоила.

В этот день к отцу приехала его сестра. У нее был болен муж, полгода уже не вставал с постели. А семья немалая, жили бедно, и она обратилась к брату Джиору за помощью. Тот и рад был помочь, только теперь он и сам не знал, как расплатиться с кулаками.

В общем, как говорят, пришла беда — открывай ворота. Хаджи не выдержал упреков, стал возражать отцу. А это не принято в их семьях. Вот и сорвался отец.

А тут еще тетя, обиженная, что отец ей не в силах помочь, подлила масла в огонь, посоветовала Хаджи уйти из дома. И он ушел.

Мать жалела его, но не удерживала. Она боялась, что Джиор решится отомстить кулакам за сына. Разгорится кровавая вражда.

Хаджи приехал во Владикавказ, поступил рабочим в железнодорожное депо. Он был рослым, сильным парнем, владел оружием. В Осетии юноша в 15 лет считается мужчиной. Может носить оружие — значит, мужчина.

А через несколько дней вместе с другими рабочими он вступил в отряд красногвардейцев Владикавказского Совдепа, который размещался в бывших казармах Апшеронского полка. Хаджи зачислили в так называемую горскую сотню.

Жизнь пятнадцатилетнего паренька резко изменилась. Где-то там, в прошлом, осталась тихая красивая долина в окружении гор. Внизу цвели сады, высоко вдали белела сахарная голова Эльбруса... Детство растаяло как сон.

Он попал в настоящий фронтовой город. Центральная часть Владикавказа была захвачена белыми, а по окраинам разбросаны красногвардейские отряды рабочих. Каждый день происходили вооруженные стычки, перестрелки.

В начале августа на Владикавказ совершили налет белоказачьи сотни. Они несколько дней удерживали город, шли уличные бои.

Хаджи сражался в составе горской сотни с частями генералов Шкуро, Назарова, участвовал в боях за города Кисловодск, Пятигорск, Георгиевск, Невинномысск.

В конце 1918 года на Северном Кавказе свирепствовал сыпной тиф. Заболел и Хаджи. Он лежал вместе с другими больными на станции Прохладная. К счастью, его подобрал местный житель, кабардинец, и увез к себе в аул, выходил, поднял на ноги.

До весны Хаджи под видом батрака скрывался в доме гостеприимного кабардинца, а потом стал пробираться домой, в родную станицу Ольгинскую.

Станица находилась километрах в шестидесяти. Днем он прятался в лесу, а ночью шел. Однако выйдя к своим, узнал, что в Ольгинской стоят белые части.

Пробрался к родственникам матери. Бабушка встретила его со слезами на глазах, рассказала, что белые выгнали семью из дома, разместили там солдат.

А еще по секрету сказала, что в селе тайно скрывается дядя Хаджи — Саханджери Мамсуров, член бюро горской фракции Кавказского краевого комитета партии, соратник Сергея Кирова и Серго Орджоникидзе.

«Как же так? — удивился Хаджи. — Ведь в селе белые». Бабушка объяснила, что Саханджери тоже был очень болен, лежал в доме его отца, но когда пришли белоказачи, он переоделся в одежду одного из

родственников, взял два пистолета и прошел мимо беляков, которые сидели во дворе. Теперь он скрывается в доме Дадо Дзгоева.

Родственники Саханджери — Майрам, Тусултан, Сабазгирей, его отец — Джиор были готовы открыть огонь по белоказакам, если бы те остановили дядю. Но все прошло благополучно.

Однако Хаджи показалось, что укрытие в доме Дзгоева тоже не очень надежное. Многие знали об этом. И тогда, посоветовавшись с отцом, незаметно для семьи Дзгоевых они вывели Саханджери и укрыли его в заброшенном амбаре. Об этом укрытии, кроме Джиора и Хаджи, никто не знал.

А среди родственников и близких распространили слух, что Саханджери выздоровел и ушел в горную Ингушетию, где его ждал Серго Орджоникидзе.

Действительно, так оно и случилось, только позже, когда Саханджери окреп. Он установил связь с подпольщиками в городе Ардоне, перебрался туда, а потом через перевалы Главного Кавказского хребта перешел в Грузию.

Хаджи тоже начал осторожно наводить справки, где находятся партизаны. Как выяснилось, в районе Владикавказ-Грозный действовало несколько партизанских отрядов. Самый ближайший партизанский отряд находился в 25-30 километрах от станции Ольгинской. Туда и подался Хаджи. Вскоре он уже вновь участвовал в боевых действиях.

Однако несмотря на то, что Хаджи бывал в боях, он по-прежнему оставался пятнадцатилетним юношей.

Как-то их вызвал командир партизанского отряда и поставил задачу — взорвать бронепоезд белых, имевший даже свое имя: «Смерть или победа». Была сформирована группа молодых ребят, как их называли в отряде, «орлов», и они вышли на задание. В 30 километрах от железнодорожной станции им поручили заложить мину.

Пока добирались до места диверсии, говорили о бронепоезде. Один партизан стал таинственно рассказывать, что на бронепоезде установлены новые секретные орудия, которые не стреляют снарядами, а направляют на противника особые лучи. Эти лучи все на своем пути сжигают.

Надо сказать, многие молодые партизаны были вовсе неграмотными, так что убедить их в страшном оружии было несложно.

Хаджи как самого младшего назначили коноводом. Когда все ушли к железной дороге, он остался с лошадьми.

Стояла лунная ночь, вдали шумел Терек. Из головы никак не шел рассказ партизана об огненных лучах. Становилось жутко. Ведь по

древнему обычаю умершего человека должны похоронить родственники. «А если мы все сгорим?» — спрашивал себя Хаджи. От этого и других безответных вопросов становилось еще страшнее.

Вдруг он услышал шум приближающегося бронепоезда. Из его бронированных вагонов сверкнул яркий луч, протянулся далеко вперед и на мгновение осветил коней, самого Хаджу.

Ужас охватил его. Он закричал, стал звать товарищей. А бронепоезд с грохотом мчался вперед, Хаджи подумал, что «орлы» погибли и бросился бежать что было сил. Он мчался в партизанский отряд, по дороге потеряв шапку.

«Орлы» остались живы, но операцию провалили. Мина взорвалась далеко впереди бронепоезда, не причинив ему вреда.

В отряде все смеялись над Хаджи, и только командир был суров. Этот старый солдат объяснил назначение прожектора и сказал, что на войне трус погибает первым. Эти слова командира Хаджи Мамсуров запомнил на всю жизнь.

Шли месяцы, Хаджи вырослел, набирался боевого опыта. Вскоре он прослыл в отряде смелым разведчиком.

Однажды его включили в состав большой группы в несколько десятков человек для налета на Пластовскую бригаду. Задание было дерзкое и опасное. Ведь солдаты и офицеры бригады — опытные, обстрелянные воины.

Партизаны готовились долго и тщательно. Разведку поручили провести Хадже. Он обошел, облазил все дороги, тропинки, установил, где находятся посты и патрули, место и время их смены.

Штаб бригады находился в самом центре села, в большом доме. Хаджи знал расположение всех комнат, вход, окна.

И вот глубокой ночью диверсанты двинулись в путь. Сначала шли, потом ползли. Мамсуров возглавлял штурмовую группу в два десятка человек. Остальные были расставлены на путях отхода.

В штабе горела лампа, офицеры пили вино и резались в карты.

Хаджи подполз к стене, подтянулся, закинул ногу и уже сверху увидел во дворе часового. Тот стоял, опершись на винтовку. Мамсуров прикинул — в один прыжок часового не достать. Значит, надо ждать. Затаился, залег прямо на стене.

Часовой прошелся взад-вперед и, наконец, двинулся вдоль забора. Улучив момент, Хаджи в прыжке кинжалом снял часового. Путь свободен.

Дом был большой, в несколько комнат, но вход один, с улицы. У входа еще один часовой. Этого удалось бесшумно скрутить, предупредив: будешь

кричать — убьем.

Когда диверсанты ворвались в дом, один из офицеров успел выхватить револьвер, но выстрелить ему не дали. Он упал, сраженный ножом.

В другой комнате находился начальник штаба. При виде вошедшего партизана он испугался, поднял руки вверх, заплакал. А ведь это он сжигал дома, избивал стариков и женщин, уничтожал целые семьи. О его жестокости ходили легенды.

Он попросил разрешения одеться. Подойдя к стулу, на котором лежала гимнастерка, начштаба схватил револьвер. Но партизан опередил его. Пуля свалила начштаба.

Однако диверсанты выдали себя. Во дворе поднялся шум, зазвучали выстрелы. Хаджи приказал группе отходить. На всю операцию ушло не более получаса.

У белых был сильный переполох. В ауле стреляли до утра. А партизаны к тому времени ушли. Группа в полном составе возвратилась в отряд. Командир поблагодарил диверсантов с успешно проведенной операцией.

Так проходила военная юность Хаджи-Умар Мамсурова.

В 1921 году он уехал учиться в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока и, казалось, теперь его жизнь далека от армии. Но судьба распорядилась по-иному.

Через полтора года его вызвали в Главное политическое управление РККА и направили в распоряжение Революционного военного совета Северо-Кавказского военного округа, предварительно предоставив отпуск.

Приехав во Владикавказ, Хаджи погостил несколько дней у дяди Саханджери, который уже был председателем Совета народных комиссаров Горской АССР, и отправился в родную станицу Ольгинскую к отцу-матери, братьям, сестрам.

В Москве он очень скучал по родным местам. А когда из окна поезда увидел снежные горы, стремительно несущийся Терек, не сдержал слез.

Война на пороге родного дома

Хаджи Мамсуров отдыхал в родной станице, когда стало известно, что в середине мая на праздник объединения народов Горской АССР приедет сам Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин.

Празднование должно было проходить в красивом месте, у реки, между осетинским селением Ольгинское и ингушским аулом Базоркино. Собирались приехать представители разных народов — дагестанцы, осетинцы, ингуши, чеченцы, кабардинцы, казаки, ногайцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы.

Однако праздник этот был не всем по душе. На Северном Кавказе — неспокойно, в горах и в дальних аулах еще скрывались остатки белогвардейских формирований. Они делали набеги в долины, убивали руководителей партийных и советских органов, бойцов и командиров Красной армии. Шла отчаянная борьба.

Ранним утром, в день приезда Калинина, в Ольгинскую пришла тревожная весть. Крупная банда белоказачков спустилась с гор и готовится к нападению на Всесоюзного старосту и его окружение.

Времени на раздумье не было. Хаджи Мамсуров собрал десяток местных комсомольцев. Вооружившись, на лошадях они выехали к предполагаемому месту засады.

Он хорошо знал местность в окрестностях родного села и не ошибся. Именно здесь, на повороте горной дороги, в камышах белые устроили засаду.

Как только группа Мамсурова углубилась в заросли, по ним открыли сильный огонь. Ольгинцы ответили залпом и, рассредоточившись, двинулись вперед.

Вскоре белоказачки не выдержали напора группы Мамсурова, стали отходить. Ольгинцы бросились в погоню.

На поле боя бандиты оставили два трупа и несколько убитых лошадей.

Из группы Мамсурова, к счастью, никто не пострадал. Не повезло только самому Хаджи. Он был ранен в ногу. Рана долго не заживала, его отправили в больницу.

Навестить Хаджи приехали руководители Горской республики во главе с дядей Саханджери Мамсуровым. Его благодарили за героизм и мужество и в подарок привезли «красные революционные шаровары», взамен изорванных во время преследования банды.

На вопрос Хаджи, знает ли Михаил Иванович, что я был ранен из-за него, председатель Совнаркома республики Саханджери Мамсуров долго заразительно смеялся: «Ну что ты, Хаджи, не могли же мы ему рассказать о банде и испортить праздник». И, подмигнув своим соратникам, сказал: «Ведь ты чуть не испортил праздник».

А Хаджи и вправду чувствовал себя немного виноватым. На праздник не попал, Калинина не увидел, да еще выбыл из строя на три месяца. Хорошо, что в штаб Военного округа сообщили, а то вообще признали бы дезертиром.

Кстати говоря, Хаджи Мамсурову еще придется близко столкнуться с Михаилом Ивановичем Калининым.

В 1928 году его, тогда военного комиссара Отдельного Дагестанского кавалерийского дивизиона, вызовет к себе командующий войсками округа И. Белов и член Реввоенсовета С. Кожевников. Будет поставлена задача: из лучших воинов отобрать эскадрон, совершить марш в район крепости Гуниб и организовать охрану этого района.

В селение Гуниб должен прибыть на отдых Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин. Мамсуров получил приказ всюду лично сопровождать Михаила Ивановича и охранять, что, собственно, и сделал.

Он сопровождал его каждый день на прогулках на вершину горы Гуниб, по аулу, на встречах с кавалеристами, которые любил Калинин. Для молодого командира беседы с Председателем ЦИК были школой посерьезнее любой академии.

Они часто оставались наедине, и Калинин вдруг неожиданно спрашивал: «Как строить новую жизнь в селе, Хаджи?» Трудные задавал вопросы Михаил Иванович и очень интересно на них отвечал.

Позже Мамсуров скажет, что «за время пребывания с Калининым я закончил настоящий университет».

Но это было позже. А пока Мамсуров залечивал раненую ногу в госпитале. После выздоровления он прибыл в штаб округа в Ростов-на-Дону. Его направили начальником курса в окружную Военно-политическую школу.

Однако он чувствовал нехватку военных знаний и напросился подучиться. Просьбу удовлетворили. В мае 1924 года Хаджи закончил обучение и сдал экзамены за полный курс Военно-политической школы.

И вновь в отпуске в родном селении он столкнулся с Гражданской войной. Вот как о том времени вспоминал сам Хаджи-Умар Мамсуров: «У меня на курсе было два приятеля, молодые ребята, прошедшие Гражданскую командирами взводов — Леня Карнан и Арон Зак.

По окончании всем нам выдали новое обмундирование, дали месячный отпуск. И я уговорил их отправиться ко мне в Ольгинское.

Приехали в село. Леня и Арошка сразу окунулись в работу Ольгинской комсомольской организации, были в восторге от наших ребят.

Секретарем комсомольской организации был мой двоюродный брат Каспулат (Чопа) Мамсуров. У Карнача, Зака и Чопы завязалась искренняя дружба. Чопа обладал даром природного вожака молодежи и был общим любимцем.

Однажды вечером, когда мы сидели на камнях на краю улицы, подъехал верхом на лошади Чопа и сказал, чтобы шли домой. Там собралось много гостей отметить рождение его сына. Посидите, мол, погуляйте, потанцуйте.

Сам сказал, что напоит коня и присоединится к нам.

Мы с братом Бимбулатом пошли в магазин, чтобы купить папирос для гостей. Но не успели дойти, как услышали несколько выстрелов со стороны реки.

Выстрелы в ту пору были не редкость, но мы сразу почувствовали неладное и бросились к реке, к водопою.

Прибежали и нашли на берегу раненого Чопу. Наклонившись, я стал спрашивать его, кто в него стрелял. Он что-то хотел сказать, поднял руку, прикусил палец и лишь помотал головой.

Так Чопа умер у меня на руках. На его груди я обнаружил три пулевых ранения.

На другой день мои приятели Леня и Арошка пришли к моей матери, попросили у нее прощения, сказали, что они очень ей благодарны, но в такой дикой обстановке оставаться не могут и уезжают.

Она стояла и молча плакала.

Я отвез их обоих на арбе во Владикавказ, посадил на поезд. С тех пор мы больше никогда не виделись.

А когда возвращался обратно из Владикавказа, по дороге из зарослей, меня обстреляли бандиты. Возможно, это были те же головорезы, что убили Чопу.

Я был вооружен, да и стрелял неплохо. Выхватил револьвер, ответил бандитам. Видимо, моя ответная меткая стрельба заставила банду отойти».

Такие были времена на Северном Кавказе. Даже в отпусках в родном селе Хаджи Мамсурову приходилось воевать.

По ком звонит колокол?

О разведчике и диверсante Мамсурове пресса вспоминает, как правило, в дни юбилеев.

С одной стороны, злую шутку сыграла пресловутая секретность. Достаточно сказать, что с большинства «испанских материалов» у нас в стране до сих пор не снят гриф секретности.

С другой стороны, надо с горечью признать: к событиям далеких 30-х годов прошлого века у российской молодежи нет особого интереса. Да и откуда ему быть? Ведь публикации на эту тему в наших СМИ практически отсутствуют. Вот и получается замкнутый круг.

Те же редкие журналисты, которые пытаются что-то сказать о Хаджи Мамсурове, сразу «западают» на самый яркий, на их взгляд, эпизод из жизни разведчика. Еще бы, именно Хаджи Мамсуров был прототипом главного героя лучшего романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол».

Одна из центральных газет в сентябре 1993 года писала: «Именно Хаджи Мамсуров послужил прототипом героя-подрывника Роберта Джордана в знаменитом романе...»

Но автору показалось и этого мало. Он идет дальше. «Еще точнее будет сказать, что действия полковника Ксанти, как звался он в Испании, и побудили у романиста замысел описать события национально-революционной войны испанского народа 1936-1939 гг. в такой интерпретации».

Действительно, Хаджи Мамсуров знал Эрнеста Хемингуэя, встречался с ним, рассказывал писателю о действиях партизан-диверсантов в Испании.

Илья Эренбург в своих воспоминаниях пишет так: «В Гейлорде Хемингуэй встречался с нашими военными. Ему нравился Хаджи, человек отчаянной смелости, который ходил во вражеский тыл (он был родом с Кавказа и мог легко сойти за испанца).

Многое из того, что Хемингуэй рассказывал в романе "По ком звонит колокол" — о действиях партизан, он взял со слов Хаджи».

Известный фронтовой кинооператор, тоже участник войны в Испании, Роман Кармен, высказывается еще более конкретно: «Хаджи никогда ничего не рассказывал. А на вопрос только качнет черной как смоль шевелюрой и улыбается застенчивой улыбкой, сверкнув из-под резко очерченных губ белоснежными зубами. Лишь одному человеку, после долгих

уговоров товарищей, он дал вытянуть из себя подробный рассказ: два вечера Эрнест Хемингуэй просидел с ним в отеле "Флорида" и впоследствии сделал смелого Хаджи прообразом одного из героев романа "По ком звонит колокол"».

Егор Яковлев, журналист, редактор, один из немногих, кто встречался с Хаджи Мамсуровым в 60-е годы, когда тот уже занимал высокий пост заместителя начальника Главного разведывательного управления, считает, «что коммунист Хаджи не мог быть героем Хемингуэя. Человек ясных целей, бесконечно преданный победе нового строя, он герой иного романа. А те, о ком писал Хемингуэй, кого любил, отравлены горечью, живут в разладе с обществом. Да, они готовы воевать (и если воевать, то до конца), но лишь с несправедливостью, а не за переустройство всей жизни».

Кстати, Егор Яковлев задал тогда свой сакраментальный вопрос Мамсурову:

— Скажите, товарищ Хаджи, а себя вы узнали в романе?

— И да и нет, — ответил генерал.

И, думается, ответом подвел черту в споре о прототипе главного героя книги «По ком звонит колокол».

Хемингуэй сделал своего героя американцем. Иначе и быть не могло. Тем более что американские добровольцы тоже воевали в Испании.

В 1966 году в журнале «Иностранная литература» были опубликованы воспоминания Мирко Марковича, командира батальона одной из интербригад в Испании, под названием «Я знал Хемингуэя».

«Это случилось весной 1937 года, — рассказывает Маркович, — Хемингуэй находился в Испании в качестве корреспондента каких-то американских газет, а батальон американских добровольцев в составе XV интернациональной бригады занимал позиции возле Хармы, обороняя Мадрид.

Весенний день близился к концу, когда мне принесли записку командира бригады Владимира Чопича о том, что в батальон придет Эрнест Хемингуэй...

В нормальной обстановке я, вероятно, был бы взволнован возможностью скорой встречи с писателем, которого знал по книгам, прочитанным до отъезда в Испанию: "Прощай, оружие!", "Снега Килиманджаро", "Иметь и не иметь". Но на Харме я не испытал такого волнения.

Вместо этого меня беспокоила мысль: как бы с ним что-нибудь не случилось, по крайней мере, тогда, когда он будет у меня. Об этом

предупреждал и Чопич, да я и сам (правильно или неправильно) понимал, что несу ответственность "за все живое и мертвое" в секторе батальона.

Несколько успокаивало то, что у нас на позициях наступило вечернее затишье...

Однако Хемингуэй появился возле нашей землянки прежде, чем я рассчитывал: он застал меня с запиской Чопича в руках...

После того, как мы обменялись рукопожатиями, последовал его лаконичный вопрос:

— Русский?

И мой очень лаконичный ответ:

— Черногорец!

На лице Хемингуэя появилась тень разочарования, которую он даже не пытался скрыть:

— А я, черт возьми, слышал в Мадриде, будто нашими ребятами командует какой-то русский.

Я возразил, стараясь говорить помягче...

— Вовсе не хочу вас обидеть, в самом деле было приятно услышать это в Мадриде... Русские — хорошие солдаты, а я по опыту знаю, что значит иметь командиром хорошего солдата... Конечно, я — интернационалист, но все-таки эти американские парни, эти молодые дьяволы из Нью-Йорка, Пенсильвании, Иллинойса и других мест как-то мне ближе».

Думаю, Хемингуэй не кривил душой, говоря о «молодых дьяволах из Нью-Йорка и Пенсильвании», только тянуло его больше к русским. Отсюда и нескрываемое разочарование при встрече с Марковичем.

Просто русские славились в Испании своей смелостью и умением воевать. А о храбрости Ксанти ходили легенды. Вот от того и «не слезал» Хемингуэй со своего коллеги и товарища из России Михаила Кольцова, уговаривая познакомиться с Мамсуровым.

А Хаджи, откровенно говоря, этого очень не хотелось. Он руководил диверсионными группами и соблюдал строжайшую секретность, конспирацию и делиться с кем-то этими сведениями не собирался.

Но Кольцов уговаривал, просил, доказывал, что это необходимо. Мол, Хемингуэй напишет о героизме интербойцов. С трудом, но Хаджи согласился.

Их первая встреча произошла в 1937 году, после диверсии интербригадцев, на аэродроме под Талаверой. Прошел слух, что в ходе этого налета убит подполковник республиканской армии Ксанти. Но

Мамсуров, к счастью, был только ранен.

Хаджи Мамсурову Хемингуэй с первой встречи не понравился. Воспитанный в строгих горских традициях, Хаджи не пил и не любил пьющих. Хемингуэй же был нетрезв, более того, в разговоре все время потягивал вино.

Ксанти стерпел, но после разговора сказал Кольцову: «Хемингуэй — человек несерьезный. Много пьет и болтает».

И все-таки во время других встреч писателю удалось поговорить с Ксанти. Они встречались три дня подряд. Беседовать начинали часов в пять-шесть вечера и заканчивали далеко за полночь.

Мамсуров рассказывал о делах и людях его диверсионных групп, не называя, разумеется, имен, а порой, и мест, где происходили события.

Если внимательно почитать роман Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол», можно заметить, что автор хорошо знает и тонко чувствует работу диверсантов-подрывников.

Но откуда? Писатель никогда не ходил в рейды, не подрывал мины. Однако все это делал много раз Хаджи Мамсуров. Он и поведал об этом Хемингуэю.

Обратимся к роману. Вот генерал Гольц провожает на задание подрывника Роберта Джордана и, напутствуя его, говорит: «Взорвать мост в точно указанный час, сообразуясь со временем, назначенным для наступления, — вот что нужно. Вы понимаете?»

Это правило знает всякий диверсант. Оно звучит так: «У каждой диверсии свой час».

Еще одна заповедь диверсанта, отправляющегося в тыл, — знать только то, что положено тебе, и не более.

«Смотрите, я сейчас покажу вам весь план, — обращается Гольц к Джордану. — Видите? Мы начнем не у входа в ущелье. Это уже решено. Мы начнем гораздо дальше. Вот — смотрите сюда.

— Я не хочу знать, — сказал Роберт Джордан.

— Правильно, — сказал Гольц. — Когда идешь за линию фронта, лучше брать с собой поменьше багажа, да?»

Эти, пусть и немудреные, профессиональные секреты украшают роман, доказывают, что Хемингуэй смог «подсмотреть» и «подслушать» у Ксанти важные детали.

«Впрочем, все это штрихи, — говорил в беседе с Егором Яковлевым генерал Мамсуров. — Еще радостнее — узнавать людей, которые действуют в романе. Я узнал почти всех...

В романе упоминается соратник Джордана по подрывной работе, его

русский друг Кашкин. Он все время боится попасть живым в руки фашистов. Джордану пришлось исполнить последнюю просьбу друга — он застрелил тяжело раненного Кашкина...

Он случайно оказался недалеко от истины. Кашка — вид цветка. В Кашкине я узнал старшего лейтенанта Цветкова. Он был опытный подрывник, но со временем стали сказываться усталость, перенапряжение. Цветков нервничал, храбрость его порой граничила с безрассудством. Так было и в последнем бою. Он взорвал эшелон с войсками. Надо было отходить. Но Цветков нарушил запрет и ввязался в бой. Его тяжело ранило. Цветкова вынесли товарищи. Он умер у них на руках. Похоронили его в глухом уголке Эстремадура».

Дальше генерал Хаджи Мамсуров рассказывал о старике-испанце, его звали Баутиста. Он был против убийства людей, считал это грехом. Ксанти поведал Хемингуэю о старике.

И вот в романе старик Ансельмо говорит: «По-моему, людей убивать — это грех. Даже если это фашисты, которых мы должны убивать». И тем не менее в критический момент он убивает часового и гибнет сам.

В жизни, к сожалению, было все трагичнее. После нападения отряда диверсантов на аэродром в Севилье, где они уничтожили семнадцать самолетов, старик Баутиста попал в руки фашистов. Его ждала страшная смерть. Фашисты соорудили крест, распяли на нем партизана и подожгли.

Узнал Хаджи Джиорович в романе и Марию, дочь мэра одной из деревень, который помогал партизанам. Фашисты надругались над ней. А ведь в жизни, в отличие от романа, она была совсем ребенком, двенадцатилетней девочкой.

Командир партизанского отряда, мексиканец Мигель Хулио Хусто, в книге предстает в образе Эль Сардо, а испанская Шура (так прозвал ее поляк Макс Тадек) похожа на одну из персонажей романа — Пилар.

Можно перечитывать роман еще и еще раз и находить в его героях все новые черты испанских интербригадовцев. Откровенно говоря, искал и я в литературных образах штрихи легендарного Ксанти. И находил: и в подрывнике Роберте Джордане, и в генерале Гольце, и, возможно, еще в ком-то. Хемингуэй наделил чертами Хаджи Мамсурова многих героев своего романа.

Судьба Ксанти оказалась ярче и счастливее, чем судьба литературного персонажа, даже такого писателя, как Хемингуэй. И это настоящее счастье, что Хаджи Мамсуров не погиб в Испании. Хемингуэй написал в своем романе поистине великие слова, которые, как мне кажется, так органично вписаны в жизнь Мамсурова, словно были рождены вместе с ним: «Пусть

не говорят о революции те, кто пишет это слово, но сам никогда не стрелял и не был под пулями... кто никогда не видел, как пуля попадает женщине в голову или в грудь, или в спину; кто никогда не видел старика, у которого выстрелом снесло половину головы, кто не вздрагивал от окрика "Руки вверх!"; кто никогда не стрелял в лошадь и не видел, как копыта пробивают голову человека... кто никогда (пожалуй, хватит, ведь продолжать можно до бесконечности!) не стоял на крыше, пытаясь отмыть собственной мочой черное пятно между большим и указательным пальцем — след автомата, когда сам он закинут в колодец, а по лестнице поднимаются солдаты...»

Разведчик-диверсант Ксанти все это видел, все это было с ним.

Однако роман, пусть и великий, это далеко не одно и то же, что реальная война, жизнь на войне. Теперь, думается, пришло время отложить в сторону книгу Хемингуэя и рассказать об испанских фронтовых буднях Хаджи Мамсурова. Тем более, что реальность намного превзошла самые яркие художественные фантазии Хемингуэя.

«Я полюбил его...»

В тот день несколько разведывательно-диверсионных групп вернулись с пустыми руками. Они были заброшены в тыл франкистов с одной-единственной задачей — захватить языка. Желательно, штабного писаря, а лучше всего — офицера.

По оперативным данным, фашисты готовились к большому наступлению на Мадрид — подвозили боеприпасы, подтягивали резервы... Теперь оставалось узнать главное: когда будет это наступление.

Впервые за месяц боев Ксанти послал свои разведгруппы в тыл противника не с диверсионными целями. Приказал строго-настрого — ничего не взрывать, не шуметь. Тихо пробраться в расположение врага, взять «языка» — и домой.

Три группы разведчиков уже возвратились. «Языка» не добыли. Более того, одна группа была блокирована франкистами, но ей удалось вырваться. К счастью, без потерь.

Ксанти ждал четвертую группу. Данные нужны как воздух: когда же двинут франкисты? Они не должны застать врасплох защитников Мадрида. Интербригадовцы уже подготовили диверсионную операцию. Спланировано нанести удар по тылам противника, дезорганизовать его работу, сорвать наступление.

Но такая операция даст эффект, только если она будет проведена накануне наступления. Потому так важно знать точный день, когда Франко бросит свои отборные части в атаку.

Наконец, возвратилась четвертая группа разведчиков. Они захватили офицера. Правда, при захвате его ранили, и в дороге пленный умер. Разведчикам пришлось оставить его, но в нагрудном кармане офицера был найден приказ самого Франко. Приказ гласил: наступление начать 25 ноября.

Значит, упреждающий, диверсионный удар следовало нанести днем раньше — 24 ноября. И он был нанесен: взорваны железная и шоссейная дороги, группы партизан напали на аэродром, подорвали несколько самолетов.

Диверсанты спутали карты противника и добились своего — Франко отсрочил наступление на Мадрид.

В ходе диверсионной вылазки на аэродром, при отходе, был контужен Мамсуров. Рядом с ним разорвался снаряд, его оглушило, Хаджи потерял

сознание. В горячке боя никто не заметил потерю. Никто, кроме переводчицы Мамсурова, Лины. «Курчавая, блестящая грива, большие губы на креольском лице», — так писал о ней Михаил Кольцов. Эта аргентинка, Паулина, или, как ее звали партизаны-интернационалисты, Лина, приехала на машине и разыскала лежавшего без сознания Мамсурова.

Так она спасла ему жизнь в первый раз. *«Назавтра, — вспоминал Мамсуров, — когда стал чувствовать себя несколько лучше, я вышел из дома и не заметил, как фашистские самолеты зашли на бомбежку. Лина толкнула меня в дверь дома, а самолеты буквально изрешетили то место, где я только что стоял. Так Лина спасла мне жизнь еще раз».*

Паулина была бесстрашной девушкой. Как-то группа «юнкерсов» сбросила бомбы на площадь маленького испанского городка. Там в это время играли дети. Лина схватила санитарную сумку и под обстрелом бросилась перевязывать раненых детей.

Так началась их дружба — аргентинки Паулины и осетина Хаджи. Уезжая из Испании, он увез с собой в Москву свою переводчицу, они поженились.

Однако, все это будет потом, а сейчас возвратимся в Мадрид, где на подступах к столице идут тяжелые, кровопролитные бои.

Хаджи Мамсуров так рассказывал о боях под Мадридом: *«Зона обороны создавалась и существовала как самостоятельный фронт с прямым подчинением Министру обороны и Президенту республики. Возглавил этот фронт так называемый Совет обороны Мадрида, во главе которого формально числился командующий и председатель Совета обороны генерал Мияха. Главным советником у него был комбриг Владимир Ефимович Горев — очень толковый, грамотный, смелый командир, владеющий английским и испанским языками. До приезда в Испанию он командовал одной из лучших в Красной армии танковых бригад, потом находился на посту военного атташе.*

Помощниками у Горева были Ратнер и Львович.

Я по штату являлся советником при начальнике штаба В. Рохо. Однако приходилось работать и в крупных соединениях, прибывавших для обороны Мадрида с ноября 1936 года по январь 1937 г.

Так в один период был советником командира каталонского корпуса, известного боевика-анархиста Буэнавентура Дуррути».

На этом, собственно, Хаджи Джиорович и останавливается. Всего одна строка, одно имя. А ведь за этой строкой полный трагизма эпизод гражданской войны. К счастью, в своем «Испанском дневнике» Михаил

Кольцов уделил достаточно большое внимание отношениям коммуниста Мамсурова и анархиста Дуррути.

«Он попросил себе советника-офицера. Ему предложили Ксанти, — пишет Михаил Кольцов. — Он расспросил о нем и взял. Ксанти — первый коммунист в частях Дуррути. Когда Ксанти пришел, Дуррути сказал ему:

— Ты — коммунист. Ладно, посмотрим. Ты будешь всегда рядом со мной. Будем обедать вместе и спать в одной комнате. Посмотрим.

Ксанти ответил:

— У меня все-таки будут свободные часы. На войне всегда бывает много свободных часов. Я прошу разрешения отлучаться в свободные часы.

— А что ты хочешь делать?

— Я хочу использовать свободные часы для обучения твоих бойцов пулеметной стрельбе. Они очень плохо стреляют из пулемета. Я хочу обучить несколько групп и создать пулеметные взводы.

Дуррути улыбнулся:

— Я хочу тоже. Обучи меня пулемету».

Анархисты, уезжая из Каталонии, подняли большую шумиху. Мол, они идут спасать столицу Испании от фашистов. Потребовали дать бригаде самый трудный участок.

Но прошло всего два дня, и они выдвинули совсем другое требование — отвести их на отдых.

Эту историю в своих воспоминаниях продолжает кинооператор Роман Кармен:

«— А какую позицию занимает Дуррути, — спросил я.

Хаджи задумчиво разминал в руках свой берет.

— Понимаешь, — сказал он, — я люблю его. Вот люблю и все. Верю в его честность. Он по-настоящему ненавидит фашистов, горячо любит Испанию. Но в каком он ужасном окружении! Меня иногда пугает его трагическая обреченность. В минуты откровенности он не в силах скрыть от меня своего отвращения ко многим авантюристам и негодьям, которые, как говорит он, позорят чистые идеи анархизма. Вот я убежден, что он против отвода бригады в тыл. Я еду к нему сейчас, хочешь, поедем вместе.

Нас привели в кабинет, где Дуррути диктовал что-то машинистке. Он порывисто встал и, кинувшись навстречу Хаджи, долго пожимал ему руку, словно боясь ее выпустить... Всего лишь несколько дней Хаджи прикомандирован к бригаде советником, а Дуррути уже не может прожить без него и часа.

Он полюбил Хаджи за отчаянную храбрость, за железную волю и жестокую прямоту — те качества, за которые все любят этого отважного молчаливого человека.

Хаджи молча взял его за руку, усадил на большой диван, обитый голубым атласом. Тот покорно сел и опустил глаза.

— Это верно, Дуррути, что ты отводишь бригаду в тыл? — спросил Хаджи. — Ты знаешь, резервов нет. Ты оголишь самый ответственный участок фронта.

— Да, я отвожу бригаду! — закричал Дуррути. — Люди устали. Устали от бомбежек и артиллерии! Люди не выдерживают! Я не могу!...

— Дуррути. Но твоя бригада всего лишь два дня на передовой. И знаешь, как оценил народ, что анархисты пришли, наконец, из глубокого тыла драться в Мадрид? Понимаешь, какое впечатление произведет уход из бригады? Что тебя заставляет предпринять этот шаг?

Дуррути опустил голову и, стиснув виски, тихо сказал:

— Знаю, все знаю, но они требуют. — Слово "они" он произнес со злобой.

Снова вскочил и зашагал по ковру.

— Поеду в бригаду. Сейчас же.

— Я с тобой, — предложил Хаджи.

— Нет, нет!

Мы с Хаджи поехали в штаб обороны Мадрида. Через час, проходя по коридору штаба, я увидел Хаджи. Он стоял спиной ко мне, глядя в окно. Я окликнул его. Он не ответил. Я тронул его за плечо. Он повернулся ко мне, его глаза были полны слез.

— Что случилось?

— Они убили его. Только что убили».

Потом Хаджи Джиорович всю жизнь корил себя, что не поехал с Дуррути. Как он считал, ему бы удалось предотвратить это безумство.

Так и не успел Мамсуров научить Дуррути стрелять из пулемета. Сам он, кстати говоря, являлся отменным пулеметчиком. В Испании было немало случаев, когда мастерство пулеметчика да поразительная смелость и выдержка помогали Хаджи выдержать, не погибнуть, победить.

Он не любил рассказывать о таких случаях. И все-таки однажды признался: «Как-то с одним батальоном я участвовал в бою. Сражались мы двое суток. Бойцы, устали. Наши части ушли вперед, и батальон оказался в крайне сложном положении.

И вот вдали показались шеренги марокканцев, опытных, сильных бойцов, на которых делал основную ставку Франко.

Они были одеты, в белые плащи. Мерным, уверенным шагом накатывали на нас. Психическая атака. Нечасто такое увидишь. Да лучше и не видеть.

Марокканцы находились метрах в 800-х от нас. Интербригадовцы открыли огонь. Некоторые "белые плащи" падали, но остальные, не меняя темпа, продолжали идти и идти.

И вот они уже в 300-х метрах от нас. Мы ведем огонь, а шеренги движутся вперед. Некоторые наши бойцы перестали стрелять. Я бросился к пулемету и нажимал на спусковой крючок так, что потом у меня долго болел палец.

Почувствовал: еще мгновение, и наши бойцы дрогнут, побегут. Напряжение было дикое. Не отрываясь от пулемета, я крикнул растерявшимся бойцам: "Гранатами! Огонь!" И метнул подряд три гранаты, когда марокканцы были уже в 50 шагах.

Однако не выдержали они. С протяжным криком: "А-лл-а..." белые шеренги повернули, показали нам спины и побежали.

Какое же было счастье видеть их спины».

В советские времена войну в Испании, нашу интернациональную помощь романтизировали, показывали только подвиги бойцов-интербригадовцев.

Однако там был не только героизм и самопожертвование. Хватало и предательства, трусости, разгильдяйства. В том числе и среди интернационалистов из Советского Союза.

Как и почему сорвалось наступление интербригадовцев в районе Французского моста и университетского городка? Эту операцию готовило мадридское командование своими силами в тайне от штаба Центрального фронта. «Мадридцы» подозревали, что в штабе работают продажные офицеры, связанные с фашистами.

Кроме пехоты в наступлении участвовали две танковые роты, все бронемшины, находящиеся в боевых порядках обороняющихся частей. Командовали этими ротами Арман, Кривошеин и капитан Панов.

После упорных боев в районе университетского городка командование ставит задачу Ксанти атаковать противника у Французского моста. Его подразделениям придавались две танковые роты и рота бронемашин.

Кривошеина на месте не было, Арман принял командование двумя ротами, подразделением бронемашин руководил Панов.

Огонь артиллерии корректировался с башни 17-этажного здания «Телефоник».

Наступление началось успешно, и интербригадовцы захватили плацдарм западнее моста, фашисты спешно отходили.

По установленному сигналу рота бронемашин Панова должна была вступить в бой и развить успех.

Однако все сигналы поданы, и не один раз, а Панова нет. Арман в бешенстве — и собирается ехать на поиски пропавшей роты, хочет, как он кричал «набить морду трусу Панову».

Однако, если бы Арман покинул поле боя, командовать танками было бы некому. Ксанти принял решение ехать самому.

Он нашел роту Панова около парка, километрах в трех от назначенного района сосредоточения.

Позже об этой поездке Мамсуров вспоминал так: *«Я поехал к роте и обнаружил танки вдоль ограды парка. Они были брошены без охраны. Экипажи разбрелись. У машин я нашел только несколько человек. На мой приказ быстро найти командира и собрать экипажи реакция была весьма ленивая.*

Рассвирепев, я сам стал искать Панова. И нашел его в одном из ресторанчиков с рюмкой в руке. На коленях у него сидела девушка.

От такой картины я долго не мог прийти в себя. Увидев меня, он вскочил, девушка упорхнула.

Панов стоял передо мной большой, побелевший от испуга, с росинками пота на рябом, круглом лице и что-то бормотал о своей вине.

От бешенства я не в состоянии был вымолвить ни слова.

А когда с его ротой мы прибыли к Французскому мосту, было уже поздно. Фашисты оправались от удара, подтянули дополнительные силы и начали яростно атаковать».

Что ж тут скажешь — на войне, как на войне. Есть такие, как Мамсуров и, увы, такие, как Панов.

...Осенью 1937 года Ксанти, он же Хаджи Мамсуров, возвратился в Москву.

Как-то в приемной одного из высоких начальников встретил Михаила Кольцова. После Испании они увиделись впервые. Крепко обнялись, как старые друзья, расцеловались.

Кольцов оставил свой телефон. Просил звонить. Но позвонить Мамсуров ему уже не успел. Михаила Кольцова арестовали.

«В приемной было человека три, — скажет позже генерал Мамсуров. — Так я и не знаю, кто же из них спустя несколько недель написал, что я обнимался не с тем, с кем следовало...»

Вообще, по тем меркам 30-х кровавых годов, зажигательный, прямой и честный кавказец Хаджи Мамсуров многое делал, чего не следовало делать. Сейчас, когда анализируешь эти факты, поражаешься, как он выжил? Ну, например, после того, как сказал в лицо Сталину правду о финской войне? После того, как пригвоздил Мехлиса к позорному столбу? Как? Но это уже тема отдельного разговора. Он — впереди.

Командир диверсионной бригады

Апрель сорокового года выдался холодный. Весеннее солнце иногда прорывалось сквозь свинцовые тучи, но мороз держался. Лютая зима, на которую пришлось советско-финская война, отступить не хотела.

12 марта 1940 года СССР и Финляндия заключили мирный договор. Советскому Союзу отошла территория Карельского перешейка с Выборгом, острова в Финском заливе, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольмом, Сортавала, Суоярви, территория к северу от Ладоги с городом Куоляярви и часть полуостровов Рыбачий и Средний.

Полуостров Ханко переходил в аренду Советскому Союзу на 30 лет.

Красная армия победила. Но как-то тяжело было думать об этой победе. Полковник Хаджи Мамсуров видел ее изнутри, с изнанки.

В конце марта на сессии Верховного Совета СССР, со ссылкой на данные штаба Ленинградского военного округа, были обнародованы цифры наших потерь в финской войне — около 48,5 тысяч убитых, почти 159 тысяч раненых, больных, обмороженных.

Финны, по тем же данным, потеряли 70 тысяч убитыми и более 250 тысяч ранеными.

Мамсуров не мог не верить сессии Верховного Совета, но на войне он видел совсем другое. Что ж, возможно, ошибался. Трудно говорить ему, полковнику, командиру бригады за весь фронт.

Жена Мамсурова, Паулина, рассказывала позже, что Хаджи «вернулся с войны каким-то замороженным: больше молчал, ходил мрачный, наверное вспоминал своих ребят, заснеженные поля, густые леса, в которых прятались финские снайперы — "кукушки".

Ни о чем не рассказывал, желая оградить нас от взрыва своих чувств. Единственное, что я знала, он люто ненавидел Мехлиса...»

В начале апреля сообщили, с 14 по 17-е в ЦК пройдет совещание начальствующего состава Красной армии «по сбору опыта боевых действий против Финляндии». Полковник Мамсуров — среди выступающих.

Наступил день совещания.

Хаджи ехал в Кремль. Что он будет сегодня говорить на совещании? Те события еще свежи в памяти, словно были вчера. Дикий мороз в полсотни градусов. Суконные шаровары и кителя бойцов его бригады, которые сшила специально для них Ленинградская швейная фабрика, форма более

удобная, чем длиннополые шинели, но на морозе в такой одежде не то что отдохнуть, остановиться порою невозможно, — замерзнешь. А ведь действуя в отрыве от основных сил, в финском тылу, приходилось и спать в снегу. Лучшее, на что можно было тогда рассчитывать, — шалаш из еловых веток.

Лишнего ничего не возьмешь. А возьмешь — проклянешь. Каждый грамм в дальнем рейде, как тонна. Диверсионные группы его особой лыжной бригады находились всегда в движении. Порой без еды и питья, в кармане пяток кусочков сахара. Проголодаешься, — пососешь сахарок — и вперед.

Это была третья война Хаджи Мамсурова. Вроде и не новичок, но никогда прежде не посещали его такие страшные желания: порою хотелось махнуть на все рукой, упасть на снег и уснуть. Он никому не признавался в этом, разве что самому себе. Но что было, то было. Как говорят, слов из песни не выбросишь, даже если песня больше похожа на стон.

Вспоминались погибшие ребята. Какие ребята! Володя Мягков, лыжник-рекордсмен, веселый, общительный, смелый. Как только Хаджи начинал подбирать бойцов в рейд, он тут как тут: «Товарищ полковник, разрешите мне пойти со своим взводом».

А студент-эстонец Круузе. Когда в небольшом доме их окружили финны, началась перестрелка, Круузе был ранен. Он приказал уходить бойцам группы, сам остался прикрывать отход. Попросил поджечь дом вместе с ним, чтобы не попасть живым в лапы врага. Группа отошла. Разумеется, ни у кого не поднялась рука сжечь товарища.

Круузе долго отстреливался, задерживая финнов, а когда закончились патроны, сам поджег дом.

Не хуже ребят воевали девушки. Их в бригаде было немного — связистки, финки-переводчицы, карелки. Переодеваясь в одежду местных жителей, они собирали нужную развединформацию, а когда становилось особенно тяжело, прятали под своими шубейками револьверы, гранаты — и в бой.

Вот о таких, как Володя Мягков, Круузе, Маня Богданова, и надо говорить. Но не только о них.

...Было еще рано, половина десятого, когда Хаджи сдал шинель в гардероб и вышел в фойе зала. Однако тут уже собралось немало командиров. Он увидел корпусного комиссара Хрулева, начальника снабжения Красной армии. Тот, наклонившись, что-то говорил комкору Чуйкову, командующему 9-й армией на финском фронте.

Мимо него прошел, куда-то торопясь, комдив Кирпонос, командир 70-

й стрелковой дивизии. Он приветливо махнул Хаджи, мол, прости, тороплюсь.

Большинство собравшихся Мамсуров знал лично, с некоторыми служил раньше или познакомился в эту финскую войну, с иными воевал еще в Испании.

Испания... Прошло-то всего ничего — два с небольшим года, а кажется, как это было давно. Вот Григорий Иванович Кулик, обритый наголо, как колено, вышагивает важно. Понятно, он уже замнаркома обороны, командарм 2 ранга.

Странно, как такое могло случиться. «Купер» (псевдоним Кулика в Испании), сам по себе храбрый командир, но малограмотный, неумный, с солдафонскими замашками, стал заместителем наркома, а прекрасный тактик, глубокий интеллигентный человек, талантливый военачальник Владимир Ефимович Горев по возвращении из Испании арестован и расстрелян.

Хаджи не раз задавал себе этот вопрос. Там, в Испании, он был слишком занят, если не сказать больше, увлечен борьбой, и как-то не задумывался о таких низменных, на его взгляд, вещах, как зависть, злоба, интриги. А ведь Владимиру Ефимовичу завидовали. Да еще как! Героическая оборона Мадрида прославила Горева и его помощников.

Наверное, сыграл свою роль и острый горевский язычок. Он не раз поддевал Мерецкова, смеялся над неотесанностью Кулика, а Павлова попросту называл «генерал Бодега», как прозвали его многие испанцы, намекая на приверженность Дмитрия Григорьевича к вину. Так что врагов у Горева было немало.

А вон и «генерал Бодега», легок на помине. Павлов, теперь уже начальник автобронетанковых войск Красной армии, прохаживался вместе с Мерецковым, командующим Ленинградским военным округом и 7-й армией.

Все собрались в зале, где должно было начаться совещание. Мамсуров тоже прошел в зал, на ходу приветствуя знакомых командиров.

На совещании присутствовал Сталин, все руководство Красной армии. Выступающих было много. Сталин слушал, задавал вопросы, спорил, не соглашался.

Во время выступления комкора Василия Чуйкова, командующего 9-й армии, он неодобрительно отнесся к мнению о бережном, экономном отношении к боеприпасам.

«Если мало боеприпасов расходовали, то много людей расходовали. Тут надо выбрать одно: либо людей надо пожалеть, но тогда не жалеть

снарядов, патронов, либо жалеть патроны и снаряды, тогда людей будете расходовать. Что лучше?»

Чуйков, пытаясь выкрутиться, сказал, что «лучше стрелять метко и попадать в цель», Сталин взорвался:

— Неверно. Старо. Если бы наша артиллерия стреляла только по целям, до сих пор бы воевали. Артиллерия выиграла, что она в один день 230 тысяч снарядов положила. Ругаем их за это, а я ругал, в свою очередь, почему не 400 тысяч, а 230?

И вот тут во время дискуссии произошел важный эпизод, связанный непосредственно с Мамсуровым. В своей книге «В походах и боях» генерал Павел Батов его описывает так: «...Вспомнил совещание руководящих военных работников, созванное ЦК партии в сороковом году после окончания военных действий на Карельском перешейке.

Докладывал В. И. Чуйков. И. В. Сталин, прохаживаясь, курил трубку, остановился, спросил, прервав докладчика: "Скажите, вам никто не мешал командовать?" В зале стало тихо. Вопрос был повторен».

Этот вопрос Сталин задал неспроста. До него дошли слухи, что начальник Политуправления Красной армии армейский комиссар 1 ранга Лев Мехлис совал свой нос повсюду. Его вмешательство в руководство войсками приносило губительные, а порой и катастрофические последствия. Но Мехлиса боялись. За ним прочно закрепилась репутация «серого кардинала». Этот жестокий, вспыльчивый комиссар был одним из организаторов репрессий среди командного состава Красной армии.

Во время советско-финской войны Лев Мехлис являлся Членом Военного Совета 9-й армии, но, по сути, командовал войсками армии.

Он лично посылает Сталину доклад «О причинах поражения и потерях в 44-й стрелковой дивизии». «...Дивизия по предварительным данным оставила противнику: 76-мм пушек — 20, гаубиц 122-мм — 16, 45-мм пушек — 25.

Материальная часть танкбата оставлена противнику. Т-26 оставлено — 15; Т-38 — 22, всего пулеметов — 37. Оставлено станковых пулеметов — 130, ручных пулеметов — 150, автомашин до 150...

Прибывший личный состав на 40 процентов не имеет винтовок...»

Цифры действительно впечатляют.

Но что же случилось с 44-й дивизией?

Соединение было в срочном порядке переброшено из Тернополя, как скажет позже Мерецков, «из украинских степей, без предварительного обучения бойцов в условиях лесисто-болотисто-холмистой местности и

глубоких снегов. Она оказалась в совершенно непривычной для себя обстановке и понесла тяжелые потери, а комдив погиб». Кирилл Афанасьевич лукавил: комдив Виноградов вместе с начштаба дивизии Волковым и начальником политотдела Пахоменко были расстреляны.

Как сообщал начальнику Генштаба Лев Мехлис, *«суд... состоялся под открытым небом в присутствии личного состава дивизии. Суд тянулся пятьдесят минут. Приговор к расстрелу был приведен в исполнение немедленно, публично взводом красноармейцев»*.

Скор был на расправу начальник Политуправления Лев Мехлис, и командарм Чуйков не смел ему возражать. Только вот где они были, и Мехлис, и Чуйков, когда дивизия отправилась с Украины на север в осеннем обмундировании — в шинелях и брезентовых сапогах. Телогрейки (о полушубках, разумеется, и речи не было) и валенки обещали доставить в вагоны в пути следования, но бойцы их так и не дождались. Только на конечной станции Кемь дивизия начала получать зимнее обмундирование, да так в спешке полностью и не была обеспечена ни валенками, ни телогрейками.

Не лучше обстояло дело в войсках 44-й дивизии с обеспечением продовольствием и фуражом. В своих докладах полковой комиссар Мизин это положение назвал «угрожающим». Оказывается, в частях запас продовольствия и фуража составлял одну суткодачу. То есть запаса, как такового, не существовало вовсе.

Продовольственная рота простояла три дня на армейском продпункте, но так ничего и не получила. Мизин также докладывал, что «до сих пор не прибыл полевой автохлебозавод дивизии».

Между прочим, доклад военкома датирован 27 декабря 1939 года. А уже 1 января 1940 года противник перешел в атаку на позиции 146-го стрелкового полка 44-й дивизии. Атака с большим трудом была отбита. В бою оказались все резервы.

На следующий день финны вновь ударили по полку и окружили его.

Контратаки ни к чему не привели. Финские части перерезали единственную дорогу, по которой перемещались дивизионные колонны. Так начиналась трагедия 44-й дивизии.

Безусловно, вина комдива Виноградова и его штаба велика. Но заслужили ли они такую страшную кару? Только ли на них лежала ответственность за разгром дивизии?

Масла в огонь подлил Мехлис. Кстати говоря, после расстрела Виноградова главный военный прокурор Красной армии издал директиву, в которой запрещал проводить суды (или самосуды? — *Авт.*), подобные

тому, что совершил Мехлис. И что вы думаете, Лев Мехлис направил телеграмму прокурору. Он с гордостью заявляет, что они провели еще один подобный суд «над Чайковским и комиссаром погранполка Черевко, который дал замечательный результат. Сейчас проводим несколько процессов над рядовыми...»

И далее он требует у Главного военного прокурора «отменить вашу директиву».

Вот так, ни больше ни меньше. Мехлис жаждал крови.

Все, кто воевал на советско-финском фронте, безусловно, знали о судилищах Мехлиса. Не оттого ли, как пишет Батов, в зале стало так тихо, когда Сталин задал свой вопрос. Думается, все понимали, о чем и о ком идет речь. Но промолчали. И командармы высоких рангов, и бесстрашные комиссары, и героические комбриги, комдивы.

Однако нашелся в этом зале один человек. Звание его на фоне собравшихся было весьма невелико — полковник.

Предоставим слово вновь генералу Павлу Батову, чтобы завершить цитату из его книги. Напомним вопрос Сталина. «"Скажите, вам никто не мешает командовать?" В зале стало тихо. Вопрос был повторен. И только Мамсуров сказал в своем выступлении: "Я вам, товарищ Сталин, скажу, что нам действительно иногда мешали командовать".

Он резко критиковал армейского комиссара Л. З. Мехлиса за то, что насаждал в армии порядки, связывающие творческие возможности командного состава».

Итак, обратимся к выступлению полковника Хаджи Мамсурова на совещании, ибо в нем он рассказывает главное — о своей боевой диверсионной работе.

«Я имел 10 лейтенантов из тамбовского училища. Должен сказать, что эти люди не были командирами. Они даже бойцами не могли быть. Первые действия показали, что командиром взвода, группы мог стать не лейтенант, а красноармеец, боец, который уже имеет двухнедельный опыт. Хотя командиры из Тамбова оказались очень вымуштрованы, добровольцам — ленинградским физкультурникам далеко до них, но в боевой обстановке они даже не знали хорошо компаса, карты.

В бою они боялись, а в тылу были хорошими командирами.

К этому делу (созданию диверсионных отрядов для действий в финском тылу. — Авт.) некоторые командующие отнеслись хорошо — тов. Мерецков, Штерн. Мы к концу января создали несколько отрядов, которые сделали большие дела.

Я выехал с таким отрядом в 9-ю армию, взял ленинградцев-

добровольцев и студентов института физкультуры, получил задачу выйти на помощь 54-й дивизии. Выехали ночью на машинах, а потом прошли на лыжах за сутки 68 км и дошли до места действия в тылу противника. Погода была очень холодная.

Я решил, что, если идти прямо на противника всем отрядом, — с нами может случиться неприятная история. Сейчас надо было выяснить, кто нам противостоит, какие силы, оружие у противника, тем более, что в этом районе о финнах нам ничего не было известно. И вот начали прочесывать местность, начиная от линии границы или фронта. Группы, отряда работали на удалении вначале до 40 км, затем до 80 км и даже до 120 км. Группы разведывали полосу, примерно, шириной в 150 км, если брать веерообразно».

Сталин, внимательно слушавший Мамсурова, спросил: «Сколько было вас всего?»

«Около 300 человек, — ответил Хаджи. — Очень много времени отняла полоса, начиная от левого фланга 44-й дивизии и непосредственно до Кухмониemi и Соткамо. В этой полосе на удалении 100 км ни противника, ни населения абсолютно не было. Но сама территория потребовала много времени, чтобы ее разведать. В штабе армии было сказано, что в полосе от Пуоланка идет основная линия связи с Кухмониемской группой противника, и мне ставилась задача разведать этот район. Работали там около трех недель, так как выход одной группы на удаление до 100-200 км занимал 5-6 дней.

Должен сказать, что, несмотря на очень сильные морозы, отряд почти все время жил в лесу на снегу, у нас было только три случая обмороживания 1-й и 2-й степени. Затем, когда группа наткнулась на противника в районе Кухмониemi, тут произошел интересный случай. Группы действовали непосредственно в тылу 25-го пехотного полка противника, 65-го, 27-го пехотных полков, 9-го артиллерийского полка. Одна группа была на расстоянии 2-3 км от Кухмониemi, налетела на деревню, уничтожила пункт радиосвязи, несколько солдат и офицеров, а также две подводы с ручными взрывателями от мин. Ушла без потерь. Другая группа работала в 12 км восточнее. Засела на дороге, захватила машину, вторую, третью, перебила около 20 человек. В основном средний и младший комсостав, захватила их оружие, документы, подожгла машину, уничтожила линию связи и ушла. То же самое делали и другие группы.

Товарищ Запорожец говорил, что у них всего 13 финнов действовали в тылу. И то, как неприятно иметь у себя в тылу подобные группы. На фронте 9-й армии появилось несколько белофиннов. Они перешли нашу

границу и, углубившись на 2-3 км, срезали один телефонный столб, который связывал пограничные заставы. В наших частях была паника, мол, здесь шныряет банда финнов, и говорили о них бог знает что. Представьте себе, что делалось тогда у финнов после нашей работы в тылу.

У нас был радиоприемник, который дали в политуправлении армии, мы слышали финские передачи о действиях нашего отряда. Они говорили, что целые батальоны парашютных десантов сбрасываются русскими, видимо думали, что на такое удаление наши люди пройти не могут. Кричали о новых видах военных действий и т. п. Наверно, мы им порядком насолили.

18 февраля прилетел начальник разведывательного отдела армии и отдал приказание: к 23-й годовщине Красной армии надо преподнести большой подарок. Я говорю, может быть лучше подарок сделать после празднования. У финнов поубавится бдительности. Он со мной не согласился. Говорит, приказываю.

Послали группу в 50 человек восточнее Кухмониemi на помощь 54-й дивизии. Эта группа погибла, причем должен сказать, что она состояла из красноармейцев. Остальная часть нашего отряда была укомплектована ленинградскими добровольцами. Пленные, которые были потом захвачены, рассказывали, что участвовали в уничтожении этих людей. Наши красноармейцы три дня вели бой, будучи в окружении. Ни один из наших не сдался в плен, три человека, оставшихся в живых, в последний момент взорвали себя гранатами.

Одновременно другая часть отряда пошла западнее Кухмониemi, разделившись на отдельные группы. Они должны были перерезать шоссейную дорогу Каяани-Кухмониemi. Одна из групп напала на штаб 9-й пехотной дивизии противника. Должен сказать, мы докладывали и раньше, что в этом районе расквартирован штаб. Но командование 9-й армии не обратило внимание на эти данные, считая, что штаб пехотной дивизии противника находится в другом месте. Так вот, группа в количестве 24 человек очутилась в расположении войск противника, куда она вошла ночью. Бойцы обнаружили это только на рассвете, увидев замаскированные бараки, полные солдат противника. Тут же недалеко был и крупный штаб. Они зарылись в снег и решили ждать ночи, чтобы напасть на штаб. Однако группа была случайно обнаружена в 16.00 из-за нечаянного выстрела. Один из товарищей очищал автомат от снега.

Тут начался бой малой по численности разведгруппы против полка пехоты, командного состава штаба и авиации. Группа вела бой с 16.00 до 2 ч. ночи. наших было убито 14 человек, ушло 8. Они отошли с боем и

соединились с другими группами, действовавшими правее.

К сожалению, в этом бою был убит секретарь комсомольской организации и другие бойцы. Люди, которые участвовали в бою, вели огонь из маузеров и автоматов и были одеты в финскую форму. Каждый из них уничтожил не менее 8-10 белофиннов, главным образом офицеров. Около 100 трупов противника осталось там.

Когда оставшаяся часть подразделения вышла на лед озера к островам, группа финских летчиков преградила им дорогу. Есть основания думать, что нашими был убит крупный финский начальник, поскольку у него была хорошая одежда, красивая сумка, золотые часы. Почти вся группа противника была перебита. Финны в тот момент были охвачены паникой. Начали вести беспорядочный артиллерийский огонь.

Есть и другие примеры героизма. К сожалению, этот товарищ убит. Он представлен к званию Героя Советского Союза. Речь идет о ленинградском лыжнике, замечательном гражданине нашей страны Мягкове. С группой лыжников в 13 человек для того, чтобы выяснить наличие войск в районе Кухмониemi, в течение 23 часов он совершил 90-километровый марш. Это на лыжах, когда человек утопает выше колена в снегу. Правда, у него была отменная лыжная подготовка, да и людей в его группу мы подобрали хороших.

Западнее Кухмониemi он влетел в расположение финской зенитной батареи, убил офицера и еще несколько финнов, поднял панику, узнал, что там есть зенитная батарея, несколько пехотных рот, через них проскочил и вернулся. Его с бойцами окружил в одной деревушке противник силой до роты с пулеметами, но они стойко дрались, нанесли большие потери противнику и вышли из окружения — пробились гранатами. Правда, Мягков потерял одного из лучших бойцов отряда. Товарищ Мягков провел ряд замечательных операций, жаль, что к концу событий погиб.

Нам учить надо людей. Мы работали всего месяц с лишним. Я считаю, что если бы у меня были подготовленные еще в мирное время бойцы, то удалось бы довольно много вреда нанести финнам.

Должен сказать, что отряду, который был у меня сформирован из ленинградских добровольцев-лыжников, очень тяжело приходилось. Тяжелее, чем частям, которые находились на фронте. Однако, можно с гордостью сказать, что это замечательные люди нашей родины.

Я считаю, что необходимо решить вопрос о создании специальных частей в ряде округов. Надо начинать их готовить. В составе армий эти части принесут большую пользу, выполняя помимо специальной работы задачи дальней разведки».

В конце своего выступления Мамсуров резко критиковал Мехлиса. Начальник политуправления не ожидал такого.

Мехлис побледнел и бросился в атаку.

— Это все клевета, я вас видел один-два раза.

Мамсуров спокойно ответил:

— Мне клеветать нечего, я говорю то, что есть.

Мехлис вновь подскочил:

— Это сплетня.

На сей раз не выдержал Сталин:

— Мамсуров сказал правду, — глухо отозвался он. — Нам нужно уважать то, что говорит товарищ, работающий на фронте. Мне говорил об этом еще один товарищ.

— Хорошо бы его назвать? — петушился Мехлис.

— Не буду называть, — ответил Сталин, — он сказал мне, Молотову и Ворошилову.

— Говорить надо в открытую, — не унимался Лев Захарович.

— Рычагов... — сказал Сталин. Он помолчал и добавил: — О клевете не может быть и речи. Товарищ Мамсуров говорит, у товарища Рычагова такое же мнение.

В зале наступила гнетущая тишина. Собравшиеся словно оцепенели.

В перерыве Хаджи Мамсуров вышел в холл. К нему подходили командиры, одобрительно жали руки, поддерживали. И тут он увидел своего старого знакомого, «генерала Бодегу» — Павлова. Он подошел, поздоровался и, понизив голос, насмешливо сказал: «Ксанти, не пропал ты, фашисты тебя не убили, теперь свои убьют. Гляжу я на тебя и не пойму — дурной ты, чи шо?»

Так и сказал: «Дурной ты, чи шо?» Мамсуров тогда и не понял, что означало это «чи шо». Позже значение украинского оборота объяснил ему Кузьма Деревянко, начальник штаба в его особой лыжной бригаде, и они долго смеялись.

Хотя в тот апрельский день 1940 года полковнику Хаджи Мамсурову, откровенно говоря, было не до смеха. Он обрел могущественного и коварного врага в лице Льва Мехлиса.

Однако враги никогда не пугали Хаджи.

Наш комдив удалой...

Шел четвертый год Великой Отечественной войны. Комдив генерал Хаджи Мамсуров верхом на лошади скакал в полк Автодиева. Его 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, прорвав оборону немцев у города Кросно, вела бои в предгорьях Карпат. Впереди была Чехословакия, но фашисты не собирались пускать кавалеристов в Карпаты. Завязались тяжелые, ожесточенные бои. На острие атаки его соединения был полк Автодиева.

Братьев Автодиевых хорошо знали и любили в дивизии. Младший, Ваган, погиб в рукопашном бою под Гродно. Генерал помнил его еще курсантом. Старший недавно возглавил полк, после того, как Мамсуров отстранил от командования полковника Мизерского.

Когда комдив вспоминал о Мизерском, внутри все клокотало. Этот холеный бездельник не раз подводил в критическую минуту. А то, что случилось во время тяжелых боев под Кросно, стало последней каплей.

Ставропольский добровольческий полк, действуя на левом фланге дивизии, продвинулся вперед на 15 километров. Пехотинцы Москаленко тоже хорошо поддержали кавалеристов. Однако полк Мизерского топтался на месте.

Мамсуров пытался связаться со штабом Мизерского по телефону, но ему сказали, что комполка на месте нет, он в тылу, километрах в десяти от переднего края.

Комдив приехал в полк, нашел Мизерского. Тот... мирно спал. Генерал поднял его с постели и дал два часа на сборы. «И чтоб духу твоего не было в дивизии», — пригрозил Мамсуров.

Вместо Мизерского назначили храброго, толкового офицера Абдулу Автодиева.

Родные братья Автодиевы были очень разными. Младший, Ваган, стройный красавец, отменный кавалерист, а старший — огромный, кряжистый, с некрасивым, каким-то зверским лицом. Недавно его ранило, и товарищи подтрунивали над ним, мол, Автодиев получил ранение века. А вышло так, что в бою ему в лицо попала щепка. Абдула долго сокрушался: ранение должно быть металлом, а не деревянной щепкой. Это позор, считал офицер. У Автодиева душа была чистая и добрая, как у ребенка.

Комдив знал бесстрашие и горячий характер Автодиева и просил замполита Колотовского беречь командира.

...Генерал Мамсуров сразу проехал к штабу полка, спрыгнул с лошади. С первого взгляда стало ясно — что-то случилось. Опущенные головы кавалеристов, у повозки стоял ординарец Автодиева и плакал.

На повозке лежал командир полка. Бледный, без кровинки в лице, глаза закрыты. Комдив склонился над Автодиевым. Комполка с трудом разлепил тяжелые веки:

— Да, Хаджи, вот и погибли два брата. Обними меня...

Потрясенный Мамсуров обнял Автодиева:

— Ухожу вслед за братом, — еле слышно прошептал Абдула.

Комдив вскинул голову. Слезы душили его. Сентябрьское солнце садилось за вершины гор, охваченные осенним пламенем багрянца. Было тихо, словно остановилась война. Эта тишина рвала сердце. Хотелось выть волком.

Автодиев умирал на его руках.

...Вечером комдив Мамсуров возвратился в штаб дивизии. Он долго сидел за столом над раскрытой картой. Со стороны казалось, генерал думал о завтрашнем бое. Но мысли его путались, бежали, опережая друг друга, и были далеко от этих мест.

Стоя у повозки с телом погибшего фронтового товарища, Хаджи Мамсуров, может впервые за столько лет войны, остро почувствовал, как страшно он устал. Шел уже четвертый год войны. Как далек был сегодня тот сорок первый — Белоруссия, Смоленщина, потом Ленинград.

В августе 1941 года, когда фашисты прорвали наш фронт у Чудово, его, полковника Мамсурова, назначили командиром 311-й стрелковой дивизии. Сказали одно: ни шагу назад. И он держался зубами за тот клочок земли, который отвели его дивизии. Отступать было некуда, дальше — Ленинград.

В конце месяца на переднем крае его ранило в обе ноги и в руку. После госпиталя принял другую дивизию — 114-ю кавалерийскую, потом был 7-й кавкорпус, куда его перевели заместителем командира. Но в августе 1942 года — новое назначение — начальником Южного штаба партизанского движения, через четыре месяца — он уже начальник оперативного отдела — помощник начальника Центрального штаба партизанского движения. В марте Хаджи возвращается в Главное разведуправление.

Но он рвался на фронт. И, наконец, в апреле 1943 года его настойчивым просьбам уступили. Полковник Мамсуров назначен командиром 2-й гвардейской Крымской кавалерийской дивизии Юго-Западного фронта.

Дивизия была знатная, когда-то ею командовал Григорий Котовский.

Бойцы немолодые, средний возраст около 50 лет, опытные, обстрелянные, прекрасные кавалеристы. Большинство казаки, но были еще и те, кого под знаменами 1-й Конной армии водил в бой сам Семен Буденный.

Хаджи сжился, прикипел сердцем к этой ставшей родной для него дивизии. Ему будут предлагать корпус. В ноябре 1943-го вызовет к себе генерал Иван Черняховский и скажет: «Ну что, Мамсуров, принимай стрелковый корпус».

Но Хаджи откажется, посчитает, что на дивизии он принесет больше пользы.

В декабре 1943 и в январе 1944-го такие же предложения поступят уже от генерала Ватутина. Мамсуров поблагодарит за доверие, но останется верен 2-й кавалерийской.

Сколько пройдено с ней, с этими удивительными людьми?

Вспоминался горячий бой под Киевом и тот испуганный молоденький сержант, который бежал вместе с красноармейцами с передовой, да наткнулся на комдива.

— Стой! — крикнул Мамсуров. — Куда бежишь?

Сержант остановился как вкопанный, увидев перед собой полковника. Комдив знал — перед ним артиллерист.

— Где твое орудие? А пилотка? Где пилотка?

Сержант замялся:

— Товарищ полковник, там немецкие танки. Много танков...

Комдив был вне себя.

— Так ты немцам отдал орудие, паршивец? А ну как отдал, так и назад отбей. И пилотку свою найди. Какой же ты мужик и солдат, коли орудие отдал, пилотку потерял:

Сержант испуганно вытянулся и выдохнул:

— Отобью, товарищ полковник.

Он действительно отбил. Собрал красноармейцев, попросил десяток гранат и пошел в контратаку, вернул орудие. И пилотку нашел. Дальше воевал героически, как и все бойцы Мамсурова.

Тогда его дивизия в составе кавкорпуса форсировала Днепр, прорвала немецкую оборону и захватила плацдарм, обеспечив переправу частям 60-й армии Черняховского. А когда немцы, собрав силы в кулак, пытались прорваться к переправам 60-й армии, на их пути встали кавалеристы Мамсурова.

5, 6, 7 ноября 1943 года дивизия освобождала Киев. А дальше?... Дальше прорвали оборону немцев на реке Ирпень, севернее Киева и стремительным ударом оседлали Киево-Житомирское шоссе, отрезав пути

отхода фашистам.

11 ноября дивизия овладела городом Коростышев, а 12-го — Житомиром, продолжая наступать на юго-запад.

Однако на войне случается всякое. Порою так складывается обстановка, что передовые части наступающих войск далеко отрываются от главных сил, их коммуникации растягиваются, фланги становятся уязвимыми для контрударов противника. Так случилось на левом фланге 1-го Украинского фронта в середине ноября 1943 года.

Соединение Мамсурова и другие части оказались в тяжелом положении. Против них немцы бросили танковые и моторизованные войска.

По приказу командующего фронтом полковник Мамсуров возглавил всю группировку наших войск, расположенных у Житомира. Девять дней дивизия обороняла город. Численность противника на некоторых участках была в 10 раз больше наших войск.

В сводках Совинформбюро за 15 и 17 ноября говорилось: «Войска 1-го Украинского фронта вели тяжелые оборонительные бои с противником, перешедшим в контрнаступление из района западнее Фастова на Брусилов и из района южнее Житомира на Радомышль».

«В районе Житомира и Коростышева советские войска вели бои с крупными силами пехоты и танков противника и под его давлением оставили несколько населенных пунктов».

В этих скупых строках сообщений кровь и пот, жизни и смерти бойцов полковника Мамсурова.

Кавалеристы сражались в пешем строю, выкатывали пушки на прямую наводку и били вражеские танки. За неделю тяжелых оборонительных боев немцы потеряли 150 танков и больше тысячи солдат и офицеров. Но численное превосходство было за врагом. 19 ноября по приказу командования Житомир был оставлен. Конники Мамсурова отступили.

За умелое руководство дивизией, отвагу и героизм комдив Хаджи Мамсуров был награжден орденом Суворова II степени и стал генерал-майором.

В декабре дивизия оборонялась на участке города Малин, а в январе — новое наступление в направлении Сарны-Ковель. Условия были тяжелейшие. Местность лесисто-болотистая, да как раз ударила оттепель. Войска двигались по раскисшим лесным дорогам, в ледяной воде, тащили на себе боеприпасы, минометы, оружие.

Здесь действовал крупный отряд бандеровцев «Черный ворон». Пришлось выделить полк для борьбы с бандитами. «Черный ворон»

перестал существовать.

Форсировав с боями реку Стырь в районе Руфалувка и северо-западнее, кавалеристы вышли на фланги и в тыл крупным Новоград-Вольнской и Ровенской группировкам фашистских войск. Соединение Мамсурова имело задачу развивать удар в направлении Маневичи-Ковель и с ходу овладеть городом Ковель.

Но 28 января штаб фронта изменил задачу 2-й кавдивизии и повернул ее на юг, с целью взятия города Луцка. Уже на следующий день кавалеристы вели бои в районе населенного пункта Колки.

Фашистское командование не сразу осознало, что в тыл его группировке выходит крупное кавалерийское соединение. Разобравшись в ситуации, немцы бросили против 2-й кавдивизии авиацию. Правда, к тому времени у дивизии было хорошее авиационное прикрытие.

В район Колки фашисты выдвинули кавалерийскую дивизию, переброшенную из Дании. В ходе упорных боев 29 и 30 января немецкие кавалеристы понесли тяжелые потери под ударами наших войск.

А уже на следующий день дивизия Мамсурова захватила город Рожище и вела бои в районе населенного пункта Киверце.

В оперативной сводке штаба фронта говорилось: *«В результате удара частей 2-й гвардейской кавалерийской дивизии 1 февраля 1944 года практически вся группировка фашистских войск в Киверце была уничтожена, в том числе и только что переброшенный из района Ровно батальон пехоты. Особенно большие потери понесли немецко-фашистские части в ходе кавалерийской атаки 2-й дивизии с флангов южнее Киверце».*

Теперь перед Мамсуровым встал вопрос — брать Луцк с ходу или дать отдохнуть безмерно уставшему от непрерывных боев личному составу. Он понимал, что оттяжка в наступлении неизбежно повлечет сосредоточение резервов противника и укрепление обороны. И комдив принимает непростое решение — овладеть Луцком с ходу.

1 февраля передовые части дивизии вышли к северной, восточной и юго-восточной окраинам Луцка и к четырем часам утра полностью овладели городом.

Удар был стремителен, и когда конники входили в город, его улицы заполнились фашистскими солдатами и офицерами, которые нередко в одном белье в панике метались по улицам, пытаясь уйти на запад.

Таким образом, линия фронта установилась западнее Луцка.

За этот подвиг 2-я кавдивизия удостоилась ордена Богдана Хмельницкого.

Однако времени для передышки не было. В марте 1944 года в своем

донесении в штаб армии комдив Мамсуров сообщал: «15 марта 1944 года прорвал оборону немцев на реке Иква в районе м. Тарговица и ударом в тыл Дубненской группировки немцев обеспечил наступление наших войск с фронта.

19 марта овладел г. Красноармейск, а 20 марта г. Броды и вел бои юго-западнее до подхода 13-й армии».

Умолчал генерал в своем донесении, что 19 марта он получил ранение в лицо, но остался в строю. Надо сказать, и его подчиненные были под стать своему храброму комдиву.

Позже, после войны, генерал Мамсуров часто вспоминал о героических бойцах своей дивизии. Вот лишь один эпизод, рассказанный Хаджи Джиоровичем: «В Бродах трое суток шли бои. Город мы захватили, но станция была в руках немцев, на южной окраине. До нее примерно полкилометра.

Однако станцию мы никак не могли взять. Фашисты подтянули туда свежие силы 361-й пехотной дивизии, танки. По данным разведки у противника было 120 танков, а у меня осталось всего 15 машин.

Надеяться нам не на кого. Наши части были еще далеко позади. И тогда, взвесив все "за" и "против", я отдал приказ отходить на восток.

Передвигаясь по городу, увидел командира противотанкового орудия Афанасьева. Его пушка стояла во дворе дома, но обзор впереди лежащей городской площади был хороший.

— Почему не отходите? — спросил я.

— Товарищ генерал, — обратился ко мне Афанасьев, — разрешите мне с артиллеристами и прислугой остаться. На комсомольском собрании слово дал, что подобью 15 немецких танков. Мы уже подожгли три танка.

— Хорошо, — согласился я, — бей побольше.

Мне самому стало интересно. Понимал, что наступают немцы, надо отходить, однако решил остаться.

И вот на площади появился немецкий танк. Афанасьев подпустил фашиста метров на двести и ударил в борт. Танк загорелся.

Вскоре послышался характерный лязг подходящей новой боевой машины. С ним повторилось то же.

— Вот и пятый горит, — сказал Афанасьев.

Потом он приказал поменять позицию. Артиллеристы быстро перекатали орудие на следующий угол дома и подбили еще один танк. Опять меняли позицию и открыли огонь. Так Кирилл Афанасьев довел свой счет до девяти боевых машин.

Отважный был боец. Позже я отправил его учиться в

артиллерийское училище».

К рассказу генерала Мамсурова остается только добавить, что кавалеристы 2-й гвардейской дивизии во взаимодействии с танкистами 3-й гвардейской танковой армии окружили в районе города Броды шесть немецко-фашистских дивизий. В этом котле было уничтожено до 30 тысяч солдат и офицеров противника, пленено 17 тысяч, захвачено более 11 тысяч орудий и минометов, 1500 машин, много другой техники и снаряжения.

За эту операцию комдив Хаджи Мамсуров был удостоен ордена Красного Знамени.

Вот так, с боями, дошел до Карпат.

...Генерал встал из-за стола, задул коптилку, подошел к окну. Светало. Солнце, которое садилось вчера за горы, когда он стоял у тела погибшего комполка Автодиева, сегодня, как ни в чем не бывало, поднималось над вершинами. Начинался новый день. Каким он будет для него, комдива Мамсурова, для его кавалеристов — счастливым, победным или, как вчера, горьким и тяжким? Кто знает?

Через час ему вручат приказ. Его дивизия в составе 1-го гвардейского кавкорпуса вводилась в узкую брешь, пробитую в обороне фашистов.

Свидетель и участник тех событий начальник инженерных войск армии полковник А. Немчинский в своей книге «Осторожно, мины!» напишет: *«Корпус вошел в прорыв налегке. Имеющуюся в войсках тяжелую технику, которую нельзя было протаскать по горным тропам, оставили на Большой земле...*

Боевые действия перешли в узкие, горные проходы, на лесные тропы. Война здесь шла особая. Атаки следовали одна за другой. Все находилось в динамике. Характер боевых действий, навязанных противнику, имел свою специфику, днем мы вели упорные оборонительные бои, а с наступлением темноты стремительными ударами прорывали кольцо окружения и выходили в новый район. Так повторялось несколько раз».

Вспоминает А. Немчинский и о своей встрече с генералом Мамсуровым: *«В овраге, заросшем леском, нам встретились два человека. Один был в бурке до пят, другой — в шинели, держал под уздцы двух лошадей...*

Кавалерист в бурке оказался генерал-майором Мамсуровым. Выслушав рапорт, генерал улыбнулся в тонкие черные усы, весело поглядел на нас, спросил:

— А почему вы именно в эту сторону идете?...

— По следу подков шли, товарищ генерал, — доложил капитан

саперов Дубровский.

— Молодцы, саперы. Обычно это только кавалеристы примечают... Поторапливайтесь, времени мало!

Генерал легко вскочил в седло. Его фигура слилась с лошадьё, а смуглое мужественное лицо светилось спокойствием и уверенностью. Таким он и запомнился мне...»

Они пробьются через Карпатские горы, порой поднимаясь почти по отвесным скалам, и ударят по врагу там, где он не ждал.

...А на пороге уже стоял победный 1945 год.

В январе дивизия, действуя с Сандомирского плацдарма, будет участвовать в Силезской операции 1-го Украинского фронта. К 23 января кавалеристы Мамсурова выйдут в тыл Краковской группировки немецких войск, а уже через неделю форсируют реку Одер, захватят плацдарм и несмотря на превосходство противника в живой силе и технике будут удерживать его до 7 февраля, до подхода основных частей 60-й армии.

Потом будет марш на Бреслау. Далее конногвардейцы форсируют реку Нейсе и громят фашистов в их логове — Дрездене, Берлине, Торгау, переправятся через Эльбу и соединятся с американскими войсками. Победа!

Командование 1-го Украинского фронта, характеризуя действия 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и ее командира, отмечало:

«Дивизия в период боев с 15 апреля 1945 года с честью выполнила поставленные боевые задачи, умело уничтожает противника в его собственной берлоге. Умелыми маневрами по тылам противника дивизия только за 20-24 апреля уничтожила 1230 солдат и офицеров, 3 тяжелых танка, 11 бронетранспортеров и много другого вооружения. Взято в плен 574 солдата и офицера, захвачено 8 паровозов, 250 вагонов, 117 складов с вооружением, боеприпасами и военным имуществом, 40 тракторов и тягачей, 480 автомашин, 1700 лошадей, 350 повозок. Освобождено два лагеря с военнопленными и заключенными количеством 15650 человек.

Лично Мамсуров в боях по неотступному преследованию противника проявил себя храбрым генералом, неустанно руководя боем частей в сложных условиях обстановки. За прорыв современной оборонительной полосы противника, успешную организацию преследования... за личную храбрость и мужество Х. Д. Мамсуров достоин высшей правительственной награды...».

Весной 1945 года грудь генерала Мамсурова украсила Золотая Звезда Героя, рядом с которой были три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова, Кутузова, Отечественной войны, медали.

После войны генерал Хаджи Мамсуров командовал отдельной гвардейской стрелковой бригадой. В 1948 году окончил Военную академию Генштаба и был назначен командиром механизированной дивизии, потом командиром стрелкового корпуса и командующим армией. В 1957 году его переводят в Москву заместителем начальника Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР. И вот тут разгорится скандал, который долгие годы будет сопровождать имя Хаджи Мамсурова. Сегодня этот случай стал уже легендой, и даже ветераны ГРУ не могут толком объяснить, как и почему такое произошло. Известно только одно — маршала Георгия Жукова обвинили в подготовке государственного переворота и сняли с поста министра обороны.

На пленуме Центрального Комитета партии Никита Хрущев заявил, что Мамсуров оказался настоящим коммунистом, он пришел в ЦК и рассказал о диверсионной школе, которую открыл Жуков без ведома руководства страны.

Откровенно говоря, непонятно все это. Мамсуров, сам от корней волос разведчик-диверсант, осознававший роль и задачи сил специального назначения, и вдруг выступил против, через голову руководства Минобороны прибежал жаловаться в ЦК.

Не в его это характере! Давайте разберемся подробнее...

«Подстава» от Никиты Хрущева

Сдается, что эту историю наиболее правдоподобно изложил друг Хаджи Мамсурова, тоже военный разведчик генерал Михаил Мильштейн в своей книге «Сквозь годы войн и нищеты».

«Мы были близки с ним, — пишет Мильштейн, — до последнего дня его жизни, и я горжусь этой дружбой.

После войны Мамсуров окончил Академию Генерального штаба, и через некоторое время его приняли на работу заместителем начальника ГРУ. В то время, когда министром обороны был Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, начальником Главного разведывательного управления работал генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко.

Вот что мне в свое время поведал Мамсуров (об этом я еще никому не рассказывал). Незадолго до поездки в Югославию Г. К. Жуков вызвал его к себе и поделился с ним своим решением о формировании бригад специального назначения, исходя из возможного характера будущих военных действий в том регионе. Эти бригады должны были быть сравнительно небольшими (до двух тысяч человек), вооруженные самым современным и мощным легким оружием.

Предполагалось собрать в единый кулак отборный, физически сильный личный состав, обученный приемам ведения ближнего боя, карате, десантированию с воздуха и пользованию современными взрывчатыми веществами.

Формирование этих бригад Георгий Константинович возложил на Мамсурова.

У Хаджи-Умар Джиоровича Мамсурова был друг, которого он знал много лет, — генерал Туманян. В то время он занимал должность заместителя начальника Бронетанковой академии по политической части. Туманян приходился дальним родственником Анастасу Ивановичу Микояну. Будучи женатыми на сестрах, они часто встречались и относились друг к другу по-дружески.

Мамсуров рассказал о встрече с Жуковым и его указаниях Туманяну, тот, в свою очередь, решил доложить об услышанном А. И. Микояну.

Микоян, в то время первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, воспринял рассказ Туманяна очень серьезно. Первый вопрос, который он ему задал, звучал примерно так: "А могут ли эти бригады быть выброшены с воздуха на Кремль?" Туманян ответил

утвердительно.

Услышав это, Анастас Иванович поспешил на доклад к Никите Сергеевичу Хрущеву. В воспаленном воображении Микояна, воспитанного на "теориях заговоров", по-видимому, сразу родилась мысль о намерении Жукова подготовить военный переворот с помощью бригад специального назначения. Именно в таком или примерно ключе он, судя по всему, доложил о разговоре Хрущеву. Тот, конечно, согласился с Микояном, испугался»...

Судя по всему, Никита Хрущев «испугался» давно, а тут и случай подвернулся. В октябре 1957 года был созван Пленум ЦК КПСС с повесткой дня: «Об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и Военно-морском флоте».

Откровенно говоря, вопрос о создании бригад специального назначения сыграл свою, далеко не лучшую роль.

Вот что по этому вопросу сказал на пленуме секретарь ЦК КПСС М. Суслов:

«Недавно Президиум ЦК узнал, что тов. Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей. В эту школу предполагалось брать людей со средним образованием, окончивших военную службу. Срок обучения в ней 6-7 лет, тогда как в военных академиях учат 3-4 года. Школа ставилась в особые условия: кроме полного государственного содержания, слушателям школы рядовым солдатам, должны были платить стипендии в размере 700 рублей, а сержантам — 1000 рублей ежемесячно.

Тов. Жуков даже не счел нужным информировать ЦК об этой школе. О ее организации должны были знать только три человека: Жуков, Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров, как коммунист, счел своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра».

Что, собственно, было незаконного в этом решении Министра обороны, Михаил Андреевич Суслов не пояснил. Зато доступно растолковал Никита Сергеевич Хрущев:

«Относительно школы диверсантов. На последнем заседании Президиума ЦК мы спрашивали тов. Жукова об этой школе. Тов. Малиновский и другие объяснили, что в военных округах разведывательные роты и сейчас существуют, а Центральную разведывательную школу начали организовывать дополнительно, и главное без ведома ЦК партии. Надо сказать, что об организации этой школы знали только Жуков и Штеменко. Думаю, не случайно Жуков опять возвратил Штеменко в

разведывательное управление. Очевидно, Штеменко ему нужен был для темных дел. Ведь известно, что Штеменко был информатором у Берия. Об этом многие знают, и за это его сняли с работы начальника управления. Возникает вопрос: если у Жукова родилась идея организовать школу, то почему в ЦК не скажешь? Мы бы обсудили и помогли это лучше сделать. Но он решил: нет. Мы сами это сделаем: я — Жуков, Штеменко и Мамсуров.

А Мамсуров оказался не Жуковым и не Штеменко, а настоящим членом партии, он пришел в ЦК и сказал: не понимаю, в чем дело, получаю такое важное назначение и без утверждения ЦК. Непонятно, говорит он, почему об этом назначении должен знать только Министр обороны? Вы знаете что-нибудь об этой школе? Мы ему говорим: мы тоже первый раз от вас слышим. Можете себе представить, какое это впечатление производит на человека».

Действительно, можно только догадываться, какое впечатление произвела «подстава» Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева на Хаджи Мамсурова.

До 1968 года, до дня своей смерти генерал-полковник, Герой Советского Союза Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров служил военной разведке. Еще при жизни он стал легендой этой разведки. Как жаль, что легенды так мало живут и так быстро умирают в тайных архивах ГРУ, где не раскрытые еще документы хранят подробности об операциях Ксанти, вдохновившем Эрнеста Хемингуэя на его лучший роман.

ГЕНЕРАЛ ДИВЕРСАНТОВ

«Прошу зачислить в кадры Красной армии...»

Начальник штаба 1530-го стрелкового полка, высокий, поджарый, в плотно облегающей фигуру гимнастерке, поднялся из-за стола, протянул Николаю руку:

— Садитесь, Патрахальцев, разговор у нас будет долгий.

Николай не скрыл удивления. Срочная служба позади, как и экзамен в Одесском пехотном училище. На «гражданку» он уйдет не рядовым, а командиром запаса.

Здесь, в полку, осталось уладить некоторые формальности, получить документы, попрощаться с однополчанами. Куда дальше? Николай особенно не задумывался над этим. На «гражданке» дел по горло.

Можно вернуться в родную типографию, где проработал четыре года, стал классным печатником-литографом. Там все его знают. До сих пор помнят. Еще бы — комсомольский секретарь, кандидат в члены киевского горкома комсомола. В этой типографии трудится переплетчицей его мама и гравером — отец.

А можно вернуться в Союзпечать. Там, после окончания одногодичного коммунистического университета им. Артема, Николай руководил отделом.

Но скорее всего он пойдет сначала в горком комсомола, посоветуется и тогда примет решение.

Николай Патрахальцев сидел напротив начштаба полка и ждал, когда тот пожмет ему руку на прощание и скажет обязательные в таких случаях слова: мол, будь здоров, не забывай, держи высоко армейскую честь... и тому подобное.

Он тоже в свою очередь приготовил маленькую благодарственную речь на прощание — спасибо за армейскую науку, не забуду, буду, буду...

Однако начштаба почему-то медлил.

— Вот что, товарищ Патрахальцев, — наконец произнес он, и Николай в его голосе почувствовал официальные нотки, — скажу откровенно: я давно присматриваюсь к вам. Из вас может получиться хороший кадровый командир. Не задумывались о военной стезе?...

— О чем? — растерянно спросил Николай, — словно приходя в себя и не совсем понимая, чего от него хочет начштаба полка.

— О карьере военного. У вас за плечами рабочий стаж, университет. Избирались членом горкома комсомола. Вы кандидат в члены партии... А

главное, человек молодой. Знания и опыт придут. Так что предлагаю вам остаться в кадрах Красной армии, тем более, экзамены сдали за полный курс училища.

— «Вот влип», — подумал про себя Патрахальцев. Ему совсем не хотелось в армию, за пулемет.

— Нет, товарищ начальник штаба, — сказал он твердо. Хотелось добавить еще что-то веское, значительное, чтобы убедить начштаба. Но ничего веского не нашлось. И Николай замолчал.

— Подумайте, — предложил начштаба и поднялся из-за стола. — Идите пока в казарму, мы вас вызовем.

Патрахальцев вышел из штаба, на крыльцо, закурил. «Во как бывает в жизни, чуть военным не стал». — Он одернул шинель и направился в казарму.

Однако в конце дня ему пришлось проделать обратный путь из казармы — в штаб. Только теперь уже в штаб дивизии. Прибежал запыхавшийся посыльный: Патрахальцева срочно к начальнику политотдела дивизии. Николаю стало не по себе. Одно дела начштаба полка, другое дело — начальник политотдела. «Ну и персона ты стал, Патрахальцев, прямо нарасхват», — пытался он шутить про себя, пока поспешал в штаб.

Начпо в отличие от начальника штаба полка долгих разговоров не вел. Он молча вытащил из ящика стола лист бумаги и протянул ручку.

— Садись, пиши...

Патрахальцев вопросительно посмотрел: что писать?

— Я продиктую, — успокоил начпо. — Пиши... В правом верхнем углу. Командиру 51-й стрелковой дивизии... Ниже — от Патрахальцева Николая Кирилловича, 1908 года рождения, украинца, кандидата в члены ВКП(б). Все правильно?

— Так точно, — Патрахальцев привстал со стула.

— Вот и отлично. Понял, как я изучил твою биографию.

«Да уж, — подумал Николай, и вправду знает. Только вот радоваться или печалиться по этому поводу?»

— Написал? — переспросил начпо. — А теперь пиши главное: «Прошу зачислить меня в кадры Красной армии... В кадры Красной армии». Есть? Далее подпись... Дата. 25 ноября 1932 года, если забыл.

Начальник политотдела взял протянутый Патрахальцевым рапорт, внимательно прочел его и взглянул на притихшего Николая:

— Да, Николай Кириллович, сегодня у тебя особый день... Исторический, я бы сказал. Запомни его. Вся твоя жизнь теперь пойдет по-

другому.

Патрахальцев, как и утром, вышел на штабное крыльцо. За спиной медленно закрылась массивная дверь. Она словно отрезала путь в ту, другую, гражданскую жизнь.

Короткий ноябрьский день угасал. Голые ветви деревьев зябли в пламенеющем закате. «Ну и зарево, видать, к морозу...» — подумал он и повел плечами. И только тут обнаружил, что выскочил из политотдела в одной гимнастерке.

Он вернулся в штаб, нашел на вешалке свою старую шинель и натянул ее на озябшие плечи. Подошел к зеркалу. Оттуда из глубины зазеркалья глядел на него сероглазый бравый пулеметчик с симпатичной ямочкой на подбородке.

— Что, Патрахальцев? Как тебе исторический день?

Николай крикнул и развернулся на каблуках. Ну и денек... И верилось, и не верилось, что все происходило с ним. Только потом, с годами, он осознает, насколько прав оказался его первый начальник политотдела. Действительно, с этого дня вся его жизнь пойдет по-другому. Да, собственно, другой жизни он и знать-то не будет. И тихий литограф, скромный работник «Союзпечати» станет первым из первых среди диверсантов Советского Союза. Его не обойдет ни одна война. Он получит самые высокие награды Отечества, станет генералом.

Генералом диверсантов, если можно так сказать.

Но ничего этого в ноябре 1932 года не знал двадцатичетырехлетний Николай Патрахальцев. Он получил приказ стать кадровым военным. И стал им. Да еще каким.

Под грифом «Секретно»

Ныне уже устоялось ошибочное мнение, что спецназ в его современном, классическом виде был рожден в 50-е годы прошлого столетия. Мол, задумал и организовал все это тогдашний военный министр маршал Георгий Жуков, за что и погорел.

А подписали Директиву 24 октября 1950 года уже новый министр маршал Василевский и начальник Генштаба генерал Штеменко.

В соответствии с этой директивой в общевойсковых и механизированных армиях начали формироваться отдельные роты специального назначения. А дальше их развернули в батальоны, потом в бригады. Вот вам и легендарные бригады спецназа ГРУ, ныне известные во всем мире.

Но дело в том, что отдельные подразделения специального назначения Разведуправления Красной армии разворачивались еще в 30-е годы, почти за 20 лет до известной директивы А. Василевского и С. Штеменко.

В основу действий подразделений была положена теория «малой войны» М.Фрунзе. «Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, — говорил он, — если подготовка этой "малой войны" будет производиться систематически и планомерно, то этим путем можно создать для армии противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах, они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником. Поэтому одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи "малой войны" с противником, технически стоящим выше нас».

Надо сказать, что идеи М. Фрунзе получили в нашей стране хорошую теоретическую разработку. Их развивают и воплощают в жизнь ведущие военачальники того времени — М. Тухачевский, И. Уборевич, И. Якир.

С начала 30-х годов оперативные планы приграничных округов предусматривают с началом войны ввод в действие партизанских формирований.

Один из вариантов таков — при углублении на нашу территорию войск противника до 100 км они встречают сильное сопротивление укрепрайонов и ведут затяжные бои по их преодолению. Партизанские формирования с первых дней войны начинают наносить скоординированные удары по железным дорогам и другим жизненно

важным коммуникациям врага.

Под ударами Красной армии с фронта и подразделений партизан в тылу, израсходовав запасы материальных средств, противник вынужденно отступает. Партизанские формирования также перемещаются по вражеским тылам, в том числе уходя и за пределы границ страны, продолжая диверсионную работу.

Для успешной деятельности диверсантов на случай войны в приграничных округах, в первую очередь, вдоль западной границы были оборудованы тайники с вооружением, боеприпасами, продовольствием. На территории Белоруссии было тайно заскладировано 50 тысяч винтовок, тонны взрывчатых веществ. В Украинском военном округе в партизанских тайниках хранились также винтовки, пулеметы, мины, гранаты, и даже 10 тысяч японских карабинов.

«В 1932 году, — писал в своих воспоминаниях Илья Старинов, — наша оборона на западных границах зиждилась на использовании формирований партизан.

Это было очень хорошо продуманная система не только на случай оккупации части нашей территории. Базы закладывались и вне СССР. Очень важно было то, что готовились маневренные партизанские формирования, способные действовать как на своей, так и на чужой территории».

О размахе подготовки можно судить по следующему факту — работали три партизанские школы. Две — в ГРУ и одна в ОГПУ.

Однако Генеральный штаб еще больше расширял подготовку диверсантов. В 1935 году в приграничных округах разворачиваются диверсионные подразделения, залегендированные под саперно-маскировочные взводы.

Об этих подразделениях и до нынешнего дня почти ничего не известно. Не только широкому кругу общественности, но даже специалистам. И не только специалистам, но даже непосредственно в Главном разведуправлении. Это утверждение может показаться абсурдным, мол, в ГРУ разворачивали подразделения спецназа и здесь же о них ничего не знали. Не верится? И тем не менее документы подтверждают это.

После Великой Отечественной войны Николаю Патрахальцеву пришлось доказывать, что он сформировал и был первым командиром диверсионного подразделения. И доказывал он это своему же руководству.

В спецархиве военной разведки сохранился любопытный документ. Подписан он уже полковником Патрахальцевым. Привожу его дословно, сохраняя авторский стиль и пунктуацию.

«Генерал-майору т. Сафонову

В моем личном деле указано, что в 1935 и 1936 годах, я был по приказу НКВД командиром взвода и командиром роты отдельного саперного батальона 51 стрелковой дивизии.

В действительности я не был на этих должностях, а командовал так называемым саперно-маскировочным взводом, созданным 4-м управлением РКК (разведуправление). Мое назначение командир взвода, роты и само название "сапмасквзвод" являлось прикрытием для выполнения спецзадач 4-го управления РКК и 4-го отдела штаба Киевского особого военного округа.

В 1937 году, в мае месяце я был вызван в ГРУ и направлен в командировку в Испанию. Таким образом, получилось, что мою службу в системе разведуправления засчитали не с 1935 года, а с мая 1937 года.

В подтверждение изложенного можно проверить в архиве 2-го Главного управления.

Так в архивном деле N 2648 "Общие директивы и переписка с Генштабом" листы 38-48, 73 и 81, подробно говорится о создании в 4-м управлении РККА разведподразделений с целью прикрытия названных "сапмасквзвод", в которых готовились люди для выполнения особых диверсионных задач.

В архивном деле N 5956 дело N 2 Киевского особого военного округа стр. 105 и 109 имеется приказ о моей работе в "сапмасквзводе".

Мою работу с мая 1935 года в разведке может подтвердить ныне заместитель начальника Академии им. Сталина генерал-лейтенант Туманян Г. А., который в то время работал в ГРУ и руководил мною, как в СССР, так и в командировке в Испании.

Мою работу в разведке может подтвердить бывший работник ГРУ, ныне комдив генерал-майор Мамсуров Х-У. Д.

Его адрес: г. Стрый, Дрогобычская обл., в/ч 37795.

Начальник отдела

полковник Патрахальцев».

Вот такая служебная записка нашего героя. К тому времени, действительно, не было уже в разведке ни Гая Туманяна, ни Хаджи-Умара Мамсурова, которые стояли у истоков создания этой службы. Так и

пришлось Патрахальцеву отстаивать истину перед новым начальством. Чему же тут удивляться, что нынешние исследователи военной разведки и не подозревают об этих самых «саперно-маскировочных взводах». К счастью, в архиве ГРУ сохранился этот документ, проливающий свет на историю создания диверсионной службы.

Что это были за взводы? О них известно немного. Во всяком случае доподлинно выяснено, что первым командиром такого «сапмасквзвода» в 1935 году в Киевском особом военном округе, а конкретно в Одессе, стал Николай Патрахальцев.

За два года службы в пехотном полку он показал себя с самой лучшей стороны. Он прекрасно владел оружием. И не только пулеметом (поскольку был командиром пулеметного взвода), но и винтовкой, наганом.

Занимался спортом. Физически крепкий, сильный от природы, Николай в армии времени не терял, увлекался гимнастикой, гиревыми упражнениями, любил рукопашный бой.

Его интересовало подрывное дело. Он с интересом изучал мины, способы их закладки, применения, разминирования.

Интересы пулеметного комвзвода Патрахальцева выходили далеко за пределы его служебных обязанностей. Никто специально не готовил из него диверсанта. Да и задачи такой не ставилось. Но когда возникла потребность возглавить подобное подразделение, из всех молодых взводных и ротных командиров дивизии выбрали именно его, Николая Патрахальцева. Оказалось, он больше других подходил для этой роли. Хотя роль эту, откровенно говоря, представлял себе весьма смутно.

Самое грустное, что помощь ему в своем родном соединении, мало кто мог оказать. Разве что дивизионный инженер — спец по подрывному делу, да прибывший то ли из штаба округа, то ли из самой Москвы майор Досик.

Имя этого офицера случайно сохранил в своих коротких записках Николай Кириллович Патрахальцев. Он передал их мне незадолго до своей кончины. Там было всего несколько страничек, написанных неразборчивым почерком больного, старого человека.

«В 1935 году, — писал Патрахальцев, — меня пригласил к себе начальник штаба дивизии и приказал срочно передать взвод другому командиру. Мне была поставлена задача из лучших старослужащих солдат дивизии сформировать команду в составе 44 человек.

Начштаб объяснил, что я выхожу из подчинения не только полкового, но и дивизионного командования и буду действовать по распоряжениям из Москвы. Мне предстоит готовить свою команду самостоятельно, по специальной программе, присланной из ГРУ.

Через несколько дней, в Одессу, в наш полк приехал офицер по фамилии Досик и объявил мне, что моя команда будет легендироваться под названием "саперно-маскировочного взвода". На самом же деле я обязан готовить разведывательно-диверсионное подразделение для действий в тылу противника.

Вскоре из Москвы на мое имя пришла программа подготовки подразделения. На ней стоял гриф "Секретно"».

Так летом 1935 года родилось одно из первых разведывательно-диверсионных подразделений ГРУ во главе с Николаем Патрахальцевым.

История с географией

Есть известное стихотворение Михаила Светлова «Гренада», ставшее гимном нескольких поколений советских людей.

Трудно сказать, были ли знакомы поэт Светлов и разведчик-диверсант Патрахальцев. Скорее всего, нет. Но судьба «мечтателя-хохла», описанная в стихотворении, настолько схожа с реальной жизнью Николая Патрахальцева, что невольно спрашиваешь себя, а может с него писал образ любимый поэт? Там ведь все на удивление совпадает — Украина, «испанская грусть» хлопца...

Патрахальцев родился в Киеве, учился в коммуниверситете в Харькове. А как он стремился в Испанию, как мечтал о своей «Гренаде»! И когда в апреле 1937 года его пригласил к себе комиссар полка и под большим секретом лишь намекнул о возможности поехать «туда», он с радостью согласился. Николай к тому времени многое знал и умел. К тридцать седьмому году он — не тот зеленый взводный двухлетней давности, а разведчик-диверсант, командир диверсионного отряда.

Правда, у него не было еще практического боевого опыта, но потому он и рвался в Испанию «постичь поскорей грамматику боя, язык батарей».

Да, он мечтал попасть в Испанию. А в следующем месяце того же 1937 года жена должна была родить ребенка. Он любил жену, думал о сыне (верил, что их первенцем будет именно мальчик), но прежде всего он любил Родину.

Право же, это удивительное поколение 30-40-х. лейтенант Патрахальцев даже не мог себе представить, что он откажется от поездки за тридевять земель, в далекую Испанию, где, кстати говоря, мог запросто повторить судьбу светловского «мечтателя-хохла» и сложить голову за землю в Гренаде, оставив сиротой сына и вдовой жену.

К счастью, этого не случилось. Он вернулся живым. Но сколько натерпелась его семья... Ведь официально он уехал в Москву на курсы командиров саперно-маскировочных рот. Уехал — и пропал, как часто бывало в том, проклятом 1937 году, когда вдруг неожиданно «исчезли» командиры. Словом, исчез и он. И кое-кто уже поторопился зачислить семью Патрахальцева в число «врагов народа». Жене предложили побыстрее убраться из военного городка. Об этом она и написала в Москву мужу, на курсы ротных командиров. Пожаловалась, что скоро они окажутся на улице.

Знала бы она, на каких курсах сейчас ее муж! Разумеется, письмо Николай не получил, но неожиданно из Москвы пришел строгий приказ — семью Патрахальцева оставить в покое и даже выделить отдельную квартиру. Что и было сделано незамедлительно в течение суток.

Однако возвратимся в апрель 1937-го. После вызова к комиссару полка и согласия ехать в Испанию, дело закрутилось, его стали готовить к отъезду.

Испания стала первой войной Николая Кирилловича. Первой, но далеко не последней. Позже будут Халхин-Гол, оперативная группа Северо-Западного фронта, а иначе говоря, война с Финляндией, Великая Отечественная.

Каждая по-своему памятная, оставившая глубокие зарубки в душе, но об Испании — разговор особый.

В личном деле генерала Николая Патрахальцева есть две даты. Их не сразу найдешь, сопоставишь, задумаешься. А задуматься есть о чем.

Вот одна из них.

«Убыл в Испанию 13 мая 1937 года».

А вот другая.

«Сын — Патрахальцев Николай Николаевич, родился 13 мая 1937 года».

Что это? Возможно, это ответ на вопрос, как жило поколение Патрахальцевых, почему в 45-м они победили того, кого не в силах был победить никто в мире.

...Итак, 13 мая 1937 года. Лейтенант Патрахальцев отвез жену в роддом, а сам убыл в командировку в Испанию.

В этот день родился сын — первенец, и жена назвала его Николаем в честь отца.

А отец, прибыв в Москву, явился в разведуправление, доложил. Здесь и была сформирована небольшая группа из трех человек. Потом — короткий, но жесткий инструктаж. Ни в коем случае не попадать в плен. А если это случится, даже под пытками не признаваться, что вы — советские военнослужащие. Мол, прибыли в Испанию добровольно.

Задача — обучать испанских бойцов, а также интербригадовцев, прибывших из других стран. Самим в тыл противника не ходить.

Группу Патрахальцева вскоре отправили в Севастополь. Там в порту под погрузкой стояло испанское судно. На нем и предстояло разведчикам-диверсантам добраться до пункта назначения. Однако, едва успев приехать в Севастополь, они были отозваны обратно в Москву. Причин возвращения никто не объяснял.

В разведуправлении разработали новую легенду для их отправки в Испанию. Теперь они — молодые инженеры, едут во Францию на международную промышленную выставку.

Из Франции в Испанию их переправят французские антифашисты по своим каналам.

В Москве Патрахальцеву и его товарищам вручают советские загранпаспорта с германскими визами. И — прощай Советский Союз!

В Берлине поезд «Москва-Париж» стоял два часа. Выходить из вагонов немцы не разрешали, да и в родном разведуправлении прогулки по столице Германии не одобрили бы. Но на то они и разведчики-диверсанты. Не могли они сидеть в вагоне. Они ехали воевать с фашизмом в Испанию. И поэтому должны были увидеть лицо фашизма. И они его увидели. Словом, группа покинула поезд, они схватили такси и покатались по улицам Берлина.

Берлин произвел на них гнетущее впечатление. Угрюмый, темный город. Улицы освещены плохо. Видимо, Гитлер, готовясь к войне, сэкономил на электричестве, — так решили они.

Эту догадку подтвердил и ужин в вагоне, после возвращения с прогулки — им подали по чашечке суррогатного кофе и тоненький, словно бумажный лист, кусочек хлеба.

На вокзале, в городе было много людей в униформе, военных. Даже зная любовь немцев к форменному обмундированию, чувствовалось засилие военных. Тогда же, впервые в жизни, Николай Патрахальцев увидел людей с нарукавными повязками со свастикой.

Вернувшись в вагон на свои места, они долго молчали. Говорить не хотелось. Николай запомнил то первое чувство встречи со столицей фашизма. От этого коричневого города веяло опасностью. Страшной опасностью.

До начала Великой Отечественной было еще четыре года. Тогда в Берлине в 37-м он не мог предвидеть будущего, но тревога долго не оставляла его.

Бельгийскую и французскую границу они пересекли без приключений и вскоре прибыли в Париж. Там их встретили работники советского консульства. Во всяком случае, так они представились. Всю группу поселили в недорогой гостинице, на следующий день отвели на промышленную ярмарку: легенда, разработанная в разведуправлении, должна быть подтверждена фактами.

Еще через два дня всем троим вручили железнодорожные билеты на поезд Париж-Тулуза. Назвали номер дома на одной из улиц Тулузы. У этого

дома они должны были расплатиться с таксистом, и, когда тот уедет, пройти полквартиры вперед. Увидев маленькое кафе с приоткрытой на окне шторой, дожидаться, пока их встретят и проводят.

Однако все получилось иначе. Таксист, прочитав на бумажке адрес, кивнул, не говоря ни слова, и пригласил в машину. Попетляв немного по городу, он остановился не у дома, указанного в записке, а прямо у кафе с приоткрытой шторой. Выйдя из машины, он сам постучал в окно кафе, а пассажирам указал пальцем, мол, сюда, ребята. Видимо, он не впервой привозил сюда подобных «гостей».

Из кафе вышел француз, пригласил пройти внутрь. Патрахальцев посмотрел на часы — было три часа утра.

Француз знал всего несколько слов по-русски. На столе уже дымились чашечки с кофе и лежал приготовленный заранее большой пакет с бутербродами.

— Быстро, быстро, — сказал француз, — чай, кофе, бери пакет кушать и айда самолет Испания...

Едва успев дожевать бутерброды, разведчики увидели, как у кафе на противоположной стороне улицы затормозил старый автомобиль. Сидевший за рулем человек вышел из машины, пересек улицу и оказался на пороге кафе. Он без всяких слов сунул каждому из троих в карманы плащей паспорта, и опять разведчики услышали единственное русское слово: «Быстро, быстро...»

Слегка подталкивая их вперед, он посадил группу Патрахальцева в машину, и все двинулись в путь. Через полчаса автомобиль выехал за город и помчался к аэродрому. Это был небольшой полевой аэродром, приспособленный для приема легких самолетов. Там стояли всего два маленьких самолета.

В один из них усадили разведчиков, и самолет, пробежав по взлетной полосе, оторвался от земли.

«Ну и денек, — подумал Патрахальцев, — вспоминая лица, имена, города, улицы. Хотелось верить, что этот самолет доставит их в пункт назначения, в Валенсию. Во всяком случае, так им обещали советские консульские работники в Париже.

Минут через сорок посадка, снова какой-то аэродром. Оказалось, они уже в Испании.

Правда, как выяснилось позже, не в Валенсии, а в Барселоне.

Французский летчик передал их из рук в руки какому-то испанцу. Тот лишь спросил: "Советика?" Разведчики кивнули "Да".

И вновь автомобиль, городские кварталы, и на этот раз —

железнодорожный вокзал. Вот тут и стало ясно, что они в Барселоне, и им еще следует добраться до Валенсии.

Испанец с трудом втиснул их в битком набитый людьми вагон, крикнув на прощание: "Валенсия..."

Паровоз медленно тащил за собой маленький состав — всего четыре пассажирских вагона. Он то и дело останавливался, замирал, и тогда слышалось, как где-то впереди франкистские самолеты заходили на бомбежку. Судя по всему, франкисты бомбили железную дорогу, и разведчикам оставалось только гадать — доедут ли они до Валенсии, или нет.

Положение их было незавидно: без знания языка, страны, с непонятно какими паспортами они ехали непонятно куда. А если поезд застрянет в дороге, не доедет, попадет под бомбежку? Что делать дальше? Кто они вообще, и что делают в этой далекой чужой стране? Да, из Одессы, из Москвы интернациональная помощь виделась совсем по-другому.

Николай Патрахальцев вспомнил жену, сына, которого так и не успел увидеть, и вдруг понял — мысли о семье, унылый паровозик, переполненный вагон, вой вражеских самолетов, — это и есть его первая встреча с войной.

А чего, собственно, он ждал в истекающей кровью стране — рукоплещущих делегаций на перронах, цветов, хлеб-соль? Сколько людей занимались только ими тремя — в Москве, во Франции, в Испании. А таких, как они — тысячи. И всех надо переправить, пусть и под дружеское "быстро, быстро", но с кофе и бутербродами, организовать машины, самолеты, поезда. Если эти люди, передававшие их по цепочке, даже в условиях другой страны, в военной обстановке, так заботились о них, — значит, они нужны сражающейся Испании.

На исходе вторых суток паровоз доставил вагоны до Валенсии. На вокзале их встретил чернобровый красавец с завораживающей улыбкой. По началу разведчики не поняли, кто он, испанец, русский? "Ксанти", — представился он на чистейшем русском языке. Это был Хаджи-Умар Мамсуров, офицер военной разведки. Ксанти — его испанский псевдоним.

Пожимая руку Ксанти, Николай Патрахальцев еще не знал, что вся последующая жизнь в разведке пройдет бок о бок с этим человеком. Хаджи будет его начальником, учителем, другом, спасителем.

Мамсуров отвезет их в гостиницу "Метрополь", и здесь состоится первая откровенная беседа.

— Ты зачем сюда приехал? — спросит Ксанти Патрахальцева.

Николай смутится, но ответит прямо и четко, как, собственно,

инструктировали его в Москве, в разведуправлении.

— Приехал учить испанских товарищей тактике действий в тылу врага...

— Учить? — удивился Мамсуров, — А ты воевал?

— Нет, не приходилось...

— Так как же ты будешь учить испанцев, которые уже год воюют в тылу врага? У них хороший опыт. А у тебя?

Патрахальцев не нашелся, что ответить.

— Тогда слушайте внимательно: всех троих я назначаю в отряды, которые действуют в тылу врага. Свои теоретические знания вы будете передавать испанцам в ходе совместных действий. Подчеркиваю — совместных действий в тылу врага. Конечно, и сами практики поднаберетесь.

Разведчики переглянулись. Это не ускользнуло от внимания Мамсурова.

— Есть какие-то проблемы?

Что поделаешь, надо говорить. За всех ответил Патрахальцев.

— Товарищ Ксанти, но в Москве нас предупредили — в тыл врага ни в коем случае не ходить...

— Знаю, — сказал Мамсуров, — но здесь я командир. Вы будете посылать других в бой, а сами отсиживаться?

Желваки заходили на его скулах.

— Мы должны быть примером для испанцев. Показать, что значит советский командир — смелый, грамотный в военном деле, бесстрашный в боевой обстановке. Кто со мной не согласен, возвращайтесь домой.

Разведчики молчали. Они были согласны с Ксанти. Тот, в свою очередь, не теряя времени, показал каждому на карте позиции размещения отрядов, назначил переводчиков, водителей автомашин, коротко охарактеризовал боевую обстановку.

Уже на следующее утро все выехали в свои подразделения. Николай Патрахальцев попал в недавно сформированный отряд, который располагался в деревне на берегу реки Тахо.

Командиром отряда был крестьянин по имени Мохин. Он плохо представлял свои обязанности, не знал, с чего начинать и как руководить людьми, и несказанно обрадовался "советико" Николаю».

Как складывались события дальше, вспоминает сам Николай Патрахальцев: *«Первейшей задачей Франко было взятие Мадрида, у стен которого он сосредоточил большие силы.*

Фашисты предприняли четыре попытки захватить столицу Испании.

Три раза город штурмовали самые отборные войска франкистов — бойцы Иностранного легиона и марокканские наемники. В четвертый раз, в битве под Гвадалахарой, Франко вновь терпит поражение.

Для республиканцев сражение за Мадрид имело огромное значение. В сущности, это было сражение за сохранение республики. Все понимали, что падение столицы подорвет веру в возможность победы над фашистами и их пособниками. К Мадриду с надеждой обращал свои взоры весь испанский народ.

В декабре 1937 года республиканские войска провели крупную военную операцию за г. Теруэль, грозившую расчленивать мятежные силы.

Франко был вынужден перебросить дополнительные войска под Теруэль. Он снял их из-под Мадрида. В боях за Теруэль и мне пришлось выполнить важное боевое задание, за что я был награжден орденом Красного Знамени».

Остается только добавить, что в личном деле Николая Кирилловича Патрахальцева за этот период сделана запись: «1937-1938 гг. Испания. Советник 14 корпуса. Подготовка диверсионных актов».

Что это был за 14 корпус? Вот как о нем рассказывал в одном интервью известный диверсант Илья Старинов: «В Испании было множество партизанских отрядов. Руководили ими два ведомства — О ГПУ и ГРУ. И каждый руководил как мог. И, наконец, нашему отряду, которым командовал Доминго Унгрия, у которого я был советником и инструктором, удалось под Кордовой пустить под откос поезд со штабом итальянской авиационной дивизии и уничтожить и командира, и штаб.

Это вызвало фурор, известие дошло до республиканского Генерального штаба. И Генеральный штаб впервые утвердил батальон специального назначения. Причем в этом батальоне был установлен полуторный оклад, летный паек. Без лимита отпускался бензин.

Батальону была поставлена задача вместе с другими подразделениями перерезать пути сообщения между южной армией противника и мадридской группировкой, вывести из строя железнодорожные и шоссейные пути вдоль реки Тахо.

Нам удалось это сделать при помощи массовых установок мин замедленного действия, а также подрыва моста через реку Аликанте».

Позже батальон «вырос» в корпус, в котором насчитывалось около 3000 человек. Он получил наименование 14-го корпуса. Диверсанты совершили сотни диверсионных актов и засад.

После поражения республиканцев бойцы корпуса захватили корабль и переправились в Алжир, а оттуда в Советский Союз.

Другая часть перешла испано-французскую границу и была интернирована. А когда французское правительство решило передать их фалангистам, бойцы бежали из лагеря и укрылись в горах. Они стали основой будущих партизанских бригад. Именно диверсанты 14-го испанского корпуса впоследствии повесили Дуче. Освобождали от фашистов Марсель и Париж. Позже четверо бойцов корпуса вместе с Фиделем Кастро высадились на Плайя Хирон. Большинство из них были учениками Ильи Старинова, Хаджи Мамсурова, Николая Патрахальцева.

Вот такая история с географией!

Энергичный, смелый командир

Из зарубежной командировки Николай Патрахальцев возвратился с отменной характеристикой. «Показал хорошие качества разведчика — смелость, инициативность, умение ориентироваться в сложных условиях. Преданный офицер, прекрасно знающий свое дело. Лично участвовал во многих операциях и боях, хороший организатор».

С орденом Красного Знамени, с такой характеристикой, боевым опытом, Патрахальцев, разумеется, не мог возвратиться в свой «сапмасквзвод» в Одессу. Он нужен был в Москве, в разведуправлении, к лету 1938 года сильно поредевшем после сталинских чисток.

Илья Григорьевич Старинов, вернувшийся из Испании на год раньше Патрахальцева, рассказывал автору этой книги, что на родине почувствовал себя, как в пустыне. Взяли одного друга, другого, у третьего не выдержало сердце... Звонил на квартиры знакомых, сослуживцев, — всюду отвечали чужие голоса.

Патрахальцев помоложе Старинова, до Испании в столице, в разведуправлении, не служил, многого не знал.

Но и он, придя летом 1938 года в центральный аппарат разведуправления, увидел, что нет уже командарма 2 ранга Берзина, героя Испании, что арестован его последователь на посту начальника военной разведки комкор Урицкий. Следом за ним в подвалах Лубянки оказался врио начальника разведупра комдив Никонов, потом старший майор госбезопасности Гендин. Комбрига Орлова арестовали уже при Патрахальцеве.

Так это только самые старшие начальники. А сколько арестовано тех, что рангом пониже, но настоящих мэтров разведки. Кое-кого он знал, о ком-то просто слышал. Комдив Стигга руководил агентурной разведкой в Европе, полковник Константин Звонарев был начальником восьмого отдела. Он читал его книгу «Агентурная разведка России».

Полковой комиссар Эдуард Озолин, нелегалы Вольдемар Груздун, Ян Тылтынь, полковник Рудольф Кирхенштейн, комбриг Владимир Горев-Высокогорец, военный советник в Испании... Никого из них уже нет в разведуправлении.

Приказом НКО Николай Патрахальцев сразу был назначен заместителем начальника отдела «А». Иными словами подразделения, которое занималось разведывательно-диверсионными делами.

Долго засиживаться в Москве не пришлось. Уже на следующий год разгорелись бои у реки Халхин-Гол. В августе 1939 года Патрахальцев выезжает туда, возвращается в октябре, а в ноябре он вновь на фронте. Теперь уже на советско-финском. Работает в оперативной группе Северо-Западного фронта.

Чем занимается Николай Патрахальцев на Финской войне? Об этом можно судить из документов той поры. В спецархиве сохранился весьма интересный приказ самого заместителя наркома обороны СССР, начальника военной разведки комдива Проскурова, отданный лично капитану Патрахальцеву в декабре 1939 года.

Этот приказ раскрывает не только суть работы Патрахальцева, но и подчеркивает важность его деятельности, если утверждает его сам заместитель наркома.

В нем Патрахальцеву предписывается *«выехать в Ленинград для оказания помощи разведотделу Ленинградского военного округа».*

А далее задача конкретизируется. *«Подготовить роту авиадесантной бригады в тактическом и техническом отношении для диверсионной работы, сформировать из состава роты самостоятельно действующие группы. Помочь разведотделу ЛенВО в правильном использовании групп и постановки им боевых задач, а также в материальном обеспечении групп для выполнении спецзадач».*

Однако капитану Патрахальцеву пришлось заниматься не только подготовкой диверсантов, но *«проводить вербовку финнов на территории, занятой нашими частями, с целью заброски их в тыл врага, как в одиночку, так и в большом количестве с разовыми спецзаданиями».*

Особо, на чем настаивал начальник военной разведки, — *«завербовать 4-5 финнов, наиболее подготовленных, подходящих для нас, обеспечить их переброску обратно на сторону белофиннов с задачей обосноваться, обеспечить себя документами и в последующем перейти в Швецию или Данию под видом беженцев.*

В Стокгольме и Копенгагене дать им постоянные явки».

В конце комдив Проскуров приказывал *«своевременно доносить о ходе дел».*

А дела на Северо-Западном фронте обстояли далеко не лучшим образом. Уже через несколько дней после отъезда в Ленинград капитан Патрахальцев сообщал: *«Согласно приказанию прибыл в разведотдел ЛенВО, познакомился с состоянием спецработы (имеется в виду разведывательно-диверсионная работа — авт.), которая находится в следующем состоянии:*

а) вместе с комбригом, комиссаром и командиром роты, проверил готовность роты к выполнению задач. Выяснилось: рота к задачам такого рода не готова.

Знание подрывного дела совершенно не достаточны. Методы и способы действий, которые хотели использовать при выполнении боевых задач, — не годны, и неизбежно приведут к провалу.

Снабжение разведывательно-диверсионных групп оружием, компасами, часами, другими необходимыми материалами, без которых не возможна работа в тылу врага, совершенно не достаточно. Так, например, компасы имеются только у старших групп, а не у всего личного состава, часов нет совсем, электробатарейки отсутствуют;

б) мною проведены занятия, в ходе которых были отработаны способы действий разведдиверсионных групп;

в) скомплектованы 6 групп по 8 человек в каждой;

г) перед начальником разведотдела поставлен вопрос о снабжении роты необходимым вооружением и обмундированием;

д) после материального обеспечения диверсионная рота сможет выполнять задания по подрыву железных дорог и автомашин.

Зам. начальника спецотдела
капитан Патрахальцев».

В это же время в личном письме начальнику спецотдела разведуправления полковнику Мамсурову Патрахальцев с горечью напишет: «Здесь не разведотдел, а пустое место... Даже сам начальник и его помощник не могут достать военное обмундирование финской армии. Хотя у нас достаточно пленных».

А командующий 7-й армии командарм 2 ранга Мерецков торопил. Он ставил весьма серьезные задачи. Разведчикам-диверсантам, которых таковыми можно было назвать с большой натяжкой, по плану активной разведки предписывалось: «Прервать движение путем устройства крушений на железнодорожных участках: Симола-Коуволла; Хийтола-Елисенваара; Елисенваара-Имола-Ярви; на участках шоссежных дорог: Вийпури-Хамика». Ставились также сугубо разведывательные задачи на Мурманском, Кандалакшском, Ухтинском и Петрозаводском направлениях. Так, к примеру, на Карельском перешейке разведке надо было установить глубину и все (!) огневые средства и заграждения первой линии оборонительной полосы противника, нумерацию частей перед фронтом армии и на стыке дивизий.

Результаты Финской войны известны. Потом, когда будут подводить итоги, разведку попытаются сделать крайней, виноватой во всех просчетах

наших политиков и военачальников.

Однако, как показывает внимательное изучение боевых действий на советско-финском фронте, как раз разведывательно-диверсионные подразделения и показали себя лучшим образом.

Полковник Хаджи Мамсуров, начальник спецотдела разведуправления, сам возглавил особый лыжный отряд, укомплектованный в основном студентами-спортсменами Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта. Он же разработал предложения по эффективному использованию отряда.

С его предложениями согласился начальник военной разведки заместитель наркома обороны комдив Проскуров.

В совершенно секретном, особой важности, документе на имя начальника оперативной группы полковника Васильева он писал: *«По вопросу использования отряда принимаю предложения полковника Мамсурова. Ему убыть вместе с отрядом и организовать использование мелких групп, а где надо, и всего отряда в целом».*

Особый диверсионный отряд Мамсурова, действующий на Северо-Западном фронте, без преувеличения был на вес золота. Тот же Иван Проскуров подчеркивал: *«Предлагаю основную массу отряда забрать тов. Мамсурову, а Щелокову (тоже сотрудник спецотдела разведуправления) выделить 30-50 человек для использования по указанию Штерна».* Командарм 2-го ранга Г. Штерн руководил 8-й армией.

«Для дальнейшей подготовки и руководства разведывательно-диверсионными подразделениями из бригады Беззулого оставить тов. Патрахальцева. Их использовать в направлении перешейка только по указаниям Тимошенко». Командарм 1-го ранга С.Тимошенко, будущий нарком обороны, руководил с конца декабря 1939 года Северо-Западным фронтом.

Г. Штерн и С. Тимошенко прекрасно понимали, что разведывательно-диверсионные подразделения и есть самые подготовленные, самые профессиональные из всех, которые имеются у них в резерве. Примером тому действия лыжников-спортсменов отряда Мамсурова.

Вот как описывается подвиг Владимира Мягкова — командира взвода особого лыжного отряда в наградном листе на присвоение ему звания Героя Советского Союза: *«Тов. Мягков был отобран комиссией из числа ленинградских добровольцев, как один из лучших. В особым лыжном отряде 9-й армии проявил себя образцовым воином Красной армии.*

Вследствии особых личных качеств: смелости, храбрости тов. Мягков был продвинут в короткое время от бойца и командира отделения

до командира особого взвода отряда.

Действуя в глубоком тылу противника, свершая большие сложные переходы с боями, в очень тяжелых условиях, тов. Мягков проявил себя как энергичнейший преданный своей Родине боец и командир.

В самом тяжелом положении, благодаря тов. Мягкову, руководимые им группы выходили с честью из боя.

11.02.40 г. тов. Мягков стремительно ворвался в расположение зенитной батареи противника и, уничтожив белофиннского офицера и выяснив наличие противника в районе западнее Кухмониemi, с боем нанося большие потери противнику, отошел с группой, вывел ее из окружения.

Ночью, в эти же сутки, попав вновь в окружение численно превосходящего противника, умело организовал оборону группы, сам уничтожил 10 белофиннов и, показывая пример бойцам, заставил противника отойти.

Затем, лично прикрывая отход группы, совершил в течение 23 часов 90-километровый переход, ускользая от преследования противника».

Что ж, это и есть действия настоящих спецназовцев, которые могут в лютый мороз совершать многокилометровые переходы на лыжах, при этом вступая в бой, нанося урон врагу и ускользая от него.

Были и другие примеры мужества, героизма и, несомненно, успешных действий диверсантов. Однако надо признать, что и провалы разведки оказались весьма существенными. Многие из засланных разведывательно-диверсионных групп, отдельные агенты часто попадали в плен, гибли, а то и просто замерзали в снегах.

Об этом беспристрастно повествуют документы. 4.02.1940 года капитан Патрахальцев сообщал в Центр: «В ночь с 4 на 5 января капитаном Зверевым был сброшен человек с диверсионными задачами.

14.01.1940 года была перехвачена и расшифрована радиogramма финских органов о том, что русскими сброшен с парашютом агент со специальным подрывным аппаратом.

До сего времени наш человек не возвратился».

«По приказу Тимошенко в ночь с 28 на 29 января были сброшены на парашютах две группы из состава отряда Сорокина по 7 человек. Десантированы в 30 км южнее и в 35 км восточнее Выборга. 31.01.40 года был финский радиоперехват, из которого стало известно, что задержано 3 человека — один средний и два младших офицера, спустившихся на парашютах южнее Выборга.

Эти две группы пока не вернулись».

Неудачную заброску разведчиков-диверсантов подтверждает и

зарубежная пресса.

«Париж. 4 февраля (ТАСС). Агентство ГАВАС передало 3 февраля по радио следующее сообщение корреспондента шведской газеты "Стокгольме тиднинген" ...Отмечено также другое нововведение советских войск: применение парашютистов, которые должны уничтожать промышленные предприятия и дорожные сооружения. Парашютисты действуют маленькими отрядами — 7-8 человек, вооружены ручными пулеметами, снабжены радиопередатчиками и, естественно, одеты в форму финских солдат.

Все эти парашютисты были или уничтожены, или взяты в плен».

«Стокгольм. 6 февраля. Вчера утром группа вооруженных диверсантов появилась в 15 км севернее города Кеми. Они были замечены финскими зенитчиками, которые немедленно высадили патрули на лыжах для встречи и атаки парашютистов.

Ожесточенный бой произошел после того, как русские пытались продвинуться к железнодорожному узлу и мосту через реку, чтобы взорвать его. Русская группа была окружена финнами и после ожесточенного получасового боя одна часть уничтожена, другая — захвачена в плен.

Эти русские войска были снаряжены мешками с динамитом, большим количеством автоматических винтовок и легкими пулеметами».

Понимает ли Николай Патрахальцев и его сослуживцы из разведывательно-диверсионного отдела весь трагизм ситуации? Понимает, и даже по своему пытается противостоять этому.

Так на совещании начальствующего состава армии по итогам Финской войны, которое проводилось в ЦК ВКП(б) 14-17 апреля 1940 года, начальник ГРУ Иван Проскуров говорил: *«Разведотдел допустил большую ошибку. Рассчитывали, что движение войск будет похоже на то, какое было во время Западной кампании, и посылали туда агентов, давали явку не на нашу территорию, а на пункты, находящиеся на территории противника. Через 10 дней, мол, придем в такой-то пункт и доложишь материал. А выхода наших частей в эти пункты не состоялось».*

Сталин на это заявление отреагировал репликой: *«Глупо».*

«Конечно, глупо, — согласился Проскуров, надо сказать, что наши разведчики были заражены тем же, чем многие большие командиры. Считали, что там будут с букетами цветов встречать, а вышло не то».

Однако начальник военной разведки не совсем прав. Далекое не все разведчики думали, что на финской территории их будут встречать цветами.

27 декабря 1939 года капитан Патрахальцев отправил из Ленинграда письмо на имя своего начальника полковника Мамсурова, который еще находился в Москве.

Вот что он сообщал: *«...Сижу и жду у моря погоды, но это меня не очень волнует. Я считаю, будет правильно, если мы своих людей забросим в тот момент, когда наши части начнут артподготовку. Это будет означать их скорое продвижение к тому району, где будут находиться наши группы.*

Тем более что наши люди по местным условиям не смогут долго пробыть на той стороне».

Верно рассуждает капитан Патрахальцев, и предложение у него по использованию разведывательно-диверсионных групп, не «глупое», как сказал Сталин, а весьма дельное. Не желал он посылать своих людей на верную гибель.

Только, судя по всему, в верхах думали иначе, и мнение капитана не приняли во внимание. Что из этого вышло? Начальник ГРУ Проскуров сам ответил на этот вопрос на том известном совещании в Москве в апреле 1940 года.

«У нас были замечательные агенты... Люди, которые прыгали с парашютом, ходили по тылам и сообщали сведения через радиосредства. Правда, больше половины таких людей погибли, к сожалению».

В конце февраля Николай Патрахальцев написал в Москву, в разведуправление одному из сослуживцев письмо. Фамилии на нем нет, только имя. Скорее всего, оно предназначалось товарищу по спецотделу капитану Василию Трояну. Но сегодня доподлинно вряд ли удастся установить адресата. Да дело и не в этом, а в сути письма. Патрахальцев уже три месяца на войне. Чувствуется по всему, вдоволь нахлебался фронтовой действительности: провалов, крови, смертей. Он так и пишет: *«Я измотался, здорово похудел, болею...»* Но главная боль другая. *«О делах могу сказать, что занимаюсь не своим делом, а общевойсковой разведкой. Обстановка такая, что мне приходится делать, то, что говорят начальники на участке.*

Было у меня хорошее дело, но и то головотяпы сорвали. Эта операция могла сберечь много времени и жизней».

Вот такое горькое признание.

13 марта 1940 года советско-финская война закончилась. Через неделю директивой зам. наркома обороны Союза ССР оперативная разведгруппа была расформирована. Капитан Николай Патрахальцев возвратился в Москву.

Через месяц в аттестации на него начальник спецотдела 5 управления ГРУ полковник Х. Мамсуров напишет:

«Занимаемой должности соответствует, достоин присвоения воинского звания майор во внеочередном порядке. В военное время может быть начальником разведки корпуса.

Энергичный, решительный, требовательный, инициативный командир. Свое решение может организационно обеспечить и настойчиво проводить в жизнь.

Получил большой боевой опыт. В боевой обстановке показал себя смелым и храбрым командиром.

Быстро ориентируется в незнакомой обстановке. Награжден орденом Красного Знамени в 1937 г. За боевые заслуги на фронте борьбы против финской белогвардейщины представлен к ордену Красного Знамени в 1940 г.».

В том же 1940 году Патрахальцев получит свой второй боевой орден и звание майора.

«Моя фактическая специальность — разведчик»

В декабре 1940 года приказом народного комиссара обороны майор Патрахальцев был назначен секретарем военного атташе в Румынии. В Бухарест ему предписывалось убыть после соответствующей подготовки 1 мая 1941 года.

К тому времени Николаю Кирилловичу исполнилось 32 года. Он был уже майором, заместителем начальника отдела, прошел две войны, да еще боевые действия на Халхин-Голе. Словом, опытный фронтовик, разведчик, подготовивший не одну сотню диверсантов. И тем не менее Патрахальцев хотел... учиться. За спиной у него была школа да одногодичный коммунистический университет, пехотное училище. А он мечтал о серьезном военном образовании.

В феврале 1941 года на стол начальника разведуправления Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта Голикова лег рапорт.

«За период в Красной армии я всегда хотел получить военное образование, и потому несколько раз пытался поступить в академию. Мне никогда не отказывали, но поступление откладывали, говоря: "Поработайте еще год-два и тогда пойдете на учебу".

Так было в 1938 году, когда я прибыл из командировки (Испания) и имел возможность быть зачисленным слушателем Академии имени М. Фрунзе на льготных условиях, но был оставлен на работе в разведуправлении. Тогда же мне было обещано, что через два года я смогу пойти на учебу.

Работая в разведке фактически с 1933 года (включая командировку в Испанию), моя фактическая специальность, приобретенная опытом, — "разведчик". Однако недостаточная теоретическая подготовка не дает мне возможности быть полноценным разведчиком, каковым я желаю стать.

Посему прошу Вас рассмотреть мой рапорт и, если вы найдете возможным, зачислить меня слушателем Высшей специальной школы (ВСШ). При этом прошу учесть, что, находясь часто в командировках (с 1937 г. Испания, Халхин-Гол, война с белофиннами и ряд других), я не имел возможности

подготовиться к сдаче испытаний в высшее учебное заведение. Но заверяю Вас, что, упорно работая над собой, я буду в первых рядах слушателей.

Майор Патрахальцев».

На рапорте есть резолюция одного из руководителей военной разведки: «После командировки не возражаю». И дата — 21 февраля 1941 года.

А через четыре месяца наступило 22 июня. И командировку Николаю Патрахальцеву выписала война на все четыре года, считай до самой победы.

Так он и не осуществил свою давнюю мечту, не поступил в военную академию. После войны успел поучиться на Высших академических курсах, да и то всего лишь восемь месяцев. И, судя по всему, остался недоволен, поскольку курсы эти мало что дали ему.

В рапорте на имя начальника управления ГРУ, где он просил перед очередной командировкой короткосрочный отпуск 10 суток, чтобы навестить родных, которых не видел три года, Патрахальцев сетовал: *«На ВАКе в настоящее время я никакой подготовки не получаю, т. к. по моей стране преподавателей по языку, страноведению и вооруженным силам нет».*

Но все это будет потом, после долгой, тяжелой, страшной войны.

А на третий день после ее начала руководитель военной разведки генерал Голиков своим приказом создаст оперативную группу, которую возглавит полковник Хаджи-Умар Мамсуров. Заместителем у него станет майор Николай Патрахальцев.

В нее войдут уже знакомые нам по Испании, Финской войне майоры Николай Щелоков, Алексей Мельников, Александр Трусков, капитан Василий Троян.

Как воздух нужны были разведчики-диверсанты. Следовало срочно развертывать партизанское движение.

Откровенно говоря, развертывать его следовало значительно раньше. Так оно, в сущности, и было до 1937 года, когда Народный комиссариат внутренних дел раскрыл «предательскую, контрреволюционную военную организацию РКК».

Высшие военачальники были обвинены в том, что «пытались подорвать мощь Красной армии и подготовить ее поражение в случае войны».

Следом за М. Тухачевским, И. Уборевичем, И. Якиром, В.

Примаковым и другими были репрессированы тысячи командиров. Попали в эту мясорубку и кадровые разведчики-диверсанты. А поскольку мы собирались воевать только на чужой территории и официальная система взглядов на ведение войны больше не допускала мысли о возможности прорыва противника на нашу территорию, то и партизанские действия не рассматривались как боевая задача Вооруженных сил.

Все тайники с оружием, боеприпасами, продовольствием — ликвидированы. Слово «диверсант» стало чуть ли не ругательным и весьма опасным. Так теперь характеризовали только врагов.

Ничему не научил нас опыт Финской войны.

А вот Великая Отечественная война с первых же часов показала, что военно-теоретические взгляды руководства СССР на роль и место вооруженной борьбы в тылу врага не выдержали проверки практикой. Наш противник — немецко-фашистская армия — начала свои действия с нанесения диверсионных ударов.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года, тайно перейдя государственную границу Советского Союза, диверсионная группа полка «Бранденбург» во главе с лейтенантом Каттовицем вторглась на 20 километров в глубину нашей территории с задачей овладеть стратегическим мостом в селе Бобры и удержать его до подхода передовых танковых частей.

Диверсанты были одеты в форму солдат и офицеров Красной армии. Они уничтожили несколько советских пограничников и открыли путь другим группам «Бранденбурга».

Вскоре немецкие диверсанты напали на красноармейцев в районах Гродно, Гольнок, Сувалок, Августово.

28 июня диверсанты-бранденбуржцы, опять же переодетые в советское военное обмундирование, захватили мост через Западную Двину в районе Даугавпилса. Они не дали нашим саперам взорвать мост и удерживали его до подхода своих войск.

В Главное разведывательное управление постоянно приходят сведения о дерзких действиях групп немецких диверсантов в тылу советских войск.

...Колонну отходящих войск догоняет мотоциклист-красноармеец. Естественно, он черен от дорожной пыли, в коляске у него раненый офицер. Они только что вырвались из лап фашистов. Офицер, превозмогая боль, рассказывает командиру, что оборона прорвана и что с минуты на минуту здесь будут немецкие танки.

Единственный шанс спастись — изменить маршрут движения и спешить в другом направлении. Маршрут меняется, и через некоторое

время колонна попадает в хорошо подготовленную засаду.

На другом участке фронта почти та же картина. Мотоциклисты догоняют колонну, выясняют маршрут движения, запас горючего в баках танков и автомашин, а остальное — дело техники. Рассчитан пункт привала, и туда наводятся фашистские самолеты.

Таких примеров множество — взорванные столбы телефонной связи, переведенные железнодорожные стрелки, сломанные семафоры, переставленные дорожные указатели.

В ГРУ хорошо понимали, что за этими «беспорядками» в тылу советских войск стояли немецкие диверсионные подразделения.

А нам предстояло, по сути, все начинать сначала.

Исполняющий должность начальника ГРУ генерал-майор танковых войск Панфилов в июле 1941 года напишет в приказе по военной разведке:

«На спецгруппу возлагаю:

— подготовку по подрывному, зажигательному, парашютному и стрелковому делу;

— комплектование, вооружение и снаряжение мелких диверсионно-партизанских групп, отрядов для разведывательных отделов штабов фронтов и оперативных отделов разведуправления, снабжение их оружием и боеприпасами;

— вести насаждение организаторов-руководителей диверсионно-партизанских отрядов на территории, временно занятой противником, руководимых непосредственно разведуправлением Генштаба Красной армии».

В январе 1942 года полковник Хаджи-Умар Мамсуров был назначен командиром 114-й кавалерийской дивизии и убыл в распоряжение Военного Совета Северо-Кавказского военного округа. Дела у него принял майор Николай Патрахальцев. В феврале того же года, накануне дня Красной армии, он стал подполковником.

В характеристике, написанной Мамсуровым, есть такие слова: *«Тов. Патрахальцев смелый и боевой товарищ. За время Отечественной войны с немецко-фашистскими мерзавцами он много сделал для развития и усиления движений народных мстителей-партизан в тылу у врага».*

Примечательно, что в предвоенные и военные годы Николай Кириллович готовил также разведчиков-нелегалов, отправлял их на работу в Италию, Югославию и в дальнейшем руководил их деятельностью.

Многих Патрахальцев знал еще по Испании. Так, вместе с агентом-нелегалом Пепе он воевал в Испании. Пепе был радистом на линии «Барселона-Валенсия».

Пепе и Эрна переправлены в Италию, Дана, Роман, Стефан — в Югославию. Кроме них, также подготовлены и боролись с врагом агенты Мрамор, Карло, Док, Гудзон, Кун, Декке, Чок.

В начале 1944 года — Николай Патрахальцев в Югославии. Что он знал о Югославии? Какова была политическая и разведывательная обстановка в этой стране?

...В феврале 1941 года премьер-министра Цветковича и министра иностранных дел Марковича пригласил к себе Гитлер.

Фюрер знал, что имеет дело с верными сателлитами, и особо не утруждал себя «переговорами» с руководителями Югославии. Он заставил их с дороги выслушать полтора часовую речь о непобедимости рейха, потом, угостив чаем, распрощался с ними, не дав вымолвить ни слова.

После столь теплого приема Гитлером югославов судьба страны была решена.

25 марта 1941 года в Вене подписан Пакт о присоединении Югославии к странам фашистского Пакта. Казалось, закончился третий, и последний, «дипломатический удар» по Балканам. Германия еще раз продемонстрировала свою силу.

Но Гитлер просчитался. Через два дня после заключения пакта, в ночь на 27 марта, югославские военные совершили государственный переворот.

Регент Югославии Павел был арестован. К власти пришел молодой король Петр III Карагеоргиевич.

30-31 марта Югославию покидают все германские подданные, большая часть официальных лиц.

Таким образом, угроза военного нападения на Югославию стала очевидным фактом уже в марте 1941 года.

Наша военная разведка до 1940 года практически не имела источников на территории Югославии. Некоторые отрывочные данные об этой стране поступали через резидентуры в Болгарии, но они были редкими и большой ценности не представляли.

Только в 1940 году в связи с восстановлением дипломатических отношений между СССР и Югославией предоставилась возможность засылки разведчиков.

Почти вся вторая половина 1940 года была занята изучением страны, местных условий, агентурной обстановки. Конкретная разведка началась по существу с 1941 года

Времени до немецкого вторжения оставалось очень мало. И тем не менее за столь короткий срок нашими агентурными работниками была

создана сеть источников в главных центрах страны.

В Центр пошла ценная военно-политическая информация и, что особенно важно, — документация: разведсводки югославского Генштаба, карты дислокации соединений и частей германской, итальянской, румынской, венгерской, болгарской армий.

В марте 1941-го в Москву была передана фотокопия оперативного плана югославской армии.

Надо отдать должное нашей военной разведке, сумевшей за несколько месяцев завербовать ценнейших агентов в Генеральном штабе, в Министерствах иностранных дел, почт и телеграфа.

К началу немецкого вторжения в стране действовало несколько нелегальных резидентур, таких как «Антон», «Джина», «Роман».

Кстати, резидент Роман, он же Роман Занючковский, воевал вместе с Патрахальцевым в Испании, в интербригаде. В 1939-м он был подготовлен их отделом и заброшен на нелегальную работу в Югославию.

В июле 1941 года от другого агента — Вальтера — пришло сообщение, что при совершении диверсионного акта Роман был тяжело ранен и схвачен гестапо. Из последующих донесений Вальтера стало ясно, что Роману вырваться из рук гестапо не удалось и он, вероятно, повешен.

Трагическая судьба постигла многих агентов. Созданная нашими разведчиками еще очень молодая, неокрепшая организация, не подготовленная к работе в военное время, оставшаяся практически без руководства была быстро раскрыта и разгромлена опытнейшими немецко-фашистскими спецслужбами.

Некоторые агенты были уличены в шпионаже и арестованы, другие пропали без вести, некоторые эмигрировали или взяты в плен в ходе боевых действий на фронте.

Таким образом, после вторжения Германии уже в мае 1941 года наша агентурная сеть, по существу, прекратила свое существование.

Надо все было начинать сначала. Николай Патрахальцев отправлялся в Югославию, чтобы начать, вернее продолжить, свою борьбу с фашистами.

Он возглавил резидентуру Патрас. Резидентура располагалась в Словении, сначала в районе Дрвара, позже — в Черномеле. Официально он являлся помощником начальника Военной миссии СССР в Югославии.

«Совершенно секретно»

Из оперативной переписки

Сообщение Патраса от 20.03.1944 г.

«Патрас сообщает, что 17.03.1944 г. прибыл на место.

Принят хорошо, все ждут немедленной помощи вооружением. Места для приема готовы.

Электричества для радио нет, необходим движок и бензин. Из-за этого подготовка радистов невозможна».

Еще через два дня Патрахальцев вновь напоминает о себе. Он не может сидеть сложа руки, рвется в бой. Очень показательна его телеграмма в Центр.

Сообщение Патраса от 22.03.1944 г.

«Находимся в Словении, в районе Черномеля, людей для заброски в Германию нет. Нужен движок.

В Клагенфурт хотел послать Бура, лучше пойду сам.».

Из Центра следует срочный ответ: *«Категорически запрещаю Патрасу ходить за границу Словении и отрываться от штаба».*

Через неделю еще одна телеграмма.

Сообщение Патраса от 30.03.1944 года.

«Патрас сообщает данные на радиста, которого впредь будем называть Гудзон. 1920 г.р., словенец».

Далее в сообщении еще интересней: *«Немцы с танками нас гоняют. Убедительно прошу выслать 10 противотанковых ружей (ПТР) с патронами и автоматами. Не откажите в просьбе».*

Центр одергивает Николая Кирилловича. Он теперь резидент: за границу не ходить, от штаба не отрываться. А он просит 10 ПТР. Все-таки в нем неистребим дух диверсанта.

Уже 03.04. он вновь настаивает: *«Первым самолетом прошу движок, бензин, противотанковые ружья».*

Однако, это только кажется, что, получив ПТР, резидент Патрахальцев собирается гоняться за немецкими танками. Хотя, видимо, случись такое, он бы не упустил возможности поквитаться с фашистами

У него сейчас более важные, но менее громкие дела. И дела эти сугубо агентурного свойства — вербовка, подготовка и засылка агентуры в Германию.

Центром они сформулированы так: *«Используя имеющиеся разведданные Верховного штаба, военнопленных и немецкое население в северной Словении, а также югославов, имеющих связи с Германией и*

Австрией, проводить вербовку, подготовку и заброску агентуры:

— на территорию Германии в районы: Мюнхен-Аусберг-Нюрнберг; Лейпциг-Дрезден-Берлин; Бреслау-Познань-Грюнберг, с целью к концу 1944 года обеспечить три радиофицированные точки (резидент, радист);

— на территорию Австрии в районы Вены, Граца, Линца-Зальцбурга, с тем, чтобы к августу 1944 года в этих районах иметь три радиофицированные точки;

— до июля 1944 года подобрать и подготовить двух курьеров и трех проводников на Германию и Австрию;

— разработать вариант засылки человека Центра из Югославии в Швейцарию;

— систематически подбирать документы об агентурной обстановке в Германии и Австрии».

Таковы были задачи. Как они выполнялись?

Говорят, что дипломатия искусство возможного. Это определение можно отнести и к разведке. Вот выписка из доклада об итогах работы военной разведки по Югославии за 1944 год.

«В течение 1944 года основная часть работы по укреплению и расширению агентурной сети была проведена через опергруппы наших работников, находящихся в составе Военной миссии СССР в Югославии и, в первую очередь, Патрасом и Гераклом».

Что же конкретно сделано Патрахальцевым-Патрасом? Ну, например, как отмечено в докладе о состоянии агентурной сети в Югославии: «Сплитская резидентура (резидент Судак) — работает слабо, информацию дает малоценную. Обладает ограниченными возможностями. Информация выше роты не идет. Загребская резидентура — в организационном плане дело плохо, люди знают друг друга. Нужна реорганизация».

А вот резидентура 4-й зоны: «Гудзон готовился Патрасом. Держит связь Бура с Патрасом, занимается обучением агентов радиоделу.

Резидент для работы в Австрии (Каро) — завербован Патрасом, направлен к месту работы. Для германской резидентуры агент Эрно — подобран Патрасом для использования в Германии, задерживается за отсутствием документов. Резидент Герберт для работы в Германии — находится на подготовке у Патраса».

Нельзя сказать, что у Патраса все шло гладко. Подготовленный им резидент Декке для австрийской резидентуры при добывании документов был захвачен немцами.

В Центре по поводу этого провала было сделано следующее

заклучение: «В течение 1944 года имел место провал австрийской резидентуры Декке.

Резидент Декке и радистка Гитана были завербованы Патрасом и готовились для работы в Австрии. Для полной легализации недоставало некоторых документов. С целью приобретения он отправился в партизанский отряд к австрийской границе, где в августе 1944 года ему была назначена встреча с его радисткой Гитаной.

При попытке достать документы Декке был арестован немцами и судьба его неизвестна. Он разыскивается.

Причиной провала Декке явилось недостаточное изучение обстановки и условий легализации. Не только на месте но и в Центре при известном стремлении и желании, надежные документы для Декке можно было изготовить и переслать резиденту».

И тем не менее из двух десятков резидентов, радистов, отдельных источников восемь агентов подготовил именно Николай Патрахальцев. Кроме того, агентура Центра, забрасываемая через Югославию в Германию, Австрию, Италию, Францию, Грецию, Албанию, шла в основном через Патрахальцева-Патраса, или помощника резидента майора Коваленко (Ковчег).

Были, разумеется, вводные и такого свойства:

Сообщение Центра Патрасу от 27.11.1944 г.

«По имеющимся у нас данным, немецкое командование сосредотачивает в г. Удин подвижной состав и паровозы для переброски войск.

Срочно установите количество перебрасываемых дивизий и направлений перевозок».

Или наоборот.

Сообщение Патраса от 17.08.1944 г.

«Сюда прибывают на днях для формирования итальянские бригады. После формирования идут в Италию. Можем ли мы прислать в эти бригады в качестве командиров, комиссаров, врачей итальянцев, которые были у нас на фронте, и соответствовали этим должностям.

Интересует ли вас этот канал?»

Оказывается, интересуется. И вот уже Москва телеграфирует:

Сообщение Центра Патрасу от 23.08.1944 г.

«Сообщите, когда будут формироваться итальянские бригады из какого состава. Неофициально выясните, могут ли быть приняты в бригаду находящиеся у нас офицеры-военнопленные, проявившие себя в лагерях как активные антифашисты. Большинство из которых закончили специальные школы антифашистов при лагерях».

Оказывается, не все так просто. Личный состав бригад в основном формируется из рабочих (города Триест, Трзык), а также из крестьян-фурландцев. Но прежних, старых офицеров сюда не возьмут, отвечает Патрахальцев. И тут же предлагает свое решение проблемы засылки агентов разведки в итальянскую армию.

Сообщение Патраса от 25.08.1944 г.

«Я могу подработать другой вариант засылки предлагаемых вами офицеров в итальянские партизаны. Оттуда они переходят в итальянские бригады».

Вот так работал резидент полковник Патрахальцев. Однако, он не один решал все эти сложные разведывательные задачи.

Вместе с Патрахальцевым в Словении, в резидентуре Патрас, работали помощник резидента Борис Богомолов (Бур), радист Георгий Лихо (Лам), шифровальщик Павел Корнеенков (Петя).

О Борисе Богомоллове мало что известно, а вот о Петре Корнеенкове можно сказать несколько слов.

Перед войной он закончил два курса исторического факультета Московского историко-философского института. В 1939 году был призван в армию, служил в батальоне связи в Краснодаре. Потом его направили на курсы военных переводчиков.

В 1941-м он в разведотделе штаба Закавказского военного округа, в Тбилиси. На следующий год его переводят в штаб 45-й армии в Ереван, начальником спецрадиосвязи.

Петр Корнеенков хорошо образован, владеет иностранными языками, знает специальную агентурную радиосвязь, шифровальное дело.

В 1943 году его как опытного специалиста забирают в Москву в центральный аппарат ГРУ. Здесь он заканчивает Высшие академические курсы, а там и командировка в Югославию.

Вот как описывает прибытие в Словению шифровальщика Петра

Корнеенкова уже работавший там радист Георгий Лихо.

«Площадка для сброса груза использовалась и для десантирования людей. Прыгали по 3-5 человек, а однажды — 20. В этой группе была девушка-радистка. Ее парашют накрыл дерево, и она зависла в полуметре от земли. Увидев, что земля близко, она торопливо отстегнула привязные ремни парашюта, юркнула вниз, нога скользнула по пеньку, который она не заметила, подвернулась и треснула. Перелом ноги у девушки-радистки задержал всю группу разведчиков до прибытия другого радиста.

После этого случая, встречая парашютистов, всегда кричал: "Если кто повис на дереве, не отстегивайся! Опасно! Жди помощи".

Вскоре такую помощь мне пришлось оказывать прыгнувшему к нам с парашютом шифровальщику Петру Корнеенкову. Рост у него был 195 см, вес за 100 кг, да и снаряжение с оружием. В общем не менее 140 кг. Он выпрыгнул из самолета третьим (ночь была лунной, и это хорошо было видно) и так энергично пошел вниз, что со свистом обошел первых двух парашютистов, вес которых вряд ли составлял вес Петра.

С тревогой наблюдал я стремительное приближение парашютиста к земле. Его парашют накрыл крону большого дуба, и Петр, скользнув между ветвей, завис у самой земли. Это избавило его от жесткого удара.

Когда он благополучно встал на ноги, я посоветовал ему бить земные поклоны, каждому встречному дубу за спасение».

Так шифровальщик Петр Корнеенков оказался в Югославии под командой Николая Патрахальцева.

Как он работал? Об этом говорят документы, хранящиеся в спецархиве ГРУ. «Петр Корнеенков все время обеспечивал бесперебойную шифропереписку с Центром. Во время выполнения оперативного задания участвовал в бою на реке Сава, показал себя храбро».

Надо пояснить, что участие в бою шифровальщика — это большая редкость. Его берегут пуще глаза, ведь он важнейший секретноноситель. За рубежом, даже в мирное время, шифровальщик за пределы резидентуры один практически не выходит. Его всегда кто-то сопровождает, страхует.

Однако война диктует свои законы. И Петру Корнеенкову пришлось участвовать в боевых действиях.

За время пребывания в Югославии он «подготовил несколько агентов, которые показали хорошее качество в отработке документов».

Павел Корнеенков удостоился высокой награды Родины — ордена Отечественной войны I степени.

Радист резидентуры Патрас Георгий Лихо, воспоминания которого мы уже приводили, был родом из Ташкента. Он закончил 7 классов школы,

поступил на рабфак при Средне-Азиатском железнодорожном институте, а потом на 1-й курс этого же вуза. Однако вскоре из института ушел, уехал в Ленинград и стал курсантом военного училища связи.

В январе 1939 года окончил училище по первому разряду, получил звание лейтенанта и назначение командиром роты центрального радиоузла разведуправления. Потом стал дежурным техником на передающем центре.

В 1940-м прошел курсы усовершенствования командного состава разведуправления, где получил подготовку радиста-оператора в военной разведке, изучил агентурную радиоаппаратуру и был направлен в Китай начальником радиоузла в Ланчжоу, что в провинции Ганьсу.

Радиоузел работал круглые сутки, обслуживая связью 15 корреспондентов, причем с некоторыми из них осуществлял по три-четыре сеанса ежедневно.

Там Георгий Лихо встретил начало войны. Рвался на фронт, но получил приказ быть на своем месте.

Только летом 1943 года он возвратился из Китая, а вскоре — новая командировка.

Вот как о том времени вспоминал Георгий Леонидович Лихо: *«После тяжелого ночного дежурства я с трудом был разбужен посыльным из штаба. Посыльный — сержант, рослая, белобрысая девица, с необъятным бюстом и икрами, распиравшими до блеска начищенные широченные голенища коротких кирзовых сапог, переминалась рядом и укоризненно выговаривала: "Ну, и спите вы! Как каменный. Собирайтесь. Срочно вызывают в штаб"».*

Кляня от всего сердца неурочный вызов, шагал из городка.

Начальник службы радиосвязи ГРУ В. Рябов, извинившись за прерванный отдых, сразу перешел к делу. Предложил выехать в ответственную командировку.

Я, всего пять месяцев назад вернувшийся из Китая, испугался. Не пришлось бы уехать в те же районы.

Спросил у Рябова: "В какую страну предстоит командировка? Если на Восток, и спрашивает мое согласие, то его нет". Рябов с трудом подавил улыбку и ответил: "На Запад. Но почему не хотите узнать, с кем поедете?" С кем — было для меня совсем не важно, и я тут же согласился. Рябов далее пояснил, что меня вместе с А. Долговым и А. Карагашиным включили в состав Советской военной миссии, направляемой к партизанам Югославии».

Потом у радиста Георгия Лихо были беседы в Центральном Комитете партии, полет до Астрахани, оттуда в Баку и Тегеран. Далее путь лежал на

английскую военную базу Хаббания, что располагалась в 90 км от Багдада, в Каир, в Тунис и, наконец, в город Бари. Там началась подготовка к броску через Адриатику в Югославию.

22 февраля 1944 года группа разведчиков, в которую входил и Лихо, приземлилась на планерах в районе Босанского Петроваца. Утром разведчики отправились в город Дрвар, где располагался Верховный штаб Народно-освободительной армии Югославии.

Дальнейшая служба Георгия Лихо уже проходила под руководством Николая Патрахальцева, и поэтому его воспоминания о резиденте Патрасе особенно ценны.

«Работы у меня было много, с раннего утра до глубокой ночи шел радиообмен, при этом 4/5 радиogramм предназначались на передачу. Связь держалась очень устойчивая, с отменной слышимостью. Так прошла неделя.

Как-то заходит ко мне в радиорубку-сарай Николай Кириллович Патрахальцев. Понаблюдав за работой минут тридцать, он спросил, скоро ли будет перевыв? Отвечаю: вот передам последнюю радиogramму и, пока не принесут очередную порцию, будет перерыв.

Патрахальцев предложил мне пойти с его группой на север Югославии в Словению. Моя задача обеспечить группу радиосвязью с Москвой и главной миссией при штабе Тито, готовить разведчиков-радиостов, и, разумеется, поддерживать связь, когда они уйдут на задание в тыл противника.

Я согласился, заметив только, что я единственный радист у Леонида Долгова, и он вряд ли согласится меня отпустить. На это Николай Кириллович ответил, что он все устроит. И действительно устроил», — вспоминал Георгий Лихо.

В первых числах марта группа разведчиков — Патрахальцев, Богомоллов, Лихо и переводчик Кульков двинулись из Дрвара на север, в Словению.

В ту зиму в Динарских Альпах выпал большой снег. Приходилось идти где по колено, а где пробираться и по пояс в снегу.

На пятый день пути, когда разведчики решили сделать привал в одной из босанских деревень, произошел случай, который потом долго со смехом вспоминали офицеры.

Группа Патрахальцева сидела у стены какого-то разрушенного дома. К ним с опаской подошла старая женщина — селянка и спросила, правда ли что среди них есть русские большевики? Кульков перевел вопрос, и Николай Кириллович с улыбкой указал на радиста Лихо, мол, он и есть

русский большевик.

Старушка подошла к Георгию, сняла пилотку и стала ощупывать его голову. Переводчик спросил, что она ищет? «Рога, — ответила босанка, — ведь все большевики с рогами. Нам так говорили».

Весьма показательный случай. Такова была пропаганда в довоенной Югославии и отношение властей к Советскому Союзу.

По пути в Словению группа разведчиков побывала в Главном штабе в Хорватии, и потом через железную и шоссейную дороги Загреб-Карловец вышла к реке Куна. Закончился полуторасуточный переход, и разведчики были у цели — в Словении, в городке Метлика.

Резидентура расположилась в Черномеле. Георгий Лихо установил связь с Москвой и Верховным югославским штабом.

«Дней через десять, — вспоминал Георгий Леонидович, — я приступил к подготовке первых двух разведчиков-радивистов. Опыта в их обучении у меня не было, поэтому все приходилось делать на ходу.

Готовность разведчика-радивиста к самостоятельной работе полковник Патрахальцев определял просто: когда я докладывал о завершении подготовки, он давал радиogramму в Центр. В ней говорилось, что в обусловленный сеанс на радиосвязь выйдет ученик, которого надо проверить и дать заключение о его готовности.

Моя обязанность заключалась в выдаче радиостанции и необходимых радиоданных. Обучаемый самостоятельно разворачивал радиостанцию, вступал в связь, вел радиообмен, переговоры. Из 14 подготовленных мною разведчиков-радивистов все были проверены, подобным образом и ни один из них не получил отрицательную характеристику».

Через некоторое время в резидентуре осталось всего два человека — сам Патрахальцев и радист Лихо.

Богомолов ушел на север к австрийской границе, переводчик Кульков возвратился в главную миссию.

Теперь всю работу приходилось делать вдвоем: принимать самолеты с грузом для словенских партизан, подбирать площадки для десантирования, готовить посадочные полосы для самолетов.

Случалось всякое. Как-то на площадке для сброса грузов услышали звук приближающегося самолета, зажгли костры и получили две бомбы. Немцы неоднократно пытались бомбить площадку, но вражеские самолеты удавалось отгонять огнем зенитных установок.

В ноябрьские праздники 1944 года радиостанция резидентуры «Патрас» замолчала на три дня. Стало известно, что фашисты спланировали карательную операцию на территории Словении.

И действительно, 7 ноября они начали наступление на освобожденную словенскую территорию, бросив против партизан пехотную дивизию. Фашисты быстро продвигались к Черномелю, и партизаны были вынуждены уйти в горы. Вместе с ними ушли и наши разведчики.

Двое суток немецкие каратели упорно преследовали партизанские подразделения. И только умелые действия батальона, состоявшего из бывших советских военнопленных, которые устроили фашистам засаду и уничтожили 250 человек, заставили немцев остановиться и отступить.

Партизаны, а вместе с ними и резидентура «Патрас», возвратилась в Черномель, радиосвязь была восстановлена, работа продолжена.

Война есть война, и задачи у резидентуры «Патрас» были самые разные. Вот как об одной из них вспоминал сам Николай Патрахальцев: *«Начальник 2-го управления ГРУ "потерял" танковую армию. Немецкая танковая армия не иголка в стогу сена, но тем не менее это случилось.*

Мне была поставлена задача найти эту армию. Видимо, руководство предполагало, что ее могли передислоцировать на мое направление — в Италию, например, или в Австрию.

Таков приказ. Надо выполнять. Осторожно провентилировали вопрос через американцев. Те ничего не знают.

Начал раскручивать своих информаторов среди югославов. Один партизан доложил, что видел, как 26 немецких грузовиков проехали в направлении Австрии. Это уже кое-что. Докладил в Центр. Но сам понимаю, а вдруг это какие-то другие грузовики.

Послал своего человека в Австрию, посмотри, мол, как дела в Вене, приглядишься к немецким солдатам. По форме видно — с фронта они или тыловики, новенькие, чистенькие.

Вернулся мой человек. Да, действительно, говорят что танковая часть прибыла с фронта. Солдаты и офицеры бродят по бардакам. По обмундированию видно — фронтовики. Потертые, поношенные...

Так-то оно так, а как проверить, правду ли докладывает информатор? Может, он и вовсе не был в Австрии? Ну, что ж, говорю, хорошо, ты принеси мне трамвайный или автобусный билет, австрийский.

Билет он не принес, а вот газету австрийскую мне подарил. Интересная газета оказалась. Я ее внимательно, до мелкой заметки изучил. А в газете той было написано, что в ближайшее время в городском парке играет военный оркестр.

Запросил Центр: хочу съездить на праздник в Вену, послушать военный оркестр. Центр выезд запретил и попросил сообщить фамилию дирижера оркестра.

Проверили по картотеке информационного управления ГРУ и оказалось... маэстро был дирижером одной из дивизий той самой пропавшей армии.

Вот такое не совсем обычное задание пришлось выполнять моей резидентуре».

Командировка Николая Патрахальцева закончилась в апреле 1945 года. Закончилась неожиданно. Он был вызван в Москву для нового назначения — помощником главного резидента в Югославии. 12 апреля новое задание утвердил заместитель начальника 1-го управления ГРУ полковник Мильштейн, и Патрахальцев был готов возвратиться обратно.

Однако в это время произошел провал нашего оперативного работника Сульта, и на задании Патрахальцева начальник 5-го отдела генерал-майор Мельников сделал надпись: «В связи с провалом Сульта поездка Патраса в Югославию решением начальника ГРУ отменена 25.04 1945 года».

В Югославию на имя резидента ушла телеграмма:

Сообщение Центра Канту. 26.04. 1945 г.

«Провал, возможные последствия и перспективы работы вы оцениваете в основном правильно, хотя провал явился результатом недопустимого просчета.

Патрас к вам не приедет».

За успешное выполнение задания командования в Югославии полковник Патрахальцев Николай Кириллович будет награжден высшей наградой страны — орденом Ленина и югославским орденом Партизанская звезда I степени.

Командировка в Аргентину

Весной 1946 года начальник ГРУ Ф. Кузнецов установленным порядком обратился со служебной запиской к секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову: «Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии просит разрешить выезд в Аргентину полковнику Патрахальцеву Николаю Кирилловичу, командируемому по линии Министерства внешней торговли на должность инспектора по транспорту Торгпредства СССР».

Секретарь ЦК дал добро. Так полковник Патрахальцев оказался в очередной своей командировке в Аргентине под «крышей» советского торгпредства.

Прошел год со времени окончания войны. Страна лежала в руинах. Теперь в цене были не солдаты, а строители. Красная армия стремительно сокращалась.

Во всех ведущих государствах мира части специального назначения попали в полосу кризиса. Советский Союз ничем не отличался от других стран. Боевые полки и батальоны, некогда гордость армии, расформировывались, сокращались.

Мир устал от войны. Мир наивно верил в светлое будущее без зловещих спецназовцев-диверсантов.

До 1950 года, когда в нашей армии появились роты специального назначения, было еще далеко, и, подчиняясь приказу, Николай Кириллович Патрахальцев убыл в Аргентину. Опыт оперативной работы к тому времени у него был достаточно богатый.

Вот как его характеризовали старшие начальники накануне командировки: *«Тов. Патрахальцев имеет вполне достаточную образовательную и военную подготовку. Культурный, честный, волевой офицер.*

Имеет специальную подготовку и практический опыт работы в этом направлении.

Хорошо владеет испанским языком».

И тем не менее, несмотря на опыт, работать в Аргентине было очень трудно. Обстановка в стране и, в первую очередь, в столице Буэнос-Айресе, в те годы складывалась крайне неблагоприятно для нашей агентурной деятельности.

Это определялось прежде всего политической конъюнктурой. Вот

лишь один весьма показательный пример. Член кабинета министров, генерал в отставке Пистарини во время своего визита в США заявил: «Аргентина твердо стоит за США в ее "холодной войне" против России».

А вот что сообщает тогда же в Центр один из оперативных работников военной разведки: *«На официальных выездах в другие города наблюдение ведется усиленное, открытое и довольно наглое, и наши представители ни на минуту не выпускаются из поля зрения».*

Аргентинская военная контрразведка контролировала всю официальную деятельность советского атташата, торгпредства и стремилась никого не допускать в военную среду.

На официальных приемах контрразведчики окружали советских представителей большим числом своих сотрудников, которые осуществляли слежку за каждым человеком. Кроме самих контрразведчиков на этих приемах присутствовали их осведомители. Так что если кому-то из наших оперативных работников и удавалось познакомиться с офицером или генералом, это не ускользало от пристального взгляда контрразведки.

Кроме того, аргентинское военное ведомство делало все возможное, чтобы избежать приглашения наших представителей в войсковые части и в военно-учебные заведения.

Однако и эти весьма жесткие меры показались аргентинским спецслужбам недостаточными. Они попытались установить свой контроль даже на мероприятиях, которые проводил советский военный атташе. Требовали, чтобы приглашения на подобные приемы рассылались, например, через отдел иностранных военных атташе, который, разумеется, контролировала контрразведка.

«Следует заметить, — радировал в Центр оперативный работник ГРУ Хамис, — ни на одном нашем большом приеме не присутствовали ни военный министр, ни министр морского флота и ВВС, ни их заместители, или другие крупные руководящие работники».

Практически во всех документах подчеркивается одна мысль — за спинами аргентинской КРО стоят американцы.

«Советским офицерам, — отмечается в оперативном письме в Москву, — приходится иметь дело не только с аргентинской КРО, но и с американской, которая за последнее время ведет свою деятельность против нас более активно, чем аргентинские контрразведчики.

Американцы предпринимают большие усилия заслать к нам агента. Предлагали продать секретное оружие США последних образцов, подсылали с письмом одну из преподавательниц с просьбой принять ее на

работу».

В такой напряженной оперативной обстановке начинает свою деятельность Николай Патрахальцев. Его потенциал в резидентуре оценивается достаточно высоко. Если один из сотрудников, назовем его Яновым, как сказано в документе, «по складу своего характера самостоятельно вербовочные работы проводить не может», другой — Боков «может проводить вербовку младших офицеров, мелких чиновников, обслуживающий персонал предприятий», то у Патрахальцева совсем иное амплуа. Он «способен самостоятельно вести вербовку среди старшего офицерского состава, чиновников правительственного аппарата, инженеров, врачей и некоторых лиц свободных профессий».

К сожалению, применить свои способности, опыт Николаю Кирилловичу не удалось. Через год он был возвращен в Москву и занялся своим делом — подготовкой разведчиков-диверсантов. Справедливости ради надо отметить, что работа в Аргентине была не самым лучшим периодом в его, безусловно, плодотворной, многолетней деятельности в разведке. Видимо, это поняли и в руководстве ГРУ и возвратили Патрахальцева к тому делу, в котором он был непревзойденным мастером.

Уже через полтора года, в 1949-м заместитель начальника управления ГРУ капитан 1 ранга Бекренев в аттестации на начальника отдела полковника Патрахальцева пишет: *«Офицер большой воли и решительности. Решаемые отделом задачи в основной своей части хотя и являются недостаточно изведенными, однако выполняются вполне удовлетворительно.*

Занимаемой должности соответствует. По опыту работы, а также по выслуге лет в воинском звании полковника (с 1943 г.) может быть представлен к званию генерал-майора».

Правда, звание это полковник Николай Патрахальцев так и не получил до увольнения в запас в 1956 году. И только когда на должность первого заместителя начальника ГРУ пришел генерал Хаджи-Умар Мамсуров, он вспомнил о старом друге и соратнике и посчитал, что опыт Николая Кирилловича еще пригодится в разведке.

Патрахальцев был вызван из Киева, где он уже обосновался на пенсии, и восстановлен в ГРУ. Еще тринадцать лет он честью и правдой будет служить военной разведке, возглавит агентурно-диверсионное направление, в последующем преобразованное в направление специальной разведки.

Вот как о том времени вспоминает генерал-майор в отставке Павел

Агафонович Голицын: «Берлин в 1961-1962 годах был в центре всеобщего внимания. В силу складывающейся обстановки на острие событий оказалась разведка нашей 20 гвардейской армии. Мне как начальнику разведки, успешно справившемуся с задачами, много было предложений по дальнейшему прохождению службы: в разведотдел штаба Сухопутных войск, на кафедру разведки в Академию имени М. В. Фрунзе, на должность заместителя начальника разведки приграничного округа.

Приехал в это время в Берлин начальник направления ГРУ ГШ, ведавшего частями спецназначения, полковник Патрахальцев Николай Кириллович, предложивший пойти к нему заместителем. Я дал согласие и был назначен на эту должность.

Части специального назначения реорганизовывались и приобретали новое качественное состояние, поэтому как специалиста с практическим опытом борьбы в тылу противника и опытом послевоенной службы меня и пригласил Патрахальцев.

Реорганизация наших частей спецназначения была ответом на создание мощных специальных войск в американской, английской, французской и других армиях блока НАТО. Мы в этом вопросе отстаивали от вероятного противника».

Началом создания диверсионно-разведывательных войск в армии США послужили 6 сформированных батальонов "Рейнджерс" для ведения диверсионно-разведывательных действий в тылу противника.

В 1950 годы в штаты пехотных дивизий были включены диверсионно-разведывательные роты "Рейнджерс". 6 таких рот использовались американцами во время войны в Корее.

В 1952 году на базе этих рот в американской армии начали создаваться войска специального назначения.

В ту пору тотального противостояния Советский Союз тоже не мог сидеть сложа руки. Ведь главными особенностями частей специального назначения США была их постоянная готовность к боевому применению уже в мирное время. Руководство США считало: когда обычные вооруженные силы применять практически нецелесообразно или преждевременно, следует использовать спецназ.

В ГРУ было известно, что американские подразделения спецназа сориентированы и ведут специальную подготовку к действиям на конкретных театрах военных действий, конкретных объектах.

Американцы очень внимательно отнеслись к опыту немецких, советских, английских разведывательно-диверсионных подразделений,

особенно военного времени.

Нам предстояло догонять американцев. Направление, которым руководил полковник Николай Патрахальцев, объединило лучших специалистов того времени по диверсионной работе — Героя Советского Союза Ивана Банова, Григория Мыльникова, Федора Побожеева, Василия Покидько. Курировал эту работу опытный разведчик-диверсант Герой Советского Союза генерал-полковник Хаджи-Умар Мамсуров.

У офицеров направления было много забот. В первую очередь, следовало разработать штаты наших частей спецназа для округов и армий. Структура частей должна соответствовать задачам, то есть быть гибкой, позволяющей применять их в различных операциях от небольшой разведгруппы в 3-10 человек до подразделений в 200-250 человек.

А какое вооружение более всего подходит спецназовцам? Тоже не простая проблема. Пришли к выводу, что это должны быть автоматы, пулеметы, гранатометы, минно-взрывные средства, агентурные КВ-радиостанции.

При глубоком анализе имеющегося в войсках вооружения стало ясно — в большинстве оно малоприспособлено для разведывательно-диверсионных групп, которым предстоит действовать в глубоком тылу противника.

Нужны были новая техника и вооружение. По инициативе коллектива направления специальной разведки началась разработка таких образцов — бесшумного стрелкового оружия, современных парашютов для большого радиуса действия, нового обмундирования, компактных средств связи.

Офицеры направления не засиживались в Москве. Они постоянно выезжали в округа, оказывали помощь в комплектовании частей специального назначения.

Однако пришло время проверить новые части спецназа в деле — на учениях. И такое учение было подготовлено офицерами направления во главе с Николаем Патрахальцевым. Оно было проведено на территориях Ленинградского и Прибалтийского военных округов.

Часть специального назначения принимала участие во фронтовой наступательной операции. Руководил учениями заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Х.-У. Мамсуров.

В ходе учения отрабатывались важнейшие вопросы, такие как подготовка разведывательно-диверсионных групп, их десантирование, работа в тылу противника».

Пять лет руководил направлением специальной разведки полковник, а потом генерал-майор Николай Патрахальцев. В 1962 году он возглавит отдельную часть и продолжит свою работу. Будет обучать и воспитывать

разведчиков-диверсантов.

Генералу Николаю Кирилловичу Патрахальцеву будет 61 год, когда он уйдет в отставку. Его ученики служат в войсках специального назначения и ныне.

КОСТРЫ НА СНЕГУ

Глава первая

Сов. секретно

экз. единств.

ПРИКАЗ

Капитана тов. Банова Ивана Николаевича назначаю помощником командира диверсионного отряда военинженера 1-го ранга тов. Г. М. Линькова по специальной работе. Отряд находится в 8—10 км западнее озера Червонное.

Тов. Банову И. Н. в ночь с 15 на 16 августа 1942 года вместе с грузом боеприпасов и материалом для диверсионной работы высадиться с парашютом в вышеуказанном районе на сигнал семи костров, выложенных буквой «Н».

Присвоить Банову И. Н. оперативную кличку Черный.

Начальник 5-го отдела 1-го управления ГРУ

Генштаба Красной армии

подполковник Патрахальцев

15 августа 1942 года

Моторы самолета мерно гудели. Иван Банов прильнул к иллюминатору. Вокруг темень, хоть глаз коли. На земле — ни огонька. Изредка из-за туч выглядывала луна, и тогда в ее бледном, тусклом свете он видел лес под крылом да редкие блюдца озер. Судя по времени — подлетали к линии фронта.

Капитан Иван Банов, а теперь он уже и не Банов, а Черный, летел в тыл. На фронте в понятие «тыл» они привыкли вкладывать иной смысл. Тыл — это отдых, хоть какое-то затишье, можно откормиться, отоспаться. Теперь все для него перевернулось — тыл становился фронтом, а фронт? Фронт по-прежнему оставался фронтом. Только теперь у него, капитана Черного, будет своя линия фронта. В тылу врага.

Он не переставал думать о предстоящей задаче. Много было неясно. Вернее, теоретически, как говорят на пальцах, он все понимал.

В середине 1941 года парашютно-десантный отряд под руководством Григория Линькова из района Вязьмы был заброшен в тыл врага. Линькову предписывалось создать базу для длительной боевой работы партизан. И Григорий Матвеевич ее создал.

В отряде насчитывалось около ста человек. Состав — достаточно

разношерстный: десантники, выброшенные вместе с Линьковым, окруженцы, вчерашние бойцы и командиры Красной армии и местные жители.

Действовали они в очень выгодном для командования районе. С северо-запада проходила магистраль Брест-Минск-Москва, южнее — дорога Брест-Пинск-Мозырь-Гомель. Через Барановичи пролегал путь на Ленинград, и в другую сторону на Могилев. Через Сарны шла железная дорога Брест-Ковель-Киев.

Отряд Линькова работал на этих коммуникациях, совершая диверсии, уничтожая вражеские эшелоны, останавливая движение на железнодорожных перегонах.

Батя (оперативный псевдоним Линькова — авт.) свою задачу выполнял. Но Центру этого было мало. От военной разведки требовали не только диверсий, но прежде всего разведданных. Верховный главнокомандующий, Генеральный штаб каждый день требовали новых, свежих сведений о перемещении живой силы и боевой техники противника, об их дислокации.

Нужна была четкая картина войны. Руководство хотело знать силу противника, которая противостояла советским войскам.

Но отряд Линькова исходно нацеливался на иные задачи — на диверсии. И в этом у них уже был накоплен опыт. А вот как вести разведку, добывать разведданные, насаждать агентуру партизаны Бати не знали и не умели.

Более того, интуитивно они сторонились городов, крупных населенных пунктов — там стояли немецкие гарнизоны, в прямое противостояние с которыми партизаны вступать не могли — пока не было ни сил, ни оружия, ни возможностей. Да и лишние контакты с местными жителями — это всегда утечка информации. Среди них могли оказаться предатели, немецкие агенты. Рисковать нельзя.

Теперь всю работу предстояло перестроить по-иному. Разведка должна была стать главным делом отряда.

Так считал Центр. Что думал по этому поводу Батя, Банов не знал. Ведь развертывание разведсети, особенно на первом этапе, дело трудоемкое, опасное и далеко не показательное. Пустил под откос поезд — есть что доложить в Москву: столько гадов погибло, столько ранено, техника сгорела, движение задержано. А что значит вырастить хотя бы одного агента? Его предстоит подобрать, да так, чтобы он работал в нужном месте, имел доступ к ценной информации. Прежде этого кандидата следует проверить, убедиться, что он наш человек, а не подсадная

гестаповская утка. Потом надо уговорить работать на партизан. Но даже если и уговаривать долго не придется (среди местных жителей было достаточно патриотов, кто горел желанием бороться с врагом), от такого агента толку мало. Его надо научить осторожности, конспирации, умению легендироваться, скрывать свои истинные намерения. Иначе он и себя погубит, и других подведет под удар.

И только после всего этого, по прошествии времени, можно надеяться на разведывательные данные от него.

Но один агент — в поле не воин. Таких агентов надо немало.

Черный вспомнил, как предостерегал его наставник в Главном разведуправлении подполковник Николай Патрахальцев, когда он готовился к заброске в тыл:

— Практика показывает, Иван, в твоей работе будет много сложностей. Во-первых, в наших партизанских отрядах практически отсутствуют люди, знакомые с методами сбора данных о противнике. И отряд Линькова ничем не отличается от других. У него тоже нет таких спецов. Вот подрывники есть, а разведчиков, увы, — развел руками Патрахальцев. — Второе. В некоторых партизанских отрядах, как бы это помягче выразиться, этой работы...

— Боятся... — вырвалось тогда у него.

— Не то, чтобы боятся, — усмехнулся Николай Кириллович, — но относятся с недоверием, прохладцей. Скорее, не понимают ее важность. Придется переубеждать людей, доказывать... И запомни, капитан, возможности для развертывания разведки у нас очень велики. Ведь немцы находятся на нашей земле, за ними следят тысячи наших людей. У них бесценная информация, но мы не умеем ею воспользоваться.

Мы все время опаздываем, опаздываем... А устаревшая развединформация, сам знаешь, мертвая информация.

Черный вспомнил напряженный взгляд Патрахальцева. Тот повторял эти мысли ему изо дня в день. Видимо, эта проблема очень беспокоила руководство военной разведки.

Уже на аэродроме, перед посадкой в самолет, пожимая руку, Николай Кириллович сказал:

— Я очень надеюсь на тебя, капитан. Дело это, считай, государственной важности. Не увлекайся партизанством, диверсиями. Запомни, твое дело — разведка.

...За бортом самолета гулко ухнул разрыв снаряда, возвращая Черного к реальности. «Проходим линию фронта», — догадался он. Пробрался по тюкам к кабине летчиков.

— Линия фронта, — крикнул Черному штурман в подставленное ухо, — вон там Орел.

По темному небу шарили лезвия прожекторов, вспыхивали у невидимой земли «плевки» огней.

Капитан возвратился в салон, к своим тюкам. Огненные «цветы» за бортом увяли, самолет начал медленно снижаться.

Опять тревожно засосало под ложечкой. Откровенно говоря, вспоминая напутствие Патрахальцева, он совсем не был уверен в успехе. И чем ближе они подлетали к базе Линькова, тем муторнее становилось на душе.

Странно, но до чего все было понятно на фронте. Конечно натерпелся, намытарился, наголодался, но зато знал, что от него требуют, как это выполнить.

Уже 27 июня, на пятый день войны, его и еще несколько слушателей Академии имени М. В. Фрунзе включили в группу полковника Свирина, и вот так же, самолетом, доставили в Могилев, в штаб Западного фронта.

Летели в командировку, не надолго. Командировка затянулась на год.

Чего только не вместил этот год. Первым в их боевой практике был город Рогачев. Вместе с сокурсником по академии капитаном Азаровым комплектовали первые разведгруппы, забрасывали их в тыл противника. Там же в первый раз и сам сходил в немецкий тыл, вернулся, послал первое сообщение в Центр.

А потом, все как в калейдоскопе, — 63-й стрелковый корпус Петровского, Гомель и замок Мицкевича, где стоял штаб фронта, приказ двигаться на восток, четырехсоткилометровый марш через Дмитрий-Львовский и Орел на Карачев.

На марше наскочили на немцев, но из столкновения вышли победителями, даже с трофеем. Забрали у бежавших фашистов легковушку.

В Карачеве доложил о своем прибытии в штабе Брянского фронта и получил приказ — убыть в Курск для подготовки партизан-диверсантов.

Убыл. И уже через несколько дней разворачивал партизанскую школу, обучал бойцов тактике действий, умению вести разведку, совершать вылазки и диверсионные акты.

Однако в начале ноября враг прорвался к городу и Курск был оставлен нашими войсками.

Вместе с частями Красной армии отступал и он, разведчик Иван Банов. На душе — паршиво, хотя в какой-то мере успокаивало то, что в тылу врага оставались обученные им люди, агенты. Они сейчас были на вес золота.

Следующая остановка в Ельце. Там комплектовал диверсионный отряд из местных комсомольцев и вместе с ними убыл на фронт. Воевал.

А весной 1942 года его вызвал к себе начальник разведки Брянского фронта, напоил чаем, дал свою «эмку» и отправил в Москву. Всю дорогу до столицы Банов терялся в догадках: зачем его отправили в столицу?

Через несколько дней все стало ясно — он летит в тыл врага. И началась подготовка. Ею руководили подполковник Николай Патрахальцев, участник Испанской войны, Финской кампании и Герой Советского Союза подполковник Валерий Знаменский.

В середине июня он был готов к отправке в тыл. Но вот куда предстояло лететь? Банов терялся в догадках.

Практически всюду, на всех фронтах, летом 1942 года складывалась тяжелая обстановка. Ленинград задыхался в тисках блокады, и войска Волховского фронта не смогли прорваться к Северной столице. Центральный фронт, встретив яростное сопротивление немцев, остановился в двухстах километрах от Москвы. Наступление под Харьковом захлебнулось, и враг, перехватив инициативу, сам пошел вперед, пытаясь прорваться через донские степи к Волге, предполагая отрезать нас от кавказской нефти.

Так что послать могли куда угодно, как говорят, на все четыре стороны.

20 июля догадки остались позади. На очередной встрече подполковник Николай Патрахальцев сообщил: путь капитана Банова лежит в белорусские леса, в отряд Григория Линькова. Он назначается замом по разведке.

Отряд располагался в глубине Пинских болот, в урочище Булево болото. С востока к болоту подступало озеро Червонное, с юга — озеро Белое.

Изучая, заучивая по карте все эти урочища, леса, озера Банов не мог предполагать, что на ближайший год вся его жизнь будет связана с этими, пока еще неизвестными, названиями.

...Самолет продолжал снижаться. Из кабины вышел командир, наклонился, спросил:

— Готов к прыжку?

— Готов...

— Сигнал — сирена. Борт надо покинуть побыстрее. Понял?

— Да, да, — махнул Черный, пытаясь подтянуть лямки парашютной системы.

— Червонное, — крикнул командир корабля, указывая в иллюминатор.

В стекле блеснула гладь озера в лунном свете.

Штурман со стрелком распахнули кабину и стали сбрасывать мешки. Самолет сделал разворот, штурман махнул рукой, подзывая поближе Банова.

Внизу горели партизанские костры. «А партизанские ли?» — вдруг подумал Иван.

Но времени на размышление уже не было. И он шагнул вперед, бросился в темноту.

Полет... Рывок... И белый купол заполнил почти все небо над головой.

Опустился он мягко, увяз во мху, и уже через несколько минут к нему подбежали какие-то люди.

— Я к Грише, — крикнул он.

— Я от Гриши, — ответили бегущие. Это были партизаны Линькова. Они окружили Банова и сразу в расспросы.

— Из Москвы? Из самой?

— А газетки привезли?

— Привез, привез, — успокаивал их Банов.

— Пойдемте, товарищ капитан, — сказал один из партизан, — сам Батя вышел, чтобы вас встретить.

Партизан повел его по болоту, остальные бросились на поиски мешков. Вскоре за деревьями замелькал огонь костра. Навстречу Банову поднялся невысокий, плотный, скуластый человек в армейской безрукавке. Иван понял — это и есть Линьков.

Поправив фуражку, Банов отрапортовал, как положено по уставу.

Линьков внимательно оглядел своего заместителя и протянул руку, крепко пожал ее.

— Рад, рад. С прибытием.

И тут же кивнул:

— Ну пойдете...

...В командирской землянке было сухо и душно. Горела «керосинка», отбрасывая желтые блики по стенам, обтянутым парашютным шелком.

Собирались командиры, рассаживались. На печке кипел чайник, в чугунке варилась картошка, на столе расставлены кружки, нарезан каравай хлеба.

Выпили по маленькой, закусили. Все смотрели на Банова. Тишину прервал командир.

— Ну что, как там в столице? Что нового на фронтах? Тебе слово...

Банов рассказал о Москве, о нынешних строгих порядках, о том, что немецкие самолеты не так уж часто прорывались к столице и не нанесли ей

ущерба. И подытожил:

— На месте Москва, как и прежде. Где ж ей быть, родимой.

Его рассказ вызвал оживление. Незаметно пролетело два часа. Совещание закончил командир, отправил всех спать, и Банову пожелал спокойной ночи.

Однако Иван Николаевич, прежде чем уснуть, попросил доложить о задаче, возложенной на него. Получив разрешение — доложил. Линьков выслушал с вниманием, но обсуждение перенес на утро. Засыпая, Банов подумал, что командир прав: утро вечера мудренее.

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Слива» 21.8.42 г.

«Черный принят отлично. Грузовых мешков прибыло только пять.

Прошу учесть наше положение. Люди есть. Они совершили четыре крушения без всякого оружия, но бойцы разуты. Таких много.

Снимаю свой маузер, отдаю людям, сам хожу с финкой. Добывать оружие в бою нечем. Мой человек дороже 50 фашистов. Терять хороших не желаем, плохие оружие не добудут.

Ссылка на недостаток оружия непонятна. Ведь много не прошу, а только 3-5 автоматов. Может быть, даже использованные на фронте. Шлите оружие хоть из музея.

Гриша^[1]».

Глава вторая

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Слива» 23.8.42 г.

«Положение на фронте понимаю. Сил не жалею, жизни не берегу. Делаю все, что могу.

Возможности использования местного населения крайне ограничены. Связи с ним потеряны при переходе в другой район. Места, где нет наших людей, находятся на значительном удалении от базы. Сделаю все, что смогу.

Основное внимание уделяю железным дорогам с целью диверсий.

Под руководством Бринского направил тридцать человек в район озера Выгоневское с задачей проведения диверсий. Пятнадцать партизан ушли на минирование шоссе, организацию крушений на участке 61-94.

Под командой Садовского направил двадцать четыре человека в район озера Дикое, с задачей диверсионных действий на линиях Овруч-Мозырь, Мозырь-Гомель, Бобруйск-Гомель.

Гриша».

Утром капитан Черный услышал от командира отряда Григория Линькова то, о чем его предупреждал Патрахальцев.

Они пили с командиром чай, заваренный на малине, говорили о делах партизанских.

— Вот что я тебе скажу, Иван Николаевич, — прихлебывая из кружки, произнес Линьков, — думал я над новой нашей задачей. Дело непростое. Разведчиков у меня нет. Как подойти к этому делу, никто не знает.

И Линьков лишь развел руками. Что мог ответить на это Черный? Будем учиться.

После чая, разговора Черный познакомился с месторасположением отряда. Отметил про себя, что партизанская база была развернута весьма толково, можно сказать классически, как по учебнику. А классические требования Черный помнил почти наизусть. Она должна, с одной стороны, дислоцироваться рядом с природными ориентирами. Ну, например такими, как озера, которые хорошо видны с воздуха, чтобы летчики могли сбрасывать груз или делать посадку.

С другой стороны, само расположение отряда должно быть достаточно удалено от этих ориентиров. Иначе противник обязательно его обнаружит. Это что касалось воздушной связи с Большой землей.

Были и местные требования. Базу следовало разместить подальше от населенных пунктов и желательно в глухих, труднопроходимых местах. Куда, собственно, местные жители не заглядывают.

Однако при этом партизанам надо поддерживать отношения с жителями близлежащих деревень. Значит, расположить так, чтобы была возможность дойти до этих населенных пунктов и вернуться в отряд.

Еще будучи слушателем Высшей специальной школы ГРУ, Черный только улыбался над этими требованиями. Казалось, они взаимоисключающие и практически невыполнимые.

Но практика доказала иное. Он с удивлением увидел, что база Линькова именно так и расположена. Считаю, как в учебнике.

Озера Червонное и Белое были хорошо видны с воздуха. Это мог засвидетельствовать он сам. Видел собственными глазами с самолета.

И в то же время от базы до озера, ни много ни мало, около двадцати километров по лесу и болоту. Расстояние вполне достаточное.

Что касается населенных пунктов, то до ближайшей деревни Восточные Милевичи на западе — верст семь, до городка Житковичи на юге — двадцать пять.

Штаб располагался в нескольких землянках: руководство отряда, радиоузел, охрана. Однако людей на центральной базе было немного. К дорогам и населенным пунктам выдвигались передовые заставы, прикрывающие базу от непрошенных гостей.

На заставах располагались основные силы отряда. Отсюда уходили партизаны на диверсии, сюда возвращались, отдыхали, готовились к новым выходам.

Рядовые партизаны знали только свою заставу, в центральный штаб приходили командиры групп, застав. Да и то, без большой необходимости здесь не появлялись.

Все верно. Лишней предосторожности в партизанских делах не бывает. Ведь гестапо тоже не дремало.

Однако база базой, а у Черного сидело в подкорке свое — с чего начать? Стали думать с командиром. Действительно, отряд работал в основном на диверсии. Бринский — у озера Выгоновское. Его люди наносят удары по магистралям Брест-Барановичи, Барановичи-Лунинец, Барановичи-Белосток.

Садовский работает под Калинковичами, Сазонов ушел на Украину,

под Сарны. Есть еще два рейдовых отряда — Перевышко и Цыганова.

Выяснилось, что в ближайших деревнях партизаны бывали. Нечасто, правда. Боялись выдать базу. Оказалось, на сегодняшний день с местными у отряда есть всего одна ниточка — Матрена Мицкевич. Матрена — вдова с двумя детишками, печет хлеб для партизан. Об отряде мало что знает.

«Вот с нее и начнем», — решил Черный.

Однако Матрена неблизко, надо все обдумать, обмозговать перед выходом, а пока заместитель по разведке решил присмотреться к своим бойцам, которые жили на центральной базе, на заставах. Черный, знакомясь с людьми, присматривался, расспрашивал их о былой жизни. В разведке могут работать разные люди — по характеру, профессии, возрасту, вот только болтливых, хвастливых и недисциплинированных не должно быть.

Первым, на кого обратил внимание капитан Черный, был партизан Федор Якушев. Оказалось, он в прошлом начальник политотдела Оршанского отделения железной дороги, комиссар в отряде Константина Заслонова. Начинал партизанить еще осенью 1941-го. Здесь ходил в рядовых партизанах, но обойденным, обиженным себя не считал, спокойно делал свое дело. Во главе групп подрывников Якушев совершал вылазки под Барановичи и Молодечно, пускал под откос эшелоны врага. На личном счету Федора было восемь вражеских эшелонов.

В отряде его уважали. Однако он никогда не кичился ни прошлыми, ни настоящими своими заслугами.

Черный предложил кандидатуру Якушева в разведчики. Линьков согласился.

Вторым, кого отобрал Черный для своей работы, был Коля Кузьменко, боец из охраны центрального штаба. Правда поначалу Кузьменко сомневался. Он так и ответил капитану:

— Не знаю, как это делать.

— Ничего, научишься, — заверил Черный.

— Коли так, учите... — согласился Коля.

Линьков, пытаясь помочь своему заместителю, посоветовал использовать возможности подрывников-маршрутников. И действительно, на первый взгляд, это была палочка-выручалочка. Ведь подрывники отрываются далеко от базы, проходят порою не одну сотню километров, знают и наблюдают обстановку на маршруте, да и встречи с местными жителями для них не редкость.

Как раз в это время из дальнего рейда вернулись партизаны Седельников, Лагун, Сазонов, Яковлев. Черный побеседовал с каждым из

них.

Однако тут его ждало разочарование. Главная задача этих партизан — подрыв эшелонов. И она диктовала все их поведение. Во-первых, без острой необходимости не вступать в контакт с местными жителями. Пройти тихо, прошмыгнуть подальше от населенных пунктов.

Во-вторых, маршрутники, как правило, не интересовались численностью гарнизонов, передвижением на железных и шоссейных дорогах. Это неизбежно отвлекло бы их от выполнения основной задачи.

Так что подрывники, как и партизаны на центральной базе, мало что могли сказать о противнике. Их наблюдения были отрывочными, бессистемными.

Яковлев вообще не мог взять в толк, зачем нужны сведения о том, куда и что везут фашисты. Взорвать их — и не довезут.

Что ж, во всяком случае было ясно — из Яковлева разведчика не получится.

Но оставались Сазонов, Лагун, Седельников. Они всей душой хотели помочь заместителю командира, но тоже мало что знали. Однако к разговору отнеслись по-иному, чем Яковлев.

Седельников оказался коллегой Черного по довоенной работе. Одно время Иван Николаевич работал в районной газете «Сталинский клич» на станции Белая Калитва, что на родине в Ростовской области.

Седельников тоже до войны был газетчиком, только в Красноярске.

Черный предложил вместе сходить к Матрене Мицкевич на хутор. За хлебом.

Ночью, ближе к полуночи, с партизанской базы вышли четверо — Черный, Седельников, Якушев и Кузьменко. По сути, это было их первое разведздание. Впереди шел Седельников, он знал дорогу на хутор.

Тропа петляла между деревьев, идти предстояло долго и зам по разведке мог спокойно обдумать свое положение.

Трое разведчиков у него есть. Это, конечно, еще не разведчики, им многому предстоит учиться, но важно, что они понимают задачи, и, как ему кажется, хотят их решить. Правда, перед выходом на хутор, когда Черный предложил Седельникову стать разведчиком, тот засомневался. Нет, не потому, что не верил в свои силы, просто показалось, что его отодвигают от реальной диверсионной работы. А разведка... Это пока что-то неизведанное и неясное. Вроде бы удалось переубедить.

Позавчера Черный познакомился с командиром отряда, действующего по соседству, Василием Захаровичем Коржом. Угостил его московскими папиросами «Казбек», шоколадом, чем очень растрогал соседа-партизана.

Корж прослезился, глядя на эти подарки.

— Два года «Казбек» не курил... — сказал он.

— Так курите.

— Нет, капитан, я для отряда приберегу. Бойцам раздам по папиросе. Чтобы все видели подарок из Москвы.

Черный, откровенно говоря, подивился: никогда не думал, что пачка папирос может стать важным элементом пропаганды и поднятия духа партизан.

Как и предупреждал Батя, Корж просил взрывчатку и оружие. Он с обидой говорил, что Линькову с самолетов и оружие, и боеприпасы бросают, а им нет. У Линькова и радиостанция, связь с Москвой есть, а они и мечтать о таком не смеют. Это была правда. И хотя Григорий Матвеевич предупреждал зама, чтобы тот больших обещаний не давал, мол, у самих каждый патрон на счету, Черный не выдержал и дал слово: поможем.

Важно было и другое. Корж — бывший работник обкома партии, его хорошо знали в здешних местах, у него налажены связи с местными жителями.

Много интересного рассказал в тот день Корж. О капитане Каплуне, который после разгрома дивизии, через боевые порядки фашистов прорвался в Барановичские леса, как потом чуть не попал в руки к фашистам, как организовал группу подпольщиков, которые писали листовки с сообщениями Совинформбюро и распространяли среди населения.

...Черный шел следом за Седельниковым — влево, вправо бежала тропинка. Казалось, нет ей конца. Но вдруг лес оборвался, впереди лежала полоса подлеска. Седельников остановился, предупредил шепотом — выходим.

Дом Матрены стоял одиноко в поле. Оглядевшись, партизаны подошли поближе, тихонько постучали в окно.

В распахнутую дверь первым шагнул Седельников, следом — Черный, остальные. В доме пахло теплом, уютом, квашней. Хозяйка встретила их улыбкой, усадила за стол.

— Хлеб еще не готов, — сказала она. — Отдохните с дороги.

Спросив разрешения, партизаны закурили, завели неспешный разговор — о довоенной поре, о колхозном житье-бытье.

— Ну а как сейчас? — спросил Черный.

— Да как, ладно, немцы, понятно, враги. Так ведь и свои гады есть. Вон начальник полиции в Житковичах да его заместитель — Герман да Кацюбинский. Пьянствуют, людей запугивают.

Поговорили не только о гадах, таких как полицаи Герман и Кацюбинский. Назвала Матрена и честных, на ее взгляд, людей из Милевичей — Пришкеля, Павла Кирбая, который работал в рыбхозе.

— А Пашка Кирбай честный, но, выходит, на немцев работает?

— Куда ж ему деться? — спросила Матрена. Он бы и в партизаны пошел. Да не больно вы принимаете. Не верите, выходит?

Матрену успокоили, а фамилии Пришкеля из Восточных Милевичей и Пашки Кирбая из рыбхоза запомнили. Ну и про Германа да Кацюбинского забывать не собирались.

За разговорами пролетело время. Хлеб испекся.

Партизаны поблагодарили хозяйку, взвалили на плечи мешок и двинулись в обратный путь. Войдя в лес, решили передохнуть.

— Ну вот, товарищи, наше начало. Фамилии запомнили?

— Да уж чего тут сложного, — ответил за всех Федор Якушев.

— Теперь будем искать Пришкеля и Кирбая.

Возвратившись на базу от Матрены, Черный доложил о встрече и разговоре Линькову. Командир сидел, склонившись на карте. Из-за спины Бати Иван Николаевич увидел знакомые очертания их района, штрихи, которые обозначали болота и кустарник с островками леса. Вон оно урочище «Булево болото». А вот и Милевичи, Барановичи, южнее Пинск, Лунинец. Да, территория немалая. Как ее охватить? Сколько же тут надо разведчиков насадить, чтобы знать, чем дышат немцы?

В это время в дверь командирской землянки постучали и на пороге появился Степан Скрипник, начальник радиоузла, сокурсник Черного по учебе в Высшей специальной школе.

— Разрешите, товарищ командир? Радиogramма из Центра.

— Давай, — протянул руку Линьков и поднес листок к глазам. Через минуту он передал радиogramму Черному.

— Читай.

Центр сообщал: *«Имеет сведения, что противник из Франции перебрасывает на Западный фронт пехотные, танковые части.*

Немедленно установите наблюдение за железными и шоссейными дорогами, с задачей проследить следование эшелонов, колонн автомашин. От имени Центра ставьте эту задачу партизанским отрядам.

Всемерно активизируйте свою деятельность, выматывайте немецкие части еще до подхода к фронту.

Сведения о передвижении эшелонов, автоколонн должны быть проверены, точны и подробны и передаваться всеми имеющимися у вас музыкантами^[2]».

Телеграмма была подписана оперативным псевдонимом подполковника Патрахальцева Николай.

«Н... да... — подумал про себя Черный, — вот тебе и задачка. Обычная партизанская задачка из Центра, ничего особенного, но как ее решить без хорошо поставленной разведки, агентуры на местах?»

Легко сказать: «немедленно установите наблюдение», «сведения должны быть точны, подробны и проверены».

Командир и зам по разведке смотрели друг на друга. Говорить было нечего. Все ясно и без слов.

Центр неспроста подчеркивал важность разведки. Но и они не сидели сложа руки. Однако, видимо, этого мало.

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Слива» 26.8.42 г.

«После краткого ознакомления с работой пришел к выводу: шлите помощников. Большой район требует времени. Одному обслуживать трудно.

Черный».

Глава третья

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена». 1.9.42 г.

«Приказ об активизации действий в связи с наступлением наших войск на Западе и в районе Клетской получил.

Гриша».

Что ж, приказ об активизации был предельно ясен. Но для него, капитана Черного, это означало, в первую очередь, усиление разведывательных мероприятий, скорейшее насаждение агентурной сети.

Сегодня они вместе с Николаем Кузьменко и Федором Якушевым шли на очередную встречу с Павлом Кирбаем. Неделю назад с ним уже виделись Седельников с Кузьменко. Теперь Черный решил сам взглянуть на Павла.

Встретились на лесной дороге из рыбхоза в Залютичи. Кирбай, как и обещал, принес свежей рыбки.

Черный, поблагодарив за рыбу, спросил напрямую:

— А ты знаешь, кто мы?

— Догадываюсь, партизаны. У полицаев свежей газеты «Правда» не бывает.

«Верно подметил парень», — подумал Черный. В прошлый раз разведчики угостили его газетой для самокруток. Но, судя по всему, Кирбай ту газету не скурил.

— Ну раз так, давай в открытую.

Павел был не против и в открытую.

Черный спросил, почему не в армии. Оказалось, ждал мобилизации, да повестки так и не пришли. Ходил сам в Житковичи, сказали: сиди, вызовем. Да опоздали. Немцы опередили.

— Вот что, Паша, нам нужны сведения о немцах. Будешь рассказывать то, что знаешь.

Кирбай с радостью согласился. Черный предложил в следующий раз встретиться здесь же, на дороге. Однако Павел замялся.

— Тут увидеть могут наши залютические. Надо ли лишний раз обнаруживать себя?...

Что ж, Кирбай дело говорил. Решили подумать вместе, где удобнее устроить следующую встречу.

После ухода Павла обменялись мнениями и единогласно пришли к выводу, что Кирбай вполне подходящая кандидатура. Оставалось научить его, какие и как собирать сведения о фашистах, и договориться о тайниках, где он сможет оставлять записки для партизан, чтобы исключить частые встречи со связными.

Вторым, с кем предстояло познакомиться с подачи партизанского хлебопека Матрены Мицкевич, был Илья Пришкель.

Жил он в Восточных Милевичах, вел свое хозяйство, был женат, имел детей. К немцам на поклон не бегал.

Пришкель встретил партизанских посланцев с радостью. По всему чувствовалось — душа человек.

Когда заговорили о партизанах, о том, почему он не ушел в лес, Пришкель резонно заметил:

— А с чем партизанить? С бабским ухватом? Оружия-то нет. Ну, а коли вы пришли, — я готов. Берите меня с собой.

Откровенно говоря, Илья Васильевич приглянулся Черному. И в отряде бы он пригодился, но на месте нужнее.

— Нам очень нужны свои, преданные люди здесь, чтобы давать сведения о фашистах, об их войсках.

Пришкель смекнул в чем дело. Согласился. На прощание Черный попросил Илью Васильевича выведать о людях в Микашевичах.

— Очень наши люди нужны там, — заключил он.

А в это время уже начинал работать Кирбай. На очередной встрече он сказал, что через его сестру Алиму ищет выход на партизан некто Гарбуз, инженер.

Черный задумался. Это могла быть немецкая «подстава». Инженер работал на фашистской лесопилке. А с другой стороны, Гарбуз жил в Житковичах. Если это действительно честный человек, он был бы ценен для партизан.

— Вот что, — сказал Черный Кирбаю, — если Гарбуз появится еще раз, сведешь его с нами.

Так и случилось. Молодой инженер вскоре снова появился. С ним на встречу пошел Седельников. Вернулся сияющий.

— Стоящий мужик. Да не один. В Житковичах есть еще несколько человек, которые готовы нам помогать, — инженер Горев, Степан Татур и бывший офицер Красной армии Николай Корж.

На встрече с Седельниковым Гарбуз дал некоторые сведения по житковическому гарнизону. Оказалось солдат и офицеров там около ста пятидесяти человек. Отряд полевой жандармерии, состоявший из трех

десятков жандармов, и отряд полиции во главе с известными уже Германом и Кацюбинским.

Фашисты имели на вооружении пушки, пулеметы, солдаты — автоматы.

Это были первые, весьма важные сведения, добытые разведывательным путем.

Порадовало Черного и еще одно сообщение Гарбуза. Оказывается, того самого Николая Коржа, который готов сотрудничать с партизанами, неоднократно звали на работу в жандармерию.

Известия были хорошие. Однако Гарбуза и его друзей следовало проверить. Вот тут пригодился Пришкель. Попросили Илью Васильевича съездить в Житковичи, узнать, что там нового.

По возвращении Пришкель сообщил — в Житковичах большой переполох, на улицах появились расклеенные листовки, а возле самой жандармерии кто-то газету «Правда» ночью вывесил. Немцы были в бешенстве.

Что ж, ребята Гарбуза не подвели. Вскоре через связных Алиму Кирбай и Евгению Матвиец группе Гарбуза-Горева были переданы две мины и пять термитных зажигалок.

Горев, Корж и Гарбуз взорвали два фашистских эшелона с горючим и подожгли склад.

Центр проникновение в Житковичи расценил как несомненный успех.

...Вскоре при очередной встрече Илья Пришкель рассказал о Ванюшке Конопатском — киномеханике в Микашевичах. Сам Конопатского он не знал, но рассудил так — в армию парень не попал, а тут немцы. Ну и заставили. Теперь вот крутит фашистам кинофильмы.

А для партизан проникновение на станцию Микашевичи было, что называется, мечтой. Станция эта маленькая, да важная — через нее проходят железнодорожные ветки из Бреста на Житковичи, из Барановичей на Сарны. И если в Житковичах у Линькова и Черного уже были свои люди, то в Микашевичах — пусто. А ведь посади своего человека, и треугольник Житковичи-Микашевичи-Барановичи был бы под дополнительным контролем. Ведь Центр все время требовал проверки и перепроверки разведданных.

Надо было прощупать Конопатского. Партизан из их отряда для такой работы не годился. В городе было полно гитлеровцев. Значит, нужно использовать только местных жителей. И использовать, как говорят разведчики, «втемную», не называя имени киномеханика. Иначе человек

без соответствующей подготовки не выполнит задания, а то и провалится. Ему будут мерещиться несуществующие опасности, слезка, он поведет себя напряженно, неестественно.

Это, в свою очередь, насторожит и его собеседника, который заподозрит в нем «подсадную утку» гестапо.

Поэтому в Микашевичи по просьбе партизан поехала соседка Пришкеля, разговорчивая, добродушная женщина. Никаких особых заданий партизаны ей не давали, просто попросили послушать, о чем говорят в Микашевичах, какие новости на слуху.

В то же время Черный знал, что соседка хорошо знает семью Конопатских, и надеялся, что она заглянет и в этот двор. Расчет зама по разведке подтвердился. Она зашла к нескольким своим знакомым, в том числе и к Конопатским.

Посидела, поболтала, поругала немцев, постыдила Ваню Конопатского, что тот сиднем сидит дома, а не идет в партизаны.

Киномеханик обиделся.

— Какие партизаны? Как к ним подступишься. Они небось меня давно во врагах числят.

Узнав о результатах похода соседки Пришкеля и взвесив все за и против, Черный решил киномеханика взять в разработку.

Послали к Конопатскому связного, пригласили через несколько дней на встречу. Эти дни партизаны напряженно следили за киномехаником. Однако он вел себя обычно. Вскоре успокоились партизаны, судя по всему, успокоился и Конопатский, который, возможно, подумал, что посланец был из гестапо.

Накануне из района встречи с Конопатским вернулась группа партизан, посланная для проверки. Засады на месте предстоящего свидания с киномехаником не было. И тогда разведчики во главе с капитаном Черным отправились на дорогу в Залютичи.

Они встретили Конопатского на дороге не на восьмом километре, как договаривались, а раньше. Пусть знает, что партизаны и тут и там.

— Вы кто такие? — настороженно спросил Конопатский у возникших перед ним людей.

Партизаны представились. Но по всему чувствовалось, Конопатский не верил им.

— Придется поверить. Мы не полицаи. Вот газета «Правда», посмотрите дату.

Киномеханик посмотрел на титульный лист газеты. И верно, свежая газета, наша.

— А ты наш? — спросил Черный, — Фашистам прислуживаешь.

— Заставили. Да и что я один стою?

— Дорого стоишь.

Конопатский поглядел на партизан с надеждой.

— Надо выполнить задание. Сможешь?

— Смогу.

Дальше спрашивали уже по делу. Много ли полиции в Микашевичах, какое движение на железной дороге, куда идут поезда? Кое-что Конопатский знал, но, чувствуется, специально не следил. А жил он в очень выгодном месте, рядом с железнодорожной станцией.

Задача была поставлена точная — наблюдать за движением немецких поездов на станции.

— Связного пришлем сами, — сказал Черный, — ему и будешь передавать сведения.

Конопатский кивнул, но почему-то медлил. Это не ускользнуло от взгляда Черного.

— Что Иван не так, говори сразу.

— Ту девчонку не присылайте...

— Чем же она тебе не нравится?

— Дело не во мне. Она приметная, в глаза бросается.

— То есть как? — не понял Черный.

— Ну не местная она, не из Милевичей и не из Милашевичей, потому и приметная.

— Ах вот оно что? Согласен.

— Лучше, если кто-то из Залютичей будет.

— Ладно, постараемся, Иван.

Конопатский ушел, а тревога осталась. С одной стороны, судя по всему, парнем был он неглупым, думающим, а с другой стороны, робким, трусливым, что ли. А может, и ошибался капитан Черный. В душу к человеку не залезешь. А душа человеческая — океан.

Для Конопатского нашли связную, портниху из Милевичей Леокадию Демчук. Она согласилась работать. Да и он сам действовал осторожно и очень ответственно. Теперь развединформация шла в Центр проверенная, точная.

А тем временем после появления листовок и газеты «Правда» в Житковичах шли обыски и аресты. Немцы расстреляли ни в чем не повинного бывшего председателя Житковического райисполкома Бортеля.

Об этих событиях надо было знать подробнее. Стало быть, следовало послать туда кого-то. Из житковического подполья брать людей для этой

цели опасно. Но тогда кого?

Мужчина для такой работы не годился. Его тут же заподозрят немцы. Женщину? В отряде были женщины, и они готовы по первому приказу выполнить задание. Но никого из них не было родом из Житковичей. Зачем же рисковать?

Черный искал выход из создавшегося положения. На помощь пришел Павел Кирбай.

— Давайте пацана пошлем. Кто пацана заподозрит?

— Какого пацана? У нас нет таких в отряде.

— Ну и что? Найдем и не в отряде. Хоть бы тот же Николка Лавнюкович из Залютичей. Отец у него на фронте. Фашистов ненавидит.

— Давай попробуем, — согласился Черный, — только надо все тщательно продумать. Мальчишка ведь.

Словом, Николай съездил в Житковичи, побродил по улицам, послушал разговоры и вернулся. Рассказал, как приехал на базар, купил соли, заехал к знакомым и, оставив лошадь, ушел в город.

Лавнюковича поблагодарили, накормили обедом и подарили сапоги. Мальчишка принял подарок и прижал его к груди.

У всех, кто видел эту сценку, как-то запершило в горле и на глаза навернулись слезы.

Коля Лавнюкович стал настоящим разведчиком, выполняя сложные и опасные партизанские разведздания.

...В середине сентября на центральную базу пришли партизаны с озера Выгоновского от Бринского. Они принесли доклад о проведенных диверсиях.

Посоветовавшись с командиром, Черный решил пойти к Бринскому. Надо было там поднимать разведработу. А здесь он оставил за себя Федора Якушева.

И вот настал день расставания. Путь лежал долгий и опасный: сокурсник Семен Скрипник обещал всячески помогать Якушеву и просил идти спокойно, не тревожиться. Несколько партизан с тяжелыми мешками — с толом, боеприпасами, продуктами, командир группы Гончарук и он, капитан Черный, двинулись в путь.

Стояло теплое и тихое бабье лето...

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 2.9.42 г.

«Во исполнение Вашего приказа ставлю боевую задачу

Бринскому пустить под откос в сентябре 18 вражеских составов. Для обеспечения этого задания сегодня к Бринскому выходит Черный с музыкой и музыкантом Сливой.

Это задание при освоенной нами методике вполне реально. В его выполнении Бринским и Черным не сомневаюсь. Связь со мной держите через Скрипку.

Гриша».

Сов. секретно

Грише. Радиостанция «Пена» 3.9.42 г.

«Черного отправил к Грише напрасно. Он имеет специальную задачу по вербовке людей, работающих на различных важных объектах: заводах, электростанциях, железнодорожных станциях, портах на Припяти, складах, столовых и т. д., с целью разведки и организации там диверсий.

Невыполнение этой задачи будет расцениваться как невыполнение приказа со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Черному обязательно завербовать и посадить агентов из числа работающих на железнодорожных станциях Пинск, Лунинец, Житковичи, Барановичи. Одновременно выяснить работающие предприятия в Барановичах.

Николай».

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 6.9.42 г.

«Уважаемый товарищ начальник, совершенно не понимаю, за что Вы меня ругаете. Ваш приказ о задачах Черному знаю. Создал для него все условия, дал нужных людей, связь, по мере возможности и сам занимаюсь этими делами.

Черный сделал кое-что здесь и заявил, что он считает необходимым для реализации данной задачи пойти в район Барановичей, где находится Бринский.

Я запретил Черному пустить под откос поезд, хотя он и просил меня об этом.

Гриша».

Глава четвертая

Сов. секретно

Черному. Радиостанция «Пена» 20.9.42 г.

«Сообщите, где, на каких объектах посажены люди. Называйте только район, предприятие или объект, а также оперативную кличку. Фамилию сообщать не надо.

Николай».

Дорога в бригаду Антона Бринского была долгой и тяжелой. Партизаны обходили деревни далеко стороной. Порою казалось, этому пути нет конца — под ногами бесконечные болота, кочки, мхи.

На четвертый день пути они вышли к деревне Борки. Позади остались железная и шоссейные дороги Барановичи-Лунинец. Теперь до родной базы, как сказал Гончарук, рукой подать — километров шестьдесят.

Сделав привал, отдохнув, партизаны вновь двинулись в дорогу. А когда под ногами Черный почувствовал скользкие кладки, понял: пришли.

Первым делом оценил подходы к базе. Как и у Линькова, здесь все было сделано толково, по уму. Партизаны располагались на островке в глубине болот.

Пройдет немного времени и жизнь сама докажет трезвый расчет и умение в выборе месторасположения базы. Неожиданно нагрянут каратели. Однако партизанам удастся скрыться. Но это будет потом.

А пока группа Гончарука вышла к родному отряду. Черному предстояло познакомиться с майором Бринским, которого он знал только по радиограммам.

Вот как этот момент описывает в книге «Боевые спутники мои» сам Антон Бринский.

«В пасмурный день ждали мы возвращения с базы группы капитана Гончарука. После обеда я вышел на восточную опушку лесного острова, на котором был расположен партизанский лагерь. Часовой (с вышки наблюдательного пункта далеко видно) доложил, что по лесной дороге движется большая группа партизан во главе с Гончаруком. Вскоре они показали на нашей тропке. Шли медленно, тяжело нагруженные. Это нас обрадовало. Значит, несут нам подарки с Большой земли.

Среди знакомых фигур наших бойцов мы сразу заметили несколько новичков, одетых в одинаковые черно-синие куртки десантников. Один из

них шагал рядом с Гончаруком. Когда подошел Гончарук, доложил о выполнении задания: взрывчатку принесли, никаких происшествий в пути не было. И, отступив на полшага, влоборота к своему спутнику, представил его:

— С нами прибыл товарищ Черный, заместитель Бати.

Он и на самом деле был черным — молодой, хорошо сложенный брюнет с правильными чертами смуглого лица и густыми бровями. И новая десантка с цигейковым воротником, и добротные сапоги — все на нем было хорошо пригнано, ладно сидело.

Здороваясь, он представился четко, по-военному:

— Капитан Черный.

— Майор Бринский, — ответил я, пожимая его руку...

Возвращение связных с Центральной базы всегда было для нас радостным событием, а теперь особенно: прилетел человек из Москвы, привез радиостанцию, свежие газеты, а главное, сам он расскажет, что делается за линией фронта, как живут наши советские люди.

В тот же день вечером Черный провел беседу с партизанами о положении на Большой земле и на фронтах. Казалось, конца не будет вопросам.

Иван Николаевич никому не мешал, "не строил из себя представителя Центра", а как-то незаметно, весело и просто вошел в наш круг. Партизаны полюбили его...»

Когда Черный познакомился с отрядом Бринского, он понял — по вопросам разведки положение точно такое же, как у Линькова месяц назад. Подрывники работали хорошо, а вот разведчиков в отряде не было. Ну что ж, следовало и здесь разворачивать эту важную работу.

Черный подобрал группу способных партизан и начал их подготовку. Открыл, как шутил Бринский, «лесную разведшколу». Учениками школы стали партизаны Караваев, Новиков, Шелест, Семенюков, Голумбиевский, Белорус, Хрищанович.

Пока партизаны осваивали нелегкую науку разведки, Черный внимательно изучал обстановку. А она была такова. В этих районах действовало несколько партизанских отрядов — имени Щорса, имени Чапаева, «Советская Беларусь», отряд Картухина. В меру своих сил и возможностей они боролись с немцами, но делали это как умели. Перспективы дальнейшей работы были для них не ясны. В рядах партизан крепко утвердилось мнение, что надо идти на восток, на соединение с Красной армией. В худшем случае они согласны были партизанить в прифронтовой полосе. Считали, что борьба в глубоком тылу, без связи с

Москвой, со слабым вооружением не даст никакого эффекта.

Однако и Черный, и Бринский хорошо понимали ошибочность этих взглядов. Ведь движение на восток приведет к неоправданным жертвам и потере времени.

И тогда они решили побывать в отрядах и побеседовать с людьми, переубедить их. Словом, душа болела за эти «бесхозные» партизанские отряды.

В Центр Черный послал телеграмму следующего содержания: *«В районе озера Выгоневское имеются три партизанских отряда, насчитывающие 800 человек. Эти отряды не имеют ни с кем связи, нуждаются в помощи и руководстве. Они взорвали 9 воинских эшелонов, портят железнодорожное полотно.*

В Витебском районе немцы сожгли все деревни, угнали часть населения, остальные бродят по лесам, возможности для развертывания движения большие. Прошу указаний».

И он получил указание. На радиостанцию «Слива» пришла рассерженная радиограмма из Москвы.

«Вам поставлены задачи насаждения стационарной диверсионной сети из лиц, работающих на объектах, — негодовал Патрахальцев. — Пока мне ничего не известно, как вы выполняете этот приказ.

Уточняю его и ставлю задачу: создать на железнодорожном узле Барановичи не менее двух не связанных между собой диверсионных групп и руководить ими.

Их задача — сведения о воинских перевозках по этому узлу. Какие части движутся, какой идет груз, техника, когда и по каким направлениям? А также вывод из строя паровозного и вагонного парка и организация других диверсий. О ходе выполнения этой задачи доносите каждые пять дней.

Всякие другие вопросы, в том числе и партизанские, будут решать те, кому это поручено. Надеюсь, это тебе вполне ясно и ты меня не подведешь».

Центр упорно возвращал его к главной задаче — развертыванию агентуры и организации разведки, и очень болезненно относился к тому, что Черный занимался «не своим делом».

Однако, как он мог оставить сотни людей в неведении. За много месяцев борьбы партизаны впервые видели посланца Москвы, и хотя многие из них спорили, сомневались, не соглашались, слово командира с Большой земли было весомым и действенным.

Позже, в своих мемуарах Антон Бринский напишет: *«Выступления*

Черного перед партизанами и местными крестьянами в то трудное время сыграли громадную роль. Вскоре деятельность партизан в этих районах заметно усилилась.

Особенно удачны были операции, проведенные отрядами имени Щорса, которые разгромили немецкий гарнизон в Чемолах. Отряд Картухина сделал налет на районный центр Кривошин, разрушил полотно на узкоколейной дороге Кривошин-Линок, уничтожил два паровоза на магистрали Брест-Барановичи, ликвидировал несколько бензозаправочных и продовольственных пунктов».

Разумеется, не забывал Черный и о своей главной задаче — разведке. В реальном выражении она формулировалась так — проникнуть в Барановичи, создать там агентурную сеть.

Однако Иван Николаевич ясно осознавал — Барановичи — это далеко не Житковичи. Крупнейший железнодорожный узел. Магистрали расходятся во все концы страны — в Минск, Брест, Гомель, на север в Ленинград, на юг в Киев. Именно поэтому Центр не уставал повторять: насаждение нашей агентуры в Барановичах крайне важно.

Правда и немцев в Барановичах было значительно больше. И гестапо работало весьма активно, без сомнения, имея разветвленную агентуру.

Обсуждая этот вопрос с Бринским, своими разведчиками, Черный пришел к выводу: надо начинать с городка Кривошин, который располагался верстах в тридцати от Барановичей.

Решили сначала просто наведаться в город, узнать новости, разведать, как говорят, «кто чем дышит».

Используя житковический опыт, Черный проинструктировал разведчиков: заходить в разные дома, пока никого не агитировать, не вербовать, просто приглядеться к людям получше.

Что ж, задача ясна: приглядеться. В первую вылазку вместе с разведчиками пошел и сам Черный.

Встречали их в поселке настороженно. Кто знает, откуда они? Народ был запуган арестами и расстрелами.

Потом партизаны появились в Кривошине второй раз, третий. Люди встречали партизан уже приветливее, видно пообвыклись, пришли к мысли, что вокруг них не одни фашисты да полицаи.

В очередное посещение поселка попали они в дом слесаря паровозного депо Ромуальда Лиходневского.

Слесарь угостил их обедом — картошкой, хлебом. Разговорились. Лиходневский живо интересовался событиями на фронте. Признались не таясь, что обстановка непростая — фашисты рвутся к Сталинграду.

Возможно Ромуальд Викентьевич и ждал предложения от партизан, но те промолчали, поблагодарили за угощение и распрощались.

В отряде на совете разведчиков пришли к выводу, что с Лиходневским надо начинать работу. В следующий раз идти на свидание с ним поручили местному, кривошинскому партизану-разведчику Голумбиевскому. Тот и сам подсказал: мол, хочу выяснить, где сейчас мои бывшие друзья детства, одноклассники, приятели.

Черный это предложение посчитал деловым. И Голумбиевский ушел.

Оказалось, что в Кривошине мало кто остался из друзей и знакомых Голумбиевского. Время такое — кого на фронт забрали, кто уехал, кто и вовсе пропал. Однако об одном своем товарище партизан разузнал — Иван Жихарь был жив-здоров, работал у немцев на аэродроме.

«На аэродроме это хорошо, — подумал про себя Черный. — Эх, кабы обоих привлечь — один на аэродроме, другой в депо. Что еще надо?»

Вскоре удалось договориться с Лиходневским. Он готов был работать на партизан. Ему дали оперативный псевдоним Курилов. Теперь партизанам стало известно все, что творилось в депо, на железной дороге.

Черный радировал в Центр:

«По железной дороге Барановичи-Брест за последние числа сентября переброска живой силы, особенно танков и артиллерии, на запад увеличилась. На разъезде Бронка-Гура находится 7 артиллерийских складов.

В депо Барановичи работает мой человек Лиходневский Ромуальд Викентьевич (Курилов)».

За вербовку Курилова Центр его похвалил, за разведсообщения — упрекнул. *«Ваше сообщение об увеличении перебросок по дороге Брест-Барановичи очень важны, но не конкретны, — писал в ответной телеграмме Николай. — Вы же разведчик. Надо сообщать время, сколько, чего, куда направляется.*

Например: за 28.9. на участке Брест-Барановичи прошло на фронт 7 эшелонов с танками (сколько танков), 5 с войсками, 3 с неизвестным грузом».

Черный лишь вздохнул над радиограммой: ничего, придет время, будет он знать и вагоны, и сколько танков в вагонах, и даже какие шевроны на рукавах у танкистов. А пока... Пока надо работать.

Разведчикам удалось выйти на Ивана Жихаря. С ним словно случайно столкнулся в Барановичах партизан Николай Голумбиевский. Жихарь удивился, он, оказывается, слышал, что Николай уехал из родных мест.

— Да нет, как видишь, здесь — сказал ему Голумбиевский.

— А ты где же, Ваня?

Жихарь сконфузился, но признался:

— Так... у немцев на аэродроме пашу.

Голумбиевский задал несколько провокационных вопросов об аэродроме, самолетах. Но Жихарь был настороже. От ответов ушел.

Словом, не получилась их первая встреча. Расстроенный Голумбиевский пришел в отряд, рассказал обо всем Черному. Иван Николаевич выслушал разведчика, успокоил и посоветовал:

— На следующей встрече выложишь ему все напрямую, предложишь сотрудничество.

Голумбиевский так и сделал. Жихарь обрадовался, сказал, что давно мечтал уйти в партизаны. Но тут Николай его остановил.

— Прежде надо выполнить задание.

— Какое задание, говори, — сказал Иван.

— Сможешь достать у немцев электробатарейку? Для радиостанции нужно.

— Смогу...

И действительно, вскоре он притащил на встречу батарейку.

После этого партизаны поручили Жихарю провести диверсию на аэродроме. Иван сиял — это было ему по душе. Разведчики рассказали, как надо подготовить диверсионный акт, снабдили соответствующими «средствами».

А вскоре немецкий бомбардировщик «Юнкерс-88» взорвался на взлете. Через некоторое время, едва поднявшись в небо, вошел в штопор еще один самолет.

Иван был готов и на дальнейшие подвиги. Пришлось его «притормозить» и объяснить важность не только диверсий, но и развединформации.

Первые же данные от Жихаря ошеломили. Стало ясно, что в Барановичах не просто аэродром, а крупная авиабаза, где базируются до сотни самолетов, которые совершают полеты на Москву, Киев и даже на Ленинград.

Задача Центра была выполнена: в депо и на аэродроме Барановичи теперь находились наши агенты. В партизанский отряд Антона Бринского стала поступать регулярная, проверенная разведывательная информация. Ее сразу же передавали в Москву.

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Слива».

19.10.42 г.

«7.10 в Барановичи с востока прибыли 2 эшелона кавалерии.
Расположились на Сенатской и Технической улицах.

7.10. с востока в Барановичи прибыли 20 вагонов зенитной
артиллерии. Заняли позиции на аэродроме.

Черный».

Глава пятая

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 8.10.42 г.

«Я получил сведения, что нашу радиостанцию немцы засекли из Житковичей. Ей приходится работать по 10-12 часов в сутки. Каратели приближаются к нашему району с двух сторон. Считаю необходимым Скрипке сократить работу в эфире до 1 часа в сутки.

Связь с Бринским прервана, предполагаю нападение на них карателей.

Гриша».

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 11.10.42 г.

«Каратели напали на базу Бринского. Раненые Криворучко и Максименко убиты. Ялуенков и Сидоров пропали без вести.

На задании подорвался командир группы Садовский.

Облава людей Бринского продолжается.

Гриша».

Партизан Бринского спасли собаки и опыт. Однажды ночью псы партизана Николая Величко вскочили, насторожились. Величко знал своих псов, просто так они тревожиться не будут. Значит, рядом чужой.

Пришлось разбудить Бринского, остальных партизан. Двинулись к западной окраине острова. Однако было тихо.

Вдруг стая птиц, взлетела, загомонила. Кто потревожил их?

Еще было темно, туман укутал болото. Прислушались. Действительно, кто-то шел им навстречу. Чавкание десятков ног доносилось все явственнее и четче.

Каратели! По болоту шли каратели. По звуку определили — их было много. Партизаны стали отходить, залегли в зарослях тальника.

Немцы прочесывали партизанский островок, открывали огонь по деревьям, кустам. Они были совсем рядом. Нашли лазарет Бринского, расстреляли раненых партизан.

Антон Бринский, Иван Черный, партизаны целый день пролежали в тальнике. Они ничем не могли помочь своим погибающим товарищам —

слишком мало было сил.

Когда каратели ушли, они похоронили погибших, а назавтра... Назавтра опять за дело. Свое, родное разведывательно-диверсионное дело.

Теперь их целью был комендант особого полицейского участка, который располагался в Ляховичах, — Николай Четырько. Нет, партизаны не собирались его убивать. Расправиться с этим немецким прихвостнем было несложно. Каждую неделю, в субботу комендант приезжал в деревню к родне, напивался, клял судьбу. До войны он служил в Красной армии, попал в окружение, пробрался на родину, и тут за ним пришли немцы. В общем, пошел Четырько на службу в полицию.

В очередной раз, когда комендант, уже порядком подвыпив, сидел в избе у родственников, в комнату вошли партизаны, разоружили Четырько и повели беседу.

Полицай упирался, спорил, доказывал, что не сам, не по своей воле пошел на службу к фашистам, говорил, что людей не расстреливал, не вешал.

— Если бы вешал, мы бы с тобой не так разговаривали, Четырько, — сказал Черный. Уходя, он намекнул коменданту:

— Ты еще, надеюсь, нам понадобишься. Сам подумай. Хорошенько подумай. Зайдем в следующую субботу.

Через неделю Черный и разведчик Караваев вновь навестили Четырько. Теперь это был совсем другой человек — рассказал о своем полицейском участке, о немцах, расспрашивал о положении на фронтах, с удивлением рассматривал газету «Правда» недельной давности.

Так комендант Четырько стал агентом партизан.

В отчете о проделанной работе, написанном в сентябре 1944 года в Москве, Иван Николаевич Банов писал: *«Четырько Н. Ф. — комендант особого участка полиции, осведомитель. Участок его находился в 3 км от г. Барановичи. Давал сведения о барановическом гарнизоне.*

После неудачной операции полиция раскрыла его. Немцы казнили Четырько. На допросах он не проронил ни слова о своей работе и никого не выдал. Его повесили весной 1943 года».

Той же весной случилась страшная беда и в семье инженера Николая Дорошевича, опытного партизанского агента, диспетчера железнодорожной станции Барановичи.

Еще осенью 1942 года Черный вместе со своими разведчиками, привлекая к работе Дорошевича, казалось бы, все продумали — нашли связных, стариков — мужа и жену Морозовых, научили Николая, как составлять сводки о движении поездов, как пользоваться тайником для так

называемой бесконтактной связи.

Дорошевичу дали удобный, безопасный псевдоним — Варвашевич. Попади такое письмо в руки гестапо, что из того? Варвашевичей в Барановичах не одна сотня — ищи его, свищи.

Важно было и то, что Дорошевич ничего не знал о другом агенте, работавшем в депо, — Лиходневском — Курилове.

Однако беда пришла с другой стороны. В последнее время, чтобы не вызвать подозрений, диверсионные акты все чаще совершал старший сын Дорошевича — Николай. Используя магнитные мины, он пустил под откос несколько эшелонов.

И надо же такому случиться, об этой опасной деятельности отца и старшего брата прознал младший Дорошевич — Саша. Взрослые, как могли, скрывали от него правду. Но Саша поставил ультиматум и потребовал дать ему мину. Самое страшное, что он по-мальчишески мог проболтаться, ведь ему было всего двенадцать лет.

Решили: лучше научить его пользоваться миной, чем ждать, пока он что-нибудь предпримет на свой страх и риск.

Отец и брат поговорили с Сашей, объяснили важность и опасность дела, взяли с него слово о молчании. Мальчик был потрясен доверием взрослых.

Младший сын Дорошевича часто бывал у отца в диспетчерской, на станции. Он давно всем примелькался, его хорошо знали охранники. Это и использовали партизаны. Саша незаметно закладывал мину, и где-то в пути поезд взрывался.

...В тот весенний день у Саши Дорошевича вновь при себе была мина. Механизм он уже установил: взрыв через три часа.

Однако на этот раз прибыл воинский эшелон. Весь перрон был забит солдатами. Подойти к вагону не удалось.

Он пришел к отцу, посидели. А время стремительно бежало. Прошел час, второй... Отец отправил его домой, осознавая, что сегодня совершить диверсионный акт не удастся. Саша ушел со станции, потом вернулся. Однако опять неудача, его вновь прогнали.

Подошел еще один состав, с цистернами. До взрыва оставалось четверть часа. Саша вновь прошмыгнул на перрон. Но вокруг много солдат — заметят, опять прогонят. И он уцепился за лесенку на цистерне, вытащил мину.

Его заметили немцы, закричали. И тут раздался взрыв. Он разметал все вокруг, загорелся вокзал, соседние составы. Немцы так и не смогли дознаться, что за мальчишка взорвал цистерну. А родители, если их

расспрашивали, говорили, что отправили Сашку в деревню, к бабушке. Так они работали и молчали, до того самого дня, когда советские войска освободили Барановичи.

В своем отчете по итогам диверсионной работы с декабря 1942 года по ноябрь 1943 года подполковник Иван Банов приведет такие цифры: «взорвано воинских эшелонов — 457, разбито вагонов с боеприпасами — 163, вагонов с техникой — 94».

Где-то здесь и те вагоны, которые подорвал юный герой-партизан Александр Дорошевич.

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Слива» 2.11.42 г.

«23.10. на восток через Барановичи проследовало 11 эшелонов, что составляет 390 вагонов. Из них — 77 вагонов с войсками, 5 платформ средних танков, 280 платформ грузовых автомашин, 72 закрытых платформы, 10 платформ мотоциклов, 2 платформы полевой артиллерии, 13 вагонов дерева, 3 — пустых.

На запад проследовало 11 эшелонов — 195 вагонов. Из них 113 вагонов с войсками, 16 закрытых, 3 с деревом, 10 платформ автомашин.

Черный».

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Слива» 3.11.42 г.

«До 80 процентов немцев убыли из Барановичей в Германию. Из Барановичей идет отправка инженерного и технического состава на реку Буч (повторяю, Буч) для устройства укреплений.

Восстанавливается Барановический укрепленный район.

Кавалерия из Барановичей выехала на запад.

Черный».

Глава шестая

Сов. Секретно

Гриша. Радиостанция «Пена» 18.11.42 г.

«Разрешение на ваш прилет в Москву имеется. Заместителя подбираю. Самолет будет в конце ноября или в начале декабря.

Я несколько раз напоминал вам, что задачи, поставленные Черному, являются важными, очень важными.

По его донесениям он уже привлек некоторых людей, работающих на различных объектах, и это дело ни в коем случае прекращать нельзя.

Николай».

Сов. Секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 20.11.42 г.

«О передаче дел Черному указание получил. Спасибо. Площадку готовим.

Гриша».

В середине ноября Черный возвратился на центральную базу. Тут и ошарашил его начальник узла связи Семен Скрипник. Сообщил, что Батю отзывают в Москву, а ему приказано принять командование партизанским отрядом.

«Не может быть, — подумал он тогда, — какая-то ошибка». Однако эту весть подтвердил и Линьков. Он сам в одной из радиogramм советовал назначить Ивана Николаевича командиром.

Почему отозвали Линькова, никто тогда не знал. Спрашивать было не принято. В конце концов, он провел в лесах больше года, развернул отряд, наладил диверсионную работу. Словом, это могла быть обычная ротация. А может, Батю назначают на новую должность?

Но была причина, о которой знал только сам Линьков, да его начальники в Главном разведуправлении.

Григорий Матвеевич был военным инженером. Война заставила его поменять профессию и стать диверсантом, но в душе он по-прежнему грезил изобретениями.

В конце октября Батя направил в Москву большую и, на первый взгляд, странную радиogramму. В ней не было ни слова о пущенных под

откос поездах, убитых фашистах.

«Николай! — обращался он к Патрахальцеву. — Прошу тебя и тов. Панфилова доложить о моем изобретении в Совет обороны».

Суть изобретения коротко, в общих чертах, он излагал в этой же радиограмме.

«Еще до войны я много думал над созданием нового вида транспорта, способного передвигаться по снежной поверхности без дорог. И уже тогда этот транспорт мог появиться, но война сорвала проведение опыта.

Находясь 13 месяцев в тылу врага, я продумал все детали этого важного изобретения, которое может сыграть решающую роль в деле освобождения Родины от фашистских извергов.

Речь идет о металлических челнах, передвигающихся по снежной поверхности с помощью сжатого воздуха, нагнетаемого автомобильным мотором небольшой мощности. Коэффициент трения металла о снег настолько ничтожен, что позволяет привести в движение плоскость, имеющую большую нагрузку при очень малой приложенной мощности.

Мне известны работы ряда изобретателей, пытающихся решить проблему различными путями, но практического применения все эти изобретения не нашли.

Существующие у нас аэросани могут передвигаться по дорогам, да и то ненадежно, несмотря на применение моторов огромной мощности.

Предлагаемое мною изобретение построено на совершенно ином принципе.

Мой снежный транспорт будет развивать скорость до 40 км в час, иметь большой радиус действия и свободно преодолевать водные преграды.

Эти машины могут быть использованы для проведения фланговых и обходных маневров на фронте, но главным образом для глубоких рейдов в тыл врага».

Вот такое любопытное обращение. Для разработки и осуществления изобретения Линьков предлагал вывезти его на время в Москву. Трудно сказать, это ли предложение военинженера 1-го ранга оказалось принятым или причина его отлета была какая-то другая, но уже 30 ноября Батя сообщал в Москву: *«Дела Черный принял, посадочную площадку держим в состоянии готовности. Жжем костры».*

Так капитан Черный стал командиром партизанского отряда. Под его руководством действовали диверсионные группы — Бринского (80 человек) под Барановичами, Насекина (18 человек) в районе Ковеля,

Садовского (30 человек) под Калинковичами, Картухина (20 человек) в районе Ковеля и группа Сазонова из 18 бойцов под Сарнами.

На центральной базе находилось 20 партизан. Всего списочный состав 186 бойцов и командиров.

Через год их станет 2500 человек. Но это будет в конце 1943 года. А до него еще надо было дожить. И доживут, к горькому сожалению, не все.

Что и говорить, год в тылу врага — целая вечность. Ведь даже за те три месяца, которые Черный провел у Бринского, здесь, на центральной базе, сколько всего произошло.

На Булевом болоте фашисты устроили бомбежку, хотели уничтожить штаб, радиоузел. К счастью, не удалось.

Фашисты пытались арестовать Павла Кирбая, да он их перехитрил. Когда немцы с местными полицаями пришли его арестовывать, Паша попросил салца да хлебушка взять в дорогу. Разрешили.

Кирбай залез в подвал, где в куче картошки у него была припрятана винтовка. И уложил нескольких наповал, а сам огородами, да к лесу. Ранили его в плечо, но ушел, пробрался в отряд.

Ясно было, что кто-то выдал Кирбая. Но кто? Группа Горева опасности не чувствовала, слежки не заметила.

Тогда Черный со своими разведчиками и решили, что провал Кирбая никак не связан с работой горевской группы. Как оказалось потом, они глубоко ошибались.

В начале декабря из Житковичей придет страшная весть — арестовали подпольщиков Горева. С этим сообщением на южную партизанскую заставу прибежит связная Женя Матвеец. Она расскажет, что прислали ее Иосиф Гарбуз и Николай Корж, которым чудом удалось ускользнуть из лап фашистов.

Черный отдал приказ: собирать людей и выходить в рыбхоз. На помощь им были посланы партизаны. Они вывели в отряд подпольщиков Гарбуза, Татуру, Назаренко, Фетисова, Матюнина.

А вот Женю Матвеец схватили фашисты. После многокилометрового перехода она предупредила подпольщиков, а сама возвратилась домой и упала, обессиленная, на кровать, уснула. Здесь ее и взяли немцы.

Женя ошиблась, она пришла домой, хотя об опасности ее предупреждали партизаны.

Житковическое подполье было разгромлено. Как удалось выяснить потом, немцы начали с Горева. Устраивая повальные обыски, фашисты не могли пройти мимо его дома. В квартире и в сарае полицаи ничего не нашли. Но вот стог сена, который стоял недалеко от дома, насторожил

карателей. Сено было не тронуту, а тропка оказалась заметной. Стали потрошить стог. Там оказался склад — мины, толовые шашки, листовки.

Горева жестоко избили и забрали в гестапо вместе с сыном. Туда же попали жена Гарбуза, семья Коржа, Василий Яρμοш, Детковский, Женя Матвеец. Все они были замучены и расстреляны.

Что лежало в основе провала группы подпольщиков? Первая мысль — предательство. Но при тщательном анализе стало понятно — предательства не было. Однако пришло и еще одно горькое осознание — группа Горева не могла не провалиться. Она была обречена.

Подпольщики нарушили все правила конспирации. В чем-то они оказались виноваты сами, но порою так складывались обстоятельства независимо от их желания.

Во-первых, все они знали друг друга. Группа из нескольких человек сложилась стихийно. Горев, Гарбуз, Корж, Татура решили искать партизан. Тогда же их связной стала Матвеец. И опять все знали ее, и она в свою очередь тоже.

Со временем группа расширялась. В нее вошли Коробченко, Николай Яρμοш — дядя Коржа, Василий Яρμοш — двоюродный брат Коржа, Хомченко, Назаренко.

Подпольщики провели несколько удачных диверсионных актов. Это окрылило их. Казалось, теперь им все под силу. Подпольщики теряли элементарную бдительность.

В это время гестапо, встревоженное участвовавшими диверсионными актами, усилило свою работу.

Группа Горева была крайне уязвима. Достаточно арестовать одного — и под пытками он мог выдать всю агентурную сеть.

А подпольщики тем временем делали ошибку за ошибкой.

Примером тому может служить просчет Николая Коржа. По заданию командования отряда он устроился на работу в городскую управу. Однажды Корж явился на службу со свежими номерами газеты «Правда» во внутреннем кармане пальто.

Когда он вышел в другой кабинет, молодые сотрудницы, работавшие с ним, пошарили по карманам и неожиданно обнаружили... центральную газету Советского Союза.

Теперь девушки с восхищением смотрели на Коржа. Тот дознался, в чем дело, отругал их, приказал молчать. На том, как ему казалось, инцидент был исчерпан.

Девушки с гордостью поведали о Корже-подпольщике своим подругам, родным, и слух пополз по городу.

Даже провал Павла Кирбая не насторожил ни руководство отряда, ни подпольщиков. За ошибки пришлось расплачиваться кровью, жизнями боевых товарищей.

Уже после провала Черный и его разведчики поняли, что при первой опасности группу Горева следовало вывести в лес, а вместо них развернуть сеть новых информаторов, строго придерживаясь законов конспирации.

Однако были не только поражения и провалы, но и победы — настоящие, большие. Такой победой партизан стал подрыв кинотеатра в Микашевичах. И подготовил его тот самый Ваня Конопатский, который поначалу показался Черному робким и даже трусоватым. А Ваня совершил настоящий подвиг.

Он долго, не торопясь, продумывал и готовил этот диверсионный акт. Тут было о чем задуматься и Конопатскому, и его руководителям в партизанском отряде.

Как доставить взрывчатку домой Конопатскому? Придумали. Выручил Пришкель. Он приспособил в телеге тайник и перевозил тол. Одна ездка — десяток килограммов. Однако ездить пришлось три раза.

Теперь Ивану надо было не только сохранить его в доме, но и перетащить в кинотеатр. Носил по одной шашке в кармане брюк. Надевал пальто и на работу.

Шашки таскал не по ночам, а утром, когда шел на работу, и вечером, отправляясь на вечерний сеанс кино. Потом из кинобудки толовые шашки закладывал в подполье.

Но и это было полдела. Теперь предстояло протянуть проводку к электродетонаторам. Однако возня киномеханика с проводкой не вызвала подозрения ни у немцев, ни у полицаев.

Теперь новая задача. Как произвести взрыв в нужный момент и самому остаться в живых? Разведчики разработали такую легенду. Накануне, перед тем как фашисты соберутся в кинотеатр, присоединить провода, идущие от детонаторов, к рубильнику.

Когда зал заполнится, киномеханик вдруг обнаруживает «неожиданные» неполадки с проводкой. Он просит любого полица подежурить в кинобудке (пока не исправит неполадку), и минут через пять после ухода Конопатского включить рубильник для проверки «фазы».

Взрыв был назначен на 7 ноября, но немцы совещание перенесли на более поздний срок. И вот этот срок наступил. Фашисты собрались в клубе 17 ноября. Приехали несколько офицеров, некоторые из них только что прибыли из Германии, унтер-офицеры, немецкие солдаты, полицаи. Зал был забит до отказа.

Конопатский все сделал, как и планировалось. Он пригласил полиция, объяснил, мол, барахлит проводка, и попросил включить рубильник через несколько минут. Полицай все исполнил в точности. Микашевичи вздрогнули от взрыва.

Конопатский благополучно ушел в лес. Он чувствовал себя именинником. И по праву. А вот те, кто руководил его работой, могли поступить тоньше, умнее. Тогда бы и клуб поднялся на воздух, и Ваня, как ценный разведчик, остался бы вне подозрений в Микашевичах.

Ну, например, если бы Иван, когда выскользнул из клуба, не убежал, а подошел к стоящим в оцеплении полицаям и пожаловался, мол, выгнал из будки, не доверяют. Разумеется, его бы спросили, кто выгнал? Да, полицай какой-то.

Вполне жизненная легенда. Но увы, опыта у разведчиков еще было маловато: не додумали, не догадались.

Сов. Секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 20.11.42 г.

«16.11. взорван кинотеатр в Микашевичах перед самым пуском картины. В зрительном зале разместилось 130—150 человек. В их числе 3 офицера, 2 инженера, только что приехавших из Германии, 6 унтер-офицеров, 60-65 солдат войск СС, которые за десять дней до этого расстреляли 240 мирных жителей — женщин, детей, остальные немцы из охраны гарнизона Микашевичей.

Исполнители и организаторы благополучно явились в отряд».

Сов. Секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 23.11.42 г.

«По полученным сведениям в кинотеатре в Микашевичах взрывом уничтожено 80 гадов, 12 подохло в больнице. Считаю цифру преуменьшенной.

Фамилии исполнителей привезу».

Сов. Секретно

Грише. Радиостанция «Пена» 21.11.42 г.

«Вот это работа! Такого изумительного фильма в Микашевичах фашисты не забудут.

Николай».

Глава седьмая

Сов. секретно

Черному. Радиостанция «Пена» 10.12.42 г.

«Вышлите в район Бреста, Кобеля, Сарны несколько групп с одной "музыкой" с заданием охватить диверсиями магистрали Брест-Ковель, Ковель-Сарны.

Помимо этого в Ковеле, Сарнах следует посадить свою агентуру с задачей разведки и осведомления с железнодорожными перевозками.

Исполнение доложите.

Центр».

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 12.12.42 г.

«На магистрали Сарны-Ковель действует Насекин с девятью группами и "музыкантом" "Кемь" (смотри радиogramмы о подрыве поездов на перегонах этой железной дороги). Туда же направляю Бринского с четырьмя группами для усиления диверсий и организации агентуры в этом районе.

Черный».

Брянский и Каплун со своими отрядами готовились к переходу.

Недавно из диверсионного рейда под Ковелем возвратился Седельников и ввел штаб в реальную обстановку. Оказалось, в том районе действуют отдельные партизанские отряды, но они разобщены, не имеют единого руководства и связи с Центром.

Положительным было то, что эти отряды поддерживали тесный контакт с местным населением. Иначе им было не выжить.

Стало быть, найдутся люди для развертывания агентурной сети.

Батя еще не улетел в Москву, находился на центральной базе и лично инструктировал Бринского и Каплуна. Ему помогал Черный.

Надо было объединить усилия ковельских партизан и отрядов Бринского и Каплуна. Партизаны Бати делятся с местными патриотами тротилом, оружием, боеприпасами, те же вводят их в курс дела, подбирают нужных людей для разведывательной работы. Важно и то, что у Бринского и Каплуна есть связь с Большой землей.

В январе 1943 года в отряд Бати пришла радостная весть. Центр прислал радиogramму: *«Поздравляю с присвоением звания Героя Советского Союза и вручением ордена Ленина Линькову Григорию Матвеевичу».*

Черный был удостоен ордена Ленина. Отпраздновали как могли, а через несколько дней отряды Бринского и Каплуна, нагруженные взрывчаткой, двинулись в путь. Улетел в Москву и Линьков. Вся ответственность за руководство отрядом ложилась на плечи капитана Черного. Ему в ту пору было всего 26 лет.

А жизнь тем временем готовила жестокую проверку молодому партизанскому командиру.

Гитлеровцы к тому времени были не на шутку встревожены активностью партизан. Удары по железным и шоссейным дорогам из редких, случайных превратились в постоянные, грамотно организованные. Они уносили жизни гитлеровских солдат, уничтожали технику, боеприпасы, продовольствие, прерывали движение на магистралях.

Фашисты сократили до минимума движение составов в темное время суток, гнали поезда в основном днем. Но на это партизаны ответили по-своему. Теперь Центр присылал больше мин замедленного действия. И эшелоны горели как днем, так и ночью.

Гитлеровцы выставляли усиленную охрану мостов, строили на наиболее опасных перегонах дзоты, создавали так называемую санитарную зону, вырубая леса вдоль железной дороги.

В одной из радиogramм в Центр Черный сообщает: *«Немцы усиливают охрану железных дорог. Кроме казаков для охраны прибыли гитлеровцы. В Микашевичи — 170 человек, в Польшка Гуру — 70 человек, в Лобчицы — 50 человек.»*

Поставили пушки, вырезают лес по сторонам дороги на 300 метров. Роят окопы, строят будки для охраны».

Однако и эти экстренные меры не помогали.

Радист радиостанции «Пена» в те дни передавал в Москву: *«Группа Бокальчука сожгла зерносклад, 32 скирды сена, железнодорожную станцию, лесничество, разогнали охрану станции — 7 казаков и 10 полицейских.»*

Группа Горячева, Черкеса взорвала воинский состав 49 вагонов со скотом и бензином. Шел на фронт».

В ответ на это немцы еще более ужесточили полицейский режим.

Командир отряда Черный докладывал в Центр: *«Гарнизон Микашевичи пополнился до 3 тысяч человек и ведет борьбу с партизанами.»*

Вдоль железной дороги Брест-Гомель на участке Микашевичи-Житковичи немцы роют дзоты. При появлении посторонних лиц в 1-1,5 км от железной дороги, всех расстреливают на месте. Доступ в гарнизоны невозможен. Туда пускают, оттуда нет. Большинство из тех, кто пришел в гарнизон, — расстреливают».

Несмотря на это диверсии продолжались — горели склады, летели под откос эшелоны, взрывались заводы.

Теперь в борьбе с мстителями немцы видели единственный выход — уничтожение партизанских баз.

Собравшись с силами, они начали свою карательную операцию из района Барановичей и двигались с запада на восток.

29.1.45 года радиостанция одного из отрядов, действующего западнее центральной базы, передала просьбу о помощи: *«Ведем большие бои с немцами на протяжении троих суток. Истратили много боеприпасов. Немцы наступают.*

Прошу срочно помочь самолетом, прислать боеприпасы».

11.2.43 года Черный докладывал в Центр: *«Прошу срочной помощи: автоматов, патронов, гранат. Каратели наступают со всех сторон».*

Больше рисковать было нельзя. Если радиоузел попадет в руки врага — центральная база окажется без связи с Москвой, с отрядами.

Приняли решение уходить на северо-восток, оставив на Булевом болоте небольшую группу партизан для обмана фашистов, обозначая таким образом присутствие отряда.

Подходы к базе заминировали, оставили для связи радиостанцию.

Однако какая бы сложная обстановка ни была, Центр ждал разведсведений. А сведения эти добывать приходилось с огромным трудом.

Фашисты перекрыли все дороги, ведущие к партизанским районам, взяли под наблюдение деревни, села. Опасно было посылать группы связи в Барановичи и Микашевичи.

Но если у барановических подпольщиков была своя радиостанция и с ними Черный держал хотя бы редкие сеансы связи, то микашевические агенты действовали только через тайники. И в этом была основная сложность. Ведь для молодых разведчиков очень важен контакт с более опытным руководителем, его подсказка, анализ проведенной операции или собранной информации. И если такого контакта, личных встреч нет, партизанскому агенту приходится туго. Он один, а против него работают матерые гестаповцы, профессионалы.

Черный всячески пытался оберегать свою агентуру. При первой опасности прерывал связь, выдерживал паузу. Это, безусловно, сокращало

развединформацию, зато сохранило агентурную сеть.

Но даже в столь сложное время, пусть и в сокращенном виде, Центр тем не менее получал ценные сведения от партизанской разведки.

Радиостанция «Пена» сообщала, что аэродром в Барановичах насчитывает 174 самолета. Из них: 17 истребителей, 11 штурмовиков, 7 двукрылых машин, 139 двухмоторных самолетов.

Станция «Бук» передавала, что в «Ганцвичах гарнизон 1700 человек. Условные знаки на машинах, танках и других видах техники: черный крест, немецкий штык, лопата, лошадиная голова, лисица, волк, треугольный флажок».

Тем временем разведка сообщала: каратели вышли к Милевичам. А это рукой подать до центральной базы. Погрузив пожитки, радиоузел в сани, отряд двинулся в путь.

В Центр ушла радиограмма: *«Сильная, почти повсеместная облава против партизан, фашисты очень дезорганизуют работу. Прошу выслать опытных разведчиков».*

Черный вывел своих людей в район базирования отряда Василия Козлова. Месяц приходилось маневрировать, уходить от карателей. В марте, когда немцы отвели свои войска, отряд возвратился на старую базу.

Однако теперь обстановка в окрестностях расположения отряда была совсем иная, чем прежде. Не обнаружив партизан, фашисты в ярости сожгли все деревни вокруг, забрали скот. Жители ютились в землянках, голодали. Голод надвигался и на отряд Черного.

Иван Николаевич понимал, что приходит весна, надо сеять хлеб, без которого не выжить ни местным крестьянам, ни партизанам. Кое-как наскребли остатки зерна, дали крестьянам партизанских лошадей, запахали, засеяли поля. В Житковичах и Микашевичах у немцев удалось отбить коров, предназначенных для отправки в Германию.

Отряд Черного значительно вырос и теперь его именовали партизанским соединением. И то правда. Теперь под командой Ивана Николаевича Банова было две бригады — Бринского, в состав которой входило 425 человек и Каплуна, численностью до 400 человек, а также отряды Цыганова (105 человек), Садовского (100 человек), Сураева (100 человек), Картухина (98 человек).

Бринский действовал в районе Сарны, Ковель, Кобрин. Каплун базировался под Высоцком и Столиным, Цыганов обосновался у озера Выгоневское, Сураев находился под Пинском, Картухин — под Лидой. Садовский партизанил на линии Барановичи-Минск.

Если посмотреть на карту, бригады и отряды находились на большом

удалении друг от друга. Порою это расстояние составляло до нескольких сотен километров. Достаточно сказать, что район, где действовало соединение Черного по площади равнялось территории Франции.

В каждом из населенных пунктов находились крупные гарнизоны фашистских войск, штабы частей, учреждения, военные объекты. Здесь также были расположены большие железнодорожные узлы с подвижным составом и депо, аэродромы.

Все это определяло исключительную важность этого района и то внимание, которое уделяла ему военная разведка.

Успешно действовать в таком районе можно было только при наличии хорошо отлаженной системы радиосвязи. И такая система безотказно работала в соединении Черного.

Все бригады и три отряда имели свои радиостанции — у Бринского — радист Николай Пирогов («Кемь»), у Каплуна — Александр Балагуров («Сак»), у Цыганова — Колоколов («Слива»), у Сураева — Анатолий Быков («Бор»), у Садовского — Тамара Ольховская («Благ»),

На центральной базе при штабе соединения располагался радиоузел «Пена». Всю огромную работу по обеспечению связи с Центром, а также бригадными и отрядными корреспондентами, ремонт, профилактику аппаратуры, шифрование и расшифровку текстов радиogramм выполняли три специалиста — начальник узла и два радиооператора — Семен Скрипник и в разные периоды радисты Александр Маслов, Николай Злочевский, Анатолий Косюков и оператор Юрий Ногин.

Радисты на центральном узле и периферийных радиостанциях работали не разгибая спины. Рабочий день их составлял порою по 10-15 часов в сутки. Не выдерживала и выходила из строя аппаратура. Только за 5 месяцев (с января по май 1943 года) в Центр было передано 860 важных сообщений.

При такой нагрузке часто перегревался и уже через полгода выходил из строя двигатель. Требовался его капитальный ремонт. Одного комплекта питания для радиостанции «Север» хватало всего на 5-6 дней. Лампы перегорали через два месяца.

Радиоузел с такой интенсивностью работы постоянно ощущал нехватку бензина, батарей, ламп и других запасных деталей. Поэтому Черный все время в своих радиogramмах просил у Центра «питания к рациям, ламп 120-вольтовых, топлива для двигателя».

От однообразной работы, замкнутого пространства очень уставали радисты. Они все время просились на задание, в рейды. Командир иногда брал их с собой, но чаще отказывал. Слишком уж дорого могла стоить

потеря радиста. Что поделаешь, их место здесь, в землянке, на узле связи. Тут проходит для них фронт.

...Заканчивалась весна. 18 мая 1943 года Центр передал радиogramму: *«Установите и донесите номера полков и дивизий, расположенных в городах и деревнях вашего радиуса действия, а также номера их полевых почт и опознавательные знаки на машинах.*

Задача большой важности.

Для ее выполнения привлекайте все имеющиеся средства: осведомителей, местное население, партизан и другие источники. Обязательно организуйте захват пленных и документов.

В донесении указать источники и достоверность данных. В дальнейшем организовать непрерывное наблюдение за перегруппировкой установленных, прибывших и проходящих частей, о чем донесите немедленно».

Черный перечитывал радиogramму и думал: приближается лето. Он еще не знал, каким оно будет, лето 1943 года, но предполагал, что горячим. Чувствовал это сам, да и строки радиogramмы говорили о многом.

Задача, при той разветвленной агентурной сети, которую имел Черный, была не такая уж трудная.

Вскоре приказ Москвы разошелся по бригадам и отрядам.

Тем временем Центр подбросил новое задание. Его беспокоили сведения о том, что фашисты готовятся к химической войне. Пришло указание выяснить, где немцы сосредотачивают запасы отравляющих веществ, что это за вещества?

Проблемы нарастали как снежный ком. Черный разрывался, но чувствовал — сил, времени не хватает. Полгода он просил себе опытных помощников, но теперь понял: надеяться надо только на себя. Помощников не будет.

И вдруг — радиogramма. Оказывается, он ошибся, Центр не забыл его просьбу.

Сов. секретно

Экз. единственный

ПРИКАЗ

*Заместителю командира агентурно-диверсионного отряда
Черного капитану Глумову Михаилу Сергеевичу, кличка Гора*

*«Капитана Глумова назначаю заместителем командира
отряда Черного по агентурной работе.*

*Капитану Глузову совместно с радисткой Мальцевой
Екатериной Ивановной*

ПРИКАЗЫВАЮ:

*Выброситься на парашютах в расположение лагеря отряда
Черного на сигнал 7 костров, выложенных буквой "Н" (14 км
западнее оз. Червонное) с задачей:*

*1. Принять от командира отряда Черного существующую
легальную сеть агентурно-диверсионных работников,
пересмотреть состав завербованной агентуры, отсеять
ненужное. Оставшимся поставить конкретные задачи.*

*2. Используя связи Черного с местным населением,
завербовать из числа лучших людей агентов и создать новую
агентурно-диверсионную сеть в городах: Барановичи (3
радиофицированные резидентуры — 6 человек), Аунинец (1
радиофицированную резидентуру — 2 человека), Сарны (1
радиофицированную резидентуру — 2 человека).*

Подполковник Пестров».

Глава восьмая

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена»

26.5.43 г.

«Имею возможность давать разведсведения по железнодорожным станциям и гарнизонам Ковель, Ровно, Сарны, Барановичи, Столбище, Аунинец, Пинск, частично Брест.

Прошу сообщить, какие города в районе нашего действия интересуют больше.

Черный».

Вместе с Глумовым (Горой) в отряд были десантированы Хаджи Бритаев, назначенный также заместителем командира, переводчик Горшунов и радистка Маляева.

Войдя в курс дела на центральной базе они вскоре отправились в периферийные формирования: Гора к Седельникову и Патыку сначала под Барановичи, потом к Пинску, Бритаев в бригаду Каплуна под Лунинец и Сарны.

Позже, уже в Москве, в своем отчете о проделанной работе подполковник Банов, характеризуя Гору, напишет: *«Начальник оперативной группы при оперативном центре. По специальной работе вполне подготовлен, хорошо чувствует обстановку.*

Умело передает опыт подчиненным. Разведку любит.

Как командир оперцентра считаю Глумова у себя лучшим разведчиком».

Эту высокую оценку Гора вполне заслужил. С первых своих шагов он показал себя сильным разведчиком-профессионалом.

Уже одна из его первых радиограмм из района действий отряда Седельникова обратила на себя внимание и крайне встревожила Черного.

«13 июня на станцию Брест, — радировал Гора, — прибыл эшелон из Варшавы. Состав эшелона: четыре пассажирских вагона, семнадцать платформ с грузом, тщательно укрытых брезентом. Поездная бригада немецкая.

Со станции перед прибытием эшелона были удалены все местные рабочие и служащие. Работу по смазке букс, проверке тормозов выполняла

немецкая паровозная бригада с помощью солдат.

Эшелон усиленно охраняется. Во время его стоянки в Бресте к железнодорожным путям и к станции никого не подпускали.

Установить характер груза не удалось. Эшелон убыл в направлении Барановичи. Принимаю меры к установлению характера груза».

Первым делом команда ушла в бригады и отряды — проследить путь эшелона и, наконец, выяснить, что же так тщательно скрывают немцы.

Признаться, мысль работала в одном направлении — фашисты в секретном эшелоне везут какие-то отравляющие вещества.

Переписки с Центром в те дни о готовящейся химической войне было много, Москва нервничала. Накануне пришла телеграмма, в которой руководитель Черного требовал: «Вы до сих пор не ответили на мою телеграмму, какие приготовления ведет противник к химической войне.

Постарайтесь организовать захват баллона с ОВ».

И тут вдруг Гора со своим секретным поездом. Все вроде бы сходилось. Однако догадки и предположения в Центр не отправишь. Мол, загадочный эшелон, немцы никого не подпускают. Кого это волнует? Тут же поступит команда: Выяснить и доложить.

Вот и стали выяснять. А эшелон, как назло, двигался осторожно, медленно, только в дневное, светлое время.

Немцы пускали вперед обычные поезда, и только потом «отчаливал» этот.

Это разжигало страсти партизан. Вскоре со станции Колосово пришли первые известия — никаких баллонов с отравляющими веществами на платформах не было. Под плотно обтянутым брезентом удалось разглядеть то ли танки, то ли пушки.

Разведчики из Бытеня были конкретнее — на платформах точно танки. Но тогда почему такая секретность, если это просто танки.

Дальше — больше. Командир группы Хрищанович сообщал, что это не совсем обычные танки, посадка у них низкая, пушки длиннее, калибром поболее, гусеницы широкие, непривычные.

Так и сообщили в Москву, что знали — секретный эшелон, необычные танки. И тут же получили оплеуху от начальства. Центр указывал, что термины типа «длинные пушки» и «широкие гусеницы» непрофессиональны — нужен калибр, точная ширина гусениц, толщина брони, экипаж. Словом, обычный набор развединформации о тактико-технических характеристиках вражеской техники.

Черный проглотил горькую пилюлю. И все-таки не зря он так тщательно насаждал свою агентуру. Следующие сутки принесли полную

ясность.

Во время ночной стоянки разведчики рассмотрели танки поближе, и, что самое ценное, подобрали обрывок газеты, где был во всей красе изображен новый немецкий танк «тигр» и расписаны его достоинства: неуязвимый для русской артиллерии, броня, пушки, пулеметы. Словом, само совершенство. Отбросив немецкие хвалебные эпитеты, Черный послал в Центр телеграмму следующего содержания: *«Описание тяжелого танка "тигр" нового выпуска. Вес — 60 тонн, экипаж — 5 человек. В башне танка длинноствольное орудие 88 мм. Лобовая броня 8-10 см, задняя 5-7 сантиметров. Гусеницы более широкие. На танках нарисован черный крест. Экипаж одет в черную форму, на шапках эмблема — череп».*

Центр поблагодарил за важную информацию и попросил проследить маршрут следования эшелона. За газетой, где был изображен «тигр» и его описание, Москва прислала самолет.

Как показало будущее, разведчики Черного выполнили важнейшую государственную задачу. Новое, секретное оружие танк «тигр» и самоходное орудие «фердинанд», впервые брошенные гитлеровцами в бой на Курской дуге, не явились неожиданностью не только для командования, но и для бойцов Красной армии. Их учили, как бороться с этими, якобы неуязвимыми танками. Оказалось «тигры» и «фердинанды» горели за милую душу!

Сражение на Орловско-Курской дуге, наступление наших войск на южном и центральном направлениях стремительно меняли оперативную обстановку. Надо было уходить дальше на запад. Но куда? Черный со своим штабом полагал — двигаться надо на Люблин. Однако Центр считал иначе. *«Перебазирование в юго-западном направлении не требуется, — писал руководитель в ГРУ, — будет ненужное дублирование.*

Переброску необходимо проводить на северо-запад, в район Лиды с последующим ориентированием на Гродно, Белосток.

Организуйте разведку нового места базирования в районе Лиды. Ваши соображения сообщите».

И в конце радиограммы начальство «порадовало»: *«Просимое вооружение сократим, не обеспечим».*

Что ж, он понимал трудности Центра. У них не один Черный, а оружие надо всем. Что же касается приказа, то Москве виднее. В Лиду, так в Лиду.

Уже в двадцатых числах июня Черный радировал руководителю: *«Подготовил два отряда численностью 300 человек. Готовы выйти в район Лиды и Белостока. Ускорьте выброску раций с радистами, оружия и взрывчатых веществ.*

Задержка в отправке только за вами. Молнируйте решение».

Однако до отхода многое надо было успеть сделать. Например, решить проблему, кто же останется руководить разведчиками в их старом районе базирования. Да и Гора, находившийся под Барановичами, только разворачивал свою работу по созданию радиофицированных резидентур.

Дело оказалось непростым, и часто оно не зависело от партизан. Для того, чтобы легализовать радистку в Барановичах, следовало порядком попотеть, продумать разные варианты, дать данные в Москву по легенде будущего агента, оформлению документов.

А тут свои тонкости. Мало, например, радистку снабдить советским паспортом, выданным в городе Рославле в 1937 году, надо придумать достоверную историю, как она попала в Барановичи, каким ветром ее сюда занесло? Лучше всего, если найдется документ, что она была вывезена в Германию. Но почему вернулась оттуда? По болезни. Опять нужна подтверждающая бумага с немецкой печатью. А такую бумагу мог сделать только Центр, да и то не всегда.

Но другого выхода просто не существовало. С «липовой» справкой гестапо расколет радистку в два счета.

Словом, нужно было время, тщательная, кропотливая работа и помощь Центра. Только так в Барановичах, Лунинце и в Сарнах (как было сказано в приказе Глумову) могли появиться радиофицированные резидентуры.

Центр запросил Черного, а нельзя ли на месте организовать обучение радистов? Уж очень заманчивая перспектива — организовать эту «лесную школу—2», только для радистов. Хорошо бы, да вот аппаратура, оснащение для этого надо основательные.

Черный усомнился в успехе идеи, но на всякий случай заявку на аппаратуру и все необходимое для учебы сделал. Однако Центр не ответил, видимо уже поняв бесперспективность своего предложения.

А командира волновало другое: как обезопасить агентов, выходящих на встречу с разведчиками?

Не всегда это просто и безопасно, а порой и попросту невозможно агенту из города явиться в лес, а партизану — в город. Подтолкнул его к подобным размышлениям провал, когда прекрасный разведчик Семенюков, идя на личную встречу, попал в засаду. Как выяснилось позже, его выдал предатель. А кто гарантирован от предательства? То-то и оно.

Значит, надо создавать конспиративные квартиры.

Однако дело это новое, и потому Черный решил посоветоваться с Центром.

В очередной телеграмме он изложил свои предложения.

«Данная сложная обстановка требует от меня и моих подчиненных разработки новых форм работы.

Думаю практиковать организацию конспиративных квартир в интересующем нас городе. На квартирах удобно и безопасно проводить встречи моих работников, командиров групп разведки с агентурой.

Личное общение повысит уровень и качество работы, облегчит учебу, повысит заинтересованность и целеустремленность агента.

Для этого мне необходимы документы. Если вы имеете возможность прислать специалиста с инструментами для выпуска документов на месте, то это будет хорошо. Также нужна маленькая лаборатория, фотографический аппарат, немного материала. В будущем все можно будет достать на месте.

Это предложение в жизнь не проводил. Прошу сообщить, можно ли его реализовать и чем вы можете помочь?»

Предложение было весьма толковым. И Центр поддержал Черного.

«Проникновение наших работников в города, — ответила Москва, — легальным или полулегальным путем и временное их проживание является делом нужным. Только при таком подходе можно иметь солидную агентуру в интересующих нас местах — штабах, госпиталях, учреждениях.

Специалиста и необходимый материал для документов будем готовить».

Что ж, сказано — сделано. Пока Центр собирался организовать подготовку специалиста по изготовлению документов, Черный со своими разведчиками подобрал конспиративные квартиры.

Однако очередная его партизанская задумка осталась нереализованной. Только в этом Черный был не виноват.

В конце июля Москва поздравила его с присвоением звания майора, а следом пришла радиограмма о том, что на центральную базу прибывает представитель Центра Марк. Что за представитель, с какой целью прилетает — не сообщалось.

Позже Москва все-таки раскрыла свои планы. Она приказала соединению Черного теперь называть оперативным центром и готовиться к организационным мероприятиям. Приказ доставил с собой представитель Центра Марк.

Представителем Центра оказался Афанасий Мегера. Приземлившись с парашютом, он лично вручил приказ майору Черному.

Сов. секретно

тов. Черному

Приказ

«Вашим коллективом проделана большая, положительная работа в тылу врага. Однако обстановка и требования времени заставляют пересмотреть методы всей работы.

Главный хозяин приказал:

Ваше хозяйство именовать оперативным центром в составе:

— оперативная группа командиров для организации агентурно-диверсионной работы в составе 3 человек во главе с Глумовым;

— до девяти самостоятельных, подвижных диверсионных групп, составленных из лучших боевиков по 12-15 человек каждая;

— разведучел "Пена" во главе со Скрипкой.

Весь остальной состав с вооружением, материальными средствами, одной радиостанцией и радистом передать партизанам на месте, по указанию нашего представителя Марка.

Срок исполнения к 1 сентября с. г.

Ваше умение, опыт, настойчивость вселяют уверенность, что поставленные задачи будут выполнены».

В тот же день пришла радиограмма о том, что «Бринский будет использоваться самостоятельно. В отношении бригады Каплуна указания получите позже».

Черный не верил своим глазам. Конечно, группы разведчиков, лучших боевиков, как писал Центр, сформировать не проблема. Проблема в другом — кто будет охранять штаб, если в нем останется три человека во главе с Глумовым? А хозработы, а охрана деревень и сел? Вопросов много, ответов — нет.

Афанасий Мегера строг и непримирим. Что поделаешь, ему по приказу Центра следовало провести оргмероприятия.

Черный понимает, приказ надо выполнять, даже если этот приказ, мягко выражаясь, не продуман. И тем не менее Иван Николаевич решил высказать свое мнение.

«Ваш приказ о реорганизации, — радует он в Центр, — может быть деловое и хитрое решение неких крупных вопросов. Непонятно только, почему в этом важном деле вы обходите меня? Может быть,

следует выслушать и мое мнение?

Если Черный как руководитель не справляется с делами, то его можно снять, но зачем играть втемную?

По приказу уже подобрал 50 процентов людей».

Позже этот приказ будет отменен. И, в первую очередь, потому, что изменит свое мнение представитель Центра Мегера. Пробыв на базе, в отрядах три месяца, присмотревшись, он поймет, что партизаны не только разведчики и боевики, но и представители советской власти на оккупированной территории. И если разорвать соединение на мелкие группки, партизанское формирование не сможет эффективно работать в тылу врага, потеряет контроль над своим районом, не сможет защищать ни себя, ни местных жителей.

В общем, реорганизацию отменят, оставят только название — оперативный центр. А вот бригады Бринского и Каплуна уже не вернут. Это будет теперь другой «оперативный центр», нацеленный на Украину.

Черному «нарезают» свой участок — разведка и диверсии в районе Барановичи, Аунинец, Луцк, а также поручают подготовку командиров разведывательных групп из местных жителей. Впоследствии предполагается придать им радистов с радиостанциями, чтобы они имели свою связь с Москвой.

Все это говорит о том, что скоро оперативному центру Черного в дорогу, на запад.

Сов. секретно

Черному. Радиостанция «Пена» 20.11.43 г.

«Продвижение Красной армии на запад не позволит без ущерба для дела оставаться с базой на старом месте.

Ваши предложения о районе базирования — утверждаю.

Предлагаю не позднее 10.12. с. г. перебазироваться со своим хозяйством в предложенный Центру район.

Для перехода составьте план с учетом предварительной разведки в районе базирования, организации непрерывной связи с Центром и возможностью принять груз во время перехода в новый район.

Для руководства имеющейся агентурой оставьте группу людей на старой базе во главе с командиром и связью с вами.

План перехода и время донести. Получение радиограммы подтвердите.

Валерий».

Глава девятая

Сов. секретно

Черному. Радиостанция «Пена» 28.11.43 г.

«В район вашего расположения происходит перемещение штабов дивизий и корпусов противника. Вам ставится особо важная задача: не приостанавливая перехода вашего хозяйства в новый район, организовать подвижную группу, хорошо вооруженную, отважных бойцов для разгрома одного из штабов и захвата оперативных документов или вражеских офицеров.

Во главе диверсионных групп поставьте способных, смелых офицеров. Подразделение в готовности к действиям временно оставьте на месте, установив с ним связь. Места расположения штабов будут сообщены дополнительно.

Связь Центра с группой через вас.

Повторяю, задача очень важная, дело вашей чести достойно ее выполнить.

Получение и уяснение задачи подтвердить, готовность группы донести.

Валерий».

Итак, Красная армия приближалась к государственной границе. Разведчики-диверсанты должны были двигаться впереди наступающих войск. Ведь войскам, как воздух, нужны сведения о противнике, а еще поддержка партизан из вражеского тыла.

Казалось бы, задачи не новые, вполне понятные каждому партизану. Однако условия выполнения этих задач теперь были совсем иные. Во многом неизвестные, незнакомые.

Впереди лежала Польша. Что ждет их на чужой территории? Как встретят местные жители, какова реальная обстановка? Ничего этого разведчики Черного не знали.

Ясно было одно: там совсем другое государство и требовать сотрудничества с советскими партизанами не придется. Рассчитывать следовало только на тех, кто добровольно вступит в борьбу с врагом.

Позже, после Великой Отечественной войны, в нашей стране будет создан миф том, что на оккупированной польской территории еще до подхода наших войск успешно действовала развернутая сеть партизанских

отрядов. Ничего этого не было. Ни реального партизанского движения, ни диверсионных актов в тылах противника.

В феврале 1944 года, уже будучи на территории Польши, в районе Люблина, Черный сообщал в Москву: *«Поляки на сотрудничество идут плохо. По всей стране имеется 50 различных партийных группировок, которые ведут борьбу между собой»*.

Заметьте, ведут борьбу не с врагом, а между собой.

Четыре с половиной года, как гитлеровцы топчут землю Польши, убивают, насилюют, но несмотря на это, *«партизанское движение находится здесь в зачаточном состоянии»*, радирует в Центр Черный. И далее сообщает: *«Диверсионные отряды создаем из русских военнопленных»*.

Однако ничего этого пока не знают ни Черный, ни его товарищи по оперативному центру. Они еще на своей родной земле и только готовятся к переходу в Польшу.

Зима 1943-1944 годов — это не зима сорок второго. Красная армия наступает по всему фронту, и партизанские отряды растут численно. Однако эта волна прибывает к партизанскому берегу разных людей.

«Боец Татур Валентин Викторович, — докладывал в Москву Черный, — дважды дезертировал с боевого задания, около двух месяцев пьянствовал в окрестных деревнях. Был пойман и расстрелян».

Откровенно говоря, таких как Татур было немного, но они были. И, разумеется, на чужую территорию, когда никто не мог предположить, что ждет партизан там, в Польше, брать в отряд бойцов ненадежных, недисциплинированных, это значит подвергать опасности сотни других, а вместе с ними и все дело.

Именно поэтому и приходили в Центр радиogramмы такого содержания: *«Рядовой Латышев из отряда Цыганова систематически пьянствует, занимается мародерством. В пьяном виде дважды потерял личное оружие. Меры воспитания совершенно не действуют. Брать его с собой на Запад не могу»*.

Москва понимала сложность положения Черного. Ведь партизанский отряд в далеком тылу — это не воинское подразделение в составе своих войск, где применимы все меры воздействия, где на страже авторитета командира и его приказа стоят комиссары, политотдел, органы военной прокуратуры, СМЕРШ. Ничего этого у Черного не было. И воспитывать латышевых, на которых *«меры воспитания совершенно не действуют»*, приходилось самому.

Правда иногда Центр мог ему помочь рекомендацией, которую он

получил на свою радиостанцию: *«Латышева со всеми материалами передайте в особый отдел ближайшего партизанского соединения».*

Таковы были истинные проблемы, которые стояли перед командованием оперативного центра накануне перехода в Польшу.

Как и приказала Москва, Черный укомплектовал подвижную, маневренную группу из 50 человек. Вооружили их всем лучшим, что было в отряде, — автоматами, карабинами, ручными пулеметами и даже противотанковым ружьем. Возглавил ее заместитель Черного Хаджи Бритаев.

Как и положено, доложил об этом в Центр. И тут же получил новую боевую задачу для группы Бритаева.

«Вами проделана большая работа по добыванию данных о противнике, — радировала Москва, — но эти данные добыты наружным наблюдением, документы от вас — явление редкое.

Одним подсчетом вагонов группировку противника и его намерений не вскрыть, нужна серьезная работа по захвату документальных данных.

Сейчас, когда штабы противника приблизились к районам ваших действий, а его коммуникации сократились, связь между войсками и органами управления осуществляется во многих случаях автотранспортом. Поэтому настоятельно необходимо использовать благоприятные условия для налета на легковые машины и захват документов, а также офицеров-секретносителей.

Группе Бритаева организовать систематические налеты на легковые автомобили на участке грунтовой дороги Житковичи-Лахва».

Черный читал радиogramму и не без удовольствия отмечал: было время, когда Центр очень радовался «подсчетам вагонов», потому что эту работу в сорок втором только предстояло наладить.

Теперь Москва требовала качественно новых разведданных — документов. Что ж, будут и документы. В этом Иван Николаевич нисколько не сомневался. Опыт разведчиков его оперативного центра давал основания для такой уверенности.

В сущности, так и получилось. Когда основной отряд под руководством Черного совершал переход, Хаджи радировал:

«11.1.44 г. Группа Сударя четвертого числа в районе Милашевичи-Лахва подбили машину. Уничтожен унтер-офицер полевой жандармерии № 581. Взяты списки личного состава».

«13.1.44 г. Группа Сураева десятого числа напала на колонну, идущую из Лунинца в Милошевичи. Разбито 3 грузовых, 2 санитарных и 1 легковая машины.

Убито 20 немцев и взят в плен обер-ефрейтор Пауль Осес из 127-го интендантского управления. Ранее он служил в 77-м тяжелом артполку.

В Лунинце находится штаб 2-й армии, склады, главное интендантское управление. Захвачены документы, письма, приказы, газеты, ведомости, инструкции, принадлежащие 2-й армии».

«7.1.44 г. Семнадцатого числа в районе Лахва разбили легковую машину. Взяты документы 2-й армии и письма».

Центр был доволен. Начальник разведывательно-диверсионного отдела ГРУ Шерстнев сообщил: «Сураеву и его коллективу за проведенную операцию объявлена благодарность. Основное содержание приказов передать по радио, подлинники документов пакетом передайте Комарову.

Действия по захвату документов и офицеров активизируйте».

Примечателен и другой факт. Перед уходом с центральной базы к другому месту дислокации Черный передал свою агентурную сеть полковнику Льдову. Под псевдонимом Льдов работал недавно возвратившийся в эти края, старый знакомый Черного, его прежний командир Герой Советского Союза Григорий Матвеевич Линьков.

Так вот Линьков принял от Черного только в Барановичах 13 агентов-диверсантов и 20 связных. Среди них на железной дороге Брест-Москва-Ломов, в депо Барановичи — Воробьев, на станции Матов, на аэродроме — Паровозов и Роговец, на нефтебазе — Сидоров. Собственно говоря, это было своеобразное подведение итогов агентурной работы, начатой непосредственно еще самим Черным и продолженной его заместителем Горой.

Сам переход оперативного центра состоял из двух этапов. Сначала было решено по своей территории дойти до деревни Сварынь, что располагалась у Западного Буга, потом — бросок за Буг, преодоление железной дороги Владава-Хелм и шоссе Владава-Парчев.

Однако легко сказать — переход, бросок, форсирование. Но когда штаб оперативного центра стал в деталях прорабатывать движение, оказалось на пути огромное число препятствий. Например, преодоление магистралей Барановичи-Лунинец, Брест-Пинск, Днепроовско-Бугский канал, а уж о реке Западный Буг и говорить не приходилось. Это крайне серьезная преграда для переправы достаточно крупного оперативного центра, вместе с обозом, узлом связи. Тем более, что Москва не переставала повторять: вы не партизанское соединение, которое всегда готово вступить в бой с противником, а оперцентр. И потому следует избегать соприкосновения с фашистами всеми средствами. Враг не должен знать ваш маршрут.

Но это, как говорят, в теории. Ведь даже на своей территории по пути

к деревне Сварынь на партизанских тропах можно было нарваться на немцев. Они ведь тоже свою агентуру держали.

Значит, надо было искать другие, новые, нехоженые маршруты. Это, конечно, страховало от фашистских агентов, но вызывало дополнительные трудности по прокладке неизведанных маршрутов.

Казалось, предприняли все меры безопасности при следовании в новый район. Было решено идти только ночами. Практически все дневки проводить в лесах. Провизию добывать в деревнях, расположенных в стороне от маршрута движения.

Перед переходом крупных железных и шоссейных дорог дневки организовывать километров за 15-20, высылая вперед разведку, которая заранее находит место для переброски оперцентра через препятствия. Место переброски выбирать в стороне от маршрута.

Разумеется, походная колонна была выстроена по всем правилам тактики — с головным дозором, боковыми заставами, арьергардом.

Цель и маршрут движения знали только командование центра и командиры групп.

И вот 5 декабря 1943 года Черный послал радиogramму в Москву: *«Все готово для марша. С питанием плохо. Группа под командованием Хаджи остается на базе. 6 декабря выхожу».*

Как обещал, так и вышел. Железную дорогу Барановичи-Лунинец партизаны преодолели ночью и ушли в лес незамеченными. Трудно сказать, что тут помогло: везение, тщательная подготовка или просто не сработала немецкая агентура. Ведь двести человек с телегами, бричками, которые карабкаются по железнодорожной насыпи, грохочут по рельсам, картина не для слабонервных. И тем не менее фашисты каким-то образом пропустили колонну Черного. Партизаны ушли в лес, а тут уж ищи их свищи — места-то знакомые, родные — Кривошин, Залужье...

После небольшого отдыха еще один переход — теперь уже к пункту назначения — деревне Сварынь, что за Пинском. Этот этап оказался сложнее, места пошли незнакомые, партизанами малообжитые, можно было напороться как на фашистов, так и на националистические формирования, коих в округе бродило немало.

Поэтому Черный часто менял маршруты движения, особенно не задерживаясь в одних и тех же местах.

Подольше задержались только в населенном пункте Мотель, что под Брестом. Выдвинули усиленные сторожевые заставы, накормили людей, запаслись провизией в дорогу, отдохнули.

Через несколько дней опять новый переход, теперь уже до самой

Сварыни. Впереди лежала железная дорога Пинск-Кобрин. Черному хотелось верить, что и эту магистраль они пройдут тихо, незримо, без единого выстрела, как и предыдущую Барановичи-Лунинец.

Однако на этот раз судьба не была столь благосклонна к Ивану Николаевичу и его боевым товарищам.

Казалось, что все было так же — они остановились на дневку километрах в пятнадцати от дороги, послали вперед разведку.

Ночь, на счастье партизан, выдалась ненастная, темная. Однако уже на марше снег затих, а когда колонна вышла из леса в чистое поле, небо, как специально, прояснилось. Выглянула луна — яркая, большая, хоть иголки собирай. А двести человек с обозом — это не иголка.

Что в этом случае делать — принимать решение командиру. И Черный решил все-таки идти. Шли, прислушиваясь. Пока было тихо. Шли дальше.

Вот уже и насыпь видна, черным длинным бугром перегородила дорогу партизанам. Партизаны все ближе, ближе...

И тут ударил пулемет — крупнокалиберный, немецкий. Значит, напоролись на фашистов. Колонна залегла, ответила огнем.

— Отходить! — скомандовал Черный.

Отряд разворачивается и отходит назад, к лесу.

Как оказалось позже, разведчики неверно поняли командира, они обеспечили переход колонны в другом месте.

Партизаны провели дневку. Немцы, к счастью, их не беспокоили. Ночью переправились через железную дорогу и двинулись к Днепровско-Бугскому каналу. Пришлось идти по льду канала, так как леса поблизости не было.

Днем на канале колонну «высмотрел» немецкий самолет-разведчик. Партизаны открыли огонь. Самолет отвернул. Это означало только одно — гитлеровцы обнаружили партизан.

Черный приказал взбираться на крутые берега канала и гнать к лесу, который показался на горизонте. Боялись, что немцы наведут авиацию, но обошлось.

Добравшись до леса, отдохнули немного и, сориентировавшись, двинулись лесными дорогами в сторону Сварыни. Судя по всему, до села было не так далеко — день ходу.

К вечеру партизаны на опушке леса обнаружили дома. Это и была Сварынь. Переход оперативного центра от Булева озера до Сварыни занял больше месяца.

Сов. секретно

Черному. Радиостанция «Пена». 11.1.44 г.
«Поздравляю благополучным прибытием. Груз вам
выбросили до 20 января.
Валерий».

Глава десятая

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 21.1.44 г.

«В Польшу для разведки посылаю группы Горы и Степи, на Западный Буг на разведку оборонных сооружений — Седельникова.

Черный».

Соваться за Буг, на территорию Польши, без тщательной разведки было бы опрометчиво. Решено послать вперед опытных разведчиков — офицеров Михаила Гору и Федора Степь.

На душе у Черного тревожно: и Гора и Степь идут небольшими отрядами в незнакомые места.

Перед отходом долго говорили, прикидывали, обсуждали, по сути, как выйти из воды сухими — и дело сделать, и вернуться живыми — здоровыми.

Черный просил сообщать не только о противнике, но и о политической обстановке на польской территории. Он хотел разобраться, с кем ему предстоит иметь дело в будущем, на кого можно опереться, кого опасаться?

Первые радиogramмы Горы и Степи не внушали большого оптимизма. В стране политическое противостояние, партизан кот наплакал. И тем не менее в течение месяца партизанским разведчикам удалось проникнуть и в Люблин, и в Лукув. *«Немцы из Люблина эвакуировали эмиссионный и сельскохозяйственный банки, — сообщали они. — Строительство оборонительного линии по реке Буг производится очень медленно. Идут преимущественно земляные работы».*

Кроме того, завербованный источник в люблинском депо доложил: в депо 50 паровозов, строится вторая колея на дороге Люблин-Парчев.

Еще один агент передал сведения о луковской школе подготовки унтер-офицеров.

Удалось проникнуть и на фашистский аэродром Бяла Подляска. Там базировалось около двух десятков штурмовиков и сорок бомбардировщиков Ю-88.

Это уже было кое-что.

Умело работал и Григорий Патык под Брестом. Москва получила от Черного следующую телеграмму: *«Патык добыл план Бреста с точным*

нанесением воинских частей, учреждений и складов. Каким образом переправить вам план и агентурную обстановку?»»

Чувствовалось по всему, у Патыка появились ценные источники. И действительно, интуиция не подвела Ивана Николаевича. Вскоре Патык прислал радиограмму. В ней кратко сообщал о своих агентах и приглашал Черного приехать к нему под Брест для знакомства с источниками.

Видимо, игра стоила свеч. Иначе Патык не стал бы по пустякам беспокоить командира.

Черный отправился к Патыку. Агент Сокол — молодая женщина, работающая на станции Брест в товарной конторе. Ее скромная должность давала большие возможности. Она могла свободно передвигаться по железнодорожному узлу, знакомиться с документацией.

Сокол уже подорвала три цистерны с топливом.

Агент Зайцев работал помощником машиниста и давал сведения о движении составов. Он также совершил два диверсионных акта — подорвал паровозы.

Но самым ценным оказался агент Жук. Он хорошо владел немецким языком, работал на брестском почтамте, имел обширные знакомства среди немецких офицеров и солдат. Жук готов был устроиться переводчиком в управу, а также совершить диверсионный акт. Черный запретил использовать Жука для проведения диверсий и оставил работать на прежнем месте, на почтамте, сказал, что тот получит персональную задачу.

После возвращения в Сварынь, среди ночи, Черного поднял радист Юрий Ногин. Радиограммы — одна, другая, третья. Обычные, рабочие — выброска пеленгаторной станции задерживается, сообщение о группе Хаджи и Сураева. И вдруг: «Указом Президиума Верховного Совета СССР звание Героя Советского Союза присвоено»... «Ого! Это кому же?» — спросонья не понял Черный... Еще раз перечитал: «Звание Героя Советского Союза присвоено Банову Ивану Николаевичу...»

— Поздравляем, товарищ майор, — радостно произнес Юрий Ногин.

И в следующую минуту комната заполнилась людьми. Все поздравляли командира с высокой наградой.

Однако, как оказалось, в Указе он был не один. Среди награжденных Глумов, Седельников, Бритаев, Каплун, Караваев... Всего более двухсот человек. Ордена, медали...

Партизаны устроили пир. Все что было в наличии из продуктов — на стол. Гулять так гулять. Не каждый день приходят такие награды.

...К концу февраля на центральную базу в Сварынь подтянулись Хаджи Бритаев и Виктор Сураев. Однако засиживаться в Сварыни было

некогда. Вскоре с группой бойцов Хаджи Бритаев ушел к Михаилу Горе, в парчевские леса. Следом за ним, спустя неделю, двинулся основной отряд.

Центр в одной из радиограмм перенацелил Черного.

«Вы начинаете отходить на юго-восток, тем самым удаляясь от своих основных групп и основных объектов работы. Направление отхода измените строго на запад в район Малориты. Там находится Каплуна, и вы можете с ним взаимодействовать».

Вскоре одна из групп Черного вышла к заставе бригады Каплуна. А Центр тем временем торопил: *«Части Красной армии на вашем направлении усиленно передвигаются вперед. Срочно примите меры к вашему переходу на запад, взяв, в первую очередь, радиоузел и самое необходимое»* — радировал начотдела Шерстнев.

Для переноски радиоузла и пеленгаторной станции по самым скромным подсчетам надо человек пятьдесят. Еще четыре десятка бойцов понесут боеприпасы и взрывчатые вещества. Это уже девяносто. А для надежной охраны такой колонны надо тоже человек семьдесят. Словом, расчет подбирается к двум сотням. Но где их взять? К тому времени у Черного в наличии не было и половины из нужного количества бойцов.

Пришлось обратиться в Центр. В конце марта из Москвы пришла радиограмма.

Сов. секретно

Только Черному

«Поставленный вопрос о подчинении вам хозяйства Каплуна мы принимаем как мероприятие, ускоряющее ваш переход за Буг.

Приказываю:

Бригаду Каплуна полностью подчиняю вам, о чем одновременно отдается приказ Каплуну. Из ваших и Каплуна людей отобрать лучших 300 человек. Хорошо вооружить.

С этим личным составом и техникой выйти за р. Буг и далее на р. Висла.

Остальных под командой Каплуна с радиостанцией, способной держать связь с Центром, оставить на месте для ведения разведки и диверсий.

Переход потребует большого внимания, организованности, дисциплины и скрытности. Порядок перехода определить по обстановке.

Разведка на себя должна быть непрерывного и подробной, охранение усиленным.

*Желаю успеха вам и всему личному составу.
Валерий».*

Таким образом проблема пополнения отряда была решена. Теперь все было готово к броску за Буг.

В это время Черный особенно внимательно следил за сообщениями от Михаила Горы, который, судя по всему, успешно разворачивал диверсионную работу в Польше.

Его агент из города Хелм заложил мину в офицерском клубе. Взрыв уничтожил ресторан и казино, вместе с их клиентами. Подрывник на железной дороге в районе Люблина устроил крушение поездов, другой диверсант подложил мину в вагон с боеприпасами. Взрыв разнес весь эшелон.

Приходили от агентов Горы и разведсообщения — о перемещении немецкого танкового полка из Люблина под Хелм, о складах боеприпасов и вооружения в местечке Бяла Подляска.

Судя по сообщениям, в Польше были патриоты, которые готовы сражаться с фашистами. Однако тревожных радиogramм оказалось не меньше.

«В здешних условиях, — писал Гора, — имеются подпольные организации Армии крайовой, чье руководство спит и видит, как вернуть прошлую панскую Польшу. Оно натравливает своих подчиненных на русских. Как они выражаются, Советам в Польше делать нечего...

По-моему, эти типы скорее согласятся сотрудничать с немцами или с польскими фашистами, чем станут воевать в одних рядах с нами».

В следующей радиogramме Гора сообщал: *«Людей имею 215 человек. Приходится вести борьбу на два фронта, с польскими эндеками и с немецкими.*

В Армии людовой тоже находятся люди, которые в своем кругу заявляют, что придет время, и они будут воевать с Советами».

В свою очередь Федор Степь радировал из своего района пребывания: *«В Ягодинском лесу находятся националисты, называющие себя "народовцами". Это профашисты. Численность 200 человек. Руководство из Варшавы дает им только враждебные инструкции. С немцами борьбу не ведут».*

Такова была правда о политической и оперативной обстановке в Польше. Советских партизан не ждали с распростертыми объятиями.

Основываясь на радиogramмах Горы и Степи, Черный сделал вывод и сообщил в Москву: *«За Буг можно посылать группы в 30-40 человек.*

Партизанские пятерки будут уничтожены националистами, а более крупные группы, смогут постоять за себя, если окажутся хорошо вооруженными».

Однако Москву беспокоила не только обстановка в Польше, но прежде всего разведданные для наступающих фронтов и армий.

«Войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону немцев, — радировал Центр, — и успешно продвигаются на Тернопольском и Проскуровском направлениях. Противник, по имеющимся данным, пытается спешно перебросить в район прорыва подкрепление.

Всеми доступными средствами установите непрерывный контроль за движением противника к району прорыва через пункты Люблин, Брест. Захватив пленных, установите номера частей и цель переброски.

Ежесдневный результат молнируйте».

Что ж, не просто было молнирывать каждый день, но приходилось. И рация Черного посылала сообщения в эфир: *«Под Брест прибыли части 2-й пехотной дивизии, находившиеся на финском фронте... В Хелм прибывают части 4-й полевой армии, ранее дислоцированные на берегах Ла-Манша...»*

Эти разведданные дорогого стоили. Добывать их становилось все сложнее. Концентрируя войска для нанесения контрударов, фашисты всячески старались оградить себя от партизанской разведки. Они проводили контрпартизанские операции, облавы.

Дошло и до мест, где располагались отряды Черного и Каплуна. В лес фашисты соваться боялись, но окружили его плотным кольцом, заняли близлежащие хутора и деревни, обстреливали партизан из орудий и минометов.

Продукты в отрядах заканчивались, пополнить их не было возможности — вокруг немцы.

В те дни Москва получала тревожные сообщения от Черного и Каплуна.

«Обстановка района базирования усложняется. Противник наступает в составе 2-й дивизии, 23-й мадьярской и 5-й власовской дивизии...

Нахожусь у Каплуна, обстановка сложная, веду разведку. Самолеты принимать не могу. Кочевать мне с имуществом не удастся».

Тянуть с переходом за Буг больше было нельзя. Следовало уходить, уводить людей из-под удара немцев.

Хаджи Бритаев, который уже преодолел этот путь, прислал заботливую радиограмму.

В ней он настоятельно советовал запастись ножницами, так как «на 157-м полустанке для перевода лошадей через железную дорогу следует обрезать семафорные провода, которые подняты над землей на 1,5 метра.

Перейдя железную дорогу в 2 км от хутора Лысая, можно взять 10 подвод для груза, — указывал Хаджи, — а для форсирования двух каналов перед шоссейной дорогой надо на хуторе Подшумы раздобыть 5 метров досок».

«Шоссе днем охраняется, — предупреждал Бритаев, — патрулируют пешие наряды и танки, ночью охрана слабее, поэтому лучше переходить его после 12 часов ночи».

Черный был благодарен своему заместителю за такие скрупулезные, точные рекомендации. Ведь, как известно, в разведке мелочей нет.

12 апреля 1944 года Черный направил радиogramму в Центр: «Выхожу 13 апреля. Сообщите Горе, что буду направляться в район Н. Орехово».

Темной весенней ночью партизаны вышли к Западному Бугу, нашли проводников, которые на лодках начали переправлять их через реку. Однако течение Буга бурное, стремительное, лодки сносило, и возвращались они только через четверть часа. Лодок было мало, и Черному стало ясно — за ночь всех партизан переправить не удастся.

Пришлось тем, кто хорошо плавал, брать лошадей под уздцы и грести в ледяной воде. Во второй половине ночи отряд, наконец, оказался на другой стороне реки. Пока пересчитали людей, оружие, имущество, огляделись, проводников и след простыл. Они тихонько отчалили к родному берегу, сбежали.

До рассвета еще было время, но следовало торопиться. А куда торопиться? К немцам в лапы?

Черный знал, изучая перед выходом карту, что где-то впереди должно быть местечко Сабибур. Надо бы обойти этот Сабибур, да поджимало время, так ведь можно с рассветом и в чистом поле остаться на виду у немцев.

И тогда он принял решение идти через Сабибур. В центр поставил радиоузел и пеленгатор, отделение пулеметчиков — и вперед.

Партизаны вошли в поселок сплоченной колонной. Каждый затылком чувствовал опасность. Из любого дома, огорода может ударить пулемет.

Пугало и то, что на улицах Сабибура стояла тишина. Не скрипнет дверь, не залает собака. Обычно это первый признак засады. Немцы, готовя засаду, приказывали местным жителям запираť домашнюю живность. Так они надеялись услышать приближение партизанского отряда.

Слышалось только тяжелое дыхание партизан. Отряд ускорял шаг.

Люди хотели скорее вырваться из перекрестков улиц, быстрее в поле, к лесу.

Сабибур преодолели успешно, но командир гнал их вперед и вперед. До железной дороги и шоссе, которые надо было перейти, еще несколько километров. А спасительная ночная мгла уже отступает, из темных углов выползает рассвет. Вот уже действительно, в такой обстановке и солнцу не рад.

Мучили голод, жажда. Черный приказал конникам проехать по хуторам на маршруте следования, собрать продуктов. А сам командир торопил людей. Еще виден был на горизонте Сабибур, а там — немецкий гарнизон, который проспал партизан. Уж очень не хотелось, чтобы фашисты ударили в спину уставшим людям.

В колонну возвращались конные партизаны, привозили продукты. Пришлось раздавать хлеб, сало прямо на ходу.

И вот впереди железнодорожная насыпь, партизаны, задыхаясь, вскочили на нее и увидели впереди, в полукилометре, новое, не менее опасное препятствие — шоссе Владава-Хелм.

Не успели спрыгнуть с насыпи на шоссе — загудел ранний немецкий грузовик. Партизаны залегли. Лишь только он скрылся из виду, поднялись и бросились к шоссе. Теперь никого не надо было подгонять. Каждый понимал — здесь — смерть, там, за полотном дороги, спасение, жизнь.

А солнце уже золотило верхушки деревьев. Кто-то успел перескочить шоссе, кто-то оставался на той стороне, и вновь шум мотора. Вновь мчался фашистский грузовик.

Партизаны опять припали к земле. Машина проехала, не остановилась. Пронесло! Остатки отряда перескочили дорогу и бежали к лесу. Хотя какой там лес, редкие березки, кустарник. Но партизаны были рады и этим кустам. Упали, уткнулись в сырую апрельскую землю. И верилось, и не верилось — прошли.

Черный приказал не вставать, поесть и спать по очереди.

...Вечером, когда затихло движение на шоссе, партизаны огляделись. Судя по карте, впереди была деревушка под названием Сухава.

До Сухавы, что называется, рукой подать, но без разведки соваться опрометчиво — вдруг там немцы.

Командир посылает вперед разведчиков. Они возвращаются с известием — немцев в деревне нет, обед готов.

Пока обедали, выяснили, что немецкие гарнизоны находятся в Парчеве, Хелме, Владаве.

Через несколько часов отдыха, на крестьянских бричках партизаны

покидают Сухаву. Теперь путь лежит к Парчевскому лесу, где их ждет Михаил Гора со своими партизанами.

Зная, что немцы боятся ездить по шоссе, Черный выводит брички на дорогу. С одной стороны, вроде как риск, а с другой — возможность скорее уйти от Буга, от деревни Сухавы. Ведь, надо думать, немцам уже известно, что они посетили Сухаву.

...Грохочут партизанские брички. Под колесами польская земля.

Проехали деревню Колаче, Сосновицы. Спешились, забрали груз, возниц отпустили с миром домой.

Командир принял решение идти на Липняки и там устроить дневку. Шли по азимуту, впереди разведчики, за ними отряд Парахина, дальше штаб, потом группа Христофорова, а за нею арьергард, прикрытие.

Перед Липняками Черный приказал Христофорову занять оборону на дороге, а Парахину перекрыть вход в деревню с противоположной стороны.

Отряд вошел в деревню. Люди устали, и командир приказал им устраиваться по дворам. Только устроились, как на заставе Христофорова грянул выстрел, потом второй. Тишину прорезала автоматная очередь. От Христофорова прибежал связной, сообщил: немцы. «Нагнали все-таки», — подумал Черный.

У фашистов — броневик и тринадцать машин с солдатами. Это уже серьезно.

Пока Черный пробирался к Христофорову, его партизаны уже подбили передний грузовик, и немецкая колонна застряла на узкой высокой дороге. Съехать машины не могли, а немцы чего-то ждали, спешиваться и шлепаться в грязь, видимо, не хотели. Это было на руку партизанам.

Подтянулся на помощь Парахин со своими людьми. Черный приказал ему заходить во фланг немцам. Те удачно, незамеченными развернулись и ударили вдоль колонны.

Гитлеровцам стало жарко, они наконец стали выпрыгивать из машин, но партизаны уже подтащили пулеметы и открыли огонь.

А Парахин уже заходил в тыл гитлеровцев. Первым кое-как развернулся и помчался прочь броневик, за ним покатали грузовики. Но шесть машин остались брошенными на шоссе.

После боя партизаны посчитали трофеи, убитых. Возвратились в деревню. Польские крестьяне впервые увидели, как бьют немцев, как бегут они с поля боя, бросая своих убитых солдат.

Теперь в Липняках оставаться было нельзя. Немцы могли опомниться, взять подкрепление и ударить по отряду. Черный приказал уходить.

Загрузились в немецкие грузовики, попрощались с селянами и вновь в дорогу. Шофера прибавили газу.

Вскоре на окраине деревни Лейно партизан Черного встречали Гора, Степь, Бритаев. Встречали как героев. Оказывается, слава бежала впереди них. Поляки говорили, что пришло много партизан, разбили немцев, подожгли броневики. Так-то.

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 26.4.44 г.

«25 апреля прибыл к Горе благополучно. Знакомлюсь с обстановкой. Груз готов принять. Он крайне необходим.

Черный».

Глава одиннадцатая

Сов. секретно

Черному. Радиостанция «Пена» 16.5.44 г.

«Для разведки условий работы наших людей за Вислой снарядить группу разведчиков, численностью 15-20 человек из наиболее смелых, дисциплинированных и преданных товарищей во главе с лучшим офицером.

О готовности группы донести к 25 мая.

Валерий. Косиванов».

Итак, оперативный центр Черного полностью переброшен на территорию Польши. По приказанию Москвы им предстояло действовать в районе Варшавы, Люблина, Хелма, Демблина, Владавы, Лукова. Железнодорожные магистрали, которые следовало взять под контроль, пролегали на маршрутах Варшава-Брест, Варшава-Люблин-Хелм. Они вели к фронту. В сфере внимания партизан были также рокадные железные дороги Луков-Люблин, Владава-Хелм.

Задачи были прежние, знакомые — проникнуть в города, развернуть агентуру и давать разведданные о гарнизонах, аэродромах, железнодорожных станциях и других важнейших объектах жизнедеятельности гитлеровцев.

Второе важнейшее направление работы — диверсионные акты.

Однако, чтобы успешно действовать в тылу врага, тем более на чужой территории, следовало ясно представлять политическую обстановку в своем районе.

А обстановка эта была крайне сложной и противоречивой. Польшу «раздирали» два крупных политических движения — пресловутая Рада народного единства и Крайова Рада Народова. Однако они были крайне неоднородны. Под крылом Рады народного единства сошлись приверженцы эмигрантского польского правительства из Лондона, ярые поклонники Пилсудского, правое крыло крестьянской партии. Крайова Рада Народова объединяла Польскую рабочую партию, Социалистическую рабочую партию, левое крыло Крестьянской партии и другие мелкие политические организации.

У каждого из этих политдвижений — своя армия. Таким образом, на тот период в Польше было две армии — Армия крайова под руководством

ставленника эмигрантского правительства Бур-Комаровского и Армия людова, которой командовал Роля-Жимерский.

Словом, армии в Польше вроде как были, только вот бороться с фашистами оказалось некому.

В сентябре 1944 года, возвратившись в Москву, Герой Советского Союза, начальник оперативного центра ГРУ подполковник Николай Банов напишет такие слова в своем отчете: *«Боевых организованных групп польских партизан за Бугом не было. В открытую борьбу с немцами поляки не вступали.*

Были группы русских партизан, но они в основном жили для себя.

В районе, который контролировал мой оперцентр, находилась всего одна польская партизанская группа подполковника Метека, и та на полулегальном положении. Местный партизанский актив жил дома и лишь изредка выходил на боевые дела».

Это подлинная оценка Черного, нашего легендарного партизанского командира, зафиксированная в документах спецархива ГРУ. Такова историческая правда. Пусть и горькая.

Так что начинать Черному пришлось практически на пустом месте, с нуля. Если не сказать больше. Ведь националисты, аковцы (представители Армии крайовой. — Авт.), напрямую противостояли советским партизанам.

И тому тоже есть документальные подтверждения.

Один из партизанских командиров Магомет в мае 1944 года сообщал: *«Вооруженные поляки уничтожают наши мелкие группы 5-10 человек. Партизаны исчезают бесследно.*

Обстрел партизанских групп на дорогах и в селах заставил ответить огнем. Результат: протест со стороны представителей Армии крайовой. Докладываю, что национальные польские группы себя не оправдали».

«В Луковских лесах, кроме нас, партизан нет. Есть польская вооруженная группа до 150 человек.

Эта группа открыто борется, не ведет, но всячески препятствует нашей деятельности, оказывая отрицательное влияние на местное население».

В свою очередь Центр предупреждал партизан: *«Обстановка за Бугом коренным образом отличается от обстановки и условий работы на нашей территории. В связи с этим требуется изменить и методы работы.*

Ваше хозяйство за короткий срок чрезвычайно выросло. При таком росте не исключена возможность проникновения к вам трусов, мародеров, шпионов и провокаторов.

Есть данные, что польские националистические организации специально засылают к вам своих людей».

Однако, несмотря на трудности, противостояние фашистов и польских националистов, советские разведчики не собирались отступить. Решили наладить связь с подполковником Метеком. Если уж в боевых делах его люди несильны, то связь с местным населением, надо думать, у него крепкая. Как доложили Хаджи и Гора, подпольщики Метека разбросаны по всему Люблинскому воеводству.

А это уже немало.

Следовало выйти и на русских партизан, активизировать их деятельность, помочь оружием. Решили, не докладывая, встретиться с командиром самого крупного местного партизанского отряда Серафимом Алексеевым. В прошлом Алексеев — сержант Красной армии. Попал в окружение еще летом сорок первого, собрал вокруг себя сотню людей, с тех пор и партизанил. Иное дело, что все эти нелегкие три года не было у его отряда ни связи с Большой землей, ни оружия, ни боеприпасов. Что отбивали, захватывали у фашистов, тем и воевали.

Обсудив и взвесив все «за» и «против», Черный решил, не откладывая, нанести удар по местной немецкой администрации в сельских районах, то есть по полицейям и солтысам, которые мешают их работе. Эти полицейские посты, разбросанные по деревням, селам, хуторам представляли реальную опасность для его оперцентра и, если не вооруженную, то информационную. Ведь полицейяи были ушами и глазами фашистов в районе.

И Черный в одну ночь со своими партизанами громит двенадцать полицейских постов. Остальные полицейяи в страхе бегут в города.

Следующее нападение — на немецкие склады. Отрядам нужно продовольствие. И оно добыто. Мясо, мука, яйца розданы партизанам.

«Нахожусь в треугольнике Демблин-Гарволин-Жилехов», — радирует Черный. И вскоре получает новую боевую задачу. Центр интересуют аэродромы в Демблине, Уленже, железнодорожные магистрали Демблин-Варшава, Демблин-Луков, шоссе Люблин-Варшава, а также оборонительные сооружения по западному берегу Вислы.

Казалось бы, задачи непростые, объектов много, агентуры практически нет, но сорок четвертый год — не сорок второй. Опыт — великое дело. И вскоре командир разведгруппы Николай Широков начинает давать сведения по Демблинскому аэродрому. Помогли молодые ребята, поляки, ставшие агентами советских партизан.

Демблин оказался достаточно крупной военно-воздушной базой

фашистов, где готовились к боям молодые летчики. Они поднимались в небо на «юнкерсах», «мессершмиттах», «хейнкелях». Охрана и персонал аэродрома насчитывал более полутора тысяч человек.

Хорошо работали разведчики из отряда Серафима Алексеева. За три года пребывания на польской земле у них были наработаны хорошие связи. В Варшаве у Алексеева находился ценный агент, молодая девушка Стася, которая вращалась в кругах немецких офицеров и солдат, а информацию поставляла партизанам.

Разведчики Анатолия Седельникова проникли в город Люблин. Он был заштатным городком, промышленность не развита, всего несколько небольших фабрик. Но партизан интересовали не эти фабрики, а крупнейшая железнодорожная станция. Достаточно сказать, что люблинский узел имел сто пятьдесят путей — два главных и сто сорок восемь запасных, как для пассажирских, так и для товарных поездов. Два больших депо в сутки пропускали до пяти паровозов. На станции почти три тысячи рабочих. Словом, есть где развернуться.

В Люблине, кроме того, был расквартирован штаб танковой дивизии СС «Викинг», располагалась резиденция губернатора воеводства группенфюрера СС Вендлера, части ПВО, гестапо, военные учреждения.

Все эти сведения, добытые разведчиками, незамедлительно передавались в Москву.

Здесь, в Польше, Черный впервые узнал о фашистских лагерях смерти — Освенциме, Майданеке. Партизаны помогали бежать военнопленным из лагерей, находили для них надежные убежища.

С помощью разведчиков Федора Степи и его заместителя Владимира Оффмана удалось завербовать агентов в лесничестве «Плянта». В результате этой работы установили, что в Бялой Подляске расквартирован фашистский полк, прибывший с фронта на отдых, три пехотных батальона, а также несколько артиллерийских батарей. В городе Седлец размещается 7-й пехотный полк гитлеровцев, школа войск СС, полицейские подразделения.

Важно и другое — разведчики узнали — и в Бялой Подляске, и в Седлеце находятся фашистские аэродромы.

Проникли партизанские агенты и в Луков. Гарнизон там был поменьше, около полутысячи офицеров и солдат, зато усиливали его поляки — жандармы и полицейские.

Что ж, анализируя поступающие данные, Черный отмечал — начало было неплохое.

За годы нахождения в тылу врага оперативному центру Черного

приходилось выполнять разную работу — готовить и проводить в жизнь диверсионные акты, вести разведку наблюдением, разворачивать агентурную сеть, захватывать документы, уничтожать представителей немецкой администрации и даже руководить крестьянскими хозяйствами на оккупированной территории, занимаясь севом, уборкой, сенокосом, заготовкой овощей. Всякое бывало, но вот внедрять разведчиков-нелегалов не приходилось.

Но как оказалось, и это партизанам под силу. По приказу Центра на базу Черного были десантированы два человека — резидент майор Фальковский и его радист Шепель.

Майор, не вдаваясь в подробности, доложил, что выполняет спецзадание и хотел бы с помощью разведчиков оперативного центра легализоваться и устроиться на работу на железную дорогу.

Черный, посоветовавшись с Горой, собрал на совещание всех командиров разведгрупп: Седельникова, Степь, Широкова, пригласил Серафима Алексеева. У него самые лучшие знакомства на железной дороге.

К этому времени Москва подбросила с самолетов продуктов, боеприпасов, оружия, медикаментов. Эти богатства поделили между отрядами, группами, устроили ужин. После ужина майора Фальковского представили Алексееву, объяснили задачу.

— Устроим, — уверенно сказал Серафим.

Действительно, через своих знакомых поляков начальнику станции осторожно подсказали, мол, есть грамотный человек, бежал от войны из Варшавы в деревню. Начальник станции клюнул. Вскоре Фальковский уже работал кассиром на станции. Охрану резидента обеспечивали партизанские разведчики, связь — Шепель. Фальковский и Шепель действовали без провалов до самого прихода наших войск.

Теперь, когда была налажена агентурная работа и разведданные поступали в Москву регулярно, Черный задумался о том, как по-настоящему ударить по немцам, провести несколько диверсионных актов. А то ведь немцы в Польше и вправду чувствуют себя хозяевами. Это в Белоруссии они гнали составы по ночам, осторожно, строили дзоты вдоль полотна, вырезали лес, а тут «край непуганых фашистов», как пошутил кто-то из партизан. «Вот мы их и пугнем», — решил Черный.

Теперь радист оперативного центра то и дело отстукивал в Москву — на перегоне Демблин-Луков подорван эшелон с войсками и техникой, движение остановлено на сутки; на перегоне Сарны-Свидры уничтожен эшелон с восемью платформами с автомашинами; на перегоне Сарнов-Кшивда пущен под откос паровоз и семь вагонов с солдатами; на перегоне

Соболев-Грабняк взорван эшелон с семью платформами с танками и автомашинами.

После таких партизанских ударов немцев было не узнать — прекратилось ночное движение, днем эшелоны передвигались осторожно, медленно, пуская впереди паровозов платформы с песком.

Однако все это уже «проходили» партизаны Черного еще в Белоруссии. Подобные меры предосторожности не спасли фашистов там, не уберегали и здесь.

Москва время от времени напоминала командиру оперативного центра об осторожности. И это было не лишним.

Черный за все годы своего пребывания в тылу врага никогда не действовал шаблонно, однообразно. Его группы, отряды постоянно перемещались, направляясь в то или иное село, партизаны не ехали напрямую, только вокруг, через другие селения и хутора.

В деревне, останавливаясь на дневку, никогда не рассказывали откуда пришли. Местным жителям запрещали передвижение по ночам. Незнакомых людей, появившихся в деревне, задерживали. Старались, чтобы никто из поляков не наблюдал за перемещениями.

И тем не менее, несмотря на все предосторожности, чувствовали себя под постоянным надзором. Как-то в разговоре польский партизанский командир Метек признался, что они знают о всех передвижениях советских партизан.

Таким образом, знать мог не только Метек, но и националисты из Армии крайовой. Что ж, Центр был прав, предупреждая, что *«обстановка за Бугом коренным образом отличается от обстановки на нашей территории»*. Теперь Черный и его партизаны прочувствовали это на собственной шкуре.

И все-таки, несмотря ни на что, время работало против фашистов. С появлением на польской земле оперативного центра Черного, после их крепких диверсионных ударов по фашистам, мелкие отряды, группы советских партизан потянулись к ним. Формировались новые бригады. Теперь партизаны становились реальной силой.

В свою очередь, в штаб Черного стекалась самая различная информация о противнике. В эти дни Центр особенно интересовали разведданные о новых немецких аэродромах. Ведь под ударами Красной армии первыми снимались с насиженных мест в Белоруссии и перебрасывались на запад именно авиационные части. Но куда перелетали фашистские стервятники? Москва требовала точной и оперативной информации. И партизанские разведчики без устали искали авиационные

базы врага.

Вот Серафим Алексеев обнаружил у села Подлудова аэродром. На нем более двухсот самолетов, рядом — склад авиабомб.

Радиограмма полетела в Центр. Вскоре по аэродрому Подлудова был нанесен сокрушительный авиационный удар.

На северо-западе Варшавы разведчики обнаружили Молтинский аэродром, на юго-западе — центральный «Окенты». На первом базировалось сорок пять самолетов, на втором — почти триста. Их охраняли зенитки, прожекторы. Это тоже зафиксировали на своих картах партизанские разведчики.

Разумеется, все обнаруженные немецкие аэродромы подвергались неоднократной авиационной бомбардировке наших военно-воздушных сил.

Наносились удары и по нашему старому знакомцу — Демблинскому аэродрому. Тем более, что он недавно был усилен переброшенной из Франции авиаэскадрильей. Но случилось так, что удары советской авиации не достигали цели. Несколько бомбежек, однако ущерба никакого.

Командование ВВС не могло понять, в чем дело. Поступил приказ Черному — выяснить. Выяснили. Во время ночных полетов немцы полностью выключали свет на аэродроме и высвечивали ложное летное поле. Таким образом, наши самолеты бомбили пустырь.

Что ж, пришлось уточнить истинные координаты Демблинского аэродрома. Вскоре «французская» эскадрилья немцев перестала существовать.

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена». 2.7.44 г.

«Немцы в спешном порядке на восточном берегу р. Висла проводят усовершенствование укреплений, которые строились в 1940-1941 годах.

На участке Демблин-Гарволин, на полустанках Зеленка, Яблонка, крепость Модлин имеются доты, дзоты, блиндажи, противотанковые рвы, эскарпы.

Черный».

Глава двенадцатая

Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 25.5.44 г.

«В районе Хелма, в местечке Фысув разведчики под командой Моисеенко наблюдали полет и взрыв больших, необычных "торпед". Взрыв был огромной силы. Никому прежде подобное оружие наблюдать не приходилось.

Разведчики Моисеенко выходили на место взрыва "торпед". Воронка в диаметре около ста метров, вокруг выжжены деревья, кустарник, земля.

Черный».

Запуски «торпед», как называли их партизанские разведчики, немцы проводили на протяжении трех ночей. В Хелм прибыли несколько десятков представителей из Берлина, которые наблюдали за полетами «торпед»; выезжали на места их взрывов. Кто были эти представители, установить не удалось. Скорее всего — ученые, конструкторы, одним словом, изобретатели необычного оружия.

Ответ на радиogramму Черного пришел быстро. Центр крайне заинтересовало сообщение начальника оперативного центра: «Сведения о "торпедах" получены впервые и только от вас, — радировала Москва. — Приказываем приложить все усилия для выяснения типа этих снарядов, их устройства и места производства».

Легко сказать «приложить все усилия». Судя по всему, оружие это новое, секретное. Немцы берегут его пуще глаза. Тем не менее и эта задача со многими неизвестными оказалась по зубам партизанам Черного. Через полмесяца его радиостанция передала в Центр радиogramму: «По проверенным данным воздушные торпеды, вернее ракеты ФАУ, производятся на заводе Сталева-Воля. Завод построен до войны, в настоящее время расширен, выпускает пушки и другие виды артиллерийского вооружения.

Ракеты ФАУ действуют на жидком горючем. По словам рабочих и охраны завода, они используются против Англии».

Черный вспомнил секретный эшелон с танками «тигр» и «фердинанд», раскрытый им накануне Курской битвы. Его люди не обделены орденами и медалями, сам он удостоен самых высших наград Родины, и все-таки очень

приятно слышать признание Москвы, особенно такое: «сведения получены впервые и только от вас».

Эти слова Иван Николаевич прочтет еще раз, когда сообщит в Центр о новых танках «фюрер», которые были мощнее «тигров», с пушками большого калибра, а также о танках-бомбах «кошат». При столкновении с бронированными целями противника они взрывались.

Позже его разведчики смогут узнать тактико-технические характеристики новых фашистских танков. Центр высоко оценит эту развединформацию.

Вообще весной-летом 1944 года Черному, как никогда придется разгадывать множество фашистских ребусов.

Кроме ракет ФАУ, танков «фюрер» и «кошат» ему подбросят задачу с дивизией «Викинг». Он неоднократно докладывал, что дивизия дислоцируется в Люблине. Сомнений не было. И вдруг встревоженный Центр сообщает, что по данным армейской разведки части этой дивизии появились на фронте. Как же так? Значит, либо армейская разведка, либо партизаны Черного вводили Москву в заблуждение.

В общем, Центр ждал объяснений. Оказалось, правы и те и другие. В Люблине действительно находился штаб танковой дивизии «Викинг» и подразделения, которые пополнялись личным составом, оружием и техникой, а также проходили первую обкатку и слаживание. После этого части дивизии отправлялись на фронт, а потрепанные батальоны выводились в тыл, в Люблин.

По данным разведчиков Серафима Алексева гарнизон города Хелм в последнее время значительно пополнился фашистскими солдатами. Предположительно, это были остатки гитлеровцев из разбитых на фронте дивизий. Черный, получив информацию, передал ее в Центр. В ГРУ заинтересовались этими данными. Попросили выяснить, а не полк ли «Великая Германия» находится сейчас в Хелме.

Оказалось, и вправду в Хелме, а также в Люблине, располагались остатки полка.

Определили разведчики и точное местонахождение штаба 4-й полевой армии фашистов. И то, что гитлеровцы начали демонтаж и вывоз в Германию предприятий из Варшавы. Это радовало. Крысы бежали с тонущего корабля.

Июнь 1944 года принес новые неожиданности. Союзники открыли второй фронт, и над Польшей появились английские самолеты. Они кружили над лесами и болотами и сбрасывали мешки с грузом, контейнеры.

Нет, этот груз не был предназначен советским партизанам. Их судьба не очень заботила английских союзников. А вот судьба отрядов Армии крайовой крайне беспокоила британцев. И они не скупилась на подарки.

Так уж вышло, что некоторые из этих подарков попадали в руки советских партизан. Что ж отказываться, если продовольствие и оружие падало прямо на головы бойцов Каплуна, Горы, Седельникова.

«Предполагаю, английским самолетом, — радировал Каплун, — для польских "аковцев" в районе урочища Гурово сброшен груз на 8 парашютах.

Большую часть груза захватил. Пулеметов — 3, автоматов — 12, револьверов — 9, рации — 4, гранат — 250, мин разных — 2 коробки».

Интересно, что в тюках были листовки, содержание которых немало удивило партизан. Полбеда, что британцы призывали поддерживать «лондонское правительство», но они еще агитировали бороться против Советов, не пускать Красную армию в Польшу. Вот так союзнички!

О британских «подарочках» и листовках Черный, разумеется, постоянно сообщал в Центр.

А тем временем напряженность на территории Польши нарастала. Красная армия гнала врага. Фашисты отступали. Их тылы откатывались за Буг, сюда же перемещались штабы армий и корпусов.

Партизанский пеленгатор постоянно обнаруживал в эфире новые позывные немецких радиостанций. Они появлялись то в Люблине, то в Демблине, то в Парчеве. Концентрация фашистских войск на польской территории стремительно возрастала.

В то же время выросла и активность партизан. Диверсии на железных и шоссейных дорогах, участвовавшие удары по тщательно замаскированным аэродромам, складам, штабам. Ничего этого прежде не было.

Черный понимал: долго терпеть немцы не станут. Жди облавы.

А что же партизанские силы? В силу сложившихся обстоятельств они были распылены, разбросаны по району.

Каплун находился на старой базе и в случае необходимости помочь не мог, мешал Буг, который в одночасье не форсируешь. Степь и Магомет действовали под Луковом и Седлицем, Седельников — под Люблином, Моисеенко — под Хелмом. Парахин «оседлал» шоссе Хелм-Владава, Христофоров — дорогу Демблин-Любартов.

Партизаны Серафима Алексеева и Горы были под Демблином, Бритаев — под Люблином и Хелмом. При штабе оставалось всегда полсотни человек. Для боя маловато. Поэтому вскоре Черный подтянул к штабу отряды Парахина, Моисеенко, Филатова.

Партизаны расположились в деревне Воля Верещанская. С одной стороны стоял польский отряд Барановского, рядом в Сосновицах располагался крупный отряд Армии крайовой.

21 июня стало известно — деревни, дороги, ведущие из Демблина, Лукова, уже заняты немцами. Разведчики доложили, что из Люблина, Хелма и Парчева выдвигаются гитлеровские колонны. Все стало на свои места.

К исходу дня немцы появились на дальних подступах к деревне Воля Верещанская. Черный договорился о совместных боевых действиях с Барановским, предупредили о приближающихся немцах и отряд Армии крайовой.

Оперативный центр Черного занял круговую оборону. Откровенно говоря, у Барановского сил немного, но вот аковцы могли постоять за себя. Но зря надеялся Иван Николаевич на бойцов Армии крайовой. Выпустив несколько очередей издалека, они драпанули из Сосновиц в лес. «Как же так, сильный, хорошо вооруженный отряд, а бегут как зайцы», — досадовал Черный.

Не смог выдержать удара и Барановский и отошел к лесу. Черный оставался один на один с немцами. Далее по самым скромным подсчетам фашисты значительно превосходили партизан в живой силе.

Однако и партизаны не лыком шиты. У них — несколько пулеметов, большая часть бойцов вооружена автоматами, было даже три ротных миномета. Партизаны решили дать бой.

Фашисты подъехали на бричках, в атаку пошли во весь рост. Их, видимо, вдохновили спины убегающих аковцев. Надеялись, что и советских партизан сомнут. Но не тут-то было.

Яростный бой длился около двух часов, а немцам не удалось продвинуться вперед. Наступило затишье. Видимо, гитлеровские офицеры собирались с мыслями: что делать?

Вскоре разведчики сообщили — фашисты привезли пушку. Это было крайне неприятное известие. Пришлось Черному отвести минометчиков к деревне, откуда просматривался перекресток дорог и немецкая пушка.

Установили миномет и уже вторая мина накрыла пушку, разметав орудийную прислугу.

Фашисты зывали самолет. Однако его удалось отогнать огнем.

К середине дня в тыл немцам ударили партизаны Седельникова, вызванные на подмогу.

Вновь наступило затишье. Вскоре со стороны Люблина прилетел самолет и приземлился на дороге. Из него вылез немец в коричневом

полицейском мундире. Как стало известно позже, это был начальник полиции Люблинского воеводства.

Гитлеровцы ринулись в новую атаку.

А Черный вызвал бойцов с противотанковыми ружьями:

— Давайте-ка по ржи, ближе к самолету. Надо его уничтожить.

В бинокль Черный видел, как летчик завел самолет, полицейский в коричневом мундире залез в кабину. Самолет стал разбегаться, и тут грохнули выстрелы. Самолет, объятый пламенем, рухнул на землю.

К партизанам еще подошло подкрепление. Огонь немцев ослабевал. Смеркалось. Гитлеровцы спешно грузились на брички и уходили. Среди бойцов Черного не было ни одного убитого, только раненые.

Так завершился этот бой.

И вновь началась обычная партизанская кочевая жизнь. Центр ждал разведанных. И их, к счастью, удавалось добывать.

Агент Анджей сообщил, что северо-западнее Варшавы появились три батальона фашистов — пехотный, строительный и связи.

От бежавшего советского военнопленного стало известно о складе боеприпасов, который находился севернее Лукова. Охранялся он тремя ротами фашистских солдат.

Благодаря усилиям агентов Охотника, Руса, Любы, Лены удалось обнаружить новые аэродромы у деревни Копин, вблизи местечка Маринин, а также данные о дислокации частей противовоздушной обороны Демблина, Бялы Подляски, Лукова.

Партизанский информатор Славек узнал, что эшелоны, идущие через Люблин и Луков, перевозят гитлеровские части из районов Равы-Русской и Владимира-Волынского.

Не забывали партизаны и о своем главном оружии — диверсиях.

В начале июня 1944 года Черный сообщал в Центр: *«29.6 отряд Алексеева на шоссе Люблин-Варшава разбил две грузовые машины и одну легковую. Убито семь и взято в плен четыре немца, среди них ефрейтор Вольдауер, старший фельдфебель Гюмьер, Роте».*

Бойцы Седельникова организовали засаду на шоссе Любартов-Парчев, захватили немецкий грузовик, убили одного гитлеровца и взяли в плен двоих.

Советские войска двигались к Бугу. В немецком тылу это особенно ощущалось. Все госпитали, польские дома были забиты ранеными с фронта.

Центр требовал уходить дальше за Вислу: *«Стремительное наступление частей Красной армии не позволяет вам задерживаться на*

восточном берегу Вислы.

Вам вместе с Седельниковым, не ожидая Магомета, форсированным маршем выйти в район Томашув».

Однако пока обстановка не позволяла это сделать. 7 июня 1944 года Черный радиовал в Москву: «Мною были посланы две разведгруппы. Ни одна группа Вислы не достигла. Сразу же идут массовые доносы в полицию о продвижении групп. Население исключительно поляки. Очень сильно влияние националистов, которые заявляют, что за Вислу советских партизан не пустят.

По данным моей разведки базироваться партизанам, особенно русским, практически невозможно. Велика насыщенность отрядами польских националистов. Они хорошо вооружены и не только открыто выступают против партизан, но и доносят немцам о партизанах, помогают их уничтожению».

И тем не менее Центр настаивал на перебазировании за Вислу. Приказ есть приказ. Стали готовиться к переходу. На базе отряда Алексеева и группы Басарановича была создана одна бригада, вторая под руководством Горы формировалась из отрядов, действующих в луковских лесах. Целью бригад стал район города Лодзь.

Однако, несмотря на поражения на фронтах, в тылу фашисты не собирались мириться с партизанским движением.

Они применяли тактику, которую, образно говоря, можно назвать — разделяй и властвуй. Вклиниваясь между отрядами, выдавливали партизан из лучших мест. Так фашисты блокировали луковские и яновские леса. Партизанам Черного пришлось уходить к Парчеву.

8 июня в Центр ушла радиограмма: «Обстановка ухудшилась. Перешел в Парчевский лес».

Все сложнее было держать связь с малыми отрядами и группами — дороги взяты под контроль немецкими патрулями, широко использовались фашистские самолеты-разведчики. Пеленгаторщики Черного засекали все новые радиостанции полевой жандармерии.

Пришло известие — в яновских лесах тяжелые бои с превосходящими силами гитлеровцев ведут партизаны во главе с полковником Прокопюком.

Отряд Черного фашисты пытались блокировать с севера и с юга, заставив выйти всеми силами и Парчевский лес, а там окружить и уничтожить. Надо было торопиться.

Вскоре в Парчевском лесу скопилось достаточно много партизан — отряд Черного, отряды Белова, Крота. Здесь уже находился отряд Армии Людовой — Кжегоша. Правда, Кжегошу позже удалось выскользнуть из

окружения.

Все остальные были блокированы в лесу. Проанализировав данные разведки, партизанские командиры пришли к выводу, что противник будет наносить удар с юга. Значит, прорываться надо на север, к Лукову.

Фашисты начали бомбардировки леса. Конкретно на прорыв решили идти к деревне Кшиваверба, ближе к городу Парчев.

Немцы никак не ожидали, что партизаны пойдут ближе к городу.

Планировалось сначала сбить гитлеровское охранение, и дальше группе Бритаева двинуться вперед, прикрывая обоз с фронта. Белов прикрывал обоз со стороны Парчева, группа Крота — со стороны Владавы, группа Моисеенко — с тыла.

Черный понимал, успех зависит от быстроты преодоления шоссе.

Двое суток разведчики наблюдали за передвижением фашистов между Владавой и Парчевом. Однако обстановка не благоприятствовала началу прорыва. Днем немецкие войска шли по шоссе сплошным потоком.

Ночью фашисты боялись передвигаться, но все равно у шоссе оставались наблюдатели с пулеметами и патрули. Было и еще одно обстоятельство, которое могло стать роковым — дорогу окаймляли глубокие кюветы. На бричках не проедешь. Пришлось готовить лаги из веток, сучьев.

Пришла радиограмма от Магомета. Он сообщал: *«Доношу, что неоднократные попытки перейти в район Маковского леса не удалось. Немцы, сделав полевые укрепления вдоль железных дорог, заняли оборону.*

Разведку на проход на запад продолжаю».

«Кто знает, удастся ли прорваться ему или постигнет такая же неудача, как Магомета?» — думал Черный. Но на этот вопрос никто не знал ответа.

Наступил день прорыва. Партизаны выдвинулись к самому шоссе. С наступлением сумерек дорога опустела. Партизаны ждали. Черный отдал команду на прорыв в три часа ночи.

Бойцы бросились вперед и уже через несколько минут ворвались в окопы немецких наблюдателей. Фашистские пулеметчики успели дать несколько очередей и захлебнулись.

К шоссе неслись брички лазарета и обоза. Лаги заброшены в кювет, и лошади, храпя, уже поднимались на высокую насыпь дороги.

Где-то далеко, у Парчева, проснулись немцы, в небо взлетали ракеты. Фашисты открыли артиллерийский обстрел.

Еще несколько минут — и обоз перевалил дорогу. Партизаны уходили к лесу под артиллерийскую канонаду. И вдруг впереди стал нарастать гул пушек. Над головами уже свистели снаряды. «Неужто наши наступают?»

— спрашивал себя Черный. А гул тем временем все нарастал. По немцам была наша родная артиллерия.

Черный остановился, дал команду дожждаться отставших, собраться в единый кулак. Собрались, посчитали личный состав — убитых не было, раненых тоже.

Теперь одна дорога, на восток, к фронту. Спасение только в соединении со своими. Выбрали просеку, вытянули колонну. И тут над головами появились советские штурмовики, приняв за немцев, полоснули из пушек, пулеметов. К счастью, никого не убило, только несколько раненых.

И тут прибежал человек от Моисеенко.

— Товарищ командир, немцы отступают, бегут!...

— Значит прорвались наши, — сказал Черный. И тут на взмыленной лошади показался разведчик из авангарда.

— Наши! Мы вышли к нашим!

Вскоре и основной отряд соединился с советскими войсками.

Москва. Центр. Радиостанция «Пена» 25.7.44 г.

«22.7. соединился с частями 260-й стрелковой дивизии 47-й армии в деревне Коросента. Со мной Степь, Косюков, Оффман, Степанова, Ореховская и охрана. Иду к штабу армии.

Черный».

Глава тринадцатая

Сов. секретно

Характеристика

на подполковника Банова Ивана Николаевича, рождения 1916 г., русский, образование — среднее, военное — Орджоникидзевское пехотное училище в 1938 году и один курс Высшей специальной школы Красной армии в 1941 году, член ВКП(б) с 1939 года, в Красной армии с 1935 года.

Подполковник Банов И. Н. с первых дней Отечественной войны в действующей армии.

С августа 1942 по июль 1944 г. выполнял специальное задание Разведуправления Генштаба Красной армии в тылу противника. Работал командиром оперативного центра.

За время пребывания в тылу противника из разрозненных групп и одиночек организовал несколько боевых отрядов, которые своими действиями по коммуникациям врага нанесли большой ущерб в живой силе и технике. Кроме того, организовал добывание разведывательных данных о сосредоточении войск противника.

Смел, решителен, физически вынослив, обладает организаторскими способностями, пользуется авторитетом у офицерского состава и в среде рядовых подчиненных.

За образцовое выполнение задания Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.1.1943 г. тов. Банов награжден орденом Ленина и Указом от 4.2.1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

Старший помощник 2-го отдела Разведуправления Генштаба Красной армии

подполковник Степанов

Начальник 2-го отдела Разведуправления Генштаба Красной армии

генерал-майор Шерстнев

Такую характеристику дали своему подчиненному Ивану Банову руководители 2-го отдела ГРУ в сентябре 1944 года, то есть сразу по его

возвращении в Москву из Польши.

Остается только добавить, что партизаны под руководством Банова-Черного только за период с декабря 1942 года по ноябрь 1943 года взорвали вражеских эшелонов — 457, разбили паровозов — 184, повредили паровозов — 122, уничтожили вагонов с боеприпасами — 163, с войсками — 335, с продуктами — 277, с техникой — 94, с самолетами — 5.

В ходе диверсионных актов убито и ранено фашистов — 13783 человека, сожжено хлеба на складах — 898 тонн, отбито у немцев скота — 537 голов, обезоружено полицаев и казаков — 153, отравлено фашистов — 348 человек, убито генералов — 5 человек, взорвано железнодорожных мостов — 25 штук.

Эти цифры официально зафиксированы в материалах спецархива ГРУ. К сожалению, там же написано, что результаты диверсионной деятельности партизанского отряда Черного с ноября 1943 года по июль 1944 года не подсчитаны.

Но, увы, и в последующих документах этих результатов нет.

Однако цифры немецких потерь от ударов партизан и за эти одиннадцать месяцев впечатляют.

Так уж сложилось, что летом 1944 года война для Ивана Николаевича закончилась.

В октябре его направляют на учебу на Высшие академические курсы. Выпускается Банов уже в августе 1944 года.

Начальник курсов генерал-майор Капалкин так охарактеризовал своего слушателя: *«Специальное дело знает и в процессе учебы уделял этому предмету много внимания. Имеет большое желание продолжить работу в этой области».*

И он ее продолжил. После окончания курсов подполковника Банова назначают в разведуправление Северной группы войск, которая располагалась в Польше. Видимо, руководство учло его партизанский опыт, знание страны, обстановки.

Через год Иван Николаевич поступает в военную академию имени М. В. Фрунзе. По выпуску его направляют на Высшие академические курсы офицеров разведки Генерального штаба.

С 1950 года он заместитель начальника 5-го направления 2-го отдела ГРУ, исполняющий должность начальника того же направления, потом заместитель начальника 2-го отдела. С 1953 года старший офицер направления по руководству ротами специального назначения.

Работу Банова на этом, очень ответственном участке начальник 5-го

управления ГРУ Генштаба генерал-лейтенант Кочетков оценил так: *«Предпочитает работу с людьми, в частности с разведподразделениями и частями спецназначения, в реальные возможности которых он верит и их боевое использование ясно представляет».*

В 1960 году Банов направлен в зарубежную командировку на должность советника военной миссии связи при штабе Главнокомандующего американскими войсками в Германии. Вскоре он становится заместителем начальника миссии, а потом и начальником.

В 1964 году возвращается в Москву и становится заместителем генерала Николая Патрахальцева. Вместе они занимаются подготовкой разведчиков-диверсантов.

В 1967 году Патрахальцев рекомендует его на должность начальника советской военной миссии связи при штабе Главнокомандующего английскими войсками в Германии.

По завершении зарубежной командировки Иван Николаевич, уже генерал-майор, находится на преподавательской работе. Действительно, опыт Банова был огромен. Пришло время передавать его молодым разведчикам.

Легендарный разведчик, партизанский командир, Герой Советского Союза генерал-майор Иван Николаевич Банов ушел из жизни в 1982 году.

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

Июньское солнце быстрое, яркое. Выкатилось из-за верхушек деревьев и уже припекало лица солдат. Бессонная ночь не прошла даром. Командир взвода Павел Голицын оглянулся на своих бойцов... И не узнал их. В глазах — смута, в лицах не то чтобы страх, скорее, растерянность, подавленность.

Оглянулся Голицын, и все взгляды сошлись на нем. В них немой и тупой вопрос: что происходит с нами?

Закончились первые сутки войны. Бессонные, тревожные, с криками раненых, с кровью. Впервые они увидели врага вблизи.

Ранним утром, до восхода солнца навстречу цепи его взвода выехали немцы. Пятеро гитлеровцев. Они ехали на велосипедах по шоссе, открыто, не прячась, радостно переговариваясь друг с другом, гортанно гогоча.

Как это случилось, не понятно? Вечером их мотоциклетный полк завязал бой с фашистами на подходах к городку Браньск. Командиром полка была поставлена задача выбить немцев из городка.

Роты развернулись в цепь и двинулись вперед. Немцы открыли огонь, цепь залегла. Завязалась перестрелка, которая длилась всю ночь.

С рассветом все затихло. Никто не предпринимал никаких действий. Возможно, немцы подумали, что полк Красной армии отошел, и послали разведку. Только этих пять горланящих фашистов мало походили на разведчиков.

Словом, комвзвода Голицын подпустил их поближе и дал команду «Огонь!» Четверо фашистов были убиты, пятого захватили в плен.

А вскоре солдаты полка без какой-либо команды стали отходить. Фашисты открыли по отходящим сильный огонь.

Голицын сдал пленного немца какому-то майору и двинулся на мотоцикле в обратную дорогу.

Полк отступал.

Через полчаса езды колонна остановилась. Бойцы и командиры пополнили боекомплект, водители мотоциклов заправили машины. Потом прозвучала команда: «Строиться полку».

Роты выстроились по периметру лесной поляны. Перед строем полка появился комполка капитан Громов.

— Товарищи командиры и бойцы! Началась война. Враг перешел границу и уже в десятке километров от нас.

Капитан рубанул рукой в ту сторону, откуда они приехали час назад.

— Нужна дисциплина и порядок, — крикнул комполка, — железная дисциплина.

В это время из-за строя первой роты двое красноармейцев с винтовками вывели вперед солдата. Шеренги полка зашевелились, бойцы вытягивали шеи, чтобы разглядеть солдата. Маленький, щупленький солдатик, в грязном обмундировании, без пилотки и ремня замер перед строем полка. Он был ни жив ни мертв. Бледные как мел щеки, остекленевшие от страха глаза, обмякшее тело. Казалось, он только и держался на руках часовых. Разойдись они, и солдатик рухнул бы, как подкошенный.

В первую минуту Голицын даже не понял, что происходит. Откуда он, этот солдатик, и почему его вывели перед строем.

— Это дезертир, товарищи! — резко выкрикнул комполка. — Он бежал с передовой.

В следующее мгновение вперед вышел какой-то офицер и зачитал приговор трибунала.

Когда он произнес слово «расстрел», Павел Голицын услышал, как стрекочут в траве кузнечики и ветер шуршит в листве деревьев.

Полк замер, застыл, словно заledenел. Голицын смотрел на взлохмаченного, опущенного солдатика и не верил словам офицера трибунала. Как расстрел? За что? Говорили, что солдатика этого кто-то увидел ночью, километрах в десяти от расположения полка. Скорее всего, он просто заблудился, сбился с дороги в этой беготне, пальбе и неразберихе.

Несмотря на душный июньский день, Павел Голицын чувствовал, как холодеет у него внутри. На месте солдатика мог оказаться и он, и любой другой из его взвода.

Солдатика расстреляли на глазах у всех и закопали здесь же на поляне.

На душе было муторно и гадко. Так прошел первый день войны...

Все последующие дни полк отступал.

Ночью отходили, днем пытались дать бой фашистам. Но немцы были сильнее и в технике, и в оружии, и в живой силе.

При подходе к Волковыску, на открытом участке местности, немецкие самолеты нанесли удар по колонне. Они расстреливали полк из пулеметов. Потери оказались велики — от личного состава осталась в лучшем случае треть людей.

Бойцы были измотаны бессонницей, боями. Тыловые подразделения где-то потерялись в дороге, есть нечего, из «НЗ» только сухари.

Однако выхода не было. Комполка приказал занять оборону западнее

Волковыска. Но она не выдержала и первого удара фашистов. Началось беспорядочное бегство.

Мотоциклы с водителями находились в ближайшем населенном пункте. Когда Голицын прибежал туда, уже во дворе оставался всего один мотоцикл. Но его заняли командир роты и офицер из другого подразделения. Павлу места уже не было.

Комроты умчался, бросив своего взводного. В этот момент, глядя в спину уезжающего командира, Голицын вспомнил маленького, взлохмаченного солдатика, признанного дезертиром и расстрелянного в первый день войны. Кто был настоящим дезертиром — солдатик или его ротный командир?

Однако для долгих раздумий времени не хватало. Немцы наседали. Дав несколько очередей из автомата по цепи фашистов, Павел вскочил на лошадь, которая находилась в этом же дворе, и помчался к лесу.

До опушки леса он добрался благополучно, хотя в спину и стреляли. Лесными дорогами выехал восточнее Волковыска. Там нашел остатки своего полка, доложил о прибытии и получил задачу — возглавив два мотоциклетных экипажа, убыть на разведку западнее Волковыска, выяснить силы и средства наступающих фашистов и, возвратившись, сообщить.

Разведгруппа, проехав Волковыск, остановилась, залегла, стала вести наблюдение. Сначала по дороге двигались остатки наших войск, а ближе к полудню появились немцы. Открыв огонь по фашистскому дозору, мотоциклисты вскочили в машины и помчались через горящий город назад, туда, где занимал позиции их полк.

В дороге попали под бомбежку немцев, под свой артобстрел, и наконец, выехали в расположение полка. Но полка на месте не оказалось. Не дождавшись разведки, подразделения снялись и ушли на восток.

Вновь надо было догонять своих. Только вот где они, свои? Осталось ли что-нибудь и кто-нибудь от его полка?

Павел Голицын вместе с отступающими частями прошел местечко Зельву и двинулся на Слоним. У Слонима разрозненные группы красноармейцев встречали офицеры и пытались сформировать взводы и роты и тут же направляли их на оборону города. Однако утром под ударами фашистской авиации, наспех сколоченные подразделения рассыпались, и вновь началось бегство.

В воспоминаниях Павел Агафонович Голицын так описывает свои впечатления: «По обе стороны шоссейной дороги горели машины, валялись трупы убитых бойцов, куча разбросанных документов разгромленных

штабов, личные дела офицеров, брошенное стрелковое и артиллерийское вооружение. Картина была жуткая.

Ударные группировки танковых и механизированных войск противника, наступая со стороны Вильнюса и Бреста, 28 июня 1941 года овладели Минском и окружили основную группировку войск 3-й и 10-й армий Западного фронта в районе Лида-Барановичи-Слоним.

Отборные войска Западного фронта, лучшие в составе Красной армии, оказались беспомощными, деморализованными, окруженными гитлеровцами.

Десятки тысяч бойцов оказались в кольце окружения.

Снова и снова предпринимались попытки формировать воинские подразделения для отпора врагу, прорыва фронта немцев и выхода из окружения, но все было безуспешно».

Вдвоем — один из офицеров полка, старший лейтенант, и Павел Голицын, определив наиболее слабый участок в немецких войсковых порядках, дождавшись ночи, двинулись по лесу на юг. Пройдя в темное время примерно два десятка километров, они решили, что уже вырвались из окружения. Так оно, в сущности, и было. Из фашистского кольца они вышли, но оказались в немецком тылу. Ближайшая деревня на их пути оказалась занятой гитлеровцами.

Сухари закончились, мучительно хотелось есть. Утром, скрытно, по лощине Голицын вышел к деревне. Мужчина, вышедший из крайней избы, предупредил, что деревня занята немцами. Однако он лесом провел старшего лейтенанта и Павла Голицына к себе в дом, накормил, дал продуктов в дорогу.

Посоветовавшись, решили двигаться проселками по ночам, не выходя на крупные дороги. Жили надеждой, что вскоре удастся соединиться со своими войсками. Но этой надежде, увы, не суждено было сбыться.

И тем не менее Павлу Голицыну и его попутчику повезло, они вырвались из минского котла окружения и шли на восток.

Вскоре поняли, что дальше идти в военной форме опасно. В одной из деревень за Барановичами выпросили у крестьян гражданскую одежду. Автоматы пришлось закопать. Себе оставили только пистолеты да несколько гранат.

Где-то в районе населенного пункта Столбцы Павел, посланный старшим лейтенантом в разведку, едва не оказался в лапах фашистов. Он вышел на какое-то тыловое немецкое подразделение и столкнулся с фашистским солдатом. Тот, к счастью, принял Павла за местного жителя, криками отогнал его.

Голицын ушел к деревне, свернул в лес, но старшего лейтенанта уже и след простыл. Убежал, видимо испугавшись немецкого окрика.

Теперь Павел шел один. Он двигался на Минск, потом на Борисов. Вскоре впереди оказалась Орша. Надежды догнать фронт постепенно таяли. Фронт стремительно откатывался к Москве.

В октябре 1941-го Павел Голицын оказался в Толочинском районе Витебской области. Позади осталось 400 километров, пройденных по территории, занятой врагом.

Приближалась зима. Гнаться за фронтом не было сил. Износились одежда, обувь. Его приютили крестьяне из деревни Бошарово. В ней, кстати говоря, оказалось еще несколько таких же окруженцев, как он.

Здесь Голицын познакомился с бывшим курсантом-артиллеристом Григорием Севостьяновым, другими солдатами и сержантами.

Собрались, обсудили обстановку. Надо было создавать отряд, бороться с врагом. Но как? Оружия нет, боеприпасов тоже. Немцы уже всюду формируют местную администрацию, насаждают старост, полицаев, издают приказы о регистрации граждан. Это означало лишь одно — начинать работу следовало втайне, скрытно. Иначе запросто можно было оказаться в подвале у полицаев, а там и в гестапо.

Первым делом ушли из деревни, в глубоком лесу со всеми предосторожностями вырыли землянку. Отделали деревом стены, потолок, поставили нары, притащили печку-буржуйку.

Оружие решили искать на местах боев, на путях отступления наших войск.

Кое-что нашли. Несколько карабинов, винтовок, пистолетов, патроны. Помогли местные жители. У некоторых было припрятано оружие.

Следующий шаг — установление контактов с другими партизанскими отрядами. А таковые, по данным Голицына, в районе были. Например, отряд Александра Симдянкина или Герасима Кирпича.

Вскоре Павлу Голицыну удалось познакомиться с Герасимом Кирпичем. Был он старше их всех, лет этак тридцать пять на вид. Интересовался что да как — состав отряда, вооружение, кто командует?

С тех пор связь с отрядом Кирпича стала регулярной.

Потихоньку-помаленьку отряд рос. В основном за счет местного населения. И хотя Севастьянов, Голицын всячески пытались местных оставить в селах — нужна была информация о немцах, но все-таки многие рвались в отряд. Приходилось включать их в состав партизан.

Зимой 1942 года все силы были направлены на формирование отряда, разведку, поиск оружия и боеприпасов.

Однако частые вылазки партизан не остались незамеченными местными жителями. А это было чревато утечкой информации.

Решили перебазироваться в другой лес, подальше от этой, уже ставшей известной, стоянки. Выбирали место, не торопясь, тщательно. И разместились на территории между деревнями Башарово и Свираны.

Вырыли две землянки. Расстояние между ними было около полукилометра. Землю уносили как можно дальше от места расположения землянок, тщательно маскировали.

К весне 1942 года в разных местах района, кроме отрядов Кирпича и Симдянкина, появились группы партизан под руководством Ивана Буланова, Бориса Ключникова, Барановского, Красякова.

Зимой все они занимались одним и тем же — вели разведку, добывали оружие, налаживали связи с местным населением.

Весной — ударили по полицейским участкам и волостным управам, разгромили их в Староселье, Черноручье, Воронцевичах, Туманичах. Пустили под откос эшелоны в районе Коханово, уничтожили немецкий склад в Зубревичах.

Что ж, это тоже была борьба, но большинство командиров партизанских отрядов и групп начинали понимать, что их операции носили эпизодический, разрозненный характер. На большее же не хватало сил. Так пришло осознание, что надо объединяться.

В конце мая собрались вместе командиры отрядов и групп и решили объединиться в партизанскую бригаду «Чекист». Почему «Чекист»? Наверное потому, что командиром бригады был избран лейтенант пограничных войск, командир оперативной группы одного из погранотрядов Западного пограничного округа Герасим Кирпич.

Что ж, возражений не было, «Чекист» так «Чекист». В конце концов важно не название, а дела.

Комиссаром бригады стал Федор Седлецкий, офицер-политработник, батальонный комиссар. Он тоже был окруженцем. Одним из первых начинал развертывать партизанское движение.

Начальником штаба бригады избрали Ивана Буланова, лейтенанта, командира взвода, попавшего в окружение под Минском и оставшегося в тылу.

Начальником разведки назначили Григория Севостьянова.

Началось формирование бригады. Вскоре она включала одиннадцать отрядов и групп, которые действовали на территории Витебской и Могилевской областей.

Объединение всех партизанских сил в единую бригаду дало большие

преимущества — организовано и планомерно велась разведка, маневрирование силами, сосредоточение их для нанесения главного удара, расширение влияния на местное население, обеспечение партизан продуктами.

В составе партизанской бригады был также сильный резерв, крепкая маневренная группа и очень серьезная, хорошо поставленная разведка.

Начальнику разведки бригады Севостьянову подчинялся взвод разведчиков, командиром которого был назначен Павел Голицын. Осенью 1942 года, когда Севостьянов стал начальником штаба бригады, Голицын занял его место начальника разведки.

Так, впервые в своей жизни Павел Голицын стал разведчиком. Он еще и не мог предположить, что теперь вся его жизнь будет связана с разведкой, диверсантами, спецназом.

Пока Паша Голицын был сугубо гражданским человеком. Он мечтал победить фашистов и вернуться к своим штатским делам. Но судьба сложилась иначе. Разведка стала делом его жизни.

Партизанская бригада «Чекист» действовала в очень важном стратегическом районе. Здесь проходили железная и автомобильная дороги Москва-Минск, по которым гитлеровцы перебрасывали технику и личный состав на восток, к столице. Обратная шла эвакуация раненых, вывоз сырья и производственного оборудования с оккупированных территорий.

В треугольнике Орша-Могилев-Борисов располагались резервы противника — склады, военные базы, дислоцировались штабы.

Отсюда и роль разведки. Центральный и Белорусский штабы партизанского движения, штаб Западного фронта требовали от партизан постоянных и точных разведанных.

В каждом отряде действовала группа разведчиков, партизанские агенты работали на железнодорожных станциях, в полицейских комендатурах, в немецких управах.

Любой партизанской операции предшествовала серьезная разведка. Так летом 1942 года партизанами был взорван железнодорожный мост на магистрали Орша-Могилев. Пятеро суток вели наблюдение за мостом партизанские разведчики. Они выявили численность охранного подразделения, график смены часовых, их месторасположение, вооружение. Агент, работавший на станции в Шклове, сообщил пароль.

Разведчики подошли к мосту в немецкой форме, сняли часовых, заложили взрывчатку. Мост взлетел на воздух. Движение поездов было остановлено.

Павел Голицын, будучи командиром взвода, разрабатывал и участвовал практически во всех разведывательно-диверсионных операциях партизан.

В июле 1942 года партизаны внезапной атакой разгромили достаточно крупный немецкий гарнизон в местечке Головчин.

Однако вскоре немцы вновь разместили там своих солдат и полицаев. Уж очень нужен им был гарнизон в Головчине.

Сентябрьской темной ночью командир разведвзвода Павел Голицын с разведчиками Барчуковым, Ермаченко и Буяновым сняли часовых и забросали гранатами бывшее здание школы, где теперь располагались фашисты.

Партизаны уничтожили десяток гитлеровцев и пятнадцать фашистов взяли в плен.

Отряды партизанской бригады «Чекист» постоянно держали немцев в

напряжении. Диверсионные рейды следовали один за другим.

Вот каков был «график работы» партизан летом 1942 года.

17 июля на перегоне Толочин-Коханово уничтожен вражеский эшелон; 20 июля там же пущен под откос еще один поезд; 24 июля нанесен удар по гитлеровскому эшелону на участке дороги Шклов-Могилев; 31 июля подорвано 2 паровоза и 18 вагонов на перегоне Коханов-Троцилово; 20 августа взлетел на воздух паровоз и 7 вагонов на участке Коханово-Толочин.

Начальник разведки бригады Григорий Севостьянов и Павел Голицын старались постоянно совершенствовать боевые возможности разведчиков. Были организованы конные разведдозоры, которые действовали на далеком расстоянии от центральной базы — под Оршей, Шкловом, Могилевом, Толочиним.

Разведчики не раз спасали партизанскую бригаду «Чекист» от карателей. Так было летом того же 1942 года.

Конные партизанские разъезды сообщили о выдвигании немцев из Шклова в сторону Рацевского леса. Из местечка Коханово тоже пришла весть — фашисты выгружаются и готовятся к маршу. Нетрудно было угадать конечный пункт движения и этой колонны.

Каратели планировали окружить партизан в Рацевском лесу и уничтожить.

К счастью, время для встречи незваных гостей было, и партизанские командиры решили дать бой. Подразделения заняли оборону на опушке леса с трех сторон — северо-востока, востока и юго-востока.

Подпустив фашистов на близкое расстояние, партизаны открыли сильный огонь. Немцы залегли. Но позиция у них была крайне невыгодная, они находились на открытом участке и несли потери.

О том бое Павел Голицын вспоминает так: «Немцы начали отход в сторону деревни Дымово. Партизаны атаковали Дымово, гитлеровцы не выдержали и выбросили белый флаг. Это был беспрецедентный случай в партизанской войне.

Фашисты через парламентариев попросили разрешения убрать с поля убитых и раненых и ушли в свои гарнизоны. Партизаны собрали оружие, оставленное противником на поле боя, и захватили в плен отбившихся от главных сил солдат.

Весть о нашей победе в бою под Дымовым быстро разнеслась среди местного населения, партизан приветствовали, поздравляли. Эта победа еще выше подняла моральный дух партизан.

Нам, разведчикам, был преподан урок о необходимости сочетать

различные методы ведения разведки: наблюдение, агентурные данные разведчиков-подпольщиков, проживающих в гарнизонах, действия в отрыве от центральной базы конных разведдозоров».

Да, партизанская бригада «Чекист» превратилась в серьезную боевую единицу. Местное население активно помогало партизанам. И тем не менее бригада не имела связи со штабом партизанского движения, а значит, действовала часто на свой страх и риск, исходя из собственного разума и понимания боевых задач.

Отсутствовали у бригады, как когда-то писал партизанский командир Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов, «спасительные узы управления». Да и с оружием, боеприпасами в отрядах бригады «Чекист» было туго.

Оставалось одно — снарядить разведчиков и послать их через линию фронта, к своим. Чтобы узнал штаб партизанского движения о бедах и нуждах бригады.

В опасный путь назначили двоих — командира разведвзвода Павла Голицына и девушку из села Рыжковичи Шкловского района Любу Кривельскую.

О двух посыльных знали в бригаде только несколько человек — комбриг Кирпич, начштаба Буланов да начальник разведки Севостьянов. Думали, выбирали маршрут для разведчиков. Самый близкий путь, разумеется, на Смоленск, потом к Вязьме. Но это и самый опасный путь. Как говорили в тех белорусских краях, «ворона коротко летала, да дома не бывала». Ведь там, у Смоленска, и самая высокая концентрация немецких войск.

Стало быть, идти надо кружным путем — через Витебск, Торопец. Тут достаточно лесов, болот да и фашистов поменьше, легче проскользнуть.

Как показало время, «военный совет» бригады «Чекист» не ошибся.

Легенда для Павла и Любы была такова — они брат и сестра, идут к своим родственникам в местечко Городок, что в Витебской области. Партизанские умельцы изготовили для них удостоверения личности, разрешения на посещение родственников. Одежда самая обычная, крестьянская. В подкладку потрепанного пиджачка Павла Голицына зашили кусок материала, на котором было написано донесение о личном составе бригады, а также просьба о выделении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ.

Дорогу Москва-Минск решили перейти открыто, через охраняемые переезды, днем. Все прошло благополучно, партизанские документы не подвели.

Дальше шли так: ночевали в лесу, в стогах сена, в брошенных постройках. Двигались, огибая немецкие гарнизоны и полицейские участки. Не обошлось и без «острых моментов», когда сердце от волнения билось где-то в горле. В одной из деревень буквально лицом к лицу столкнулись с полицаями, были уже готовы стрелять, но те лишь на ходу спросили, куда, мол, путь держите? Услышав в ответ название близлежащей деревни, полицаи потеряли к Павлу с Любой всякий интерес.

Через несколько дней пути вышли к Западной Двине. Река Двина немалая, и сильному пловцу непросто ее преодолеть, а Люба, как оказалось, боялась воды, почти не умела плавать.

Единственный выход — найти лодку. Но немцы забрали у местных жителей лодки. Был в Старом Селе, которое располагается на берегу реки, перевозчик, но без разрешения полиции он никого не переправлял на другой берег.

Вечером, разведчики подошли к перевозчику. Павел вытащил из-за пояса пистолет, сели в лодку. Отплыв от берега, они услышали окрик полица, тот интересовался пассажирами. «Свои, свои...» — успокоил перевозчик.

На противоположном берегу лодочник подсказал, как лучше и безопаснее идти дальше.

В районе Суража местные партизаны дали разведчикам проводника, который вывел Павла и Любу в расположение наших войск.

А вскоре они уже были в деревне Шейно, под Торопцом, где располагалась передовая оперативная группа ЦК Компартии Белоруссии, которая руководила партизанским движением. Их принял секретарь ЦК Компартии Белоруссии Эйдинов и капитан НКВД Косой.

Разведчики рассказали о бригаде «Чекист», как она была создана, о ее боевых делах, о связях с местным населением, доложили информацию о фашистах — об авиации в Балбасово, о гарнизонах в Орше, в Шклове, Толочине.

Последующие два дня Голицын писал подробный доклад о своей бригаде, об обстановке в районе, группировке немцев.

Прочитав бумагу, капитан Косой попросил также тщательно описать маршрут движения, по дням и даже часам и начертить его на карте.

С одной стороны, это, безусловно, была проверка, с другой — штабу нужны точные сведения о противнике, да и маршрут необходим для засылки разведгрупп в тыл врага. Когда Павел и Люба вычерчивали маршрут на карте, подсчитали: шли они без малого две недели, отмахали по вражеским тылам три сотни километров.

После отдыха пора было собираться в обратный путь. Теперь им предстояло идти не одним, а в качестве проводников, сопровождать отряд подрывников. Значит, снова 300 километров по тылам врага.

Теперь они отвечали не только за себя, но и за подрывников. А их набралось сорок человек. Считай, целый отряд. Это уже не два человека, брат с сестрой, идущие к родственникам. Проскочить незамеченными сложнее. Да и груз за плечами у подрывников немаленький, по три десятка килограммов тротила.

Фронт в районе Невель-Городок удалось проскочить тихо, без потерь, но потом отряд где-то «засветился», и немцы преследовали их на протяжении всего маршрута. Идти приходилось и днем, и ночью, на остановках занимая оборону. Населенные пункты обходили стороной. В районе деревни Крупки отряд подрывников разделился на группы, и они разошлись по разным направлениям, каждый в тот или иной партизанский отряд.

В бригаду «Чекист» также была направлена группа подрывников и радистка.

Теперь у партизан были специалисты-подрывники, взрывчатые вещества и, что очень важно,— связь со штабом партизанского движения. Эти обстоятельства дали сильный толчок в деле активизации диверсионной деятельности. Достаточно сказать, что только одна партизанская группа под руководством Горбатенкова за три с небольшим месяца пустила под откос 17 немецких эшелонов и взорвала 5 железнодорожных мостов.

Возросшая активность партизан была замечена немцами. В сентябре-октябре 1942 года фашисты подготовили большую карательную операцию. Для ее проведения вводились части 107-й пехотной дивизии, 286-й охранной дивизии, жандармские, полицейские и эсэсовские подразделения.

Сначала немцы планировали окружить Рацевский лес и разгромить бригаду «Чекист», потом уничтожить бригаду Жунина, которая располагалась у деревни Крупки.

Уже в первых числах сентября деревни, прилегавшие к Рацевскому лесу, были заняты фашистами. В штабе бригады предложения высказывались разные, начиная от жесткой обороны, кончая прорывом на запад, через реку Друть.

Однако комбриг Кирпич принял свое решение. Он оставлял в Рацевском лесу партизанские заслоны, которые, вступив в бой с немцами, должны были в течение ночи убедить противника, что перед ними действует бригада. На самом деле основные силы бригады выдвигались к дороге Москва-Минск и в следующую ночь переходили ее, углубляясь в

леса.

С наступлением темноты подразделения бригады двумя колоннами двинулись в направлении села Коханово. Партизаны соблюдали все меры предосторожности. Запрещено было курить, громко говорить, бряцать оружием. «Максимум осторожности», — призывал командир.

Тем временем оставленные в лесу заслоны вступили в бой. Они умело маневрировали, создавая иллюзию деятельности крупного соединения.

К утру основные силы бригады вышли в намеченный район, к трассе Москва-Минск, и остановились в ожидании точного времени.

Гитлеровцы тем временем провели утреннюю артподготовку. Фашистские снаряды рвались там, где еще вчера располагались партизаны. Каратели тщательно прочесали лес, но партизан уже и след простыл.

С наступлением ночи отряды под командованием Кирпича, уничтожив немецкую охрану, перешли дорогу.

Вторая колонна попала в засаду и была вынуждена отойти.

Немцы продолжали свою карательную операцию, и партизаны несли серьезные потери. В окружении оказалось пять отрядов из бригады «Чекист». Это серьезно сказалось на боеспособности бригады. Требовалась срочная помощь — оружием, боеприпасами. В ходе боев была потеряна радиосвязь со штабом партизанского движения.

И вновь командир вызвал к себе Павла Голицына.

— Задача очень важная. Без помощи штаба выжить, а тем более бороться, нам будет трудно. Ты ведь и сам видишь, — сказал Голицыну комбриг. — На тебя, Паша, надежда, надо идти...

Надо, так надо. Действовали по прежней, отработанной схеме. Павлу в помощницы в этот раз дали партизанку Валю Воробьеву. Они, по легенде, были опять братом и сестрой, жителями деревни Заборье. С разрешения бургомистра шли к родственникам в Витебск.

Бригада двинулась в Лепельские леса, а Павел с Валею в обратную сторону, к фронту.

Теперь дорога была иной, чем в прошлый раз. Многие деревни, села немцы сожгли до тла, проселочные дороги безлюдны, пустынно. Люди боялись карателей. Любой человек на дороге мог вызвать подозрение. Потому чаще шли лесными тропинками, перелесками, спали по очереди, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

Вышли к Западной Двине. Переправились на лодке с каким-то случайно попавшимся крестьянином. Железную дорогу Витебск-Полоцк решили переходить ночью.

Однако ночью чуть не угодили в лапы к немцам. А дело обстояло так.

Едва перемахнув железнодорожное полотно, услышали шум приближающегося поезда и вдруг... взрыв. Вот такое совпадение. Судя по всему, местные партизаны совершили диверсию. И сразу же автоматные очереди, лай собак. Павел и Валя бросились в лес. Уйти удалось чудом.

В деревне Лосвидо нарвались на полицаев. Пришлось показать разрешение бургомистра. Поверили. Отпустили.

Еще через несколько дней Голицын со своей спутницей вышли в расположение знакомого уже отряда Шмырева, а там с проводником — через линию фронта.

И на этот раз Голицыну и Вале Воробьевой повезло. Армейская машина, на которой они добирались в Торопец, в штаб партизанского движения, застряла на дороге, перекрыла проезд. Павел выглянул из кузова, увидел легковой «ЗИС-101» и вылезавшего из него секретаря ЦК Компартии Белоруссии Бориса Эйдинова.

Он соскочил с машины и подбежал к Эйдинову. Тот узнал Голицына, приветливо улыбнулся:

— А...а, «Чекисты». Что случилось у вас? Связи нет...

Павел рассказал обо всем — о карателях, о тяжелых боях, о большой просьбе командования бригады помочь.

Эйдинов обещал помощь. Валентину он забрал с собой, а Павла доставили в Бологое, посадили на поезд. В Москве из штаба партизанского движения его отвезли в госпиталь, сделали операцию на ноге. При переходе он поранил ногу, поднялась температура.

Недели через две он выписался из госпиталя, вновь побывал в штабе у Эйдинова.

Назад Голицын возвратился уже на самолете, который доставил партизанам оружие, боеприпасы, взрывчатку.

Так начальник разведки бригады Павел Голицын дважды ходил за линию фронта с важными сообщениями. И оба раза — удачно.

Осенью 1942 года он был награжден орденом Красного Знамени. Награду ему вручили в Кремле.

В 1942-м, особенно в 1943-м годах, партизаны Белоруссии устроили немцам нелегкую жизнь. Они нигде и никогда не чувствовали себя в безопасности.

В мае 1943 года бойцы бригады «Чекист» разгромили гарнизон Ельковщина. Многие полицаи были захвачены в плен.

В центре деревни комбриг Кирпич собрал местных жителей, выстроил пленных полицаев и произнес речь о том, как Красная армия громит фашистов. И тут лее приказал отпустить полицаев. Но большинство из них уже не вернулись к немцам — кто остался у партизан, кто скрывался.

Известие о разгроме гарнизона, помиловании полицаев прокатилось по всему району. Вскоре многие полицаи бросили службу у фашистов.

В июне отряд немцев и полицаев из Друцка попал в засаду. Несколько полицаев было убито, остальные бежали.

Разведгруппа обезоружила полицейский гарнизон, размещавшийся на станции Лотва. Партизаны установили связь с начальником гарнизона, и когда разведчики проникли на территорию, он первым сдал оружие, приказав это сделать подчиненным.

Эта же разведгруппа через несколько дней на той же станции пустила под откос вражеский эшелон.

В августе партизаны-подрывники в немецкой форме пробралась на территорию бензохранилища г. Орши и взорвали его. Сгорело 7 двухсоттонных емкостей с горючим, погибло 17 и ранено 13 гитлеровцев.

В сентябре партизаны, располагавшиеся в Кличевском, Быховском, Шкловском и других районах, совершили налеты на 11 вражеских гарнизонов. Гарнизоны были разгромлены.

В этом же месяце бойцы бригады «Чекист» успешно провели операцию, которую можно считать классической. Эта операция вошла в учебники по ведению партизанской войны, и право же стоит того, чтобы о ней рассказать подробнее.

В местечке Прыгань располагался достаточно большой и боеспособный немецкий гарнизон. Он контролировал дорогу Круглое-Бельничичи и переправы через реку Друть. Немцы и полицаи из этого гарнизона доставили немало хлопот партизанам — они действовали агрессивно, часто устраивали облавы, засады в местах партизанских переправ через реку Друть. Партизаны несли потери.

Немцы хорошо продумали оборону и укрепили гарнизон. Он размещался на территории бывшей школы, которая была обнесена забором из бревен. По углам — установлены дзоты. Впереди забора — колючая проволока. На вышке — круглосуточный пост. Между зданиями гарнизона прорыты ходы сообщения.

Однако и этого фашистам оказалось мало. За околицей деревни всегда выставались сторожевые посты, патрули. Даже местные жители без специального пропуска не могли покидать деревню, а также в нее входить.

Словом, крепость Измаил времен Великой Отечественной войны, да и только. Комбриг Кирпич не претендовал на лавры Суворова, но гарнизон Прыгань решил разгромить.

Долго и упорно трудились партизанские разведчики. Комбриг и начальник штаба хотели знать все в подробностях — расположение зданий, систему обороны, охраны, количество личного состава, вооружение, связь. Вплоть до характеристики командира гарнизона обер-лейтенанта Ганса Мюллера и его заместителей.

Все было исполнено партизанскими разведчиками во главе с Павлом Голицыным в лучшем виде.

Однако данные, собранные разведкой, оказались далеко не утешительными. Гарнизон был крепким орешком. Мысль о штурме отпала сразу, сама собой.

Значит, предстояло придумать нечто такое, что станет неожиданностью для немцев и поможет одержать победу.

Командование бригады решилось на дерзкий шаг. Отряд партизан был переодет в немецкое обмундирование, получил немецкое оружие. Он входил в гарнизон днем, открыто, под видом полицейского подразделения, прибывшего в помощь прыганьскому гарнизону. В свою очередь другие отряды окружали деревню по периметру, выдвигали сильные заслоны на тот случай, если немцы подошлют подкрепление.

Командиром этой необычной роты назначили смелого партизана Карпушенко. В помощники дали лейтенанта Крымцева, хорошо знавшего немецкий язык.

День нападения назначили на воскресенье, 4 октября 1943 года. Рано утром партизаны выдвинулись к Прыгани, начали окружение деревни. Рота Карпушенко, погрузившись в повозки, в полдень выехала на дорогу, ведущую к гарнизону.

Полицай, стоявший на посту за околицей деревни, приветливо помахал партизанам и пропустил их.

В деревне полицейские также приветствовали роту Карпушенко.

Партизаны заметили, что многие полицаи уже навеселе в честь воскресного дня.

Колонна остановилась перед гарнизоном. Роту в сопровождении охранников вышел встречать сам обер-лейтенант Ганс Мюллер.

Карпушенко ударил строевым шагом и доложил начальнику гарнизона о прибытии в его распоряжение роты полиции из Смоленска.

Карпушенко стал доставать из сумки пакет для Мюллера и скомандовал: «Привал. Разойдись».

Строй рассыпался, и партизаны стали приближаться к укреплениям.

Обер-лейтенант, видимо, что-то заподозрил, рванул кобуру, выхватывая пистолет. Но тут же партизаны открыли огонь, уничтожив начальника гарнизона и его охранников.

Начался бой. Самым сложным оказалось заставить замолчать дзоты. Партизаны забросали их гранатами.

Вскоре на помощь роте Карпушенко подошли отряды Иванова, Симдянкина и конники Шамарина. Непрístupный фашистский гарнизон был взят. В бою погибли несколько десятков гитлеровцев и полицаев, захвачено оружие — пулеметы, автоматы, минометы, продовольствие.

Интересен тот факт, что операция по уничтожению немецкого гарнизона выявила эффективность агентурной разведки партизан. Дело в том, что она готовилась в условиях особой секретности. Местное население, партизанские осведомители ничего не знали о готовящемся нападении. Так вот, пока рота Карпушенко двигалась в сторону Прыгани, партизаны дважды получали сообщения от местного населения о «немецкой колонне».

Разгром гарнизона в Прыгани имел далеко идущие последствия. Расширилась сфера влияния бригады, переправы были взяты под партизанский контроль. Этот удар говорил о нарастающем движении сопротивления фашистам, его плановости и регулярности.

Кроме военного значения результатом этой операции стало и укрепление морального духа партизан, местного населения.

Таким образом, в течение 1943 года удары партизан становились мощнее, целенаправленнее. Разгром сильно укрепленного гарнизона Прыгали показал важность скрупулезной предварительной подготовки каждой операции проведения тщательной разведки и применения нестандартных способов ведения партизанской войны.

Впоследствии так же умело была проведена операция по уничтожению артиллерийского дивизиона фашистов, выведенного с фронта и размещенного в деревне Лотва, что южнее Шклова.

Гитлеровские артиллеристы вели себя крайне беспечно. После тяжелых боев деревенские тихие места казались им вполне безопасными. Село не было укреплено, в темное время суток артиллеристы выставляли лишь часовых.

Партизаны не замедлили воспользоваться беспечностью немцев. Они провели тщательную разведку гарнизона, составили схему расположения дивизиона, места расквартирования, стоянки орудий, лошадей, склады для хранения имущества и боеприпасов.

Внезапное нападение ошеломило фашистов и предрешило исход боя. Враг потерял 52 человека, были взорваны орудия, захвачено имущество и боеприпасы артдивизиона.

Однако война есть война, и нельзя сказать, что все партизанские налеты заканчивались победой и происходили без потерь. Неудачей закончилась операция по нападению на гарнизон в селе Гольшево, не сумели партизаны выбить фашистов из деревни Ореховка.

Кроме нападения на немецкие гарнизоны, штаб партизанского движения ставил задачи перед бригадой «Чекист» по разведке и срыву движения фашистских войск по дороге Москва-Минск.

В 1942 году, когда практически не было взрывчатки, партизаны снимали рельсы с полотна дороги, вынимали костыли. Порою для подрыва использовали снаряды или бомбы. Нередко, когда совсем отсутствовали взрывчатые вещества, нападали на охрану дороги, громили железнодорожные будки.

Однако все эти кустарные методы были малоэффективны. Уже летом 1942 года после помощи штаба партизанского движения, который прислал в бригаду «Чекист» квалифицированных инструкторов-подрывников, в отрядах организовали подготовку доморощенных специалистов. Инструктора учили своих подопечных на боевом опыте. Брали с собой несколько человек и выходили на «железку».

Здесь молодые бойцы постигали тонкости диверсионного мастерства: закладывали мины не где придется, а на затяжных уклонах, высоких насыпях, поворотах дороги. Именно здесь их взрывы наносили наибольший ущерб врагу.

Выбирали также места, где после крушения сложно вести восстановительные работы.

Уже в 1942 году в бригаде организовали поиск неразорвавшихся снарядов и бомб, выплавку из них тола, производство самодельных мин.

В 1943 году со взрывчатыми веществами, минами стало легче. Их выбрасывали к партизанам на самолетах. Но и тогда партизанская

смекалка, боевое творчество не было списано в запас.

Как-то штаб партизанского движения прислал партизанам противотанковые ружья. Ведь немцы в карательных операциях применяли и бронированную технику — бронемашин, танки.

Но бойцы бригады не стали ждать карателей на бронемашин. Они нашли противотанковым ружьям весьма эффективное применение — били по железнодорожным цистернам бронебойно-зажигательными патронами. Получался отличный результат — вытекающее горючее вспыхивало, и вскоре весь эшелон был объят пламенем.

Оказалось, что противотанковые ружья — это весьма грозное оружие и против вражеских паровозов. Один — два точных выстрела — и паровоз взрывался.

Партизаны бригады «Чекист» умело организовывали и налеты на эшелоны. Например, с боеприпасами или продовольствием. Подрывался паровоз, уничтожалась охрана, а продовольствие перегружалось в партизанские подводы.

В 1943-1944 годах в бригаду стали поступать мины с часовым механизмом. В руках партизан это было грозное оружие. Мины, небольшие по весу, можно спрятать в сумку, корзину, даже в карман под пальто. Их раздавали девушкам-разведчицам, агентам из местных жителей. Они устанавливались на поездных цистернах, на вагонах, на складах, где хранилось горючее. Обнаружить человека, поставившего мину, было сложнее, ко времени взрыва ему удавалось скрыться.

На усиление диверсий фашисты ответили ужесточением карательного режима. Они строили дзоты вдоль железной дороги, вырубали лес, устраивали засады.

В таких засадах погибли партизаны Ситкевич, Павлович, были выслежены и окружены подрывники бригады Шугалей, Яблочкина, Сафронов, Безлюдов, Архипов, Якинец, Кабанов.

Важнейшим направлением в работе начальника разведки партизанской бригады «Чекист» Павла Голицына было развертывание широкой агентурной сети.

Так, в Шкловском районе действовал агент Шугалей. Он привлек к этой работе еще несколько человек: братьев Шустиковых, Гришанковых, Жарину и других. Ценным было то, что все эти люди работали на железной дороге в Шклове, на станции Лотва, кто машинистом паровоза, кто путевым обходчиком, кто ремонтником.

Они сообщали партизанам о перевозках немцев, графике движения поездов, а также о воинских частях, располагавшихся в этом районе.

В Могилеве у партизан была своя агентурная сеть — подпольщики Новиковы, Варламовы. Отсюда шли сведения о строительстве оборонительных укреплений по Днепру.

Агенты Благодичинный и Фомина вели разведку в Орше. Они добывали бланки немецких документов.

Врач Урасткаина, работавшая в немецком госпитале, старалась обеспечить партизан лекарством и медикаментами.

Агентурная работа — дело опасное и трудное. На этом пути были не только удачные дела, ценные добытые сведения, но и провалы, аресты, пытки, расстрелы.

В Орше случился провал агентов Благодичинного и Медведской. Их схватили, допрашивали, потом расстреляли.

У партизан бригады «Чекист» была своя агентура не только в городах, крупных поселках, но практически в каждой деревне, селе. Так, Мария Глушанкова вела наблюдение за вражеским аэродромом у Балбасово. Ольга Гурикова, знавшая немецкий язык, работала у немцев в Толочине. Она информировала партизан о перебросках фашистских частей.

В местечке Круглое вели разведку Александра Титова и Владимир Поляков. Они добывали разведданные о деятельности штаба 286-й охранной дивизии немцев.

Александра Титова, работавшая в штабе дивизии, имела псевдоним Бабушка. Она была очень ценным партизанским агентом. О ее существовании в бригаде знали только комбриг, начальник штаба и начальник разведки.

Титова передавала партизанам копии приказов командира дивизии, сведения о выходе карательных подразделений, о мероприятиях немецкой администрации в отношении мирного населения — сборе хлеба, реквизиции имущества, угоне молодежи в Германию.

Однако, несмотря на все меры предосторожности, гестапо выследило Бабушку, и летом 1944 года она была арестована.

Большую работу проводили партизаны по разложению власовцев, полицейских формирований.

В сентябре 1943 года в город Толочин прибыл так называемый Туркменский легион — сформированный из туркмен, узбеков, таджиков. А уже в октябре фашисты разогнали этот «легион». Почему? Да потому, что после активной работы партизанских разведчиков во главе с узбеком Топиволдыевым на сторону партизан перешло 17 человек. Фашисты сочли подразделение неблагонадежным, и оно перестало существовать как штатная единица.

Такая же работа проводилась и в казачьем полку, который состоял при штабе 286-й охранной дивизии. В результате к партизанам перешел лейтенант Крымцев (который впоследствии храбро воевал против немцев и погиб в бою) с одиннадцатью казаками. А из гарнизона Дубровка в бригаду «Чекист» с повинной явились пять власовцев. Они принесли с собой целый арсенал оружия — 4 пулемета, 2 автомата, 2 винтовки, патроны.

...Наступил 1944 год. В бригаде «Чекист» теперь насчитывалось более 2 тысяч штыков. За эти годы разведка бригады, которую возглавлял Павел Голицын, обрела организованный, систематический характер.

Все данные от агентов, постов наблюдения, дальних конных разъездов, осведомителей из местных жителей, показаний пленных немцев, перебежчиков стекались в штаб бригады, обобщались, анализировались.

Начальник разведки бригады ежедневно докладывал новые разведданные руководству.

К безусловным достижениям разведки бригады «Чекист» следует отнести — сведения о графике движения поездов на железной дороге Москва-Минск, с подробной характеристикой перевозимого личного состава и грузов, данные о переброске немецких войск под Курск и Белгород, в том числе о перевозке новых танков «тигр» и «пантера», самоходных орудий «фердинанд».

Важный вклад в победу внесла разведка Павла Голицына и накануне проведения стратегической операции «Багратион». Партизанам удалось раскрыть группировку 4-й немецкой армии. Они докладывали в штаб фронта о том, что в районе местечка Городок располагаются части 230-й пехотной дивизии, а в районе Муханово, что севернее Орши, оперативная группа 27-го армейского корпуса, а также о перемещении войск 286-й охранной и 78-й штурмовой дивизий.

На самолете в штаб фронта была доставлена схема инженерных оборонительных укреплений фашистов на западном берегу Днепра. Схема, без сомнения, явилась уникальным разведывательным документом. Дело в том, что строительство этих оборонительных сооружений партизанские разведчики взяли под контроль с самого начала их оборудования. С этой целью были созданы специальные группы разведчиков, которые работали в районах Орши, Шклова и Могилева.

Кроме разведданных обобщались сведения, полученные от пленных немцев и полицаев, работавших на строительстве укреплений, от местных жителей.

Данные наносились на две карты. Первая охватывала расстояние от

Орши до Шклова, вторая — от Шклова до Могилева. Отдельно велись карты предместных укреплений перед Оршей и Могилевом.

Деятельность разведчиков под командованием Павла Голицына была высоко оценена руководством фронта. По личному указанию командующего фронтом в бригаду прилетел офицер разведуправления штаба фронта и вручил подарки комбригу Кирпичу, начальнику штаба Севостьянову и начальнику разведки Голицыну — по пистолету «ТТ», биноклю и офицерской планшете.

23 июня советские войска перешли в наступление. Это было началом операции по освобождению Белоруссии.

2-й Белорусский фронт наносил главные удары через Борисов на Минск, 1-й Белорусский — через Бобруйск на Минск, и потому пленных в руках партизан оказывались сотни. Через полосу ответственности бригады «Чекист» отходили части 12-й, 14-й, 67-й, 78-й, 93-й пехотных дивизий.

Ночью, в последних числах июня бригада организовала засаду на путях отхода 14-й пехотной дивизии. В сущности, это был последний бой бригады. Немцы так и не смогли пройти по дороге, которую защищали партизаны. А утром 29 июня Павел Голицын с группой своих разведчиков соединился с частями Красной армии. Бригада «Чекист» в полном составе двинулась в Шклов.

7 июля под Могилевом состоялся парад партизанских формирований. После отдыха командиры писали отчеты о своей боевой деятельности. А потом пришла пора расставаться. Были слезы, объятия. Коллектив, спаянный в боях, разъезжался по разным сторонам.

Павлу Голицыну дали отпуск, он побывал у родителей на Урале и вернулся в Минск. Там ему вручили два предписания: одно — в военную академию имени М. В. Фрунзе, другое — в Высшую разведывательную школу Красной армии. Подписал предписания секретарь ЦК Компартии Белоруссии Борис Эйдинов. Он принял Голицына, тепло попрощался с ним.

А дальше была Москва. Голицын прибыл в Академию Фрунзе, но ему отказали в приеме, так как учебный год начался еще в сентябре. В Высшей разведшколе предложили пойти на курсы офицеров-разведчиков. Вскоре Павел Голицын был зачислен на 1-й курс. Обучение рассчитывалось на полгода. Учебный процесс оказался загруженным, интенсивным. Но с первых занятий Павел почувствовал, как соскучился он по мирной жизни, учебе, новым знаниям.

Он с головой ушел в учебу.

Начинался новый, неизведанный этап в его судьбе. Теперь Голицын

знал — война уже позади, а впереди... Впереди вся жизнь...

Однако он ошибся. Павел успеет еще на одну войну. Но до этого кажется еще так далеко.

На Краснознаменных разведывательных курсах Красной армии среди офицеров-разведчиков, съехавшихся с разных фронтов, Павел Голицын был единственным партизаном. Однако это нисколько не обескуражило его. Он уверенно вписался в коллектив.

Многое Голицын знал из практики, но некоторые вопросы для него были внове. Например, организация и ведение разведки в полку, в дивизии, способы добывания разведданных, их анализ, доклад командиру. Ведь он не занимался разведкой во фронтовой части или соединении.

Интересными были занятия по изучению иностранных армий — вооружение, состав, построение боевых порядков, форма одежды и знаки различия военнослужащих.

Интенсивно работали слушатели с картами. Завершался курс обучения написанием реферата. Павел Голицын взял тему: «Организация и ведение разведки в партизанском соединении». Пока работал над рефератом, словно заново пережил бои и походы по тылам врага. Реферат был оценен на отлично.

Учеба на курсах, пусть и напряженная, активная, после фронта, боев, крови, смертей, казалась офицерам райским временем. В свободное время можно было сходить в кино, в театр, в музеи, да и просто пробродить по мирной столице.

Пребывание на разведкурсах Павел Голицын воспринимал как подарок судьбы. Ведь он прекрасно осознавал, что еще идет война, гибнут такие же, как он, офицеры и солдаты.

...Наступил победный май. Пал Берлин. Что творилось в Москве! Любого человека в военной форме поздравляли, благодарили, поднимали на руки.

Вскоре в Высшей разведшколе началась подготовка к Параду Победы. Им сообщили, что по Красной площади вместе с батальонами фронтов пройдет сводный батальон офицеров-разведчиков. Такая честь была оказана разведчикам.

В списки участников исторического Парада Победы попал и он, партизанский разведчик Паша Голицын.

24 июня 1945 года он прошел торжественным маршем по Красной площади. До сих пор помнит гром оркестра, теплый летний дождь, свою

парадную гимнастерку из английской шерсти и шпоры на сапогах.

Почему шпоры? Ведь они не кавалеристы. Кто знает? Наверное, так было более торжественно.

А через несколько дней после Парада Победы к ним на курсы приехали офицеры из Главного управления кадров. Предстоял выпуск и распределение.

Каждого вызывали, беседовали, спрашивали, где бы хотел служить. Большинство желали поехать в западные округа, а Павел Голицын сказал, что не прочь поехать на Дальний Восток.

— Ну, что ж, — загадочно улыбнулся полковник, — мы удовлетворим ваше желание.

Так оно и случилось. Уже в июле 1945 года Голицын прибыл в штаб Приморского военного округа в город Уссурийск.

После беседы в штабе получил назначение — помощником начальника разведки 105-й стрелковой дивизии.

Дивизия была не фронтовая, всю войну находилась на Дальнем Востоке. Словом, фронтовиков в соединении оказались считанные единицы.

А тем временем обстановка в Приморье накалялась. На границах сосредоточилась сильная фанатичная Квантунская армия. Оставлять ее как постоянную угрозу нашим восточным районам было бы верхом беспечности. Сорок первый год многому научил.

Так что все понимали — время предвоенное, не сегодня завтра начнутся боевые действия.

У разведки в эти дни было особенно много работы. Ведь нашим войскам противостояла крупная японская группировка. Вдоль границы развернуто 17 укрепленных районов, в которых насчитывалось более 8 тысяч огневых точек. Сама Квантунская армия — это тридцать одна пехотная дивизия, девять пехотных бригад, бригада специального назначения, укомплектованная смертниками, две танковые бригады. Всего — 1 млн 320 тысяч человек, более 6 тысяч орудий, 1900 самолетов, 1155 танков, 25 кораблей.

Советским командованием планировалось нанести два основных удара с территории Приморья и из Монголии, а также ряд более мелких ударов. Таким образом расчленив Квантунскую армию и уничтожить.

105-я стрелковая дивизия, в которой теперь служил Павел Голицын, по замыслу командования вводилась в прорыв на направлении Дунин-Ванцин.

9 августа началась мощная артиллерийская подготовка и авиационные удары по японским укрепленным районам.

В тот же день части дивизии пошли вперед. Голицын возглавлял

разведотряд соединения — вел разведку в полосе наступления дивизии. Отряд двигался впереди основных сил примерно в десяти-пятнадцати километрах.

По маршруту движения разведотряда попадались разрозненные группы японцев, они не сопротивлялись, сдавались в плен. Оказалось, отступают солдаты из разрозненных укрепрайонов. Это как раз и беспокоило Голицына, поскольку регулярные полевые войска Квантунской армии, судя по всему, были где-то впереди. Но где, чем занимаются? Сосредотачиваются, готовятся для контрудара? Увы, ответы на эти непростые вопросы пока отсутствовали.

Складывалось впечатление, что дивизия двигалась в каком-то вакууме, в ожидании удара.

Через неделю, 15 августа, дивизия вступила в город Ванцин. Пришло известие, что японцы провели контрудар по соседям справа. Там шли тяжелые бои.

Теперь штаб дивизии располагался в самом городе, а Голицын со своим разведотрядом вновь был впереди — он вел разведку южнее Ванцина, выявляя группировки вражеских войск.

Как правило, при встрече с нашими разведчиками разрозненные группы японцев сдавались, но были и те, кто оказывал сопротивление.

От пленного майора, который сдался вместе со своим эскадром, Павел Голицын узнал, что на юго-востоке находится полк специального назначения, укомплектованный смертниками. По свидетельству майора, полк складывать оружие не собирался.

Голицын доложил эти сведения командиру дивизии, а вскоре получил задачу — найти японский полк смертников, установить его местонахождение, выявить численность, вооружение.

Дозоры, которые были посланы на поиск полка, вернулись ни с чем. Голицын вместе с командиром взвода разведки Корниловым и еще тремя разведчиками на лошадях двинулись на поиск смертников.

Ехали по долине, между гор, вдоль небольшой речушки. День был ясный. На том берегу Голицын увидел японских солдат и помахал носовым платком.

Когда разведчики стали переходить реку вброд, на берегу раздался взрыв. Оказалось, один из солдат не захотел сдаваться в плен и подорвал себя гранатой.

Отобрав у японских солдат винтовки и направив их в деревню, где стоял разведотряд, Голицын с разведчиками двинулся дальше.

Долина сужалась, и они въехали в узкое ущелье.

Вдруг рядом из кустов послышался резкий окрик, лязг затвора — и в головы разведчиков уперлись стволы японских винтовок.

Голицын вновь помахал платочком. Опять окрик — не двигаться, поняли разведчики. Вскоре из кустов выскочил офицер, жестом приказал спешиться, сесть. Сели. Павел Голицын незаметно прошептал комвзвода Корнилову: «Наверное это и есть полк смертников».

Через несколько минут к ним подошел японский майор и с трудом выговорил на русском: «Что хотите?»

Голицын ответил, что они представители советского командования и прибыли узнать, когда полк будет сдаваться в плен?

Майор помрачнел и повел их к командиру полка. Разведчики-солдаты остались с часовыми, а на встречу с командиром смертников отправились только офицеры — Голицын с Корниловым.

Полк смертников располагался в очень выгодном месте. Проход к лагерю закрывало узкое ущелье, а действовать с господствующих высот было удобно.

Майор провел их между палатками. Японские солдаты с удивлением смотрели на советских офицеров.

«Ну и попали мы, — подумал Голицын, — в самое самурайское логово».

Вышли на лужайку, к большой палатке, у входа в которую стоял часовой. Майор пригласил разведчиков в палатку. В глубине ее на топчане сидел японский подполковник, командир части.

Он только раз поднял голову и взглянул на советских офицеров. Повторился тот же диалог, что и полчаса назад. Подполковник спросил, что хотят русские, Голицын сказал о сдаче в плен.

Подполковник ответил, что не имеет приказа об этом от своего командования. Разговор был окончен.

Разведчики в сопровождении майора покинули палатку и поспешили к своим солдатам.

Сразу по возвращении Голицын выехал в штаб и доложил обо всем командиру дивизии.

На другой день прибыл японский парламентар и сообщил — полк готов сложить оружие. Были согласованы сроки разоружения и сдачи в плен.

Японцы сдавались побатальонно, складывали оружие, имущество и отправлялись на сборный пункт военнопленных.

На второй день разоружения пришло сообщение — командир полка не выдержал и сделал себе харакири.

19 и 20 августа японцы прекратили всякое сопротивление, поток пленных увеличился.

Квантунская армия была разгромлена, и 2 сентября подписан пакт о ее безоговорочной капитуляции. Начался вывод советских войск с территории Маньчжурии. На место расположения наших частей вступали подразделения Народно-освободительной армии Китая, в некоторых местах — войска Гоминьдана.

По итогам боев, за проявленное мужество и героизм помощник начальника разведки 105-й стрелковой дивизии Павел Голицын был награжден орденом Красной Звезды.

Теперь местом дислокации дивизии стал город Сучан, ныне Партизанск.

Однако в декабре 1945 года соединение было расформировано, и Голицын попал на такую же должность в 9-ю пулеметно-артиллерийскую дивизию, которая размещалась в поселке Пограничный, в приграничном районе с Китаем. Шло ее формирование на базе укрепленного района.

Разведка следила за обстановкой в приграничной зоне с Китаем, а также за деятельностью китайских войск.

В ту пору к советской границе выдвигались то части Народно-освободительной армии, то войска Гоминьдана. Между ними возникали перестрелки, бои.

Наша разведка внимательно следила за всеми перипетиями вооруженной борьбы на территории своего соседа.

А тем временем в Приморье шло сокращение войск. Кадровики беседовали с каждым офицером, определяли его судьбу — кому служить, кому в запас, на гражданку.

Павла Голицына оставили в армии. Стало быть, судьба его теперь была связана с военным делом. Однако с военным образованием у помощника начальника разведки было не густо — только курсы офицеров разведки.

Зимой 1947 года в дивизию пришла разрядка, а летом Голицын уже сдавал пробные экзамены для поступления в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Набрав проходной балл, он был рекомендован для сдачи экзаменов в Москве.

Поступить в Академию хотелось. Она давала фундаментальные знания по общевоинским дисциплинам. Однако сделать это было непросто. Экзамены чего стоили: по русскому языку и литературе, истории СССР, географии, иностранному языку, а также военным дисциплинам — тактике, боевой технике, военной топографии.

Но и тут Павел Голицын справился успешно — сдал хорошо и стал

слушателем разведывательного факультета Академии.

Вот как он сам вспоминал о том времени: «Большинство слушателей нашего набора были старшими офицерами, а также участниками войны. Нас, офицеров — участников войны, не успевших еще как следует пожить и поработать в условиях мирного времени, академия поразила порядком, чистотой в аудиториях, учебных классах, методических кабинетах. Хорошо было налажено обслуживание слушателей в библиотеках, лабораториях, поликлинике, столовой и буфетах.

В планировании и организации учебного процесса прослеживалась четкость, дисциплина, тактичность и уважительное отношение профессорско-преподавательского состава к слушателям.

После войны и непродолжительной послевоенной службы Академия стала знаменательным поворотом в моей судьбе.

Когда подошел срок выпуска, комиссия ГРУ отобрала несколько человек для продолжения обучения уже на Высших академических курсах.

И если в Академии имени М. В. Фрунзе давали основательную общевойсковую подготовку, то на курсах, главным образом — специальную разведывательную подготовку, углубленное изучение иностранного языка, совершенствовались практические навыки по выявлению объектов противника, составлению разведдонесений.

На одном из таких практических занятий Голицына "приметили" офицеры разведывательно-диверсионной службы ГРУ полковник Иван Банов и майор Григорий Мыльников. Они и предложили Павлу после окончания курсов прийти к ним на службу. Голицын согласился, и в декабре 1951 года был назначен старшим офицером специального направления Главного разведуправления.

Что и говорить, назначение для молодого майора было более чем почетным. Однако за плечами у Голицына уже были две войны. И он на практике организовывал разведывательно-диверсионную работу в тылу врага. Словом, ГРУ нуждалось в таких офицерах».

В специальном направлении служили люди заслуженные, о которых Голицын слышал во время войны и потом, уже в мирные дни. О многих из них ходили легенды. Например, Герой Советского Союза полковник Иван Банов, руководитель оперативного центра ГРУ в тылу врага. Григорий Мыльников, диверсант, работал в соединении Федорова, лично пустил под откос несколько вражеских эшелонов. Иван Демский десантировался в тыл фашистов в район Минска для ведения разведки и диверсий.

Опытными диверсантами были также Федор Побажеев и Евгений Румянцев.

На плечи этих офицеров и легла основная ответственность по развертыванию подразделений специального назначения уже в мирное, послевоенное время.

Дел хватало всем. Надо было разработать оптимальные, боееспособные штаты спецподразделений, развернуть программы боевой подготовки. То есть, в сущности, определить, чему и как учить спецназовцев в новых реалиях.

Далее — следовало заняться разработкой методик, учебных пособий. И наконец, определить, какие нужны вооружение и техника спецназу, с тем чтобы оборонка получила ясный и четкий заказ. И тут нельзя было ошибиться. Речь шла о развитии нашего спецназа на десятилетия вперед.

Офицеры направления выезжали в округа. Изучали опыт, слушали мнения, предложения боевых офицеров, которых в те годы было немало в подразделениях.

Разумеется, шла и обыденная, каждодневная работа — проверялась боевая готовность и профессиональная подготовка уже сформированных подразделений спецназа в округах и группах войск. Многие теоретические разработки приходилось обкатывать в ходе учений и занятий.

В тот период заместитель начальника ГРУ генерал Рогов поручил Голицыну разработку задач по применению спецподразделений в армейской наступательной операции. Задание было выполнено, конечно же, не без помощи товарищей по спецнаправлению.

Словом, работалось продуктивно. И все-таки майор Павел Голицын чувствовал себя в среде убеленных сединами легендарных полковников не совсем уверенно. Не хватало войскового опыта. Хотелось на самостоятельную работу в войска. И когда подвернулся случай, Голицын

обратился с просьбой к начальнику направления генералу Шерстневу отпустить его в округ.

Шерстнев согласился, и вскоре майор Голицын уже паковал чемоданы. Приказ гласил, что он назначен старшим офицером разведуправления штаба Группы советских войск в Германии по специальной работе.

Разведка в ГСВГ была на высоте. Войскам группы противостоял мощный противник — НАТО.

Майор Голицын в разведуправлении отвечал за подразделения специального назначения, их готовность, а в случае развязывания войны, к специальным диверсионным мероприятиям. Он был тем человеком, кто планировал боевое применение спецназа.

Однако планирование — это лишь полдела. Его спецназовцы должны были иметь высочайший уровень специальной, разведывательной подготовки, чтобы выполнить планы вышестоящего командования. А для этого их следовало научить, подготовить и обеспечить вооружением, боеприпасами, спецсредствами разведки, боевой техникой, парашютно-десантным имуществом, средствами связи, топографическими картами, приборами для ориентирования. Ну и, разумеется, всегда иметь в готовности самолеты, вертолеты, автомобили как средство заброски в тыл противника.

Традиционными для подразделений спецназначения стали полевые сборы в районе полигона Альтенграбов. Здесь спецназовцы совершенствовались в парашютно-десантной и тактико-специальной подготовках.

Разведчики совершали парашютные прыжки днем, ночью, на воду, лес. В ходе комплексных тактико-специальных учений подразделения отрабатывали способы ведения разведки ядерных средств нападения противника, пунктов управления, штабов и других военных объектов.

Усилия офицеров разведуправления и непосредственно Голицына не пропали даром. Самые высокие комиссии из штаба ГСВГ и даже из Генерального штаба неизменно оценивали подготовку спецподразделений как высокую.

Возможно, именно эти результаты и сыграли свою роль в назначении Павла Голицына на весьма ответственную должность — начальником разведки 20-й гвардейской армии ГСВГ.

Армия состояла из нескольких дивизий, которые дислоцировались вокруг Берлина. Отсюда и цель разведки армии — пристальное внимание к личному составу западноберлинского гарнизона, который состоял из частей американских, английских и французских войск.

Как известно, Западный Берлин был особым политическим и административным образованием и долгое время являлся очагом напряженности в отношениях между СССР и западными странами.

В августе 1961 года ГДР установила на границах с Западным Берлином бетонную стену длиной 106 километров.

Сооружение стены до крайности обострило и без того напряженную обстановку в Европе, и прежде всего в Берлине. Запахло войной.

В штаб ГСВГ из Москвы прибыл Маршал Советского Союза Конев. Войска 20-й армии были приведены в повышенную боевую готовность. Вот в такой обстановке и начинал свою деятельность на посту начальника разведки армии Павел Голицын. Напомню, речь идет об армии, которая была на острие событий. Когда американские танки вышли к границе с Восточным Берлином, именно танковый полк этой армии двинулся им навстречу.

Так они и стояли, советские и американские танки друг против друга у контрольно-пропускного пункта на Фридрихштрассе.

Война могла начаться каждую минуту. В этих условиях именно с разведки первый спрос. Руководство группы войск хотело знать о своих противниках все.

А противник был силен. Только у американцев в Западном Берлине квартировала пехотная бригада трехбатальонного состава с усилением из танковой роты, батареи гаубиц. Ее поддерживал отряд армейской авиации.

У англичан — три батальона, полки связи и военной полиции, танковая рота. У французов два полка — мотопехотный и танковый.

Сюда еще следовало присовокупить подразделения западногерманской полиции, которые были хорошо вооружены и обучены и напоминали скорее армейские части, нежели стражей правопорядка.

Кто знает, как в этих условиях поведет себя эта сила. Именно поэтому Главнокомандующий ГСВГ хотел знать каждый шаг противника. И он его знал.

Еще до возведения стены начальник разведки 20-й армии сам несколько раз побывал в Западном Берлине. Он хотел видеть собственными глазами, где располагаются части и подразделения противника.

Вокруг Западного Берлина были развернуты наблюдательные пункты, оснащенные оптическими приборами. Один такой пост установили даже на Бранденбургских воротах.

В активном режиме работали посты радиотехнической разведки, организовано патрулирование офицеров разведки на автомашинах по территории Западного Берлина.

Под пристальным вниманием была западногерманская пресса — переводились газеты, прослушивались радиопередачи. О значении развединформации, которую собирал разведотдел 20-й армии, говорит тот факт, что каждое утро от 6 до 7 часов на связь с Голицыным выходил сам Главнокомандующий ГСВГ генерал армии Иван Якубовский.

Он принимал краткий доклад. С этого и начинался рабочий день Главкома в ходе тех тревожных, напряженных событий.

Так продолжалось больше года. Ни о каком отдыхе, отпуске и думать не приходилось. Обстановка разрядилась лишь весной 1962 года. Некоторые офицеры были представлены к наградам. Начальник разведки 20-й армии Павел Голицын получил орден Красной Звезды.

Поскольку разведотдел армии успешно справился с поставленными задачами в дни кризиса 1961-1962 годов, Павел Голицын получил сразу несколько предложений — ему предлагали продолжить службу в разведотделе штаба Сухопутных войск, в Академии имени М. В. Фрунзе, в военном округе.

В это время побывал в Западном Берлине начальник направления ГРУ, ведавшего частями специального назначения, полковник Николай Патрахальцев. Поговорили, посидели. Николай Кириллович поинтересовался, не забыл ли Голицын родное направление? Павел только вздохнул — такое не забывается, спецназ как первая любовь.

— Ну так возвращайся... — предложил Патрахальцев.

— То есть, как? — не понял Голицын.

— Да очень просто, заместителем начальника направления. Будем работать вместе.

Голицын, не раздумывая, дал согласие. Так он во второй раз вернулся в родное направление, к любимому и дорогому его сердцу спецназу.

А части специального назначения вновь реорганизовывались, наращивались. Этого требовала обстановка.

В армии США развернули шесть батальонов «Рейнджерс» для ведения диверсионных действий. В штаты пехотных дивизий давно уже были включены диверсионные роты. Их американцы обкатывали еще во время войны в Корее.

Руководство НАТО считало, что проведением спецопераций с использованием диверсионных подразделений можно нанести значительный урон противнику, подрыв его политического, экономического и военного потенциала.

Силы специальных операций США уже в то время насчитывали более 35 тысяч человек. Чем мог ответить Советский Союз? Ничем. Пока таких

сил спецназа у нас не было.

И тогда руководством Минобороны принимается решение — создать части спецназначения окружного, группового звена. То есть в округах и группах войск развернуть бригады ГРУ.

Постарались сделать так, чтобы организационная структура бригад была достаточно гибкой, возможной к применению в различных операциях — в составе небольших до 10 человек групп, отрядов — до 50 человек, и подразделений — до 200 человек.

Стало ясно, что обычного стрелкового вооружения для спецчастей недостаточно. Уже разрабатывались новые образцы разведывательного, минно-взрывного вооружения, средств связи.

Для бригад спецназа разрабатывались и новые программы боевой подготовки.

Осенью 1962 года на территории Ленинградского и Прибалтийского округов было проведено первое опытное учение бригады спецназначения. Она принимала участие во фронтовой наступательной операции.

Разработкой учения пришлось непосредственно заниматься полковнику Павлу Голицыну и начальнику отдела спецразведки ЛенВО полковнику Лиханову.

Руководил учениями заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Х.-У. Мамсуров.

В ходе этих учений были отработаны такие вопросы, как подготовка диверсионных групп, постановка им задач, выход их на аэродромы, десантирование, выполнение специальных диверсионных и разведывательных задач, организация спецрадиосвязи.

По окончании учения опыт был обобщен и распространен в округах, группах войск, военных академиях.

Вскоре Николай Патрахальцев возглавил отдельную часть, а начальником направления ГРУ назначен Павел Голицын.

Учения бригады стали своего рода первым шагом, однако было необходимо разработать документы по боевому применению частей специального назначения, в которых изложить концепцию боевого применения, основные задачи.

Совершенствовалась парашютно-десантная подготовка, осваивались новые типы парашютов, в частях спецназначения создавалась учебно-материальная база — тренажеры, «тропа разведчиков», огневые, инженерные городки.

С участием спецназовцев проводились испытания новой разведывательной и специальной техники и оружия.

В упорной работе прошло несколько лет. Осенью 1970 года было проведено опытное учение по боевому применению частей специального назначения для ведения разведки в тылу противника в интересах Главного командования.

Оно проходило на территории нескольких округов — Прибалтийского, Белорусского, Прикарпатского.

В условиях близких к боевым отработывались вопросы применения частей специального назначения в случае угрозы ядерной войны, десантирование групп на реальную глубину, ведение разведки важнейших военных объектов, управление во всех звеньях.

Опыт обучения спецподразделений пригодился не только нам. В 1964 году Павел Голицын был командирован на Кубу, где помогал руководству кубинских вооруженных сил организовывать разведку и создавать части специального назначения.

О той командировке Павел Агафонович и ныне вспоминает с добрыми чувствами: *«С офицерами разведуправления мы выехали в пригород Гаваны, где предполагалось развертывание частей спецназначения. В пустующем военном городке было человек пять офицеров и столько же солдат. В углу валялись в беспорядке винтовки, гранаты со вставленными запалами, и тут же стояли солдатские кровати.*

Я побеседовал с офицерами в непринужденной обстановке, и мы приступили к практической работе. Разработали два варианта штатов: роты и батальона специального назначения, определили численный и боевой состав разведывательных групп, их вооружение и снаряжение.

Кубинские товарищи с таким воодушевлением приняли участие в работе, что можно было позавидовать их энтузиазму. Тут же я составил им примерную программу подготовки офицеров и солдат частей спецназначения и мы расстались уже хорошими друзьями.

В течение всей нашей совместной деятельности винтовки стояли в пирамиде вычищенными, кровати аккуратно заправленными, и порядок поддерживался во всем.

С морским офицером разведуправления мы поехали в курортное местечко Варадеро на берегу моря, в 40-45 км от Гаваны. Там предполагалось развернуть морской отряд разведчиков — боевых пловцов».

Сегодня Вооруженные силы Кубы имеют сильную военную разведку. И в этом есть доля труда и Павла Голицына.

Однако Павлу Агафоновичу не сиделось в Москве. Он любил живую работу в войсках. В 1970 году Голицын уехал в Прибалтику, на должность начальника разведки округа.

Округ был перворазрядный, приграничный, включал в себя территорию трех республик — Эстонии, Латвии, Литвы и Калининградскую область. Он прикрывал Советский Союз с северо-запада.

Реально округу противостояли войска НАТО на северо-европейской ТВД и нейтральной Швеции.

Прибалтийский округ имел только ему присущие особенности. Например, отсутствие сухопутных границ с сопредельными странами блока НАТО. Стало быть и разведку приходилось строить учитывая эти особенности.

Семь лет руководил разведкой Прибалтийского округа Павел Голицын, а в 1977 году угодил на свою третью войну. Пусть и в качестве советника, но на войну — эфиопско-сомалийскую.

Помогал организовывать разведку в армии Эфиопии. Находился в армейских частях, когда в ноябре сомалийцы предприняли наступление на города Харар и Дыре-Дауа, а также при нанесении контрударов эфиопскими и кубинскими войсками на город Джиджига и освобождение города Огаден.

Надо лишь отметить, что к началу войны между Эфиопией и Сомали в эфиопской армии разведки не существовало вообще. Все начинали с нуля.

По возвращении из Эфиопии в декабре 1979 года генерал Павел Голицын был назначен на высокую и ответственную должность начальника советской военной миссии связи при Главнокомандующем Британской рейнской армии.

Следует напомнить, что военные миссии связи были созданы еще в 1947 году по совместному соглашению СССР, США, Великобритании и Франции.

Советские миссии связи работали при Главнокомандующих американскими, британскими и французскими войсками в Германии. А при Главкоме ГСВГ были созданы военные миссии связи соответствующих стран.

Основная задача миссий — поддержание связи между штабами Главнокомандующих. Каждой из них представлялись одинаковые возможности передвижения, право на владение радиостанцией для связи со своим Главкомом. Курьеры миссий пользовались дипломатическим иммунитетом. Территории миссий имели полную неприкосновенность.

Разумеется, офицеры миссий как с той, так и с другой стороны, занимались разведывательной деятельностью. Однако работать было нелегко. Ведь, в отличие от военных атташе, командование Британской рейнской армии сотрудников миссии не приглашало на учения, маневры,

полеты авиации. Это была своего рода преднамеренная изоляция. Приходилось проявлять изобретательность, инициативу.

«В английской и западногерманской местной прессе, — вспоминает Павел Голицын, — периодически помещались тенденциозные статьи о шпионской деятельности офицеров советской миссии.

Однако жизнь есть жизнь, служба есть служба. Наши офицеры продолжали почти ежедневно выезжать в зону, чтобы хоть как-то почувствовать пульс деятельности войск НАТО, изучать обстановку в стране».

Служба в Германии, на должности начальника советской военной миссии связи закончилась для генерал-майора Павла Агафоновича Голицына в 1983 году. Весной 1984 года он ушел в запас. За плечами было 42 года службы в армии и практически столько же в разведке.

ШАГИ В НЕЗНАЕМОЕ

«Готовься к трибуналу, лейтенант...»

Командир полка слушал доклад лейтенанта Стрельбицкого молча, не поднимая головы. Взводному казалось, что майор и не слышит его вовсе, а разглядывает стол, грубо сколоченный из наспех обтесанных досок.

Стрельбицкий не видел лица комполка, слышал только его сиплое неровное дыхание, да перед глазами всклокоченные, с проседью, волосы, крепко сжатые руки.

Шла война. Полк с тяжелыми боями отступал уже третий месяц. Разбитый под Бельцами, но сохранивший Боевое знамя, он пополнялся уже несколько раз, однако через неделю-другую от него мало что оставалось. Командир хотел знать, что за враг противостоит ему. И разведчики каждую ночь отправлялись за линию фронта, чтобы достать «языка». Порой им улыбалась удача и они притаскивали с переднего края испуганного до полусмерти, помятого фрица. Однако такие «языки» обычно мало что знали, а платить приходилось за них, ох как дорого — жизнями его ребят-разведчиков.

А сегодня случилось несчастье. И комвзвода разведки Владимир Стрельбицкий пытается объяснить, как это произошло. Но судя по реакции командира полка, его сбивчивый рассказ не убеждал майора.

Когда он закончил доклад, в землянке повисла тишина. Долгая. Мучительная. Молчал взводный. Как скала, уперев взгляд в стол, сидел комполка.

— Это все, лейтенант? — глухим, каким-то загробным голосом спросил комполка.

— Так точно, товарищ майор, — ответил Стрельбицкий.

— Тогда иди...

Лейтенант растерялся, не веря своему счастью. После всего случившегося его отпускали с миром? Он слегка замешкался, но потом четко, как учили в училище, развернулся и шагнул на выход.

У дверей, его, словно пуля в затылок, догнала вторая часть недосказанной командирской фразы:

— ...Готовься к трибуналу.

Владимиру показалось он ослышался. Остановился, словно споткнулся, оглянулся, не веря ушам своим.

Комполка уже стоял за столом во весь рост.

— Тебе повторить? — зло бросил он вдогонку.

Повторять было ни к чему. Лейтенант дернул дверь и вырвался на улицу. Хотелось бежать подальше от этой землянки, да ноги не несли, хоть убейся.

Едва доковылял до расположения своего взвода, опустился на землю у сгоревшей старой березы.

Стрельбицкий чувствовал, нутром чуял — командир сказал такое не ради красного словца. За эти месяцы боев он нагляделся всякого. На войне командиры быстры на расправу, долго не разбираются, к стенке — и готов.

Обида заполняла сердце. Ведь вроде и не за что его под трибунал. С первого дня войны от немца не бегал, воевал честно и даже, как говорили ему в политотделе дивизии, вручая карточку кандидата ВКП(б), храбро и умело. Эти слова он не сам себе приписал.

«А-а, — с горечью подумал Владимир, — слова к делу не пришьешь». Да, но перед тем как его приняли в партию, был бой, и если бы не та бутылка с горючей смесью...

Лейтенант вспомнил немецкие танки, выкатившиеся на опушку леса, и их взвод в оцепенении замерший в окопах. Он тогда, как загнанный волк, почуял настроение стаи. «Надо что-то сказать им, крикнуть, — подумал Стрельбицкий, — иначе побегут».

Да и как не побежать — ни тебе артиллерии против танков, ни ружей противотанковых, по две бутылки «коктейля Молотова» в руках — и все.

— Не дрейфь, ребята, — заорал он что было силы. — Приготовиться к атаке!

И сам выполз на бруствер окопа.

Направо-налево не смотрел. Боялся, что никто не встанет за ним. Глядел на танк. Полз, бежал, упал. Метнул, что было сил, одну бутылку, вторую. И тут же услышал крик своих ребят: «Ура! Горит!» Увидел, как вспыхнуло, заиграло пламя на броне.

Танк словно уткнулся в невидимую преграду, остановился, медленно развернулся и стал уходить. За ним следом второй, третий.

К лейтенанту сбежались солдаты его взвода, поздравляли, радовались, хлопали по плечу. А через неделю на партийном собрании его приняли кандидатом в партию, и, вручая карточку, те самые слова про храбрость и героизм сказал комиссар дивизии.

Но это было вчера. А сегодня ночью со своими орлами-разведчиками он совершил такое, чем, выходит, заслужил трибунал.

«Черт, — выругался Стрельбицкий про себя, — знал бы, застрелил бы этого фрица собственной рукой. А то мучились, тащили, собаку, всю ночь по болоту...»

— Ты чего, командир, сам с собой разговариваешь? — услышал Владимир голос своего лучшего разведчика Копылова.

Тот подошел. Присел рядом.

— Да заговоришь тут... Завоешь волком... — махнул рукой с досады Стрельбицкий.

— Что, круто забрал комполка?

— А круче не бывает. Обещал под трибунал отдать.

— Это он для красного словца, товарищ лейтенант, — успокоил разведчик.

— Эх, Копылов, Копылов, хотелось бы верить...

Они замолчали. Копылов был правой рукой лейтенанта. Это он бесшумно подобрался и оглушил немца прикладом автомата в сегодняшнем ночном рейде. А когда тот по дороге пришел в себя и стал сопротивляться, «притушил» его еще разок. Правда потом тащить гада пришлось через болото на себе. Но, что поделаешь, работа у них такая.

— Знаешь командир, — сказал Копылов, — история, конечно, неприятная. Лопухнулись мы. Но ведь не преступление это. Разберутся. Ну посуди сам, в чем мы виноваты?

— Судить, друг мой Копылов, буду не я. Нас ведь в другом подозревают, понимаешь, — бросил Стрельбицкий. — И самое тяжкое — не верят ни хрена.

— А я думаю что, комполка с его трибуналом — полбеда, особистов боюсь. Вот беда... Злые ребята, в каждом изменника видят.

— Так на то они и особисты, — развел руками лейтенант.

Копылов в ответ на это промолчал.

Стрельбицкий и сам знал: от особистов доброго не жди. Приходилось с ними сталкиваться.

Как-то в одном из боев удалось подбить два немецких танка. Фашисты бежали, бросив машины, и Стрельбицкий сумел под огнем забраться внутрь танка. Товарищи по взводу залегли поблизости. Каково же было их удивление когда из люка танка показалась головка сыра, потом вторая.

Запасливые немцы сыр возили с собой. Он оказался хорошей добавкой к питанию взвода. Ведь кормили тогда скудно — в лучшем случае кашей-перловкой, а тут такое богатство.

Нашел лейтенант в боевом отделении и десяток наручных часов. Раздал сослуживцам, взял себе. Однако уже на следующий день о часах прознали в особом отделе. Ну и предстал лейтенант пред ясными глазами «особняков». Сначала расспрашивали, что да как, а потом едва судилище не устроили, мол, мародерство, грабеж. На что Стрельбицкий резонно

ответил: во-первых, с мертвых часы не снимал, достались они в качестве трофея, во-вторых, не прикарманил, не зажал их, раздал разведчикам, и себе взял всего одни.

Однако особисты не унимались, требовали вернуть. Только не понятно вернуть им, в особый отдел, или в немецкий танк назад отнести.

Сгоряча он сдернул часы с руки и запустил в дальний угол комнаты, где его допрашивали. Такой поступок явно не понравился представителям особого отдела, но, как говорят, тогда обошлось.

А теперь? Теперь все оказалось намного сложнее. Прав был Копылов. На следующий день в полк по душу комвзвода разведки Стрельбицкого прибыл майор-особист из штаба дивизии. И вскоре Владимир уже стоял перед ним, как Сивка-Бурка из старой сказки.

— Рассказывай, лейтенант, — майор, не торопясь, закурил папиросу, затянулся всласть. — Только я тебе не комполка. Лапшу вешать не надо. Быстро расколю.

— А что тут колоть, товарищ майор, я и сам расскажу. Каждую ночь мы ходим в поиск. И каждую ночь нужен «язык». Только где ж его взять? Три дня назад в ходе наблюдения за передним краем противника обнаружили, что по нашим войскам с той стороны ведет огонь немецкая артиллерийская батарея. Определили, что находится она километрах в трех от нас.

Ночью 13 разведчиков во главе со мной вышли через лес к батарее. Залегли у фашистских землянок, стали изучать обстановку. Надо сказать, что мы еще не успели обнаружить орудия, как из ближайшей к нам землянки вышел немец. Хотел малую нужду справить.

Разведчик Копылов оглушил его, и мы поволокли фашиста в лес. В пути разглядели, что нам попался не солдат, а лейтенант. Но придя в себя он стал кричать, сопротивляться. Пришлось «успокоить» крикуна, чтоб не шумел, уложить на плащ-накидку и тащить. Немец здоровый, волокли его по болоту, вода, грязь. На пленного особо внимания не обращали. А у него в кармане оказался браунинг. Вот он из этого браунинга и застрелился. Когда, как, ну не слышали мы выстрела.

— Стало быть, лейтенант, в расположение полка вы притащили труп.

Стрельбицкий пожал плечами.

— А ты сам веришь в этот бред, взводный? — майор поднялся из-за стола. — Я желаю знать, где вы нашли труп и как пытались выдать его за «языка»?

Особист подошел вплотную, схватил за грудки Владимира.

— Да ты знаешь, что я с тобой сделаю. Надоело в разведку ходить,

ночь, грязь, болота мешают. Дураков из нас делаешь. Последний раз спрашиваю, где труп взяли?

— Какой труп, товарищ майор? — не выдержал взводный, — на хрен он нужен, чтоб его по болоту на своем горбу всю ночь таскать под немецким обстрелом. Я что сумасшедший... '

— Нет, ты не сумасшедший Стрельбицкий. Ты враг. Скрытый враг советской власти. Когда другие жизни кладут за Родину, ты со своими бойцами командование обманываешь. Вместо разведанных трупы подсовываешь. Да тебя расстрелять мало.

— Да как же так, товарищ майор, какой же я враг? — прошептал лейтенант.

— А это мы сейчас посмотрим, разберемся, — «особняк» вернулся за стол, раскрыл планшет, вытащил папку. — А скажи мне лейтенант, где ныне твой отец?

— Отец? — переспросил Стрельбицкий. — Он умер в 1932 году.

— Ну допустим. А братья?

— Братья воюют...

— Где встретил войну?

— В Одессе, на курсах политруков.

— В разведку как попал?

— Добровольно попал. Приехал в наш автовзвод комиссар полка и говорит: «Вот что Стрельбицкий в разведке у нас беда, всех перебили. Пойдешь? Только добровольно». Пойду, ответил...

— Ну и что?

— А ничего, товарищ майор. Неделю походим в ночные рейды — из 20 человек во взводе половины не остается. Наберу новых — и опять в рейд. Вот такой я враг народа, удумал трупы таскать. Свой лоб и своих ребят под пули подставлять... За труп, конечно.

Майор посмотрел на лейтенанта и захлопнул папку.

— Знаешь, Стрельбицкий, одного в толк не возьму, как он мог застрелиться у вас на глазах? И никто ничего не слышал. Как это объяснить?...

— Не знаю, как объяснить. Если б все на войне объяснить можно было, то немец не дошел бы до Александровки, — тихо произнес взводный.

Особист откинулся на стуле и долго смотрел на взводного. Потом расстегнул кобурку, вытащил из нее пистолет, положил перед собой на стол.

— Видишь? — спросил он.

— Вижу.

— Еще раз повторится, — майор вскинул ладонь, — вот этой собственной рукой пристрелю как собаку. Не забудь.

Стрельбицкий посмотрел на майора, на его растопыренные коротенькие, пухлые пальцы, на пистолет на плохо обструганном столе:

— Не забуду...

В поиск уходит разведка

В избе, где вповалку спали разведчики, распахнулась дверь. В ту же секунду лейтенант Стрельбицкий открыл глаза и нащупал цевье автомата.

На пороге стоял часовой.

— Командир, ребята! Немцы!

С окраины села уже слышались выстрелы, крики солдат. Разведчики быстро выбежали из избы. Часовой, наклонившись к Стрельбицкому, доложил:

— На левом фланге прорвались, товарищ лейтенант.

— Вижу, что прорвались. А где третья рота?

— Драпает третья рота...

Теперь взводный уже и сам видел, что драпает. По селу, прямо по дороге бежало десятка два солдат. Они даже не отстреливались. Иногда оглядывались, далеко ли немцы, и вновь бросались наутек. Разведчики сосредотачивались за домами деревни, вели огонь в сторону фашистов.

Стрельбицкий беспомощно смотрел, как мимо них пробежали бойцы третьей роты и уже с окраины села показалась цепь немецких солдат. На снегу их мышинового цвета шинели были видны издалека.

Лейтенант подал знак своим — отходим.

У сельского дома, где располагался штаб, он увидел, как из окна вылезает командир полка. Взводного не ко времени и не к месту разобрал смех: таким он своего строгого командира еще не видел. И тут Владимир вспомнил: у штаба полка всегда стояла зенитная установка. Четыре пулемета вместе, в едином кулаке. Почему они молчат?

Он бросился к дому и увидел установку без зенитчиков. «И эти сбежали, — в сердцах подумал Стрельбицкий, заскочив в кресло наводчика, перевел пулеметы из зенитского положения в горизонтальное и только тогда совсем рядом за деревьями разглядел фигуры фашистов.

...Зенитная установка — это лавина огня. В бескрайнем небе попробуй поймай самолет, а на земле — мощное оружие. Мышиные шинели сначала бросились на землю, укрываясь за деревьями и камнями, а потом — поползли обратно.

Лейтенант поливал огнем фашистов, сколько было сил. А когда кончились боеприпасы, посиневшие от напряжения пальцы разжать не смог. Уже с криком "Ура!" пробежала в обратную сторону третья рота, а он

все сидел на месте зенитчика, не чуя ни рук ни ног.

Вокруг сгрудились его разведчики, подошел командир полка.

— Ну что, Стрельбицкий, молодец! — бодро сказал майор, оправившись от волнения.

Владимир лишь грустно усмехнулся, вспомнив задницу комполка в окне дома.

— Все свободны, — скомандовал комполка, — а взводный ваш останется со мной.

Майор отвел лейтенанта в сторонку.

— Давай к делу, Стрельбицкий. Я тебя уже собирался вызывать... А ты и сам тут как тут. В ближайшие две ночи во что бы то ни стало надо добыть "языка".

Комполка посмотрел на взводного, словно пытаясь понять, достаточно ли сильное впечатление произвели его слова.

— Есть товарищ... — взял под козырек взводный.

Договорить он не успел. Майор положил свою руку на ладонь лейтенанта и опустил ее вниз.

— Не надо, Володя, — неожиданно он назвал его по имени, — ты понял главное: во что бы то ни стало.

Командир вытащил из планшета карту, расстелил ее на земле, опустился на одно колено.

— Смотри, сегодня вечером, при поддержке артиллерии, ты со своими разведчиками проникнешь в тыл немцев. Выйдешь на окраину села Рай-Александровка. Укроетесь в разрушенных колхозных конюшнях. По нашим предварительным данным, на другом конце села немцы. Это все что я могу сказать. Остальное за тобой.

Когда стемнело, разведчики лейтенанта Стрельбицкого сделали все, как приказывал командир полка. Под прикрытием отвлекающего артогня пробрались в немецкий тыл, в то самое село, в разрушенные конюшни. Действительно в ходе наблюдения установили, что на противоположной окраине села немцы.

Под утро разведчик Копылов снял часового, четверо во главе со Стрельбицким вошли в дом. Немцы спали на полу, комната освещалась тусклой лампочкой, которая работала от аккумулятора. Автоматы стояли в углу, вдоль, стенки.

В первую минуту приглядевшись и увидев в полутьме такое количество немцев, взводный растерялся. Им нужен всего один "язык", а тут по меньшей мере десяток фрицев. Всех надо пленить здесь, в тылу, где вокруг вражеские солдаты, а потом с эдакой оравой еще добраться до

своих. Задача казалась невыполнимой.

Но, как говорят в народе, глаза боятся, а руки делают. Стрельбицкий пнул ближайшего спящего фрица. Тот вскочил и что-то закричал по-немецки. Сонные вражеские солдаты сбились в кучу под дулами автоматов советских разведчиков.

Лейтенант как мог спокойнее сказал: "Ребята, будем выводить всех".

Немцам приказали снять ремни, взять штаны в руки и выходить из дома. В это время, скрываясь за спинами своих, один из фашистов схватил попавшийся под руку котелок и запустил им в лампочку. Однако промахнулся и попал в разведчика. Тот выстрелил, наповал уложив немца.

Все остальные замерли, потом подхватив штаны, стали быстро покидать избу. На улицу выбежало восемь человек.

Стрельбицкий приказал их уводить, а сам с тремя разведчиками остался прикрывать отход. Как всегда рядом с ним был его первый помощник Копылов.

Не успела основная группа отойти, как из окна дома прилетела граната. Ее бросил скрывшийся в комнате и незамеченный разведчиками немец. Упал сраженный осколком Копылов, легко ранены двое солдат, Стрельбицкий получил ранение в руку, в живот и в лицо.

Немца уничтожили. Однако ничего этого уже не слышал лейтенант. Он потерял сознание и очнулся лишь в полевом госпитале.

Разведчики не бросили своего командира, на плащ-палатке дотащили до переднего края. А вот тело геройски погибшего Копылова так и осталось на вражеской территории. Вынести его не было сил.

Восемь фашистских "языков" доставили в штаб. Так что задачу, которую ставил комполка, взвод Стрельбицкого перевыполнил с лихвой.

Сам же лейтенант в это время находился в медсанбате. У него поднялась высокая температура. Вскоре стало ясно, что ранения Стрельбицкого очень серьезные, и его доставили в госпиталь в городе Клухори, что на Северном Кавказе.

Там Владимир лечился полгода. На поправку он шел медленно, плохо заживала рука. О возвращении на фронт не могло идти и речи.

В октябре 1942 года лейтенант Стрельбицкий выписался из госпиталя и отправился к новому месту службы — в город Куйбышев, в Первое пехотное училище. Командование вспомнило о том, что перед войной он окончил курсы политруков, и назначило боевого разведчика помощником начальника политотдела по комсомольской работе».

Благодарность от товарища Сталина

Старший лейтенант Стрельбицкий приоткрыл дверь кабинета начальника политотдела училища.

— Разрешите, товарищ полковник.

Начпо широко улыбнулся, поднялся из-за стола и раскинул руки, словно хотел обнять старшего лейтенанта.

— Заходи, заходи, Владимир Васильевич!

«Что это с ним?» — подумал с тревогой Стрельбицкий и остался стоять там, где стоял. Он в училище почти год, но таким начальника политотдела видит впервые. Опять же это странное обращение по имени-отчеству. Видать, не к добру.

— Ты что там застыл. Заходи, коль зовут. Стрельбицкий сделал шаг в кабинет, доложил как положено по уставу: прибыл по вашему приказанию.

— Садись, раз прибыл, — начпо кивнул на стул у приставного столика. Сам опустился напротив.

— Знаешь, Володя, праздник у нас сегодня в училище.

— Какой праздник? — удивился старший лейтенант.

— Сдается мне, что, в первую очередь, твой праздник... — Полковник протянул руку и в стопке бумаг нащупал листочек, похожий на телеграмму.

— Вот слушай, — начпо поднес телеграмму поближе к лицу, — Первое пехотное училище. Город Куйбышев. Но кому, кому!

Он вскинул вверх указательный палец.

— Старшему лейтенанту Стрельбицкому В. В. Выражаю благодарность за помощь Красной армии. И подпись, заметь, — И. В. Сталин.

— Ста-лин?... — недоверчиво спросил Стрельбицкий.

Начпо развернул к нему бланк телеграммы.

— На, насладись сам.

Владимир читал, перечитывал телеграмму и не верил своим глазам. Он даже поначалу от волнения никак не мог вспомнить, за что его благодарит сам Верховный Главнокомандующий. Может, за тех «языков» на фронте? Так ведь столько времени уже прошло.

И тут вдруг обожгло: «За подводную лодку!»

Ну как же он мог забыть. Конечно, за подводную лодку. Стрельбицкий как помощник по комсомолу организовал преподавателей и курсантов на сбор денежных средств на постройку подводной лодки «Комсомолец

ПриВО», что означало «Комсомолец Приволжского военного округа». Куйбышевское училище входило в состав округа. Удалось собрать немало — 5 миллионов! Он сам внес 10 тысяч рублей.

Начальник политотдела с удовольствием смотрел на взволнованного старшего лейтенанта.

— Что, Стрельбицкий, душа в пятки ушла? Не каждый день Верховный благодарит!...

Владимир только улыбался и бережно разглаживал на столе телеграмму.

Когда улеглось первое волнение, полковник хитро прищурился:

— А скажи, мой дорогой помощник, все хотел спросить, да не досуг было. Ты сам-то как эту сумму собрал? 10 тысяч — деньги немалые.

— Да это премия... — отмахнулся Владимир.

— Ничего себе, премия. У вас что, в разведке за каждого «языка» по тысяче дают? Не слышал я такого...

— Да уж, за «языка», дадут. Меня как-то особист премировал. Обещал расстрелять собственной щедрой рукой. И расстрелял бы в следующий раз. Только не повезло ему, ранило меня сильно... А потом, сами знаете, к вам попал. А тут, вроде, расстреливать не за что. Даже вот товарищ Сталин благодарность прислал.

Владимир умолк, вспоминая злобную физиономию особиста и его вскинутую в гневе короткопалую руку. Встряхнул головой, стараясь отогнать дурные воспоминания: «Приснится же такое, как шутят фронтовики». Он глянул на сидящего напротив начпо и понял: полковник ничего не понял и ему, естественно, хочется узнать, где взял его помощник 10 тысяч рублей, и что же это за премия такая. Н-да, полковник был неплохим мужиком, но уж страсть как любопытным.

— Под Бельцами немцы разгромили наш артполк, и я служил в отдельной автороте дивизии. Дивизия отступала.

Стрельбицкий стал рассказывать, вспоминать, и словно в замедленном кино поплыли, потекли отрывки из его недавнего прошлого.

...Основные силы дивизии уже переправились на левую сторону Днепра, а он отстал и теперь со своей ротой догонял штабную колонну. Немцы только что бомбили город. Днепропетровск горел...

Машина, на которой он ехал, мчалась по улице к переправе. Слева у дороги Стрельбицкий увидел здание Госбанка и женщину, одну на пустой улице. Она испуганно смотрела то в небо, видимо опасаясь нового налета фашистских самолетов, то вдоль улицы, ожидая откуда-то помощи. У ее ног лежал банковский брезентовый мешок, в котором обычно инкассаторы

переносят деньги.

— Тормозни, — скомандовал лейтенант водителю.

Машина остановилась, Владимир выпрыгнул из кабины. Обрадованная женщина замахала рукой.

— Товарищ военный! Товарищ военный!

— Что случилось?

— Здесь деньги нашего банка. Много денег, — сказала она, указывая на мешок, — он опечатан, опись внутри. Возьмите...

— Да куда ж я с ним?! — растерялся Стрельбицкий.

— Передадите командованию, или в другой банк по дороге. Жалко. К немцам попадут.

— Ладно, — он схватил мешок и забросил в кузов, — передам...

Владимир вскочил в кабину, водитель дал «по газам», и машина покатила по пустынной, дымной улице. Он оглянулся. Женщина неподвижно стояла на том же месте. Стало горько, обидно. В ушах — умоляющий шепот женщины: «Жалко, деньги к немцам попадут».

Через час она сама попадет к немцам. Стрельбицкий трясся в кабине, и злость яростной волной подкатывала к горлу: «Все бежим, бежим, бежим». Не заметили, как выскочили к переправе. Водитель надавил на тормоза. Машина дернулась и заглохла.

— Что? — не понял Стрельбицкий.

Водитель кивнул головой на ветровое стекло. За стеклом — Днепр и мост, охваченный пламенем.

— Я приказывал тебе тормозить? — Владимир чувствовал, как гулко стучит в его груди сердце, — Вперед! Только вперед!

Машина рванулась с места и понеслась с горы к мосту. Как они перескочили это пекло, одному Богу известно. На другой стороне Днепра лейтенант разыскал штаб дивизии, финчасть, и сдал мешок с деньгами, словно гору с плеч свалил.

Вполне довольный собой он вышел на штабное крыльцо, однако, не успел толком оглядеться, как услышал команду:

— Товарищ лейтенант, ко мне!

Поначалу подумал, обращаются не к нему. Однако вокруг не было больше лейтенантов, а начальник штаба дивизии красноречиво смотрел в его сторону. Он спустился с крыльца. Начштаба махнул рукой:

— В строй, лейтенант!

Так Стрельбицкий оказался в общем строю офицеров дивизии. Рядом стоял капитан с пехотными эмблемами, с другой стороны майор-интендант. Все удивленно оглядывались друг на друга. Никто не мог понять, зачем их

строят, равняют.

Прозвучала команда: «Сми-и-рно!» Начштаба дивизии ударил строевым, и только сейчас Владимир разглядел на крыльце штаба, где только что стоял он, взял под козырек какой-то генерал. Да не просто генерал, а целый генерал армии!

— Генерал Тюленев, — прошептал рядом майор-интендант.

Начштаба доложил, что офицеры дивизии построены и к бою готовы. В строю, услышав такое, вдруг зашептались: «К какому бою? Что за бой?»

Тюленев поднял руку.

— Товарищи офицеры! Вы знаете о приказе товарища Сталина: «Ни одного немца на левом берегу Днепра». Но фашисты уже захватили авиазавод и создали плацдарм здесь, у нас под боком. Наша задача сбросить их в Днепр. Для этого я прибыл в дивизию и сейчас поведу вас в бой.

Прозвучала команда: «Направо. Шагом марш!» И офицерская колонна во главе с генералом Тюленевым двинулась к реке.

Стрельбицкий огляделся. Их было от силы полсотни человек. Все происходящее казалось кошмарным сном. Ни тебе подготовки, ни постановки задач, ни артиллерийской поддержки. Но, наверное, генералу армии виднее.

Перед передним краем, где располагались немцы, они увидели вспаханное поле. Заметив группу военных, фашисты открыли минометный огонь. Мины ложились все ближе. Несколько офицеров упали, раненные осколками.

Мина разорвалась рядом с Тюленевым. Он был ранен. Командир дивизии приказал эвакуировать генерала.

Стрельбицкий вместе с другими офицерами, положив Тюленева на плащ-накидку, потащили его по пахоте к лесу. Там за лесополосой их ждала лошадь, запряженная в телегу. Погрузили генерала на телегу. Он пообещал своих спасителей наградить, но в следующую минуту потерял сознание. Телега уехала.

Никого, разумеется, не наградили. Хотя, впрочем, через несколько дней лейтенанта Стрельбицкого вызвали в штаб дивизии и вручили премию 10 тысяч рублей за спасение государственных денег.

— А поскольку потом пошли бои, ночные поиски, «языки», негде мне было тратить эти тысячи. Вот я их сохранил и вложил в подводную лодку, — закончил свой рассказ помощник по комсомолу.

— Ты смотри-ка, а я ничего этого не знал, — сокрушенно развел руками полковник. Он взглянул на настенные часы, — Пора.

Начальник политотдела училища и его помощник по комсомолу вышли из штаба и, обогнув учебный корпус, оказались на плацу. Курсанты поротно выстроились перед трибуной. Начпо открыл митинг и сказал:

— Товарищи офицеры и курсанты! В наше училище пришла телеграмма от Верховного Главнокомандующего товарища Сталина!...

Курсанты ответили дружным «Ура!»

«Любите ли вы разведку?»

— Не понял, Стрельбицкий? — полковник удивленно глянул из под очков. — Вы не хотите в разведку?

— Не хочу... Я уже служил в разведке.

Полковник хмыкнул и принялся перечитывать рапорт

Стрельбицкого, который лежал перед ним на столе.

— Вот чудак. Это же Москва, Военно-дипломатическая академия. Да и разведка не полковая, а стратегическая. За границей работать будешь.

Нет, Владимир Васильевич в разведку не желал. На всю оставшуюся жизнь ему хватило ночных вылазок в тыл врага, яростных схваток лицом к лицу, когда даже в темноте видишь налитые кровью глаза фашиста, убитых боевых товарищей. Умом он, конечно, понимал: его зовут совсем в другую разведку, но перебороть себя не мог. Да к тому же здесь, в училище, ему нравилось. Он любил преподавательскую работу, свой предмет, курсантов. А от добра, как говорится, добра не ищут.

— К тому же, скажу откровенно: вы нам подходите, — прервал его раздумья полковник, — Боевой офицер, разведчик. Есть опыт комсомольской работы, высшее образование...

Он полистал личное дело Стрельбицкого.

— Вот смотрите, после ранения, с 1942 года вы помощник по комсомолу начальника политотдела Куйбышевского военного пехотного училища. Так? Так. Просились неоднократно на фронт, писали рапорта. А на фронте ведь могли попасть и в разведку?

Полковник вопросительно посмотрел на Стрельбицкого.

— Так то на фронте...

Действительно, он писал рапорта. Надоело в тылу отсиживаться. И его в октябре 1944-го отправили на курсы заместителей командиров по политчасти при Военно-политической академии с последующей отправкой в действующую армию.

Однако пока он учился, война закончилась. День Победы Владимир встретил в Москве.

Потом была учеба в Военно-педагогическом училище им. М. Калинина, и теперь вот уже третий год он преподает в Военном горно-артиллерийском училище в Тбилиси. Сюда и приехали неделю назад офицеры из Генштаба, а точнее, из Главного разведывательного управления, чтобы подобрать кандидатов для поступления в Военно-

дипломатическую академию.

Стрельбицкий в это время находился в отъезде, в командировке, а когда возвратился, взору его предстало почти Бородинское сражение. Кого-то из офицеров уже отобрали в кандидаты, и они ходили в именинниках, иных отсеяли, и те были подавлены и несчастны. Вне зависимости от результата отбора члены комиссии с удовольствием отмечали, что в Москву, в Академию хотели, более того, рвались все. Кроме Стрельбицкого.

После приезда ему торжественно объявили — он в числе кандидатов. На что Владимир Васильевич совсем не выказал восторга и написал рапорт о том, что не хочет поступать в Академию и служить в разведке.

В столичной комиссии его рапорт вызвал настоящий шок. С ним решил побеседовать лично председатель комиссии. И вот теперь они сидели друг против друга, и полковник старался убедить Стрельбицкого в том, что он нужен разведке. Пока это у него плохо получалось. Стрельбицкий упирался.

— Хорошо, Владимир Васильевич, я дам вам время подумать. Посоветуйтесь с женой...

— Спасибо, но я уже подумал.

Эта фраза, судя по всему, стала последней каплей, переполнившей терпение председателя комиссии. Полковник оторвал голову от бумаг и вонзил холодный взгляд в Стрельбицкого. Потом медленно встал, демонстративно поднял на вытянутых руках рапорт и разорвал его пополам, потом сложил, и разорвал вновь.

— Ясно? Идите, товарищ майор. Вам партия приказывает...

Так Владимир Стрельбицкий попал в разведку во второй раз.

Пролетели четыре года учебы, и вновь он предстал перед комиссией. Теперь уже перед так называемой выездной комиссией, которая рассматривала кандидатуры выпускников академии на предстоящую командировку за рубеж.

Возглавлял комиссию заместитель начальника Главного разведывательного управления генерал Феденко.

Владимир Стрельбицкий планировался на выезд во Францию на должность помощника военного атташе. Учился он хорошо, язык освоил в достаточной степени, спецподготовка оценивалась на отлично. Биография была в полном порядке. Казалось, все должно пройти как по маслу. Так оно, собственно, и случилось. Комиссия уже проголосовала «за» единогласно. И тут вдогонку, неожиданно, генерал Феденко возьми да и спроси:

— Стрельбицкий, а вы любите разведку?

Генерал, конечно, ждал однозначно четкого ответа, в унисон своему вопросу. Это и стало бы красивой точкой в приятном разговоре. Однако Владимир Васильевич остался верен себе. Ответил совсем не так, как хотел и ждал генерал, а как думал сам:

— Люблю ли я разведку? — переспросил он, — Не знаю. Надо бы ее сначала попробовать.

Улыбка соскользнула с лица Феденко. Окажись они один на один, Стрельбицкий за свой ответ получил бы по полной мерке. Генерала в Главном управлении знали как человека грубого и несдержанного. Но тут он сумел обуздать свой гнев. На решение комиссии этот ответ не повлиял, но в итоговом протоколе Феденко тем не менее написал несколько нелестных слов в адрес столь дерзкого выпускника академии.

...Шел 1956 год. Помощник советского военного атташе Владимир Стрельбицкий прибыл в Париж.

«Я волнуюсь, услышав французскую речь...»

Стрельбицкий приехал во Францию вместе с однокурсником по Академии полковником Героем Советского Союза Алексеем Лебедевым. Алексея Ивановича, несмотря на молодость и отсутствие опыта, назначили военно-воздушным атташе.

Обстановка в стране была крайне сложной. Венгерские события, ввод войск Варшавского договора в мятежную республику не лучшим образом сказались на отношении французов к сотрудникам советских учреждений. От советских шарахались как черт от ладана.

На стадионе, услышав рядом русскую речь, могли демонстративно подняться и уйти. Встретив у посольства, порою интересовались: «Советик?» После утвердительного ответа, да, советский, можно было получить плевков в лицо.

Контрразведка также ужесточила режим наблюдения и слежки за советскими представителями.

Военный атташе не был сторонником активной оперативной деятельности. Чаще обращал внимание «молодежи» на обилие прессы, открытых источников, из которых следует черпать развединформацию.

Однако Стрельбицкий и Лебедев придерживались иного мнения. Им хотелось настоящей, «живой» работы. Но начинать, по сути, было не с чего.

Впрочем, это не смутило Владимира Васильевича. Первым, на кого он вышел, был российский эмигрант. Он работал в крупной американской фирме, которая производила электронику. Впоследствии этот эмигрант станет нашим агентом и получит псевдоним Сокин.

А началась эта история с того, что Сокин однажды написал письмо на свою бывшую Родину в Советский Союз в журнал «Радио». Он хотел получить из редакции некоторые материалы, публикации. Журнал выполнил просьбу земляка и переслал материалы в посольство СССР в Париже. Там их и обнаружил Стрельбицкий. Выяснив обстоятельства дела, помощник военного атташе вызвался лично доставить материалы земляку.

Так они впервые встретились. Сокин познакомил Владимира с городом, пригласил в ресторан.

Стрельбицкий и представить себе не мог, сколько воспоминаний детства всколыхнет обычный французский ресторанчик.

Сокин, конечно, желал удивить своего русского товарища и заказал устрицы. Ну где, в послевоенные годы Владимир мог попробовать такой

деликатес.

Когда официант поставил перед ним тарелку, Стрельбицкий вопросительно взглянул на Сокина.

— Прощу, — улыбнулся тот, — свежие устрицы!

— Устрицы? — удивился Владимир, словно увидел на тарелке крокодила. «Мули», — пронеслось в голове, и он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Сокин, увидев побледневшее лицо Владимира, кинул официанту: уберите.

— Что с вами, Владимир Васильевич? — сочувственно спросил Сокин.

— Простите и не обращайтесь внимания, — сказал, приходя в себя, Стрельбицкий, — Это меня догнало голодное детство.

Потом Владимир привыкнет, станет глотать устриц как заправский француз, и они будут казаться ему необычайно вкусными. Но в этот первый раз нахлынуло все сразу — ледяная апрельская вода, речные устрицы в ведре, или, как на Украине их называли, «мули» и он, одиннадцатилетний мальчишка, не чующий ног, бежит домой. Зимой умер отец, кормилец, и в их дом пришел голод. Впрочем, голод пришел во всю деревню.

Мать отчаянно боролась, пытаясь хоть как-то спасти детей. Но продукты, самые простые, за зиму в доме закончились, и есть было вовсе нечего. Сегодня утром мама сварила последние три картофелины и со слезами разделила их между сыновьями.

И тогда Володька вспомнил про речку, которая протекала через их деревню, схватил ведро и в ледяной воде набрал «мулей».

Мать как-то недоверчиво, с опаской посмотрела на Володькин улов, ведь никто прежде не питался «мулями», да и сейчас, в голод, она не слыхала, чтобы их варили. Но он просил сварить и сам первым стал пробовать их. Противные, что и говорить, но семью от голода спасли.

А теперь вот в центре Европы, в Париже, в ресторане его потчевали «мулями», вернее устрицами. «Свежайшими», как с гордостью подчеркнул симпатичный официант. А он, чудака, не мог справиться с тошнотой.

Они ушли тогда из ресторана. Сокин показал другие места, где отдыхают парижане. Словом, ввел в бытовую обстановку. В свою очередь Стрельбицкий, чтобы впредь «не светиться» на встречах, стал готовить Сокина к тайниковой связи. В лесу они выбрали тайник, обозначили его, опробовали. Владимир сделал закладку, выставил в городе сигнал, Сокин принял этот сигнал. В дальнейшем агент закладывал туда добытую техническую документацию. Стрельбицкий успешно изымал ее.

Сокин был первой ласточкой. Но останавливаться на одном

завербованном информаторе Владимир не собирался. Однако надеяться на то, что появится другой такой Сокин и напишет в советский журнал «Радио», не приходилось. Значит, следовало самому выходить на «охоту».

Военный атташе, по сути, сидел безвылазно в Посольстве, и потому приходилось нередко действовать от его имени на свой страх и риск. Как-то Владимир узнал, что в японском посольстве состоится прием. Приглашения, к сожалению, не было, а попасть очень хотелось. А охота, как известно, пуще неволи. Подавив неловкость, Стрельбицкий приехал в посольство. Представился от имени советского военного атташе. Сработало, его пропустили. Огляделся, как говорят «пристрелялся». Все вокруг друг с другом мило беседуют, улыбаются как старые знакомые, и только он — один. Впрочем, нет, в уголке у окна Владимир заметил такого же приглашенного. Он тоже был один и явно скучал.

Стрельбицкий подошел к нему, поздоровался, поинтересовался:

— Вы друг японцев?

— Да нет, — засмеялся тот, — товарищ поделился приглашением. Сказал, здесь хорошие девушки. А я холостяк, решил посмотреть...

— О! Я тоже пришел один! — обрадовался счастливой возможности для знакомства Стрельбицкий.

Новый знакомый оказался американцем, служил в одной из военных структур НАТО.

Вечер прошел в приятной беседе. Договорились встретиться в другой раз.

На следующее утро, как и положено, Владимир доложил о встрече с американцем своему шефу — военному атташе. Тот поначалу не поверил: «Американец? Из НАТО? Сам пошел на контакт. Это точно подстава».

Стрельбицкий доказывал свое: на приеме американец оказался один, ему было скучно. Вот они и провели вечер вместе. Просто, как два обычных человека, не оглядываясь на страны и континенты. Однако руководство колебалось, сомневалось, прежде чем дать добро на дальнейшие встречи. Но Владимир Васильевич настаивал. Он чувствовал, что его знакомый нормальный мужик и никакая не подстава. Со скрипом, но все-таки ему разрешили продолжить отношения. И вторая встреча прошла еще лучше первой.

Американец пригласил своего нового русского товарища посетить... тюрьму. Правда называлась она игриво — шале-тюрьма. Оказывается, там, где в старые времена была тюрьма, ныне предприимчивые французы устроили, говоря современным языком, развлекательный центр: казино, стрип-клуб, для экзотики в подвалах оставили еще камеры, где прежде

сидели смертники.

Странное было приглашение в обстановке шпиономании и антисоветских настроений. Однако новому другу Стрельбицкого, судя по всему, было наплевать на эти настроения. Он желал весело провести время и пригласил Владимира сделать это вместе. «А почему бы и нет?» — решил Стрельбицкий.

Признаться, они действительно провели незабываемый вечер: поиграли в казино, посмотрели стриптиз, а потом директор предложил им посетить подвалы тюрьмы. Там был выстроен огромный каменный колодец, по дну которого текла река. В стенах вырублены сиденья. Их как почетных гостей усадили на эти сиденья и для большей реальности накинули на шею цепи, чтобы они могли прочувствовать всю прелесть пребывания в тюрьме.

Директор рассказал, что когда смертники умирали, их сбрасывали прямо на дно колодца, в реку. Ныне подобными экстравагантными развлечениями вряд ли кого удивишь. Но это было полвека назад. И ничего подобного Стрельбицкий в прежней своей жизни и представить не мог.

Советский разведчик был неробкого десятка, однако тюремная экскурсия произвела на него достаточно сильное впечатление. Справедливости ради надо сказать, что и его друг — американец не стал задерживаться в тюремном колодце. Выбрались они — и поскорее наверх в стрип-клуб. Там и отогрелись душой.

Однако развлечения развлечениями, но Стрельбицкий голову не терял и не забывал, кто он есть. На этой встрече удалось узнать новые подробности службы американца. Когда Владимир доложил это руководству, вновь выплыли сомнения: уж очень серьезной удачей могло стать мимолетное знакомство. Начальство не верило в столь легкую удачу.

Тем не менее встречи разрешили продолжить. Доложили обо всем в Центр. Теперь пришло время сомневаться Москве. Посыпались те же вопросы: почему американец, да еще из НАТО, так легко идет на связь? И теперь объяснения Стрельбицкого об одиночестве американца, о чисто человеческих симпатиях друг к другу уже выглядели и вовсе несерьезно.

К счастью, Владимир Васильевич был новичком в оперативной работе и не очень-то задумывался, как резидент объяснит Центру их дружбу с американцем. Он знал — эта дружба неизбежно даст свои результаты.

В какой-то период руководству резидентуры пришла мысль: надо пригласить американца на квартиру к Стрельбицкому и записать их беседу на магнитофон.

Но теперь воспротивился сам Владимир. Не заглядывая начальству в

рот, он сказал, что наша записывающая аппаратура скрипит как несмазанная телега. Велика вероятность, что гость это услышит, и вот тогда уже точно все полетит к чертовой матери.

Как ни странно, но старшие товарищи согласились с мнением молодого сотрудника. Решили не торопить события.

Но тут случилось непредвиденное: из Центра пришло неожиданное сообщение — должность помощника военного атташе сокращена, Стрельбицкий отзывается на Родину.

Что ж, на Родину, так на Родину. Откровенно говоря, решение было не совсем внятное, но начальству в столице виднее. Стрельбицкий, разумеется, огорчился, но горюй-не горюй, а ехать надо. Собрал чемоданы и вскоре уже был в Москве.

Самое интересное в этой истории то, что через восемь месяцев кадровая чехарда завершилась, и должность помощника атташе открыли вновь. Владимир Васильевич возвратился в Париж.

Что делать дальше? Понятно — надо продолжать работу. Стало быть, следует разыскать американца. Но как его разыщешь? Звонки по телефону результата не давали. Кто знает, что произошло за эти месяцы? Возможно, он уехал из Парижа, его перевели в другое место службы.

В доме, где жил американец, застать его также не удавалось. И все-таки Владимир Васильевич не терял надежды на встречу. Он постоянно приезжает в район, где жил знакомый. И однажды ему и вправду улыбается удача. В пробке, на улице замечает машину, а за рулем — его самого. Стрельбицкий окликает старого знакомого. Тот, обрадованный, выскакивает из автомобиля, пожимает руку, спрашивает, где был, куда пропал. В общем, отношения восстанавливаются.

А вскоре американец в первый раз выполняет просьбу Стрельбицкого — приносит важные документы.

...Они встретились в казино «Де-Пари». Американец с волнением, торопливо передал сверток с бумагами. Теперь пришло время волноваться Стрельбицкому. Материалы у него, а вдруг он ошибся в американце, и это действительно провокация контрразведки, как ему много раз твердили в резидентуре. Сейчас зайдут контрразведчики и под белые ручки. Словом... провал. Пришлось вернуть документы, предупредив его, что пока не время.

А казино есть казино. Музыка, веселье. На сцене кубинки о голые аппетитные ноги крутят сигары и бросают их в зал. Стрельбицкий с американцем, сидевшие ближе к сцене, тоже получают по сигаре. Закуривают и выходят из зала.

Владимир принимает документы и передает их стоящему за спиной

офицеру нашей резидентуры, который в тот день сопровождал и прикрывал Стрельбицкого.

Подымив сигарами, они возвращаются в зал.

Часа через два, когда Владимир Васильевич и его агент покидали казино, их на выходе уже ожидал тот же офицер. Документы, к большому удовлетворению, были возвращены. Тот, откровенно говоря, удивился такой оперативности:

— О! С вами можно работать!

Так началась деятельность ценнейшего агента советской военной разведки в НАТО, который был завербован Владимиром Стрельбицким.

Перефразируя слова поэта, можно сказать, что оперативная деятельность разведчика за рубежом — это всегда «езда в неизвестное». Никто не ведает, что там впереди — государственной важности материал или наручники контрразведки.

Такую «езду» испытал во Франции и Владимир Стрельбицкий.

Как-то познакомился он с военнослужащим, который проходил службу в натовских структурах и имел доступ к секретной информации.

С помощью этого знакомого удалось выяснить некоторые данные оперативного оборудования Театра военных действий.

Дальнейшая работа с этим знакомым казалась весьма перспективной.

Однако все вышло иначе. Потом, анализируя причины провала, Стрельбицкий пришел к выводу: его информатор был неосмотрителен, жил не по средствам. Владимир Васильевич неоднократно предостерегал его, однако тот не внял его просьбам. Тем самым обратил на себя внимание контрразведки.

На последней встрече он признался Стрельбицкому в своих опасениях: ему кажется, за ним следят. Сказал, что решил уволиться из армии. И, действительно, уволился, но вскоре был принят на работу в воинскую часть на одну из должностей, дающую доступ к совершенно секретным материалам.

Такие «кульбиты» судьбы знакомого насторожили Владимира. Слежка, увольнение из Вооруженных сил и вдруг неожиданное — нежданное трудоустройство, да еще в отдел, сотрудники которого всегда были очень привлекательны для разведки.

«Не западня ли это?» — задался вопросом Владимир. Возможно информатор уже на крючке у контрразведки, и теперь готовится ловушка для него.

Подтверждение вскоре пришло от резидента КГБ в Париже. Он сообщил, что информатора взяли, и теперь готовится провокация против

Стрельбицкого.

Действительно, вскоре в аппарате военного атташе раздался телефонный звонок. Трубку взял Стрельбицкий. На проводе был старый знакомый. Владимир сделал вид, что не узнал, кто звонит. Тот представился.

— Что-то я вас не припомню, — сказал Стрельбицкий.

— Ну, как же. Мы встречались, — занервничал звонивший. — Давайте увидимся, вы меня вспомните.

— Ладно, приходите-

Договорились о встрече. Знакомый пришел с записывающим устройством в кармане. Он был одет не по погоде, да и во внутреннем кармане пиджака угадывался объемный посторонний предмет. Стрельбицкий спокойно спросил:

— И кто вы такой?

— Неужели не помните?

Собеседник заерзал на стуле. Сказать о документах, которые передавал прежде, значит еще больше подставить себя. Он что-то мямлил, пытался сказать, что теперь на новой работе, и работа та важна и ценна. Стрельбицкий молча выслушал провокатора и расстался с ним.

Позже из оперативных источников пришло известие: встреча, которую провел перевербованный информатор, была признана провальной. Провокация не удалась.

...Владимир Стрельбицкий в 1961 году уехал в отпуск в Советский Союз. Когда отпуск закончился, он узнал, что визу на въезд во Францию ему не дали. Это говорило только об одном: активность помощника советского военного атташе доставляет слишком много хлопот спецслужбам Франции. И они не хотят видеть его в стране.

«Провалишься, пеняй на себя...»

Владимир Васильевич остался в Москве, в Центральном аппарате ГРУ. Однако засиживаться в столице ему не дали. Через год с небольшим предложили новую командировку. На этот раз в Бельгию, в аппарат военного атташе, старшим помощником.

Все что случилось со Стрельбицким во Франции, разумеется, до тонкостей было известно в КГБ. И поскольку на них возложена обязанность по обеспечению безопасности офицеров военной разведки за рубежом, Комитет госбезопасности возражал против командировки Стрельбицкого.

В КГБ рассуждали вполне здраво: что такое год с небольшим? Для контрразведки, считай, это было вчера, и спецслужбы Бельгии прекрасно во всем осведомлены. Потому ехать Стрельбицкому в Бельгию, во-первых, бесполезно — местная контрразведка работать не даст, перекроют кислород напрочь, да и, во-вторых, опасно. Он теперь вроде как меченый, устроят какую-нибудь пакость, подставу.

Все это не хуже кагэбэшников понимал и сам Стрельбицкий, но ехать хотел. Даже очень хотел. У него были свои резоны. Насчет контрразведчиков, которые, мол, не дадут ни дыхнуть, ни пукнуть, он руководствовался старой русской поговоркой: не так страшен черт, как его малюют.

Что же касается гадостей и подстав — от этого не гарантирован никто и нигде. На то она и контрразведка. Тут ничего не поделаешь, работа у них такая.

Поскольку военная разведка желала послать Стрельбицкого в командировку, а КГБ — возражало, решение принималось в ЦК партии, на Старой площади.

Накануне поездки в ЦК Владимира Васильевича вызвал к себе начальник европейского управления. Долго не разговаривал, только спросил:

- Не передумал ехать?
- Не передумал...
- Тогда собирайся, и вперед на Старую площадь. За ними окончательное решение...

Сотрудник военного отдела ЦК был внимателен к нему. Побеседовал, поговорил, поинтересовался:

— А этот иностранец давал тебе документы?

— Давал...

— Ладно, езжай. Только будь осторожен. В конце концов, за одного битого двух небитых дают.

По возвращении со Старой площади его вызвал начальник Главного разведывательного управления генерал-полковник Петр Ивашутин.

— Ну что, Стрельбицкий, на душе у меня беспокойно. Но управление за тебя, значит, нужен ты там. Смотри, провалишься, пеняй на себя...

Владимир Васильевич усмехнулся: «На кого же еще пенять?» Но начальнику ничего не сказал. На том и расстались.

Кагэбэшники оказались правы. Бельгийская контрразведка с первых дней питала особую любовь к Стрельбицкому. Он, конечно, по приезде взял некоторую паузу, однако надо было с чего-то начинать работу. И он начал казалось бы с самого безобидного — пошел в королевскую библиотеку, чтобы полистать книги. Среди прочих заказал издание, в котором описывались мосты Бельгии. В ту пору для военных разведчиков это была первоочередная задача — составление характеристик европейских мостов.

Через несколько дней Стрельбицкий вновь появился в библиотеке. Заказал книги. Однако среди них не оказалось самой необходимой, рассказывающей о мостах. Работник библиотеки с милой улыбкой объяснила: книга сдана на реставрацию.

Ну что ж, тогда Владимир Васильевич стал упорно и методично объезжать мосты. Кто мог ему запретить прогуливаться по бельгийским мостам? Да и дело более полезное, на воздухе у воды, чем скучное сидение в библиотеке и перелистывание пыльных фолиантов.

Невидимый «бой» с контрразведкой Стрельбицкий вел все годы командировки. Бельгийские «контрики» зачастую были бесцеремонны и нагловаты. Постоянно звонили на квартирный телефон по ночам. Проверяли, дома ли старший помощник военного атташе.

На учения звали, но выборочно. А вот, например, военный атташе Конго получал приглашения на все учения.

Стрельбицкий и тут нашел выход, поближе познакомился с конголезским военным атташе. Тот оказался весьма приятным человеком. Фамилия у него была интересная, грузинская — Бабия. Ничего секретного Бабия не рассказывал, но впечатлениями об учениях, на которые не попадал Владимир Васильевич, охотно делился. В общем, это обычная практика установившаяся между военными атташе во многих странах. Однако бельгийской контрразведке подобная практика была не по нутру. Сначала за Стрельбицким и Бабия установили слежку. Сидят в ресторане, а

их «персональный контрик», которого они уже знали в лицо, обязательно располагается за соседним столиком. Они переезжают в другой ресторан, и тот за ними.

Вскоре Стрельбицкого пригласили в контрразведку.

— Вы дружите с военным атташе Конго?

— Дружу. А что, нельзя? Он же не ваш подчиненный.

Контрразведчик замялся, однако быстро взял себя в руки.

— Но мы ему очень доверяем.

— Прекрасно. В конце концов это ваше право. А у меня, как вы знаете, есть свои права.

— Господин Стрельбицкий, но, согласитесь: вы интересуетесь вооруженными силами Бельгии, НАТО.

— Я же офицер аппарата военного атташе, что же мне, кукурузой интересоваться?

Бельгийский «контрик» примолк: а ведь и вправду, чем еще заниматься помощнику военного атташе. Дабы разрядить обстановку неловкости, офицер спросил:

— А что конкретно вас интересует?

— Вот проходят учения. Тому же Бабия вы даете итоговый релиз с оценкой учений. Мне — нет. Опять же, списки офицеров Вооруженных сил. Они, насколько мне известно, не секретны. Так в чем же дело?

Контрразведчик молчал, видимо, понимая справедливость аргументов советского помощника военного атташе. Но напоследок у Владимира Васильевича был припасен «скелет в шкафу». Так, на всякий случай:

— И, наконец, я доподлинно знаю, мы не чиним препятствий бельгийскому атташе в Советском Союзе. На учения приглашаем регулярно, документы даем, — сказал он.

Собеседник только руками развел:

— Это удар ниже пояса, господин Стрельбицкий. СССР великая держава, в Варшавском блоке ни перед кем не отчитывается. А мы маленькое государство, у нас членство в НАТО...

— Понимаю... — сочувственно сказал Владимир Васильевич. — И тем не менее, что у нас в результате?

— Хорошо, — вздохнул контрразведчик, — мы будем вам предоставлять релизы по итогам учений. Ну и фамилии офицеров, вы верно сказали, у нас не засекречены.

Вскоре после этого разговора из контрразведки доставили три тома списков офицеров ВВС, ВМФ и Сухопутных войск. Стали чаще приглашать на учения, иногда вручали релизы.

Однако, несмотря на эти небольшие уступки, «повадки» бельгийской контрразведки в целом не изменились.

Как-то, будучи в Страсбурге, Владимир Васильевич остановился в одной из местных гостиниц. Вечером вышел прогуляться, проехаться по городу и обнаружил, что забыл ключи от машины. Возвратился, а номер заперт изнутри. Позвал консьержа. Тот долго извинялся, мол, номер, по ошибке, дали другому постояльцу.

Оказалось все значительно прозаичнее: его номер обыскивал контрразведчик, да Стрельбицкий не вовремя возвратился. «Контрику» ничего не оставалось, как упасть в постель и прикинуться спящим, а работникам гостиницы извиняться и раскланиваться за «ошибку».

Случалось, контрразведчики, позволяли себе и вовсе беспардонные поступки. Однажды на приеме в Доме правительства Стрельбицкий познакомился с офицером — авиатором и протянул, как обычно, свою визитку. Руководитель отдела внешних отношений бригадный генерал Депо, увидев это, подбежал и выхватил из рук офицера визитку советского военного дипломата.

Кстати, с бригадным генералом Депо произошла забавная история уже в Советском Союзе. Как-то в отпуске, летом, отдыхая в Сочи в санатории имени Фабрициуса, Владимир Васильевич с женой поднимался с пляжа в свой корпус. Издали увидел группу туристов-иностранцев. Они говорили по-французски. Каково же было удивление Стрельбицкого когда среди туристов он увидел генерала Депо. Как гостеприимный хозяин вечером Владимир Васильевич пригласил бельгийского гостя в ресторан, отменно угостил и подарил набор фирменных советских коньяков. Генерал был растроган до слез. Долго извинялся, говорил, что ему стыдно за тот случай, мол, вел себя неприлично. И все время приговаривал: что поделаешь, такая служба.

Что ж и вправду у Депо была своя служба, а у Стрельбицкого своя.

«Я представляю великую страну»

Дверь кабинета начальника Генерального штаба распахнулась. Высокий, щеголеватый майор, в новом с иголочки кителе кивнул Стрельбицкому:

— Товарищ полковник, маршал Захаров ждет вас.

После возвращения из Бельгии прошел всего-навсего год, а начальник управления, уже в который раз, то ли в шутку, то ли всерьез говорил Владимиру Васильевичу:

— Что-то ты засиделся в конторе...

Стрельбицкий воспринимал эту фразу как спринтер команду: «На старт». Потом последует короткое: «Внимание!» — и выстрел стартового пистолета. Надо понимать, этот миг настал, и стартовый пистолет сейчас в руках у начальника Генштаба.

— Долго я вас инструктировать не стану. Это ни к чему, — сказал маршал.

Он взял со стола «объективку», в которой коротко излагались основные этапы службы Стрельбицкого, пробежал глазами.

— Вы человек опытный. Четыре года во Франции отработали, столько же в Бельгии, что мне вас учить. Теперь вы едете военным атташе в Швейцарию. Должность высокая и ответственная. И помните: Генштабу нужны разведматериалы. Ценные материалы...

Захаров пристально посмотрел на полковника Стрельбицкого, словно ожидая его реакции.

— Товарищ маршал. Мы готовы выполнить поставленные задачи, но обстановка тяжелая. Просто так в секретный сейф не залезешь, — пожаловался Владимир Васильевич, пытаясь донести до главного шефа всю сложность разведдеятельности за рубежом.

— А я никогда и не думал, товарищ полковник, что это просто и легко. Но это ваша работа. Вы разведчик. Поэтому давайте поглубже в сейф — и материалы мне на стол.

С таким напутствием маршала Захарова и отправился в Швейцарию полковник Владимир Стрельбицкий. Здесь, в Берне он прослужит шесть лет, и вся его деятельность будет подчинена проникновению в те самые секретные сейфы, о которых говорил начальник Генштаба.

Разумеется, советскую военную разведку мало интересовала крохотная швейцарская армия. По-прежнему задачей номер один было

проникновение в НАТО.

В те годы Стрельбицкий «прославился» (если такое выражение применимо к разведчику) в Главном разведуправлении как умелый, высокопрофессиональный «добытчик» новейших образцов военной техники и оружия стран Северо-атлантического альянса. У него была небольшая по составу, но весьма работоспособная резидентура: офицеры молодые, амбициозные, но уже достаточно опытные и знающие.

Правда, первым важным сообщением из Берна в Центр стала информация сугубо политического характера. Стрельбицкий докладывал, что с территории Западной Германии в Чехословакию переправляется подозрительно большое количество «туристов». Да и, судя по-всему, «туристов» этих интересовали не красоты Златы Праги, а нечто другое. Телеграмма, к сожалению, не возымела действия. Более того, через год, когда Владимир Васильевич приехал в отпуск в Москву, в Центре ему высказали упрек: мол, «прохлопали» Чехословакию. Разумеется, этот упрек относился не к нему одному, и тем не менее его тоже поставили в общий ряд и, что называется, сняли стружку.

Возможно, другой бы промолчал, но Стрельбицкий не согласился стоять в этом ряду. Попросил поднять телеграммы из Берна годовой давности. Подняли. Оказалось, предупреждал атташе, да его не послушали. А может, и послушали, но ничего не смогли сделать. Но тогда, простите, подобные упреки не по адресу.

Второй раз подобное произошло ранней весной 1973 года. Афганский военный атташе в Индии отмахал полмира: из Дели приехал в Европу, в Берн, пришел к своему советскому коллеге Стрельбицкому, чтобы поведать тайну, за которую на родине его запросто могли повесить. Он рассказал Владимиру Васильевичу, что в Кабуле готовится вооруженный дворцовый переворот. Двоюродный брат короля, принц Мухаммед Дауд стремится свергнуть монарха Афганистана Захир-шаха.

Военный атташе был прозорливым человеком. Он считал, что приход к власти амбициозного Дауда ничего хорошего не принесет его государству. Полковник просил передать эту чрезвычайно важную информацию в Москву. Стрельбицкий выполнил просьбу военного атташе. Но информация канула в Лету.

Даже спустя много десятилетий Владимир Васильевич часто в мыслях возвращался к той встрече с афганским коллегой. Не зря афганец беспокоился. Дауд захватил власть, сбросил с престола короля Захир-шаха. Через три года сбросили и расстреляли его самого. И пошло и поехало... Амин приказал удушить Тараки. Советский спецназ ликвидировал Амина.

Потом Бабрак Кармаль, Наджибулла, талибы, американцы... И не прекращающаяся война.

Что дальше? Опять война. Она уже длится которое десятилетие на афганской земле.

Эх, если бы строчки его шифрограммы смогли совершить чудо и мы предотвратили бы свержение короля. В Афганистане тишь да гладь, «шурави» здесь любят, как любили до войны, и в Советском Союзе матери не рыдают на могилах погибших сыновей, потому что нет могил. Здесь старый разведчик улыбался над наивностью своих мыслей.

Но приходит время и вновь накатывают воспоминания: 1973 год, тревожные глаза военного атташе Афганистана. Н... да... Хочешь не хочешь, а задумаешься о ценности информации.

Кстати, еще раз вернемся к этой самой ценности слова и дела разведчика.

Резидентура советской военной разведки в Швейцарии добыла много чего ценного и особо ценного в те годы. Нередко, когда мы встречались, Владимир Васильевич брался загибать пальцы — инфракрасная аппаратура, документация по артиллерии, электроника для ВВС... Но всякий раз сбивался. Дабы быть объективным, приведу один документ, чудом сохранившийся с той поры в семейном архиве Стрельбицких. Это заключение авторитетной комиссии на систему, добытую бернской резидентурой. Называть систему мы, разумеется, не будем. Скажем только несколько слов об эффекте ее внедрения.

«Ввод в эксплуатацию системы, — говорится в заключение, — и ее освоение проведено в сжатые сроки.

В настоящее время она используется при разработке сложных многопроцессорных устройств автоматизированной телефонной связи фронта, армии, дивизии.

В ближайшее время система будет использована в разработке комплексной аппаратуры полевой связи от армии и выше.

Использование системы позволяет повысить производительность разработки не менее чем в 3 раза, сократить сроки разработки, отладки программного обеспечения в 3-5 раз в зависимости от сложности аппаратуры, усилить надежность систем связи».

Добавлю только, что в документе названа цифра экономического эффекта от внедрения системы — 30 миллионов рублей!

Однако главным своим достижением в период работы в Швейцарии Владимир Васильевич считал обретение одного из узлов нового современного западного танка.

Надо признаться, что в те годы наша конструкторская мысль по некоторым направлениям отставала от западной. Советским танкостроителям удавалось многое, но не все — отдельные элементы танковой конструкции получались тяжелыми, громоздкими, ненадежными. И тогда военная разведка получила задачу — добыть либо документацию по этому узлу, либо сам узел.

Эту тему Стрельбицкий обсуждал со своим агентом еще в Бельгии. Однако выполнить подобное поручение агенту тогда оказалось не под силу.

Приехав в Швейцарию, Владимир Васильевич продолжил работу.

Но как, кто мог унести с воинского склада узел новейшего танка и переправить его в Советский Союз. Тем более, что склады находились в Великобритании, а Стрельбицкий располагался в Швейцарии.

О том, как была разработана эта, без сомнения уникальная, спецоперация, даже сегодня, через десятки лет, в подробностях говорить рано. Поэтому расскажем о ней лишь в общих чертах.

Итак, узел танка был отгружен с воинских складов в Великобритании и под видом холодильной установки переправлен через Ла-Манш в Амстердам, в Голландию. Туда прилетел наш транспортный самолет, и вскоре контейнер был уже в Москве.

Говорят, столь ценный груз на аэродром приехал встречать лично командующий танковыми войсками маршал бронетанковых войск Бабаджанян. Так ли было, не так — теперь трудно сказать, но важно другое — после этого события дела у наших разработчиков танков пошли на лад и Советский Союз стал обладателем самых передовых и лучших танков в мире.

Как-то итальянский военный атташе в беседе с советником нашего посольства признался:

— Стрельбицкий умело получает информацию. Он не крутит за пуговицу, однако то, что ему нужно, узнает незаметно.

Что ж, весьма тонко подмечено. Именно так и работал резидент советской военной разведки.

Но не забудем — Владимир Васильевич являлся военным атташе при посольстве СССР в Швейцарии и осуществлял представительские функции. В Берне у наших военных дипломатов были налажены не только деловые, но и вполне дружеские отношения с руководителями Вооруженных сил страны.

Стрельбицкий не только бывал на официальных приемах по приглашению армейского начальства, но и нередко встречался с ними в неформальной обстановке. Например, на обеде дома у командующего ВВС

или у начальника Генерального штаба. Разумеется, были и ответные приглашения, и швейцарские генералы принимали их весьма охотно.

Военный атташе Советского Союза всегда присутствовал на парадах, на военных учениях. Журналисты никогда не обходили стороной Стрельбицкого. Просили комментарии чаще всего либо у американского атташе, либо у советского.

Как-то после очередной «атаки» журналистов обиженный атташе Австрии сказал Владимиру Васильевичу:

— Господин полковник, вы узурпировали всю власть над прессой.

— Господин атташе, — ответил Стрельбицкий, — ну какая власть может быть у меня над свободной европейской прессой. Сами видите, на интервью не напрашиваюсь. Просто я представляю великую страну.

Авторитет военного атташе СССР действительно был весьма солидным. Иногда он проявлялся в самых неожиданных ситуациях.

Однажды во время очередных маневров, на которые были приглашены военные атташе разных стран, им показали солдатскую столовую.

Все, что увидели там атташе, не могло не вызвать восхищение. В меню столовой были разнообразные салаты, несколько блюд первого, второго и даже... вино. В ту пору не всякий ресторан в нашей стране имел такой выбор блюд, как эта солдатская столовая.

Начальник Генерального штаба был доволен произведенным эффектом.

— Что скажете, господин Стрельбицкий? — обратился он к Владимиру Васильевичу.

— Да это же настоящий санаторий, а не воинская часть. Вы их очень балуете.

— Почему?

— Мне, кажется, столько еды для солдата многовато. Им тяжело будет действовать после обеда на учениях.

Сказал-то в шутку, а наутро вышли газеты с заголовком «Советский военный атташе считает, что на питание швейцарских солдат уходит много денег».

Этот вопрос был поднят в парламенте, и питание сократили на три франка в день.

На очередной встрече, пожимая руку Стрельбицкому, начальник Генерального штаба сказал:

— Берегитесь, господин полковник! Наши солдаты вас побьют...

Всякий раз, когда Владимир Васильевич вспоминает эту историю, всплывают в памяти строки поэта: «Нам не дано предугадать, как наше

слово отзовется». Что и говорить, верно сказано.

В Швейцарии продолжил Стрельбицкий и свою давнюю работу, которую начинал еще во Франции, — поиск могил погибших советских воинов. Как правило, это были узники фашистских концлагерей, которые бежали оттуда и разворачивали на территории европейских стран партизанское движение. Таких захоронений в общей сложности в трех странах — во Франции, в Бельгии и в Швейцарии — Владимир Васильевич разыскал семнадцать.

...В 1974 году подошел к концу срок швейцарской командировки полковника Стрельбицкого. За плечами 6 лет работы в Берне. Пора было возвращаться в Москву.

Проводить военного атташе приехал лично начальник Генерального штаба.

— Отношения между армиями, — сказал он, — как известно, строятся на базе государственной политики. Так вот, военный атташе Советского Союза сделал много, чтобы эти отношения были дружескими.

Руководство военной разведки также высоко оценило деятельность полковника Стрельбицкого в Швейцарии. Он удостоился двух орденов — Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени.

«Марокканский» генерал

Начальник военной разведки генерал армии Петр Ивашутин и так и этак вертел в руках прибор, больше похожий на обычную шариковую ручку.

— Это и есть та самая лампа бегущей волны?

Генерал-майор Стрельбицкий, который сидел напротив, подтвердил:

— Да, она, родимая, как же ее трудно добывали.

Ивашутин на минутку поднял глаза на Стрельбицкого и опять стал разглядывать лампу. В ГРУ знали, их «большой шеф» технику любил. В молодости, пока не попал в органы, начинал свой трудовой путь технарем — окончил железнодорожную, потом профессионально-техническую школу, работал на механическом заводе, служил в авиации, учился в Военно-воздушной академии им. Жуковского. С тех пор у него осталась тяга ко всему техническому. Он следил за новинками техники, разумеется, в первую очередь, по линии ГРУ, и потому удивить его было непросто. Однако чувствовалось, что в этот раз Ивашутин немало подивился изобретению, которое держал в руках.

— И за вот эту, — он запнулся, видимо подбирая словечко покрепче, но только крикнул, не решаясь выругаться при подчиненном, — такие деньги?

Стрельбицкий понял это по-своему:

— Тогда, значит, товарищ генерал армии, обратно ее вернуть?

— Ты что, Стрельбицкий! Никаких «обратно». Заплатим. Я дам команду.

Генерал Ивашутин выдвинул ящик стола, бережно положил туда лампу и так же осторожно задвинул ящик. И только тогда обратился к Владимиру Васильевичу.

— Ну, рассказывай, как там наш отстающий разведаппарат.

У Стрельбицкого вытянулось лицо. Ивашутин улыбнулся и успокоил атташе.

— Пошутил я, Владимир Васильевич, столько лет марокканский аппарат у нас плелся в хвосте, что теперь даже и не верится...

И действительно, тот, кто служил в управлении в конце 60-х — начале 70-х годов, помнят, как на партактивах, на совещаниях у начальника Главного разведуправления постоянно склоняли «марокканцев». Марокко, конечно, не Европа. Хотя, как сказал однажды король Хасан II, если бы не

Геркулес, который прорыл Гибралтарский пролив, то и Марокко было бы европейской страной.

Начальника военной разведки Советского Союза волновали, разумеется, не королевские экзерсисы на мифологические темы, а вполне реальная деятельность разведаппарата, расположенного в столице Марокко — Рабате. Именно поэтому в 1976 году военным атташе в эту страну и был назначен полковник Владимир Стрельбицкий. Там за свою работу он получил орден «За службу Родине в Вооруженных Силах» II степени.

Уже через год, в 1977-м марокканский разведаппарат вышел на одно из первых мест в ГРУ. За этот год было добыто 60 ценных документов. За все предыдущие 20 лет существования разведаппарата в Москву поступило 80 ценных материалов. Ну как тут не задуматься о роли личности в истории.

В следующем году Стрельбицкий со своими сотрудниками вышел за пределы Марокко, у него появились агенты в США, Италии, Франции, Германии, Великобритании.

Благодаря выходу в третьи страны, были добыты десятки ценных документов, новейшие образцы техники и оружия. Один из таких образцов только что бережно положил в ящик своего стола начальник ГРУ генерал армии Петр Ивашутин.

...Время встречи начальника военной разведки и его резидента в Марокко подошло к концу. Ивашутин пожелал Стрельбицкому успехов. Завтра Владимир Васильевич должен был возвращаться к месту своей службы.

Восемь лет прослужил в Марокко Стрельбицкий. Здесь он получил звание генерал-майора. За это король Хасан II назвал его «марокканским генералом».

Вообще с присвоением звания у Стрельбицкого вышла занимательная история. Прежде он не верил ни в предсказания, ни в вещие сны, но то, что произошло с ним, хочешь-не хочешь, заставило поверить.

После очередной успешной спецоперации по добыванию новейших образцов техники руководством было принято решение — наградить марокканского резидента ГРУ. Но чем? У него уже с фронтовыми пять орденов. Осталось, разве что, к ордену «За службу Родине в Вооруженных Силах» I степени представить. Правда, в ту пору I степень давали тяжело, скупно, но начальники Стрельбицкого верили в успех дела. Ведь награждать и вправду было за что. Получил бы орден и стал полным кавалером.

И все-таки грызли сомнения. Решили подойти нестандартно и посоветоваться с самим героем. Тогда и задали вопрос: орден I степени, или звание генерал-майора? Стрельбицкий, не задумываясь, выбрал

генеральское звание.

Однако обещанного, как говорят, три года ждут. Да и не всегда дожидаются. Надеялся и Владимир Васильевич, но прошел месяц, другой, третий... Из Москвы никаких вестей.

И вот однажды снится ему сон. Утром заходит к нему в кабинет офицер резидентуры и вручает телеграмму. Стрельбицкий с удивлением спрашивает: «Почему ты, а не шифровальщик?» Тот улыбается: «Тут случай особый. Поздравляем, Владимир Васильевич, Вам присвоено звание генерал-майора». И действительно, утром у дверей аппарата военного атташе он встретил того же самого офицера и шифровальщика. Они и поздравили его первыми. Так Стрельбицкий стал «марокканским» генералом и поверил в вещи сны.

...В 1984 году закончилась последняя зарубежная командировка генерала Владимира Стрельбицкого. Ему было 63 года. В четырех странах — во Франции, Бельгии, Швейцарии и в Марокко — он отработал 22 года. 14 из них военным атташе и руководителем разведаппарата. Заслуги его перед Отечеством велики. В этом очерке рассказано лишь о малой толике этих заслуг.

КОМАНДИР ОТРЯДА «КАСКАД»

Неожиданный гонец

Декабрьской вьюжной ночью 1942 года дивизионные разведчики Сталинградского фронта притащили «языка». Немец как немец. Оглушенный прикладом автомата, испуганный, замерзший, он поначалу только невнятно мычал. А начальнику разведки надо было скорее привести плененного гитлеровца в чувство. Комдив торопил, и его можно понять. Предварительный доклад разведки озадачил: у фашиста оказались документы на имя унтер-офицера 206-й пехотной дивизии.

Начальник разведки не посмел бы потревожить генерала. Тем более, как сообщил порученец комдива, тот только прилег. Но дело не терпело отлагательств. На их фронте появилась новая дивизия. Предположительно, конечно. Иначе, что делает здесь этот унтер из неизвестного им соединения. Неужто фашисты скрытно перебросили под Сталинград новые, свежие части. У разведчика похолодело внутри.

Унтер тем временем приходил в себя, начал отвечать на вопросы. Как поняли разведчики, 206-я пехотная стояла под Калинином, а его послали с поручением доставить какие-то бумаги, документы. Какие — ему неизвестно. Он доставил и уже возвращался обратно, как был захвачен разведгруппой.

Объяснения унтера ничего не прояснили. Наоборот, возникли десятки новых вопросов.

Немец, судя по его рассказу, не был фельдъегерем. Тогда почему его послали с документами? Какие это документы? Опять же, Сталинград и Калинин — свет неближний. Почему связь шла напрямую, а не через штаб армий?

Отсюда и выводы. Этот приезд из Калинина под Сталинград мог и действительно быть частной инициативой комдива той же 206-й дивизии. А если все обстояло иначе, и немец врет?... С кем не бывает, лопухнулись разведчики, не углядели, и фашисты скрытно перебросили новые части. А может, это далеко идущая дезинформация. Попробуй, отгадай.

О странном унтере из 206-й пехотной дивизии доложили по команде — в штаб армии, откуда в штаб фронта и, наконец, в Москву, в Генеральный штаб.

...Командир батальона 186-й стрелковой дивизии старший лейтенант Александр Лазаренко понимал — случилось что-то неладное. В третий раз за неделю на его участке обороны уходили в поиск группы разведки. Он делал проходы в минных полях, провожал группы, принимал их. Но разведчики возвращались ни с чем.

Начальник разведки ходил бледный, невыспавшийся и злой. Лазаренко сочувствовал ему, но у него своих забот был полон рот. Тем более, сути дела комбат не знал, а разведчики, как всегда, не любили распространяться о своей работе.

Неудачи полковой и дивизионной разведок вынудили штаб армии прислать к ним своего представителя.

Майор приехал в батальон Лазаренко, чтобы своими глазами осмотреть передний край, откуда в тыл врага уходили разведгруппы. Вот тут и пожаловался комбату майор, мол, не можем взять языка, а командующий фронтом вне себя, требует пленного.

— Ему тоже в Генштаб надо докладывать, — вздохнул майор. — А что доложишь, если разведчики каждую ночь ползают, да толку никакого.

И он рассказал Лазаренко о злополучном унтере, которого неведомым ветром занесло под Сталинград, а они теперь пупки надрывают, доказывая, что 206-я дивизия по-прежнему под Калинином.

— Да здесь она эта 206-я. Куда ей деться? — усмехнулся комбат.

— Это я тоже понимаю. Но ты докажи, — и майор ткнул пальцем вверх, намекая, видимо, на Генштаб.

— А что тут доказывать, у меня своя разведка есть.

Майор с недоверием посмотрел на Лазаренко.

— Какая у тебя разведка в батальоне?

— Да так, — отмахнулся комбат.

Но майор неспроста был из армейской разведки. Он словно нюхом почуял удачу.

— Давай, комбат, выкладывай, дело крайне важное...

Старший лейтенант Лазаренко, разумеется, рисковал, но, как говорят, где наше не пропадало. Так и быть, рассказал он майору, что у него в батальоне, в седьмой роте, есть санинструктор. Ловкий, бедовый мужик. Ночью он снимал мины, делал проход и подбирался к фашистским окопам. Поджидал немца и бил его наповал. Документы, разведданные санинструктора, разумеется, не интересовали. Ему нужен был заветный немецкий ранец, в котором он всегда находил любимый шнапс и закуску.

Лазаренко, приняв батальон, однажды «прищучил» санинструктора, мол, рискуешь, шляешься по немецким окопам, разживаешься шнапсом. На

что хитрый санинструктор руками развел:

— Товарищ комбат, шнапс для сугубо медицинских нужд: промывание ран, дезинфекция...

— Смотри мне, дезинфекция...

Майор из разведотдела заинтересовался санинструктором.

— Вызывай-ка его, комбат

Вызвали, поговорили. Санинструктор согласился пойти в тыл к немцам, дело привычное. Только попросил в помощники еще одного солдата, с которым он уже ходил на дело.

В тот же день майор-разведчик, комбат Лазаренко, санинструктор с помощником выбрали место для прохода на передний край врага, продумали детали рейда, захвата, отхода, прикрытия группы, отработали сигналы.

В полночь группа ушла в сторону немецких окопов.

Лазаренко с майором ждали их на переднем крае, готовые прикрыть, прийти на помощь.

Но помощь не понадобилась. Под утро санинструктор с напарником вышли к линии обороны. Они тащили связанного, с кляпом во рту немецкого ефрейтора.

После допроса ефрейтора майор обнял Лазаренко.

— Спасибо, комбат. Выручил.

И уже на пороге обернулся, показал на грудь.

— Крути дырочку для ордена...

Лазаренко отмахнулся, откровенно говоря, не поверив обещаниям майора.

Проводив разведчика, комбат возвратился к своим обычным делам. Фронтовая жизнь продолжалась. Заканчивался 1942 год.

А в начале 1943-го к комбату прибежал посыльный: прибыть в штаб дивизии к командиру. С собой взять того самого санинструктора и его помощника. Всем троим комдив вручил награды. Санинструктору — орден Ленина, помощнику — орден Красного Знамени, а комбату Лазаренко — орден Красной Звезды.

Видать, ценный оказался «язык».

Тот рейд доморощенных разведчиков из седьмой роты имел для комбата далеко идущие последствия. Нежданно-негаданно пришел приказ: назначить старшего лейтенанта Лазаренко Александра Ивановича начальником разведки 186-й стрелковой дивизии.

А исполнился Александру Ивановичу всего двадцать один год.

С тех пор вся его жизнь будет связана с разведкой — не только с

войсковой, но и стратегической, не только с Главным разведывательным управлением, но и с Первым Главным управлением КГБ.

Но это будет потом, через годы, десятилетия. А сейчас он возглавил разведку родной дивизии, в составе которой в сентябре 1941 года принял первый бой, командуя взводом.

Праздничный «салют»

Что и говорить, начальник разведки дивизии — должность серьезная. Опыта подобной работы у молодого офицера не было. Фронтовой опыт был. Начинал в 1941-м взводным, дорос до комбата, знал и победы, и жестокие поражения, но разведка — дело специфическое, тут просто военных, боевых знаний маловато.

Видимо, понимал это не только Лазаренко. Летом 1943 года дивизия вошла в состав 25-го стрелкового корпуса и приняла участие в битве под Курском. В ходе страшных боев на огненной дуге от их соединения в 17 тысяч человек осталось 144 офицера и бойца. Среди них — Александр Лазаренко. Вскоре он был направлен на разведкурсы в Москву.

В столице оказался впервые. Москва поразила его размахом проспектов, огромными, красивыми зданиями, мирной жизнью.

Ничего подобного за свои 21 год Александр не видел. Он родился в маленьком селе Александровка, в десятке верст от города Спасск, что в Приморском крае. Городок мало кто знал, но его прославил песня. Помните: «Боевые ночи Спасска, волочаевские дни...»

После окончания Спасского педагогического училища Александр преподавал географию в школе. Часто после уроков подолгу смотрел на карту. Москва казалась далекой, недосягаемой. Но произошло чудо, теперь он учился в столице.

Учиться было интересно. Совсем недавно ему приходилось на практике организовывать ведение разведки в полку, в дивизии, теперь же опытные преподаватели рассказывали, как это надо делать по всем правилам военной науки.

А способы добывания разведданных и их анализ — это труднейший этап деятельности разведчика, и, осваивая его, пришлось попотеть основательно.

Полюбил Александр и занятия по изучению иностранных армий — состав, боевые порядки, форма одежды, знаки различия.

Много работали слушатели с топографическими картами.

Несмотря на интенсивный курс обучения, у офицера оставалось время, чтобы отдохнуть, посмотреть Москву.

Учился Лазаренко на отлично, был подтянут, дисциплинирован. Понимал, иначе нельзя: там, на фронте, гибнут его товарищи, чтобы он мог хорошо учиться, осваивать в полной мере военную науку.

Однако, как говорят, и на старуху бывает проруха.

...Наши войска освободили Белгород. По этому случаю в Москве по приказу Сталина был организован первый салют.

Слушатели разведывательных курсов тоже отметили праздник. По-своему, конечно. Распили канистру спирта, привезенного кем-то с фронта, а когда начался салют, выбежали на улицу и с криками «ура» стали салютовать из личного оружия в московское небо.

Краснознаменные курсы находились тогда на Красной Пресне, как раз по соседству с зоопарком, и жертвой «салюта» разведчиков стала какая-то птица. Директор зоопарка позвонил начальнику курсов и пожаловался на самоуправство офицеров.

Генерал приказал построиться слушателям на плацу, обошел строй и строго спросил: кто открыл вчера стрельбу? Ответом было молчание.

Тогда начальник курсов изменил тактику. Теперь он останавливался у каждого офицера и вновь задавал свой вопрос. Отрицательно ответили первый, второй, третий офицер. Следующим стоял Лазаренко.

— Стреляли, товарищ капитан?

— Так точно, товарищ генерал, стрелял, — неожиданно для всех ответил Александр.

— Десять суток ареста!

И начальник продолжил свой путь вдоль строя. Однако, кроме Лазаренко, в содеянном больше никто не признался.

После построения генерал вызвал Лазаренко в кабинет.

— Товарищ капитан, гильзы от оружия найдены разные. Значит, стреляли многие. Кто, конкретно?

— Я стрелял, товарищ генерал, кто еще, не знаю.

Начальник внимательно посмотрел на офицера:

— Хорошо. Идите, Лазаренко.

Вскоре Александру сообщили, что генерал отменил свое взыскание и ему не грозит гауптвахта.

...Три месяца обучения на разведкурсах пролетели быстро. После выпуска предстояло вернуться на фронт. Куда? Это не имело значения. Он хотел просто возвратиться в войска и продолжать бить фашистов.

Перед распределением Лазаренко вызвал начальник курсов. Ему нравился этот капитан. После «салютной» разборки он внимательно следил за ним, присматривался, и вот теперь принял решение.

— Капитан Лазаренко, будете учиться в Высшей разведшколе Генштаба.

— Но, товарищ генерал... Я только что закончил обучение, хочу на

фронт.

Начальник курсов грустно улыбнулся и как-то мягко по-отечески сказал:

— Хватит на твою жизнь фронтов, навоюешься, горько будет. А сейчас иди, учись, пока есть такая возможность. Ты нужен разведке.

Капитан Лазаренко вновь сел «за парту». Только теперь это были не трехмесячные курсы, а трехгодичное обучение в элитном учебном заведении Красной армии.

В июне 1945 года он принял участие в Параде Победы. После окончания Высшей разведшколы его отправили в Аргентину, помощником военного атташе.

Помощник военного атташе

Столица Аргентины встретила военного разведчика Александра Лазаренко далеко не с распростертыми объятиями. Советские офицеры аппарата военного атташе находились под неусыпным, жестким контролем местной контрразведки.

У правительства, возглавляемого Перроном, у министра национальной обороны генерала Умберто Соса Молино было достаточно прохладное отношение к Советскому Союзу. Достаточно сказать, что ни на одном крупном приеме, организованном советским посольством, не были замечены ни военный министр, ни министр морского флота, ни министр ВВС. Они не присылали даже своих заместителей. Приезжали, как правило, лишь мелкие клерки.

Военный атташе Советского Союза в письме в Центр признавался: *«Лично со своей стороны я делал несколько попыток приблизиться к военному министру, начальнику Генштаба и министру ВВС, но успеха не имел».*

Это была своего рода блокада аргентинских контрразведывательных органов.

Один из руководителей резидентуры военной разведки СССР в ту пору сообщал в Москву: *«Общая обстановка в Аргентине и, в частности, в Буэнос-Айресе сложилась пока крайне неблагоприятно для нашей агентурной работы».*

Аргентинская военная контрразведка находится при Генеральном штабе и контролирует, главным образом, нашу официальную деятельность, всячески стремится не допустить нашего проникновения в военную среду, как в Генштаб, так и в военное министерство, в гарнизоны.

С этой целью представители военной контрразведки на всех официальных приемах окружают наших людей достаточным количеством своих представителей, которые тщательно организуют слежку за каждым из нас.

И если на этих приемах нашим сотрудникам удастся найти какого-либо офицера или генерала (не принадлежащего к военной контрразведке), то всякое общение с ним, знакомство не ускользает от внимания контрразведки. Кроме того, в последнее время аргентинское министерство стремится не приглашать наших людей непосредственно в воинские части и в военно-учебные заведения.

Думаю, по этим фактам ясна та изоляция, в которой мы находимся».

В свою очередь военный атташе признается, что «зарвавшиеся аргентинские контрразведчики стремятся установить контроль за гостями даже на мероприятиях, организуемых советским посольством», и рассказывает случай, когда он разослал дополнительные приглашения вне протокольного списка своим знакомым генералам и офицерам. «Контрразведчики, узнав об этом, всполошились не на шутку, — констатирует атташе, — и потребовали от нас подробные списки приглашенных. Но приглашения рассылались от имени посла. Пришлось сообщить аргентинцам, что я не считаю удобным требовать отчета от посла. Но если они будут настаивать — сообщу послу. Это отрезвило зарвавшихся контрразведчиков. Однако позже пачками приходили письма от приглашенных, с извинениями, что они не смогут присутствовать на празднике».

Другой представитель резидентуры также подчеркивает в радиограмме в Центр: «На выездах в другие города наблюдение ведется усиленное, открытое и довольно наглое, и наши представители ни на минуту не выпускаются из поля зрения».

В архиве ГРУ сохранилась телеграмма, присланная из Буэнос-Айреса, в которой рассказывается о том, как «советских дипкурьеров Джамая и Прохина задержали на аргентинской таможне на 8 часов, относились к ним по-хамски, намереваясь спровоцировать инцидент и завладеть почтой».

Почему же наглеют аргентинские контрразведчики? Ответ на этот вопрос можно найти здесь же, в оперативных делах резидентуры ГРУ.

В телеграмме военного атташе от 2.10.1948 года говорится: «Генерал армии в отставке Писторини, ныне министр общественных работ Аргентины, находясь в США, заявил: Аргентина стойко стоит за США в ее "холодной войне" против России».

И еще один документ в подтверждение.

«Москва. Гурову.

Оперативное письмо.

Приемы и действия контрразведки.

Приходится иметь дело не только с аргентинской контрразведкой, но и с американской, которая за последнее время ведет свою деятельность более активно, чем местная КРО.

Аргентина не желает раздражать здешних

представителей США, которые настаивают на изоляции сотрудников СССР и особенно военных представителей».

Вот в такой поистине «блокадной» обстановке и приходилось вести разведывательную работу помощнику военного атташе Александру Лазаренко. Итоги его деятельности до сих пор засекречены, но известна общая оценка — она достаточно высокая.

Однако все, что случилось с ним потом, не укладывается в общепринятые правила. Обычно, успешно отработавшие за рубежом оперативные сотрудники военной разведки продолжают службу в центральном аппарате ГРУ, набираясь опыта и готовясь к следующей командировке.

Но Лазаренко не оставили в центральном аппарате в Москве. Более того, из стратегической разведки он оказался в войсковой и очень далеко от столицы — на Дальнем Востоке, в должности заместителя начальника разведки 37-го воздушно-десантного корпуса.

Что ж, дальневосточника вряд ли напугаешь медвежьими углами, но факт остается фактом. После пяти лет успешной работы в аргентинской резидентуре ГРУ Лазаренко оказался на краю земли, в десанте, в замаху у начальника разведки корпуса.

Вскоре этот корпус попал под «хрущевское» сокращение, из трех дивизий оставили одну. А Лазаренко из корпусного штаба попал в дивизионный, начальником оперативного отделения.

Вот такие удары судьбы. Откровенно говоря, не всякому под силу выдержать их. Но Александр Иванович умел держать удар.

«Памятливый» кадровик

Однако вернемся к главной интриге. Ну не просто же так, за здорово живешь, опытного оперативного офицера после стольких лет пребывания за границей в одночасье убрали из стратегической разведки и загнали куда Макар телят не гонял. Разве место ему в начоперах десантной дивизии?

Один из разведчиков, выслушав эту историю, с уверенностью сказал:

— Да провал у него был, или какая-то аморалка, тут и к семи бабкам не ходи.

К семи бабкам-гадалкам я и вправду не пошел, но вернулся к личному делу Лазаренко. Никаких провалов, аморалок, взысканий, только поощрения.

Неудобно было напрямую спрашивать самого Александра Ивановича. Он тогда уже сильно болел. Но иного выхода я не видел.

Позвонил к нему домой, приехал. Жена на входе попросила не волновать его и долго вопросами не мучить. Пообещал, но минут через десяток нарушил данное слово и спросил, как казалось мне, о самом больном.

Но Александр Иванович, на удивление мне, рассмеялся.

— Это отдельная история. Кстати, очень поучительная для вас, молодых.

Он задумался, словно возвращаясь в мыслях на десятилетия назад, и продолжил:

— Это произошло во время моей учебы в Высшей разведшколе. Как-то вызывает меня к себе в кабинет начальник школы генерал-лейтенант Кочетков. Явился, доложил по форме. Смотрю, в кабинете, кроме Кочеткова, кадровик сидит да еще офицер особого отдела. Разволновался, конечно. Такое присутствие не предвещало ничего хорошего. И вправду, начальник школы, покопавшись на столе в бумагах, поднимает голову, смотрит на меня и спрашивает: «Скажите-ка нам, Лазаренко, вы, случайно, сами себе звание лейтенанта не присвоили?»

Стою как громом пораженный и не знаю, что сказать. Что-то пролепетал, мол, как это сам себе?

«Да вот, — отвечает генерал, поглядывая на кадровика, — не можем мы приказа найти о присвоении вам первого офицерского звания».

Меня уже трясет, однако думаю, если сейчас сплеховать, точно подумают, что самовольно лейтенантские погоны надел. Гляжу, а кадровик

так плотоядно усмехается: попался, голубчик...

«Товарищ генерал-лейтенант, — рубанул что было сил, — я закончил Омское пехотное училище имени М. Фрунзе в 1941 году. Тогда же и звание офицерское получил. Вполне законно. У меня в дивизии 16 человек из моего училища, можно проверить».

«А ты не дергайся, Лазаренко, — угрожающе произнес кадровик, — мы проверим... Еще как проверим».

Вышел я тогда из кабинета начальника как в тумане. Обидно, досадно... Училище, фронт — взводный, ротный, начразведки дивизии, орден Красного Знамени, с сорок первого по сорок третий с передовой не вылезал, и на тебе... почитай преступник, погоны на себя навесил. «Ну и сволочь же этот кадровик, сам приказ, видимо, потерял, а на меня свалил», — подумал я тогда в сердцах. И как оказалось, не далек был от истины.

Александр Иванович закашлялся, в комнату вбежала жена, стала его успокаивать, мол, Саша ты не волнуйся, дала лекарство. Было очень неудобно, получилось, что я спровоцировал волнение больного. А ведь меня предупреждали.

Лазаренко заметил мое ерзание на стуле, махнул рукой:

— Не тревожься. Ты тут ни при чем. Хочешь дослушать историю?

Я только развел руками — еще бы!...

— Тогда слушай. На чем мы остановились?

— На сволоче-кадровике, — подсказал я.

— Да уж... — протянул Александр Иванович. — Ну, после такого душещипательного разговора, не ожидая их официального подтверждения, сам написал начальнику Омского пехотного училища. Объяснил ситуацию. Вскоре на мое имя пришло письмо. В конверте находилась выписка из приказа Командующего Западно-Сибирским военным округом о присвоении мне звания лейтенанта.

Наверное, надо было отнести выписку в отдел кадров, но я не мог вынести оскорбления и пошел прямо к начальнику школы.

Генерал Кочетков принял меня, прочитал выписку и вызвал кадровика. Это была показательная порка в моем присутствии, он «воспитывал» его долго и яростно, за то, что посмел «заподозрить офицера-фронтовика в подлоге».

Как мне казалось тогда, по молодости, я был полностью отомщен.

Однако, когда закрылась тяжелая дверь кабинета начальника школы, позеленевший от показательной порки кадровик злобно прошипел в лицо: «Ты меня еще попомнишь, Лазаренко».

Ну прошипел и прошипел. Мне ли офицеру-фронтовику бояться

пустых угроз кадровых крыс. Тем более получил он поделом.

...А вскоре был выпуск в Высшей школе военной разведки и командировка в Буэнос-Айрес.

Сколько потом событий произошло за пять лет: Лазаренко вырос в звании, стал опытным оперативным офицером, его работу в Аргентине оценили достаточно высоко. Казалось бы, его ждут самые радужные перспективы. Возможно, именно так и случилось бы, да вот судьба преподнесла неожиданный-негаданный «подарок».

После возвращения в Москву, Лазаренко, как и положено, явился в отдел кадров ГРУ. Открыл дверь кабинета начальника... В кресле сидел тот самый кадровик. Он тоже времени не терял, вырос в должности и теперь руководил кадрами не Высшей школы, а всего Главного управления.

Но делать нечего. Доложил: «Подполковник Лазаренко прибыл из заграничной командировки».

Кадровик словно не расслышал, выставил ухо:

— Как говоришь, фамилия?

— Подполковник Лазаренко.

— Помнишь меня?

— Так точно...

Ухмыльнулся злорадно:

— Теперь меня всю жизнь помнить будешь.

Так Александр Иванович оказался на Дальнем Востоке.

Командирское слово — кремень

Служил, как мы уже сказали, заместителем начальника разведки корпуса, потом начальником оперативного отделения дивизии. Служил хорошо, от службы не бегал. Прежде не видя в глаза парашюта, в совершенстве освоил воздушно-десантную подготовку, совершил 118 прыжков.

Командиром 98-й дивизии ВДВ в ту пору был полковник Михаил Сорокин, будущий генерал, командующий округом. Вызывает он однажды к себе начопера Лазаренко и говорит:

— Вот что, Александр Иванович, ты в войну батальоном командовал, а теперь полком командовать будешь.

— Каким, товарищ полковник? — спросил Лазаренко, холодея от собственной страшной догадки.

Дело в том, что в состав дивизии входил 217-й парашютно-десантный полк. «Это не полк, а исчадие ада», — горько шутили в штабе. Командиры там долго не задерживались, нарушения дисциплины сыпались как из рога изобилия.

Задав свой вопрос, Лазаренко еще надеялся на чудо. Хотелось верить, что из уст комдива он услышит название какого-либо другого полка. Но чуда не произошло.

— Александр Иванович, — укоризненно произнес комдив, — 217-м, конечно.

Лазаренко ответил «есть», развернулся и обреченно зашагал к двери.

— погоди, — окликнул его Сорокин, встал из-за стола, подошел, протянул руку и мягко, совсем не по-военному сказал: — Ты моя последняя надежда, понимаешь?

Чего же тут непонятного. Лазаренко вернулся к себе в кабинет. Что ни говори, а подумать было о чем. Странную карьеру сделал он в последние годы: корпус — дивизия, теперь вот полк. Нормальные офицеры растут в обратном направлении, а он...

Стало быть такой он, дикорастущий в обратную сторону.

Однако долго грустить над превратностями судьбы не пришлось. Дело не ждало. И он, засучив рукава, взялся за работу.

Не стану утомлять читателя нудным описанием тяжелой рутинной работы командира полка и его офицеров. Скажу только — полк Лазаренко вытащил.

Два года на проверках 217-й получал круглые двойки, теперь впервые выполз на «удовлетворительно», а потом на «хорошо».

Нельзя сказать, что с приходом Лазаренко в полку не было проблем. Когда в подчинении почти две тысячи человек, проблемы всегда найдутся. Так однажды комполка и сам едва не угодил под суд. И все потому, что дал слово, а отступить от него не в правилах Лазаренко.

Однажды в части случилось ЧП. Да еще какое: обворовали полковой магазин. Залезли ночью и унесли сотню золотых часов — в ту пору вещей редких и дорогих.

Александр Иванович прикидывал и так и этак — кто вор? Сначала вычислил роту. Магазин был как раз за столовой. А ночью в столовой дежурил наряд из третьей роты.

Принесли список наряда. Командир думал, взвешивал, вычеркивал фамилии. Осталось всего несколько человек, и среди них прежде судимый рядовой Коломиец. Прямых улик, конечно, не было, но комполка нюхом чуял — это и есть вор.

Наутро Лазаренко выстроил полк, вышел перед строем.

— Товарищи солдаты и сержанты, я знаю того, кто украл часы. Он стоит сейчас в строю. Даю ему трое суток.

Командир выдержал паузу. Полк затаил дыхание.

— Сам придешь, — обратился он к вору, — под трибунал не отдам.

Сказать-то сказал, слово дал, а военная прокуратура тут как тут. Подумать только, этакое ЧП. Что им слово командирское, они уголовное дело завели и к Лазаренко с претензиями: вы перед строем говорили, что знаете имя того, кто украл часы? Говорил. Называйте вора. Не назову. Тогда мы привлечем вас к ответственности за укрывательство преступника.

Так закончился первый день. Вор не пришел. Не было его и на второй день, и на третий тоже. А Лазаренко прокуроры чуть не на дыбу поднимают, того и смотри в наручники закуют.

И все-таки солдат пришел, принес часы, признался. Комполка не ошибся — им оказался тот самый Коломиец.

А от прокурорского гнева спас Лазаренко командующий округом генерал-полковник Пеньковский. Он приехал в полк как раз в этот день. Приехал и спрашивает: «Как дела?»

— Да плохи, товарищ командующий.

— Что случилось?

Рассказал Александр Иванович все как на духу. Нахмурился командующий.

— Слово ты, конечно, зря давал... Но уж если дал — командирское

слово — кремень. Назад ходу нет.

Пеньковский заулыбался, потрянул головой.

— Силен ты однако, Александр Иванович. Ладно, с прокурором договорюсь, а то ведь неудобно как-то получается. Я тебе повышение хочу предложить, генеральскую должность, а у тебя на хвосте прокуратура висит...

Видя, как растерялся командир полка, командующий расхохотался:

— Ну ты даешь, Лазаренко. Как с прокурорами, так ты кремень, а как на генеральскую должность, так дар речи потерял. Пойдешь ко мне начальником разведки округа?

— Пойду, товарищ командующий.

— Вот это другое дело... Четко и ясно. В общем, жди приказа.

На том и расстались.

А вскоре в округ прилетел командующий ВДВ генерал Маргелов. Поднял 217-й полк по тревоге, приказал совершить марш, десантирование.

Полк показал себя лучшим образом. Маргелов остался доволен. А после подведения итогов вызвал к себе Лазаренко.

— Вот что, Александр Иванович, у меня начальник разведки ВДВ увольняется. Пойдешь ко мне в Москву?

Комполка улынулся: ну, надо же, не было ни гроша — да вдруг алтын. Сразу два предложения, и какие предложения!...

— Я жду ответа... — сказал Маргелов.

— Согласен, товарищ командующий, только вот генерал-полковник Пеньковский хочет взять меня в округ, на разведку.

— А это уже не твоя забота. Завтра в Москву прилечу, приказ у министра обороны лично подпишу, и дело будет сделано.

Как сказал Маргелов, так и случилось. Через неделю пришла телеграмма: полковника Лазаренко откомандировать в штаб ВДВ в город Москву, в связи с назначением его начальником разведки Воздушно-десантных войск.

Два года отслужил в этой должности Лазаренко. Ничто не предвещало резких поворотов в его жизни. Но судьба вновь преподнесла ему сюрприз.

Однажды раздался телефонный звонок: полковника Лазаренко приглашали в Комитет госбезопасности. Что мог в ту пору думать человек, когда его вызывали в КГБ? Все что угодно, но никак не хорошее.

Так и начальник разведки ВДВ терялся в догадках. Перебирал события последних месяцев, что писал, что говорил, куда ездил. Вроде бы все в порядке, а на сердце тревожно.

На Лубянке Александра Ивановича проводили к генерал-полковнику

Петру Ивашутину. Позже он станет начальником ГРУ, а тогда еще генерал служил в КГБ. Без долгого вступления Ивашутин сказал, что есть мнение предложить Лазаренко перейти в Комитет госбезопасности.

Лазаренко отказался наотрез.

Ивашутин долго молчал, потом тоном, не терпящим возражений, сказал: «Вы нам нужны». И добавил: «Это дело уже решенное».

Что тут скажешь? Он человек военный: решенное так решенное.

«Громкие» дела 13-го отдела

Теперь новая должность Лазаренко называлась — заместитель начальника 13-го отдела при Первом главном управлении КГБ. Отдел, надо сказать, был непростой. Дела у него громкие. В разведке среди своих его нередко называли «отделом мокрых дел». Он и действительно предназначался для проведения диверсионных актов за пределами страны.

История этого подразделения давняя, уходит корнями в 20-е годы, когда на Западном фронте была создана нелегальная военная организация (НВО). Уже тогда уровень секретности был такой, что о существовании НВО не знал даже командующий фронтом. Главная задача — противостоять диверсиям белогвардейских организаций.

В 1924 году за рубежом белогвардейцами создается Русский общевойсковой Союз (РОВС). Он объединяет почти 30 тысяч солдат и офицеров бывшей Русской армии.

Формальный глава Союза — главнокомандующий барон Врангель, фактический — генерал Кутепов. РОВС представлял реальную силу. В Москве знали, что он сохранил строгую армейскую структуру, дисциплину, вполне активен и работоспособен. Отделы Союза охватили своей сетью всю Европу от Финляндии на севере до Италии на юге. Располагались они и в Египте, в Персии, на Дальнем Востоке, в Северной и Южной Америке и даже в Австралии.

Руководство Общевоинского Союза не сидело сложа руки, оно действовало — открывались учебные курсы и школы, летние лагеря для подготовки и обучения диверсионному мастерству. И хотя Врангель не поддерживал подобные методы борьбы, Кутепов сделал ставку именно на диверсии и террор.

Было совершено несколько террористических актов на территории Советского Союза. Особую огласку получил взрыв в здании партклуба в Ленинграде в июне 1927 года, когда погибло и было ранено 26 человек.

Кутепов не только разрабатывает диверсионно-террористические операции, но и лично провожает боевиков через границу.

В Москве становится известно, что готовится убийство Сталина, руководителей ОГПУ, командующих нескольких военных округов, а также взрывы на заводах.

Чекисты разрабатывают спецоперацию и похищают Кутепова. По одной из версий, у генерала во время проведения операции

останавливается сердце.

Преемник Кутепова — генерал Миллер идет, по сути, той же дорогой, но задачи еще более масштабные — подготовка кадров для ведения диверсионной войны в тылу Красной армии. В Париже даже создается школа для подготовки таких специалистов.

В 1937 году Миллер, как и его предшественник, похищен, вывезен в СССР и казнен.

В этом же году был осуществлен захват архивов Троцкого, а еще через три года агент НКВД Рамон Меркадер убивает и самого Троцкого.

В 1938-м один из опытейших боевиков диверсионной службы Павел Судоплатов подарил в Роттердаме главе ОУН полковнику Коновальцу коробку шоколадных конфет. В эту коробочку специалисты-оперативники подложили взрывное устройство.

Любимец Гитлера Коновалец погиб. Судоплатов благополучно возвратился на Родину.

В этот же период офицеры диверсионной службы выезжают в Испанию, где воюют с фашистами.

Потом была Великая Отечественная война, развертывание разведывательно-диверсионного управления под руководством Павла Судоплатова отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), работа по подготовке и заброске в тыл противника диверсионных групп.

В ряду величайших имен легендарный разведчик Второй мировой войны Николай Кузнецов. Вместе с командиром партизанского отряда «Победитель» Дмитрием Медведевым они разрабатывают смелые, дерзкие спецоперации, и Кузнецов вместе с боевыми друзьями казнит Верховного судью Украины оберфюрера СС А. Функа, заместителя рейхскомиссара Украины генерала Г. Кнута, министерского советника финансов Г. Геля, гитлеровского палача А. Винера, вице-губернатора Галиции Бауэра.

Это он, Николай Кузнецов, выкрадет из собственной резиденции командующего карательной экспедицией генерал-майора фон Эльгена.

Как узнает теперь Лазаренко, за несколько лет до его прихода в КГБ отдел разработал и осуществил ликвидацию Льва Ребета, ближайшего приспешника Бандеры, а позже уничтожит и самого Бандеру.

Правда, после того, как сбежит на Запад агент Богдан Сташинский, осуществивший эти акции, разгорится крупный скандал, и пришедший к власти в 1964 году Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев прекратит практику политических ликвидаций.

Вскоре Александр Иванович Лазаренко убедится в этом сам.

«Увидев нас, Дубчек заплакал...»

А пока ему, как заместителю начальника, предстояло войти в курс дела. Шефом у Лазаренко был легендарный разведчик генерал-майор Родин. О нем еще Аллен Даллес писал в своей книге «Искусство разведки». Правда, фамилия там у Родина другая. Но это не меняет сути дела.

Отдел делился на направления: первое, второе, третье, оперативно-техническое, спецопераций и связи.

На отдел замыкалась бригада специального назначения, состоящая из 6 полков. Правда, полки были полностью кадрированные и разворачивались по полному штату только в военный период.

Еще в подчинении начальника 13-го отдела — ныне достаточно известные курсы переподготовки офицеров КГБ в Балашихе, так называемый КУОС.

Александрю Ивановичу поручили курировать техническое направление.

Вот как он сам рассказывал о своей работе.

«Не стану хвастаться, но судите сами. За свои труды я получил Государственную премию СССР в области науки и специальной техники.

Вот, к примеру, пистолет, назовем его, к примеру "ВУЛ". Долго мы работали над ним, но могу с уверенностью сказать — получился шедевр. Убойная сила, как у пистолета Макарова, а бесшумность абсолютная.

Я как-то показал этот пистолет бывшим своим коллегам из ГРУ, те за голову схватились. Они что создали — макаровский пистолет с глушителем. Но он все равно издает шум.

Когда я был на Кубе, с разрешения начальника ПГУ Крючкова показал этот пистолет местным спецназовцам. Их бригадный генерал два раза выстрелил и побежал к Фиделю показать оружие.

Создали и мину принципиально нового принципа действия. Название мы ей дали музыкальное, красивое. Какое не скажу. Так вот там шариковый замыкатель. Положил ее, чуть сдвинул — и взрыв. Кстати, начальник ГРУ Ивашутин просил у нас эти мины.»

Разумеется, заниматься приходилось не только спецтехникой и оружием. Все самые малые военные конфликты, «заварушки», в которых в той или иной мере участвовал Советский Союз, не могли пройти мимо офицеров отдела.

Первой такой «заварушкой» для Лазаренко стала «Пражская весна»

1968 года.

...За несколько дней до ввода войск в Чехословакию, будучи уже в Праге, полковник Александр Лазаренко встретился накоротке с одним из своих чешских агентов. Тот был не на шутку встревожен.

— Что-нибудь случилось? — спросил Лазаренко.

Агент с недоверием посмотрел на московского шефа.

— Войска все-таки вводят...

Ничего не путаешь? — пришло время сомневаться Лазаренко.

— Да нет, не путаю, мне позвонили из Польши.

«Чертовщина какая-то...» — подумал полковник.

Он вспомнил прилет в Прагу Председателя Совета Министров СССР А. Косыгина, их встречу в посольстве.

Главком ГСВГ маршал Иван Якубовский, генерал КГБ Иванов, он — Лазаренко и еще два офицера. Косыгин внимательно выслушал каждого из них. Все были едины во мнении: войска вводить нецелесообразно. Маршал Якубовский поддержал их.

Косыгин поблагодарил генералов и офицеров и пообещал доложить их мнение на Политбюро ЦК.

Но кто знает, доложил ли он, да и вообще что там произошло, на заседании Политбюро, — трудно сказать.

Теперь уже известно, что решение о вводе войск было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС и получило одобрение остальных представителей компартий, стран-участниц вторжения. Эта встреча состоялась в Москве 18 августа.

В ночь с 20 на 21 августа войска Советского Союза, Венгрии, ГДР, Польши и Болгарии вступили на территорию Чехословакии. Однако четкое и быстрое осуществление военной операции не было поддержано мерами политического характера.

По существу, политикам не удалось добиться намеченного — Президиум ЦК Компартии Чехословакии так и не обратился к государствам-участникам Варшавского Договора за помощью, марионеточное правительство не было создано, партийный съезд состоялся, и он осудил вторжение. Не получилось также справиться и с пассивным сопротивлением народа.

Член Политбюро ЦК КПСС К. Мазуров, прибывший в Прагу под именем генерала Трофимова, телеграфировал в Москву: «Правые активизируются, левые пассивны... Предлагаем еще раз переговорить с Дубчеком и Мерником. Вечером может быть поздно, и в Праге дойдет до

настоящих сражений».

Положение усугублялось тем, что акция Вооруженных сил пяти государств расценивалась большей частью стран мира как агрессия. Ее осудили фактически все крупнейшие компартии, в том числе итальянская и французская.

Событиями в Чехословакии были встревожены Югославия и Румыния. Правда, США и многие западные страны «Пражскую весну» считали домашней разборкой на собственной коммунистической кухне и избегали открытого вмешательства в дела региона.

13-й разведывательно-диверсионный отдел Первого главного управления КГБ принимал самое активное участие в пражских событиях. Да иначе и быть не могло.

Еще 2 мая 1968 года замначотдела Александра Лазаренко вызвал к себе начальник ПГУ генерал-полковник Сахаровский.

Приказ звучал коротко: «Бери своих ребят, все что нужно для работы, и сегодня же в Прагу».

Еще не было московских переговоров, в ходе которых Дубчек пытался убедить Брежнева, Подгорного и Косыгина воспринять события в Чехословакии как поиск путей совершенствования системы, устранения пережитков сталинизма. Еще министр иностранных дел И. Гаек не услышал от А. Громыко упрека в том, что в Чехословакии контрреволюция поднимает голову. Еще не состоялась в столице СССР встреча пяти руководителей восточноевропейских компартий, обсуждавших положение в Чехословакии. Все это еще будет, но 13-й отдел КГБ уже летел в Прагу.

Не обошлось и без курьезов. Один из сотрудников отдела был прилично пьян. Все-таки 2 мая — праздник. Пришлось «загрузить» его в машину, потом в самолет. Пока летели, протрезвел.

Протрезвели и остальные, хотя и не пили. Обстановка развивалась стремительно и ухудшалась с каждым часом.

Военные развернули штабные учения «Шумава», политики пытались найти выход из создавшегося положения. Все чаще звучали речи о военной помощи Чехословакии.

Еще был свеж в памяти 1956 год, Венгрия, когда по советским солдатам и офицерам стреляли с крыш, с чердаков зданий, из подвалов. Потери исчислялись сотнями военнослужащих.

Ничего подобного нельзя было допустить в Чехословакии, дабы не пролить крови ни с той, ни с другой стороны.

Но как это сделать, если невдалеке от пражского аэродрома развернута танковая дивизия Чехословацкой народной армии. В соединении 450

танков. Мощная сила! Как поведут себя танкисты в случае конфликта, на чьей стороне они будут? На этот вопрос не брался ответить никто. Стало быть, выход единственный — ни один танк не должен двинуться с места.

Пригласили в посольство министра обороны Чехословакии Мартина Дзура. Предупредили: как бы ни развивались события, дивизия должна оставаться в местах постоянной дислокации. Дзур дал слово, что ни один танк не двинется с места.

Так, собственно, и случилось. Не отдай этот приказ Дзур, «Пражская весна» могла бы закончиться жертвами и кровью. К счастью, этого не произошло.

Как известно, в первоначальном варианте никто не собирался интернировать в Советский Союз Дубчека и его окружение. Москва видела Дубчека в отпуске, в это время из Президиума ЦК КПЧ выводились несколько наиболее «несговорчивых» деятелей, в результате чаша весов склонялась в сторону промосковской группировки. Потом сам Дубчек, опираясь на помощь союзных войск, наводит в стране порядок.

Увы, жизнь разыграла иной сценарий. Был получен приказ доставить Дубчека и его соратников в Москву. Выполнять приказ пришлось полковнику Лазаренко и его подчиненным.

Весь рассказ об этом укладывается у Александра Ивановича в несколько предложений. «Вместе с десантниками я вошел к нему в кабинет. Увидев нас, Дубчек заплакал. Ну что, вывели, посадили в бронетранспортер и отправили в Польшу, оттуда в Москву. Вот и все...»

Сегодня в России некоторые политики негативно оценивают ввод союзных войск в Чехословакию. Действительно, было сделано много ошибок, нанесен удар по престижу нашей страны. Отвергая любые силовые методы разрешения международных конфликтов, тем не менее нынешним политикам следует взять из «брежневского коммунистического арсенала» одно весьма нужное качество — стремление жестко отстаивать интересы своей страны.

Пусть брежневское Политбюро делало это тоталитарно неуклюже, однако оно это делало.

В июле 1968 года во время переговоров в Чиерне-над-Тиссой лидеров КПСС и КПЧ Предсовмина Косыгин сказал: «Осознайте, что ваша западная граница представляет собой нашу границу».

Возможно, кто-либо скажет, что от этих слов веет духом застойного времени. Возможно, но тогда хочется спросить: «А где сегодня наша западная граница?» Смею напомнить: у стен Смоленска, господа.

Убрать предателя...

Надо признать, что 13-му отделу не везло. В 1954 году на Запад сбежал сотрудник отдела капитан Николай Хохлов, которому было поручено уничтожить одного из лидеров Народно-Трудового Союза (НТС) Георгия Околовича; в 1961-м в ФРГ сдался властям агент отдела Богдан Сташинский, признавшийся в убийстве Льва Ребета и Степана Бандеры; через десять лет из лондонской резидентуры скрылся капитан Олег Лялин, завербованный английской МИ-5.

Ни с Хохловым, ни со Сташинским полковник Лазаренко, к счастью, знаком не был, а вот Лялина знал.

На допросе в британских спецслужбах Лялин наболтает такого, чего и в страшном сне не приснится. Якобы тот самый отдел, в котором ему пришлось служить, готовил диверсии в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Бонне, Риме. Особенно он упирал на Англию. Мол, советские чекисты собирались затопить лондонское метро, взорвать станцию раннего оповещения о ядерном ударе в Северном Йоркшире, уничтожить стратегические бомбардировщики, а также другие военные объекты.

Эти дикие факты тем не менее были положены в основу обвинения Советского Союза в подрывной деятельности на территории Великобритании, и правительство Эдуарда Хита пошло на беспрецедентный шаг — выслало из страны 105 советских дипломатов. Разумеется, среди них было немало и разведчиков. Благодаря усилиям предателя Лялина британские спецслужбы нанесли мощный удар по лондонской резидентуре.

Газета «Правда» в сентябре 1971 года писала: «В шпионаже клеветнически обвиняют работников советского посольства, торгпредства, Совэкспортфильма, Интуриста и т. д. Но и этого мало. "Ньюс оф уорлд", расписывая "смелые и действенные меры" консерваторов, требует немедленно ополчиться против сотрудников посольств восточноевропейских стран.

"Санди телеграф" откровенно называет в качестве новых мишеней британских властей посольства Чехословакии, Польши, а также Египта и Ирана...»

До сих пор, как только в российской печати появляются публикации о предателе Олеге Лялине, сразу же возникают два утверждения. Первое — после побега Лялина отдел претерпел большую чистку, а некоторые авторы

убеждают нас, что он и вовсе был закрыт, и второе — якобы взбешенный Председатель КГБ Юрий Андропов приказал ликвидировать предателя. Только вот почему он не был ликвидирован — неизвестно?

Что ответить на эти утверждения? Да, действительно, предательство Лялина нанесло большой вред как нашей дипломатии, так и разведке.

В одном из своих интервью генерал Юрий Кобаладзе, бывший в начале девяностых годов руководителем пресс-службы внешней разведки России, прокомментировал ситуацию с Лялиным следующим образом:

«Впервые в истории взаимоотношений Советского Союза и Англии была предпринята акция, когда выдворили сразу 105 человек. В практике международных отношений такого не существовало. Разведслужбы есть почти во всех странах мира, и, естественно, бывали случаи, когда кого-то ловили с поличным. Были и скандалы. Но, как правило, это делалось тихо — просто высылали из страны. А тут сразу огромное количество высланных, причем не все из них имели отношение к разведке.

...На самом деле, чем он (Лялин) был опасен — своей принадлежностью к подразделению "В". И, конечно, он там страсти-мордасти порассказал».

Сам же Александр Иванович Лазаренко о побеге Лялина и его последствиях вспоминал так:

«Вот пишут теперь кому не лень, мол, после побега предателя Лялина отдел пострадал, его расформировали. Да никто его не расформировывал! Просто стал называться по-другому — 8-м отделом. Убрали одного из замов начальника отдела Василия Власова. И правильно сделали.

Разумеется, Олег Лялин теперь не кто иной, как борец с коммунизмом и тоталитаризмом, который сражался как герой за светлые идеи демократии. А на самом деле он просто предатель, иуда.

Но дело в том, что предателя Лялина и последующей трагедии с высылкой 105 советских дипломатов и разведчиков могло не быть.

Однажды на имя начальника Первого главного управления генерала Сахаровского приходит письмо. Пишет ему наш ветеран КГБ из Второго главка: "Капитан Лялин в разведке работать не может. Он бабник и болтун".

Оказывается, этот ветеран был отцом любовницы Лялина. Тот часто навещался в их дом, напивался и хвастался: "Не смотрите, что я капитан. Я большой человек, разведчик-агентурщик". И далее его обычно несло, как Остапа Бендера.

Ветеран наш хоть и был старенький, уже 84 года, слушал-слушал да и не выдержал: написал письмо Сахаровскому. Все рассказал. Поручили эту жалобу проверить полковнику Василию Власову. Он поехал к ветерану,

побеседовал. И вместо того, чтобы прислушаться к мнению, серьезно разобраться, отмахнулся, а на письме этак высокомерно черкнул свое заключение: "Бред сивой кобылы". И отправил в архив.

А когда вскоре Лялин сбежал, сдал четверых наших ценных агентов, да еще 105 человек выслали из страны, письмо извлекли из архива и припомнили Власову этот "бред".

Мы ведь читали распечатку допроса Лялина там, в Англии. Он обо всех сотрудниках отдела рассказал: и о Филимонове, и о Ботяне, а меня назвал "хитрым хохлом". Так, что все у нас было, все знали. И достать его могли. Развели, где прячется...

Помнится, слушая Лазаренко, я тогда искренне удивился:

— Так почему же не достали?

Александр Иванович отрицательно покачал головой.

— Вы что, сотрудников разведывательно-диверсионного отдела КГБ представляете себе, как неких "свободных стрелков"? Захотели — убрали, не захотели — помиловали.

Да, я всегда считал, что предатель должен отвечать за свои преступления, за страдания, а то и гибель преданных им товарищей. И мы писали Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу. До сих пор помню этот конверт. Гриф: "Секретно. Особой важности" на письме, красная полоса — никто, кроме адресата, вскрывать не мог.

Но Леонид Ильич не дал "добро". Он вообще не был сторонником таких методов. А так ведь у нас все было подготовлено — и соответствующий нелегал, и оружие...»

...Почти четверть века после своего предательства прожил Лялин в одном из английских графств. А в 1995 году умер на 58-м году жизни.

Что поделаешь, приходилось заниматься и такими людьми — предателями, террористами, убийцами. Разгребать их грязные дела. Особого удовольствия подобная работа не приносила. Но работа была крайне необходимой. Сегодня, в период необычайного разгула терроризма, это становится особенно очевидным.

Полковник Александр Лазаренко был одним из тех, кто, по сути, первым принял удар террористов, оценил всю опасность этого явления и готовил адекватный ответ.

Итак, 1970 год. Человечество еще не осознало опасность «чумы XX века». До Мюнхенского кошмара Олимпиады 1972-го целых два года. Только Израиль в 1968 году в ответ на захват палестинскими террористами «Боинга-707» авиакомпании Эль-Ал, провел операцию «Подарок» и уничтожил 13 авиалайнеров в Бейрутском международном аэропорту. Но

это было воспринято мировым сообществом как очередной виток арабо-израильского противостояния.

А мир тем не менее стоял на пороге эры воздушного терроризма.

В СССР в ту пору террористические акты были редкостью, а уж о захватах самолетов никто и не помышлял.

Однако такой захват случился. В 1970 году, в Советском Союзе.

Террористы отец и сын Бразинскасы бандитски захватили самолет, совершавший полет по маршруту Батуми-Краснодар. Они убили юную девятнадцатилетнюю бортпроводницу Надю Курченко, ранили двух членов экипажа и принудили командира корабля совершить посадку в Турции, в городе Трабзоне.

Ничего подобного прежде не происходило в нашей стране. Это был первый угон самолета в другое государство, да еще с такими трагическими последствиями. Советский Союз был в шоке. Обсуждалось предложение высадить в Трабзоне десантников и захватить террористов. Однако от него отказались.

Но если предложение о применении десанта было, скорее, из области фантастики, то в разведывательно-диверсионном отделе КГБ служили вполне трезвые, смелые и высокопрофессиональные сотрудники. Они считали, что кровавые убийцы должны понести заслуженное наказание. Ибо Турция не собиралась карать террористов: их сначала отпустили, потом старшего Пранаса якобы осудили, но он вскоре оказался на свободе, а его сын — Альгердас и вовсе оказался неподсуден по малолетству.

И тогда сотрудниками отдела была разработана операция по уничтожению террористов Бразинскасов.

О том, как она готовилась и осуществлялась, рассказал мне сам Лазаренко:

«Знаете, тот террористический акт, убийство Нади Курченко потряс нашу страну. К тому же он послужил дурным примером для других бандитов. Террористы, захватившие самолет в Грузии в 1983 году, что потом говорили на суде? Когда их спросили, почему они поступили так жестоко, не предъявляя никаких требований, пять раз выстрелили в лицо пилоту Шабартяну, три раза в пилота Плотко, убили бортпроводницу, они ссылались на Бразинскасов, что вот убили Надю Курченко, так их там с распростертыми объятиями приняли.

Так оно и было. Несмотря на все требования нашей страны, Турция не выдала нам террористов-убийц.

Наш отдел тщательно разработал операцию по уничтожению террористов.

Бразинскасы жили на вилле под Стамбулом. Всюду ходили вместе — в город, на рынок. Вот там, на рынке в Стамбуле, мы и решили провести операцию.

В Москву был вызван агент. Я работал с ним сам. Сначала предполагалось, что он уберет террористов из бесшумного пистолета, но потом от этой идеи отказались. Решили использовать микропулю. Специальное устройство зашили в подошвы туфель. Он поднимал ногу и делал бесшумный выстрел. Важно было просто попасть в террориста. Пули были отравлены и вскоре сделали бы свое дело.

Спасли террористов-убийц Бразинскасов... спецслужбы США. Они, заметая следы, вывезли их сначала в Италию, потом в Венесуэлу и, наконец, в Америку. Есть о чем задуматься, не правда ли?»

Да, истинная правда. Тем более, что эта история имеет поразительное продолжение, или, скорее всего, хочется верить, окончание.

Что уж греха таить, в последние годы эта кровавая история порядком подзабыта. И нынешние юноши и девушки вряд ли назовут имя своей ровесницы, которая была убита террористами на борту самолета. И вдруг в феврале 2002 года многие наши газеты, некоторые телепрограммы вновь вспомнили о теракте более чем 30-летней давности.

Что послужило толчком к этому? Оказывается, в США по обвинению в убийстве был арестован некий Альберт Виктор Уайт, 46-летний житель городка Санта-Моника. Но какое нам дело, спросите вы, до далекого американского городка и до убийцы Уайта? У нас и своих подонков хватает. Однако дело в том, что американский Альберт Виктор Уайт в какой-то мере тоже наш. Хотя очень не хочется причислять его к нашим. Но что поделаешь, так распорядилась история. Уайт — не кто иной, как Альгердас Бразинскас. Да, тот самый младший Бразинскас, который вместе со своим отцом, Пранасом Бразинскасом, захватил наш самолет. Они жили в Калифорнии, сменив фамилию.

И вот теперь 46-летний Альгердас убивает своего 77-летнего отца. Один террорист-убийца взрастил другого убийцу и сам пал от его руки.

Может быть, подводя итог этой истории, надо сказать: собаке собачья смерть — и поставить точку. Но нет, помните, как в песне «ничто на земле не проходит бесследно». Не прошел бесследно для нашей страны и кровавый пример Бразинскасов. Об этом говорил генерал Лазаренко. Они стали своего рода символом для последующих террористов.

А выдай их в ту пору Турция — и, возможно, не было бы у нас кровавых терактов в Тбилиси в 1983 году, в Ленинграде в 1988-м, в Орджоникидзе — в том же году.

Так что нам есть над чем подумать и о чем порассуждать. И не только нам. После событий 11 сентября и удара воздушных террористов в США вряд ли кто вспомнит Бразинскасов. Не до того им, да и не с руки. А ведь это они, американцы, и их спецслужбы спасли, вывезли, дали другие фамилии, приютили у себя убийц-террористов.

Наверное, если бы сейчас зашла речь, американцы в очередной раз попытались бы все списать на «холодную войну». Действительно, чего уж там. Иммиграционный судья Роберт Гриффит до последнего борется за террористов и настаивает на политическом убежище для этих подонков. Старший Бразинскас признан чуть ли не диссидентом: оказывается, он, бедняга, подвергался в СССР преследованиям за участие в «литовском сопротивлении» (так в США именуют банды «лесных братьев»).

Да уж, поразительная штука жизнь. Как по-иному с руин Всемирного торгового центра видится и оценивается преступление террористов-убийц Бразинскасов, то бишь Уайтов.

Говорят, что Бразинскасы последние годы прожили в забвении, не нажив себе славы и капитала за свое «диссидентское» прошлое. Но они прожили эти годы в тихой и благополучной Америке, а Нади Курченко, прекрасной молодой девушки, нет на свете уже тридцать с лишним лет.

Откровенно говоря, мне очень жаль, что Александр Иванович Лазаренко не «достал» их тогда в Турции. Но сын через столько лет сам «достал» отца-убийцу. И к этому нечего добавить.

«Афганистан» или «Авганистан»?

В 1979 году полковнику Александру Лазаренко исполнилось 57 лет. Возраст вполне солидный, чтобы с чувством исполненного долга уйти на покой. Послужил он Отчизне немало, правда, на пенсию пока не собирался — были еще силы, здоровье и, что самое важное, опыт.

Однако, скажи кто-либо в те годы, что впереди у него еще одна война, — не поверил бы. Великой Отечественной хватило за глаза... Но, как говорят, человек всего лишь предполагает...

В том же году, еще до ввода наших войск, Лазаренко послали в Кабул. Глава Афганистана Хафизулла Амин «бомбардировал» Москву постоянными просьбами об экономической и военной помощи, просил ввести советские войска на территорию страны для обеспечения независимости и защиты завоеваний Апрельской революции.

Следовало прояснить некоторые вопросы, и руководство Первого главного управления командировало в Афганистан Александра Ивановича. Вопросы он свои прояснил и даже встретился с Амином. Однако встреча эта, говоря языком дипломатов «на высоком государственном уровне», оставила тяжелое впечатление.

«Моя первая командировка в Афганистан, — вспоминал позже Лазаренко, — состоялась в мае 1979 года. Амин принял меня, мы долго разговаривали с ним. Помню, удивленный некоторыми его декретами, спросил: "Товарищ Амин, вы издали несколько декретов, паранджу ликвидировали, недовольство вызвали. Стоило ли это делать?"

Амин отмахнулся: "Какая паранджа? Мы скоро атомную бомбу будем иметь".

Страна в средневековье живет, всюду поразительная бедность, темнота, безграмотность, а он — атомная бомба».

Уезжая тогда из Кабула, полковник Лазаренко и представить себе не мог, что через год с небольшим он вновь вернется сюда. Только не для дружеских бесед с Амином, а на войну.

В декабре 1979-го воспитанники курсов переподготовки офицерского состава КГБ (КУОСа), объединенные в подразделение «Зенит», вместе с группой «Гром», при поддержке десантников и так называемого мусульманского батальона захватят дворец Амина и другие важнейшие государственные и правительственные объекты в Кабуле. В ходе штурма дворца погибнет начальник КУОСа полковник Григорий Бояринов и еще

несколько офицеров. Бояринов посмертно будет удостоен звания Героя Советского Союза.

Вместе с бойцами «Грома» и «Зенита» в рядах идущих на приступ дворца Тадж-Бек будет действовать помощник начальника разведывательно-диверсионного отдела капитан 2 ранга Эвальд Козлов. Он также получит Золотую Звезду Героя.

Руководил и координировал действия спецназовцев начальник управления «С» (нелегальная разведка) генерал-майор Юрий Дроздов.

Так их 8-й отдел и подчиненные ему подразделения вступили в девятилетнюю афганскую войну.

Фронтвик полковник Лазаренко знал: война живет и развивается по своим законам. А это значит, что там, «за речкой», необходимы их подразделения. У армии на войне свои задачи, у спецслужб — свои. И им не обойтись друг без друга.

Так, собственно, и случилось. Едва успел вступить в свои права новый 1980 год, как начальника отдела и его, Лазаренко, вызвал к себе руководитель Первого главного управления Владимир Крючков.

Оказывается, руководством страны принято решение развернуть до полного штата бригаду особого назначения КГБ СССР. Офицеры этой бригады должны были организовать эффективную агентурную и оперативную работу, оказать помощь в создании местных органов безопасности и, разумеется, быть готовыми к проведению спецмероприятий против врагов нынешней афганской власти.

Лазаренко слушал Крючкова и чувствовал, как нарастает его внутреннее волнение: легко сказать — развернуть бригаду... Да это же несколько тысяч офицеров-оперативников. А где их взять?

На местах, в областных управлениях у них была совсем другая работа. Тоже важная, напряженная, но все-таки в условиях мирного времени и на своей территории. А там война. Это значит все иное — задачи, ритм работы, уровень опасности, местное население — афганцы, которых мы совсем не знаем, их обычаи, традиции, язык, история.

Он вспомнил, как недавно один из его подчиненных в шутку спросил: «Александр Иванович, а как правильно писать: "Афганистан" или "Авганистан", через "фэ" или через "вэ"». Откровенно говоря, он тогда едва сдержался. Только сдается, таких сотрудников по необъятному Советскому Союзу немало. И других у нас просто нет.

Тем временем закончив рассказ о задачах бригады, начальник ПГУ подвел итог:

— Командовать этой бригадой и выполнять столь непростые задачи

поручено вам...

И он назвал фамилию начальника отдела.

— Вы опытный разведчик, оперативных знаний не занимать, вам и карты в руки.

Лазаренко видел, как побледнел его шеф, услышав собственное имя. Однако Крючков этого не заметил. К сказанному он весомо добавил:

— С Юрием Владимировичем Андроповым ваша кандидатура согласована. Здесь в Москве, на хозяйстве вместо вас останется полковник Лазаренко.

Повисла пауза. Крючков, видимо, был уверен, что сейчас услышит четкое по-военному «есть», или более демократичное, чекистское «все понятно, разрешите выполнять», но не тут-то было.

Начальник спецотдела со вздохом развел руками.

— Владимир Александрович, — обратился он к Крючкову, — поймите правильно, если соглашусь на это назначение, боюсь повредить делу. Войсковыми операциями я не занимался, оперативно-боевыми подразделениями тоже не руководил. Так что...

Генерал замялся. Да и продолжать не имело смысла. Все было ясно. Шеф спецотдела просто струсил.

Крючков молчал, в упор глядя на начальника отдела. Чувствовалось, что он едва сдерживает гнев. Начальник ПГУ перевел холодный взгляд на Александра Ивановича:

— Вы тоже боитесь навредить делу?

— Боюсь, — ответил Лазаренко, — но от дела не отказываюсь.

— Тогда вы, — бросил Крючков начальнику спецотдела, — свободны. А вы, Александр Иванович, останьтесь.

Начальник ПГУ сидел молча, не проронив ни слова. Молчал и Лазаренко. Он понимал «большого шефа»: тяжело вдруг сделать открытие, что много лет рядом с тобой работал трус, и в нужную минуту он просто бросил тебя.

Потом Крючков поднял трубку и позвонил Председателю КГБ Андропову, пересказал разговор с начальником спецотдела. Когда их беседа была окончена, он, обращаясь уже к Лазаренко, сказал:

— Вы назначены. Юрий Владимирович утвердил вашу кандидатуру.

Крючков встал и протянул руку. Взгляд его потеплел.

— Александр Иванович, начинаете, по сути, с нуля.

Лазаренко кивнул:

— Понимаю...

— И еще, — Крючков задержал его ладонь в своей руке, — учтите,

Афганистан — это...

Начальник ПГУ задумался, словно подбирая нужное слово, а у Лазаренко мелькнуло: да уж, Афганистан — не Буэнос-Айрес.

А Крючков лишь улыбнулся:

— Вот вернетесь оттуда, и расскажете мне, что такое Афганистан.

«Отчего же не рассказать, — подумал Лазаренко, — только когда это будет?»

Особая территория на карте планеты

С чего начал полковник Александр Лазаренко свою деятельность в качестве командира бригады специального назначения? С того, что доложил начальнику управления генералу Юрию Дроздову о нецелесообразности развертывания бригады по полному штату.

Руководство выслушало его и с доводами согласилось. Решено было создать сводный отряд, который Лазаренко предложил назвать «Каскад». Состав — тысяча человек.

Вскоре отряд сформировали и перебросили в Фергану, на базу 105-й воздушно-десантной дивизии ВДВ. Здесь бойцы «Каскада» проходили доподготовку, готовились к действиям в Афганистане.

Своя доподготовка была и у командира. Уже первые шаги по осмыслению роли отряда, его тактики, оперативной деятельности показали: первая «горячая», еще не оформившаяся мысль о том, что «Афганистан — не Буэнос-Айрес», — верна и точна.

Но что делать после осознания этой верной и точной мысли? Изучать опыт. К тому же опыт не европейский, а по большей мере среднеазиатский. Например, борьбу с басмачами.

Позже Александр Иванович скажет: «Я собрал соответствующие материалы со всего Советского Союза. Даже историю и методы работы ЧОН изучал. Ибо в Афганистане классические методы разведки не подходили».

Помнится, тогда в одной из работ Лазаренко прочитал: «Через горные перевалы, через выжженные солнцем пустыни шли верблюжьи караваны из-за кордона. В тяжелых тюках были упакованы винтовки, пулеметы, ящики с патронами. Действия басмачей сопровождалось жестоким террором, принимавшим изуверские формы».

Как часто потом, в Афганистане, командир «Каскада» станет вспоминать эти строки. Они окажутся похожи на сообщения из его собственных донесений в Центр. словно и не было шести десятков лет.

Многое он почерпнул из документов, сохранившихся в архивах КГБ со времен махновщины, антоновщины. Позже, уже в послевоенный период — борьба с ОУНовцами на Украине, «лесными братьями» в Прибалтике дала пищу для размышления и изучения тактики националистических банд. Что-то было общее, традиционное в этой партизанщине, и в то же время — виделись разительные отличия. Ведь обстановка в Афганистане, как

политическая, так и экономическая, идеологическая была иная. На дворе стояли 80-е годы XX столетия. К оценке обстановки следовало добавить еще время и место действия.

В те дни, листая пожелтевшие страницы документов, он записал себе в блокнот: начало басмаческого движения — 1917 год, окончание — 1926-й. Написал и удивился — девять лет борьбы. Нельзя сказать, что для Александра Ивановича цифры эти стали открытием. О долгой борьбе с басмачеством он знал и раньше. Но раньше эти цифры были где-то далеко, а теперь проступили ясно и зримо.

Лазаренко вспомнил, как невольный холодок пробежал по спине — девять лет! «Неужто и мы там застрянем?... — подумал он и тут же отогнал эту дикую мысль. — Надо же, взбредет такое в голову».

Проштудировал еще раз, заново и классический учебник М. Дробова: «Малая война: партизанство и диверсии».

Дробов был прав, хотя не все его поняли тогда, в 30-е годы, когда вышел в свет научный труд. Он говорил о том, что «малая война» станет играть значительную, а возможно и решающую, роль в будущем. Его критики основывались на опыте масштабных, мировых войн. И действительно, не забылась еще Первая мировая, пахло порохом уже новой вселенской бойни, какие уж тут «малые войны». Но оказывается, настало время, как теперь их называют, и «конфликтов малой интенсивности».

Поднял Лазаренко судоплатовские дела. Тут право было чему поучиться. На счету сотрудников 4-го разведывательно-диверсионного управления НКВД оперативные игры с фашистами, умелое проникновение в немецкие центры, штабы, эффективная деятельность как разведгрупп, так и талантливых разведчиков-оперативников.

Эти материалы Александр Иванович читал с особым волнением. Нет, в годы Великой Отечественной ему не посчастливилось работать в легендарном 4-м управлении, он был всего лишь войсковым разведчиком. Но Александр Иванович хорошо помнил тот день, когда Председатель КГБ Юрий Андропов вызвал к себе начальника спецотдела генерала Гусева и его, Лазаренко.

Гусев совсем недавно принял отдел и был не в курсе дел. А выполнять очередную задачу руководства пришлось Александру Ивановичу. Задача состояла в том, чтобы тщательно проанализировать обвинительное заключение на Судоплатова, поднять документы и подтвердить или опровергнуть каждый пункт обвинения.

Судоплатовское уголовное дело уместилось в несколько томов. Обвинительное заключение было на 500 страницах. Но делать нечего:

приказ есть приказ. Да и за каждой этой строкой годы заключения Павла Судоплатова.

Чего только не вменяли в вину Судоплатову, например, то, что он находился в плену у Петлюры и скрыл этот факт, вступая в комсомол.

Пришлось поднять комсомольские дела Павла Анатольевича. Сделали запрос на Украину. Выяснилось: ничего он не скрывал. Действительно, будучи в отряде у красных еще пацаном, попал в окружение к петлюровцам. Те его выпороли и отправили домой. Вот и вся вина «красного бойца». А через тридцать лет непонятным образом это лыко попало в строку.

Докопался Александр Иванович и до того, кто оклеветал Судоплатова. Им оказался некто Гольц. Потом он признался, что его заставили оболгать Судоплатова, но следствие почему-то не обратило внимание на это обстоятельство.

Словом, пройдя по всем пунктам обвинения, написал Лазаренко докладную записку на имя Председателя КГБ. В ней он доказал, что Судоплатов достоин реабилитации. Позже так и произошло.

...Однако теперь, в 1980-м, Павел Судоплатов нужен был командиру «Каскада» не как бывший заключенный Владимирского централа, которого следует реабилитировать, а как начальник разведывательно-диверсионного управления. Вернее, нужен был не сам Павел Анатольевич, а опыт, накопленный его службой за время войны...

И этот фронтовой опыт положили в копилку «Каскада».

Немало помогли Лазаренко и работы известного диверсанта Ильи Старина — тут и дела испанские, и действия советских партизан в фашистском тылу.

В общем, перед командировкой в Афганистан полковник Лазаренко основательно изучил и аккумулировал опыт своих предшественников. Свой же опыт еще предстояло наработать. Тем более, что противники действовали не менее мобильно — уже летом 1980 года на территории Ирана и Пакистана оперативно разворачиваются лагеря подготовки моджахедов.

В свою очередь в «Каскаде» совсем немного сотрудников, которые владеют языком, знают обычаи народов Афганистана. Да и что значит, владеют языком, если в стране пребывания люди говорят более чем на 30 языках и диалектах.

А местные нравы, обычаи... Тут столько тонкостей, особенностей. Что поделаешь, приходилось все осваивать в ходе работы, как говорится, с колес.

Как и прогнозировал Лазаренко, действовать «каскадерам» пришлось в крайне непривычных для себя условиях, нередко отказываясь от традиционных методов ведения разведывательной работы.

Сам Лазаренко по возвращении из Афганистана так вспоминал о том времени:

«У нас было 480 агентов. И все они внедрены в банды. Но чтобы встретиться хотя бы с одним агентом, надо не три остановки на метро проехать, потом пять на автобусе и помотаться по городу, проверяясь нет ли "хвоста". Тут следует чуть ли не целую войсковую операцию готовить. Зачастую под прикрытием бронетранспортера выезжали в поле и туда выходил агент.

А как проверить свою агентуру? В европейских странах это делается просто, но попробуйте сделать в Афганистане. Ладно, если речь идет о Кабуле, Кандагаре, Фарахе. Это достаточно большие города, они под нашим контролем. А маленькие селения банды контролировали. Отсюда и трудности, о которых не подозревают европейские разведчики».

Да, жизнь еще раз подтвердила, что Афганистан — особая территория на карте мира. Во всяком случае, для командира «Каскада» она стала именно такой.

«Придется тряхнуть стариной...»

Догорал ташкентский знойный июнь 1980 года. 25-го утром со взлетной полосы аэродрома стартовали несколько самолетов. Курс на Кабул, Кандагар, Шиндант. В грузовых отделениях лайнеров боевая техника — бронетранспортеры, радиyjne машины, а также боеприпасы, оружие, бойцы спецподразделения «Каскад».

К месту размещения в Кундузе и Мазари-Шарифе колонна отряда выдвинулась своим ходом.

Так «каскадеры» вошли в Афганистан. Штаб отряда расположился в Кабуле. Возглавил его опытный сотрудник КГБ Поляков.

На войне говорят, что штаб — всему голова. Это Лазаренко усвоил еще со времен Великой Отечественной. Да и потом, в послевоенные годы, Александр Иванович сам был штабным офицером и имел в подчинении штаб как командир полка.

Разумеется, задачи такого специфического подразделения, как «Каскад», отличались от задач, к примеру, десантного полка. И потому штаб отряда, кроме обычного, традиционного планирования и ведения боевой и кадровой работы, руководства оперативными группами, обеспечивал ежедневную связь с Москвой. Телеграммы подписывал сам командир.

На полковника Лазаренко возлагалось также взаимодействие с членами оперативной группы, в которую кроме представителя Комитета госбезопасности, главного партийного советника и советского посла входили маршал Сергей Соколов и генерал армии Сергей Ахромеев. Вскоре в эту группу включили и командира «Каскада». Александр Иванович прекрасно понимал, как важны для его отряда добрые отношения с армейцами. Как, впрочем, и наоборот.

Придет время, и в ходе разбора итогов армейской боевой операции, проведенной в районе Герата, один из комдивов 40-й армии обратится с просьбой к маршалу Соколову — при разработке всех последующих боевых действий соединения жизненно необходимо участие оперативных офицеров «Каскада». Это было уже серьезное признание результатов их разведработы.

Но все это придет потом, со временем. А пока «каскадеры», что называется зубами, вгрызались в боевую обстановку. Как воздух, необходимы источники информации. Позже Лазаренко с гордостью скажет:

«У "Каскада" было 480 агентов. Однако мы начинали с нуля».

Да, среди агентов находились люди образованные — врачи, педагоги, инженеры, некогда закончившие советские вузы, владеющие русским языком, но большинство — крестьяне, духанщики, торговцы — были безграмотны, темны, религиозны. Попробуйте таких научить премудростям разведывательной практики, например операциям с использованием тайников. Это бесполезная трата времени.

Однако разведсведения нужны. И тогда на встречу с агентом в пустыню или в предгорные районы «каскадеры» выезжали на бронетранспортере, а в городе старались встречаться не на явочной квартире, а в самом людном месте — на базаре.

Так что сложности возникали самые неожиданные. Афганистан — религиозная, мусульманская страна, и авторитет муллы там незыблем. «Каскадеры» не раз предостерегали своих агентов об опасности чистосердечного признания в ходе исповеди. Но, увы, чаще верили не им, а мулле. А мулла не забывал докладывать тайны исповедующихся своим хозяевам из иностранных разведок. Таким образом, нередко самые ценные агенты оказывались в лапах врага.

А враг был силен. Для разведки он использовал все, что возможно — религиозный фактор, о котором мы уже говорили, родственно-племенные связи, подкуп, угрозы, кровную месть. Надо признать, моджахеды и их покровители имели сильную опережающую развединформацию.

Достаточно вспомнить охоту на одного из лидеров движения моджахедов — Ахмад-шах Масуда. Сегодня уже известно, что в его окружении находилось около полутора десятков наших агентов. И что же? Многочисленные операции «каскадеров» по ликвидации «Льва Пандшера» окончились неудачей. Каким-то образом Масуду становилось известно о них заранее, и он ускользал в самый последний момент.

И тем не менее, преодолевая трудности, осваивая премудрости разведнауки на афганском театре военных действий, «каскадовцы» обретали знания, опыт, авторитет.

Авторитет нужен был и самому командиру отряда. Ведь общаться приходилось с маршалом, многозвездными генералами, а Лазаренко, как ни крути, всего лишь полковник.

Однако это никогда не смущало Александра Ивановича. Наперед всех должностей, лампас и погон он ставил дело. Так произошло и в тот раз, когда оперативная группа обсуждала предложение армейцев об операции под Джелалабадом. Предлагалось войти в долину и силами двух полков очистить ее от бандформирований.

Все склонились над картой, представитель 40-й армии докладывал. Лазаренко сразу понял: замысел операции был так себе, слабоват. Ну войдут полки в долину, выдавят бандитов в горы. Те отсилятся и через неделю-другую вновь вернуться, опять установят свой контроль над долиной.

Но его ли это дело вмешиваться в спор общеармейских командиров? У Лазаренко своих хлопот полон рот. И тем не менее он не смолчал. Обратившись к Ахромееву, высказал свои сомнения.

Генерал армии поморщился: мол, вот еще один советчик, и со вздохом спросил:

— Лазаренко, тут же войсковая операция. Ты в этом что понимаешь?

— Да кое-что понимаю...

Ахромеев только руками развел:

— Тогда докладывай.

Александр Иванович подошел к карте.

— Я бы, товарищ генерал армии, на отходных путях бандформирований выбросил крепкие десантные группы. Небольшие, с хорошим вооружением, мобильные. А потом силами двух полков вошел в долину.

Ахромеев задумался: толковые предложения у этого полковника-кэбиста. Тогда еще генерал армии не знал, что прежде, чем стать гэбистом, Александр Иванович как начопер десантной дивизии разработал не одну такую операцию, а как командир полка осуществил ее на учениях.

Кстати, та операция под Джелалабадом прошла успешно. И маршал Соколов, и генерал Ахромеев совсем иными глазами стали смотреть на гэбиста Лазаренко.

Когда в кишлаке Чаквардак группа «каскадеров» с ротой Царандоя и несколькими местными «хадовцами» попали в окружение, именно маршал Соколов передал под команду Лазаренко парашютно-десантный батальон.

А случилось это так. Опытный оперативник, преподаватель КУОСа, а ныне сотрудник «Каскада» подполковник Набоков нередко возглавлял группы, которые помогали на местах утверждать народную власть. Подобные рейды были зачастую успешными, однако и враг, как говорится, не почивал на лаврах. В кишлаке Чаквардак группа «каскадеров» натолкнулась на крупную банду. Завязался бой.

Набоков прислал радиogramму о том, что его атакуют 300 моджахедов, и он, в лучшем случае, продержится до утра. Телеграмма пришла в девять вечера. У Лазаренко оставалась ночь, чтобы выручить подчиненных.

Но как им помочь? Ведь у командира «Каскада» в подчинении не было

войск, только офицеры-оперативники, да водители бронетранспортеров — и те разбросаны по всему Афганистану.

Лазаренко бросился к маршалу Соколову: погибают ребята. Тот отдает приказ комдиву Витебской десантной дивизии — выделить батальон.

— А вот командира дать не могу, — сказал маршал, — нет его у меня. Батальоном командует молодой старший лейтенант, только назначен.

И Соколов, выдержав паузу, улыбнулся:

— Придется тебе потряхнуть стариной, Александр Иванович. Ты же полком командовал, а с батальоном, уверен, справишься. Удачи!

Поблагодарив маршала, Лазаренко отправился на аэродром. Там его уже ждал батальон 103-й воздушно-десантной дивизии.

«Кишлак Чаквардак расположен в 80 километрах от Кабула, — вспоминал Александр Иванович. — Уже темно, вечер. Вытянулись в колонну — танки с тралами, минометная батарея. У меня командирская боевая машина десанта, связь со всеми ротными командирами.

Взял азимут на объект под Чаквардаком, координаты которого в радиограмме указал Набоков.

Колонна вытянулась километров на десять. Шли всю ночь. Под тралом первого танка взорвалась мина. Меня бросило на крышку люка, ударился челюстью, полетели зубы.

Однако мы упорно двигались вперед».

Утром батальон прибыл под Чаквардак. Судя по всему дозоры бандформирований известили своих о приближении колонны, и моджахеды отошли в кишлак.

Бронетранспортеры, посланные на разведку, были обстреляны из гранатометов. По точкам, откуда стреляли душманы, отработали «Грады». Однако в дальнейший затяжной бой Лазаренко решил не вступать. Батальон действовал в отрыве от основных сил, да и численный перевес над бандитами был незначительным.

В этом бою душманы потеряли два десятка человек убитыми. Лазаренко «тряхнул стариной», да и «каскадеры» увидели командира в новом качестве и убедились — даже в самых трудных ситуациях их выручат.

Конечно же, подобные марш-броски во главе батальона — исключение из правил. Но война есть война. Она преподносит сюрпризы. Руководитель «Каскада», не задумываясь, бросился на выручку своим боевым товарищам, став пусть и на несколько часов командиром парашютно-десантного батальона.

Но вот если десантный батальон он возглавил добровольно и сдал

действующему комбату сразу после боя, то «отвертеться» от руководства отрядом «Кобальт» Министерства внутренних дел Лазаренко не удалось.

Однажды заместитель министра милицейского ведомства, приехав в Афганистан в командировку и побывав на совместном совещании, предложил Александру Ивановичу взять под свою команду и «Кобальт».

— Да ну, что вы, — возмутился Лазаренко, — у меня другие задачи. Дай Бог с ними справиться.

Но вскоре после убийства замминистра в Москву в Кабул пришла телеграмма из Центра, в которой говорилось, что отряд спецназначения МВД «Кобальт» переходит в подчинение Лазаренко.

Мало было Александру Ивановичу своих тысячи подчиненных, теперь еще 600 «кобальтовцев» добавилось.

Но и тут Лазаренко смог вынести пользу для дела — как для отряда «Кобальт», так и для «Каскада». Когда сотрудники милиции совместно с бойцами Царандоя обустроивали блок-посты на основных дорогах и магистралях, предоставилась возможность развернуть агентурно-оперативную работу. Особо пристальное внимание к тем, кто прибывает на территорию Афганистана из-за кордона — из Ирана, Пакистана. А «гостей», надо сказать, было немало.

Так набирались опыта и работали сотрудники спецподразделения КГБ «Каскад» во главе со своим командиром.

ХАД на страже безопасности

Разворачивая агентурную и оперативную работу в Афганистане, а также проведение спецопераций против наиболее одиозных главарей бандформирований, полковник Лазаренко никогда не забывал, что находится со своими «каскадерами» на чужой земле. И потому считал, что новую власть, пусть и с помощью «шурави», могут утвердить только сами афганцы.

Именно поэтому одна из трех основных задач спецподразделения КГБ СССР «Каскад» так и звучала — помощь афганцам в создании своих органов безопасности.

Однако и после того, как был развернут ХАД (афганское КГБ), вскоре стало ясно — мало иметь службу, отвечающую в целом за безопасность государства. Нужен эффективный инструмент в подавлении бандитизма. Так появилось управление, целью которого стало планирование и проведение спецопераций против моджахедов. Назвали его 5-м управлением ХАДа.

Опытного в оперативном отношении сотрудника не нашлось, и поэтому на должность начальника управления был назначен в прошлом медицинский работник, по афганским меркам достаточно образованный, политически грамотный человек.

В свое время он учился в Советском Союзе, знал русский язык, однако был себе на уме. Мог и обмануть, дабы подзаработать. Как-то убедил Александра Ивановича в том, что есть возможность захватить в плен нескольких американцев, агентов ЦРУ. И попросил на осуществление этой трудной операции 200 тысяч афгани.

Лазаренко сообщил в Центр. В Москве согласились выдать эту немалую сумму. Да и понятно, кто же откажется от подобного заманчивого предложения.

Но вскоре начальник 5-го управления только руками развел, мол, не удалась операция. Исполнители, судя по всему, оказались предателями, взяли деньги и словно сквозь землю провалились. Что тут скажешь? Лазаренко предстояло неприятное объяснение с Центром.

Этот пример говорит о том, с какими людьми приходилось работать в Афганистане.

Разумеется, все необходимое для работы 5-го управления было поставлено из Союза. Тут и оружие, боеприпасы, обмундирование,

спецсредства. Одних автоматов Калашникова передали местным «хадовцам» более 10 тысяч единиц.

Да еще потом дополняли, когда вооружали специальный полк, подчиненный управлению.

Обучать афганцев порой приходилось самому элементарному. Например, правилам обращения с оружием.

В то же время Лазаренко понимал: для новой службы крайне необходима специальная радиосвязь. И вот, по его просьбе, из Советского Союза в Афганистан завозятся радиостанции, ремонтная база, приезжают специалисты.

Как ни горько это осознавать, но нередко подобную заботу афганцы воспринимали иждивенчески: вы нас обули, одели, вооружили, а теперь и в бой идите вместо нас. Ведь вы опытнее, умнее.

Нечто подобное случилось и у командира «Каскада». Однажды при обсуждении плана спецоперации по уничтожению лидера Исламской партии Афганистана Хекматьяра в Пакистане, начальник 5-го управления неожиданно предложил «поработать» советским специалистам. Мол, так будет вернее. На что Александр Иванович твердо ответил: проведение подобных акций — дело афганцев.

Начальник «пятерки» неспроста хотел переложить тяжесть проведения операции на «шурави». Его «спецам», к сожалению, так и не удалось уничтожить Хекматьяра. Правда, справедливости ради надо отметить, что мост, по которому ехал лидер Исламской партии Афганистана, был взорван, но Хекматьяр не пострадал.

Как выяснилось позже, у руководителей моджахедов были свои агенты в ХАДе, и даже в 5-м управлении. А вот «хадовская» контрразведка действовала неэффективно.

В работе «Каскада» и 5-го управления были, разумеется, не только провалы, но и победы. С годами «хадовцы» трудно, медленно, но набирали темп. К исходу 1981 года в управлении уже четко знали, где располагается какая банда, какова ее численность, откуда поступает оружие, финансовые средства.

Примером совместной успешной разведывательной деятельности «пятерки» ХАД и «Каскада» может служить итог операции по уничтожению крупной банды в крепости в районе Газни.

Разведданные оказались точны, и удар советской авиации навсегда похоронил бандформирование под обломками крепости.

На счету сотрудников 5-го управления были и другие успешно проведенные спецоперации, засады, захваты «языков», налеты на объекты

и места расположения моджахедов.

«Четко трудится разведка...»

Разумеется, самые эффективные спецоперации проводили сотрудники «Каскада». Часто инициатором их являлся командир подразделения полковник Лазаренко.

В одну из наших первых встреч Александр Иванович поведал мне интереснейшую историю. А «выросла» она из крупного ЧП на аэродроме в Кандагаре. Там располагалась советская авиационная часть. Пилоты летали на «МиГах». Здесь же дислоцировались афганские вертолетчики.

Ночью на посту солдату-часовому показалось, что кто-то ходит у самолетов. Кто может ходить в такую пору? Разумеется, бандиты. Он сорвал с плеча автомат и дал очередь.

И надо же случиться такому — пуля, выпущенная из «калаша», попала во взрыватель одной из бомб, которые тут же были сложены в штабель. История почти фантастическая, ведь взрыватель — это не более чем двухкопеечная монета. Но тем не менее это случилось. От взрыва взлетели на воздух три советских самолета и два афганских вертолета.

Обо всем этом сразу после происшествия полковнику Лазаренко доложил руководитель команды «Каскад» в Кандагаре подполковник Алейников. Кстати говоря, Александр Иванович ценил Алейникова. Когда ему присвоили звание генерал-майора, свой погон положил на плечо подполковнику, сказал: «Вот тебе, Анатолий, один генеральский погон, второй сам зарабатываешь». И он действительно заработал, стал генерал-лейтенантом, первым заместителем Председателя КГБ. Правда, время, когда он принял эту должность, было тяжелое для Комитета Госбезопасности, 1991 год. Тогда КГБ возглавил печально известный Бакатин, и Алейников быстро понял, с какой целью пришел этот «демократ». Цель одна — разрушать. И справедливости ради надо сказать, Бакатину многое удалось.

Однако вернемся к событиям в Афганистане. Узнав о ЧП, Лазаренко сразу же вылетел в Кандагар. Его встретил подполковник Алейников, подробно обо всем доложил. Александр Иванович внимательно выслушал доклад и произнес:

— А теперь, Анатолий Аввакумович, начинается наша работа.

Судя по всему, подполковник поначалу и не понял: какая работа? А у Лазаренко уже родился оперативный план.

Пришлось кое-что втолковать поначалу командиру авиационного

полка.

— Солдата оставь в покое. Пусть себе гуляет, только язык за зубами держит. А ты вместе с замполитом и начштаба всюду рассказывай, мол, это дело рук моджахедов. Напали, сожгли самолеты...

Командир полка не соглашается. Солдата уже задержали, началось расследование.

— А ты выпусти его, расследование закрой.

— Да не могу я, — кипятится командир. — Не в моей это компетенции: открыл расследование — закрыл.

— Тебе указания заместителя начальника Генштаба достаточно?

— Вполне.

— Добро, будет тебе указание.

Вечером того же дня комполка получил от генерала армии Ахромеева приказ: действовать по указанию Лазаренко.

«Дальше подполковник Анатолий Алейников, — вспоминал Александр Иванович, — с помощью местных "хадовцев" подобрал трех афганцев из числа кандагарской агентуры. Один был непосредственно офицером ХАДа, старшим лейтенантом, двое других — агентами. Целый месяц мы готовили их на своей базе. Учили основательно, и как тол из бомбы выплавлять, и как изготовить заряды...

Каждую ночь эта тройка ходила из города в аэропорт. А расстояние там не маленькое — 22 километра. По возвращении сам лично проверял, выпрашивал, что встречали по дороге — кусты, овраги, переходили ли речку?

Агенты заучивали легенды, условия связи, тренировались в обеспечении собственной безопасности.

Конечно же, не раз проводили мы репетиции и на аэродроме, отрабатывали детали якобы совершенного диверсионного акта.

А тем временем повсюду распространялись слухи о крупной диверсии на аэродроме, проведенной моджахедами».

После первичной подготовки наступил следующий этап спецоперации по внедрению агентов в бандформирования. Старший лейтенант— «хадовец» был заброшен в одну банду, двое агентов — в другую. Разумеется, всем троим устроили тщательную проверку. Они рассказали о «диверсии», о том, как после ее совершения уходили к границе с Пакистаном и по дороге потерялись. Двое агентов даже высказали предположение, что их старший, возможно, погиб.

Бандиты проверили, действительно уничтожены три «МиГа» и два вертолета, «шурави» уверены, что это нападение моджахедов.

Контрразведка противника пыталась поймать агентов на мелочах, выспрашивала подробности «диверсии». Однако легенда, подготовленная «каскадерами», выдержала испытание. Агентам поверили. В Пешаваре им устроили торжественную встречу, чествовали, возносили как героев, наградили, хорошо заплатили.

И агентурная группа начала работать. Однажды, рассказывая о внедрении «тройки» в банду, Александр Иванович воскликнет: «Какие агенты были, какие разведданные давали!»

Действительно, двое вели наблюдение, слушали, расспрашивали и потом обо всем докладывали офицеру-«хадовцу». Тот в свою очередь записывал информацию и закладывал ее в тайник.

Теперь «каскадеры» знали имена лидеров банд, караванные пути, по которым везли оружие и боеприпасы, а главное — планы моджахедов.

Ценнейшей информацией стало оперативное сообщение группы о том, что главари бандформирований решили взорвать индийское консульство в Кандагаре, как раз во время визита Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева в Дели. Каков был бы резонанс в мире — советского руководителя принимают в Индии, а в это время на воздух взлетает индийское консульство в Афганистане. Конечно же, этот теракт удалось предотвратить.

К сожалению, судьба этой оперативной тройки трагична. После всех наград и поощрений им недолго удалось поработать. Их неожиданно арестовали и расстреляли. Долгое время «каскадеры» не могли понять и узнать причину провала. Уже накануне своего отъезда из Афганистана Лазаренко выяснил: виной всему — исповедь. Один из агентов признался о своих делах мулле. Тот сразу же доложил об услышанном своим покровителям.

А ведь агентов предупреждали.

Это рассказ лишь об одной агентурной группе, о трех агентах, а их у «каскадеров» (помните, признавался Лазаренко) было 480. Их разведданные спасли жизни многим — от руководителей Афганистана до рядовых солдат.

Вот только один пример.

«В Кабуле, — вспоминал сам Лазаренко, — у нас был очень ценный агент — мулла. И вот накануне 7 ноября, дня Великой Октябрьской социалистической революции, он дает сведения. Во время приема в советском посольстве будет убит руководитель Афганистана Бабрак Кармаль.»

Представляете, Бабрак убит в советском посольстве...

Мы накрыли банду, стрелки которой собирались засесть в дуканах и сделать роковой выстрел».

Вот лишь несколько эпизодов боевой работы «Каскада» и его командира. Хотелось бы рассказать обо всех или о многих, но, видимо, сделать это трудно, да и пока нецелесообразно. Не пришло время. И потому повествование о делах «каскадерских» завершаю стихами неизвестного автора. Мне кажется, поэт уловил суть работы подразделения специального назначения «Каскад».

Четко трудится разведка
Спят спокойно «Кобальт», ХАД,
Потому, что очень редко
Ошибается «Каскад».

«Не надо высоких наград...»

Командировка Александра Лазаренко в Афганистан продлилась без малого два года. Отвоевав положенный срок, убывали в Советский Союз «каскадеры», а командир оставался на месте. Таким образом он руководил «Каскадом-1», «Каскадом-2» и «Каскадом-3».

Весной 1982 года Лазаренко сменил полковник Евгений Савинцев.

За эти долгие месяцы войны Александра Ивановича дважды к себе приглашал Председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. Люди, знавшие всемогущего шефа Комитета госбезопасности, утверждают, что он умел слушать и слышать.

Встречу с Андроповым Лазаренко вспоминал так: *«Это было в 1981 году. Андропов вызвал меня из Афганистана. Обстановку я и без того знал хорошо, но все-таки шел к самому Председателю КГБ и потому выучил доклад на зубок.*

Стал докладывать. А он — стоп, остановил. И начал задавать вопросы. Полтора часа спрашивал. "Кто готовит пищу?" "Сами офицеры, — отвечаю, — по очереди". "А кто стирает?" "Тоже сами". "А вши есть? Говори откровенно..." "Бывает, Юрий Владимирович, — признался я. — Живем-то непросто, война".

Андропов пристально посмотрел и спрашивает: "Что надо, чем помочь?" "Машины стиральные нужны". "Все, договорились, — ответил он. — Двадцать стиральных машин отправляем немедленно".

Вот такой был разговор.

В конце Андропов встал, подошел, положил руку на плечо:

— Мы вас очень уважаем и ценим, Александр Иванович.

А у меня ком к горлу. Такое не забывается».

После разговора с Председателем КГБ полковник Лазаренко получил пять суток отпуска.

После возвращения в Кабул, вскоре ему позвонил кадровик, генерал Андрианов. Они давно знали друг друга, были добрыми приятелями. Потому сообщение Андрианова о том, что его фамилия в проекте приказа на присвоение звания генерал-майора, воспринял скорее как шутку.

— Да ладно, Володя, какой генерал? У меня же должность полковничья.

— Полковничья, — согласился Андрианов, — но все в руках... Он замялся и добавил: «Все в руках Андропова».

Однако и вправду через несколько дней уже на проводе был сам начальник Первого главного управления КГБ. Он поздравил командира «Каскада» с присвоением ему высокого звания генерал-майор. Для вручения генеральских погон Лазаренко вновь вызывали в Москву.

«В Ясенево, в нашей штаб-квартире, — признавался сам Александр Иванович, — накрыли стол. Я из Кабула привез два больших арбуза. Генеральские погоны вручали не только мне, было еще несколько человек. Все шло как обычно: Крючков вручает, поздравляет. Новоиспеченные генералы говорят стандартные слова, благодарят партию, правительство, Председателя КГБ, а я думаю: что же сказать, как сказать?»

Потом Крючков поздравил меня, сказал о мужестве бойцов «Каскада». Ответное слово за мной. Собрался с духом:

— Дорогие друзья! Есть старая поговорка: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но плох тот генерал, который, став генералом, перестает быть солдатом.»

Зал разразился аплодисментами. Какие это были аплодисменты!

На следующий день, едва успев примерить генеральский мундир, Лазаренко вновь улетел в Афганистан. Впереди была большая работа.

В следующем году, через двадцать один месяц войны, командир «Каскада» возвратится на Родину.

Ему исполнится 60. Однако на пенсию генерала отпустят только через пять лет.

Шла война в Афганистане, и ей не видно было конца. Опыт Лазаренко по руководству оперативно-боевыми подразделениями по борьбе с современными бандформированиями оказался весьма ценным. И он делился этим опытом, передавал его молодым сотрудникам.

Однако годы брали свое. В 1986-м генерал Лазаренко ушел в отставку.

Встречались мы с Александром Ивановичем в начале 90-х. Многого поведал он мне тогда.

— А что больше всего запомнилось из той, афганской войны? — спросил я однажды и тут же понял нелепость своего вопроса. Почти два года напряженной оперативно-боевой работы, огромное количество событий, ну как тут ответишь.

Но Александр Иванович воспринял мой не очень удачный вопрос вполне серьезно.

Он хмыкнул, усмехнулся:

— Не поверите, но в этом потоке дел, забот, встреч, боев запомнился один подарок. Когда я, получив звание генерала, возвратился в Кабул, на

каком-то из «обмываний» моих лампас, кто-то из «каскадеров» подарил папку, а в ней листочек.

Александр Иванович позвал жену и попросил подать ему папку. Жена безошибочно открыла шкаф и протянула тоненькую ледериновую папочку. Генерал открыл ее. Там действительно лежал один-единственный, пожелтевший листочек.

Не надо высоких наград,
Ни к чему нам парадный мундир.
Да здравствует славный «Каскад»
И его боевой командир! —

прочел он.

Я видел, как слезы навернулись ему на глаза.

Фотографии

Хаджи Мамсуров (слева) со своим боевым товарищем Гаем
Туманяном

Генерал-полковник Мамсуров принимает доклад командира разведывательной части

Ленинградский военный округ. Генерал Мамсуров в ходе учений беседует с разведчиками

Фото на память после учений. Генералы Мамсуров (третий во втором ряду слева) и Патрахальцев (четвертый во втором ряду слева). Ленинградский военный округ

Военный разведчик Николай Патрахальцев

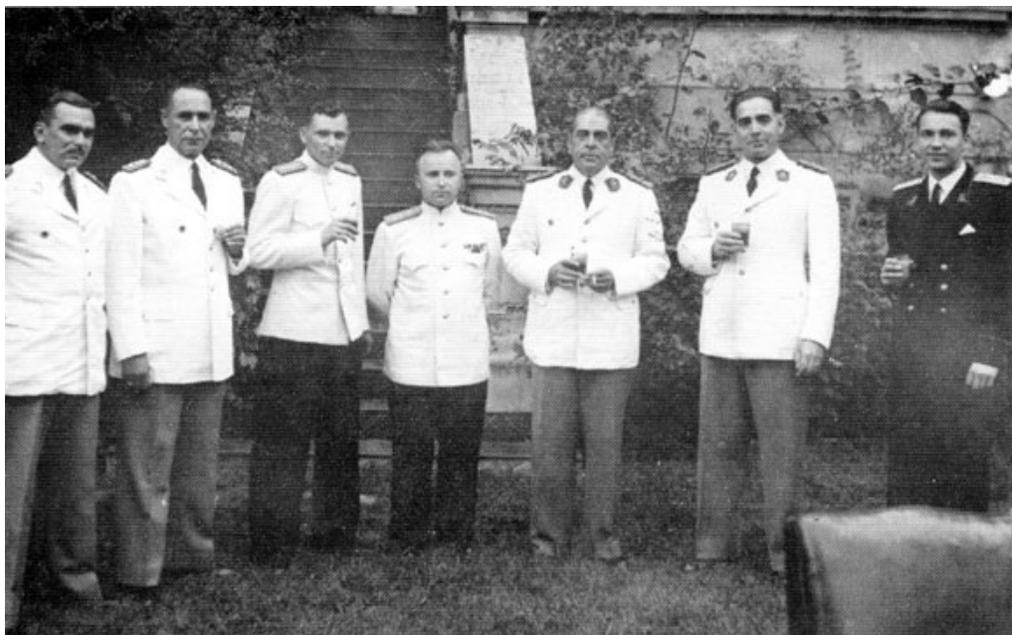
На встрече ветеранов ГРУ. Патрахальцев второй справа

Н. Патрахальцев вместе с матерью, отцом и сестрой. Киев

А. Лазаренко (второй слева) с сослуживцами. 1944 г.

Помощник военного атташе в Аргентине А. Лазаренко (третий слева) с аргентинскими и советскими коллегами

Командир десантного полка полковник А. Лазаренко (справа) вручает грамоту отличившемуся воину

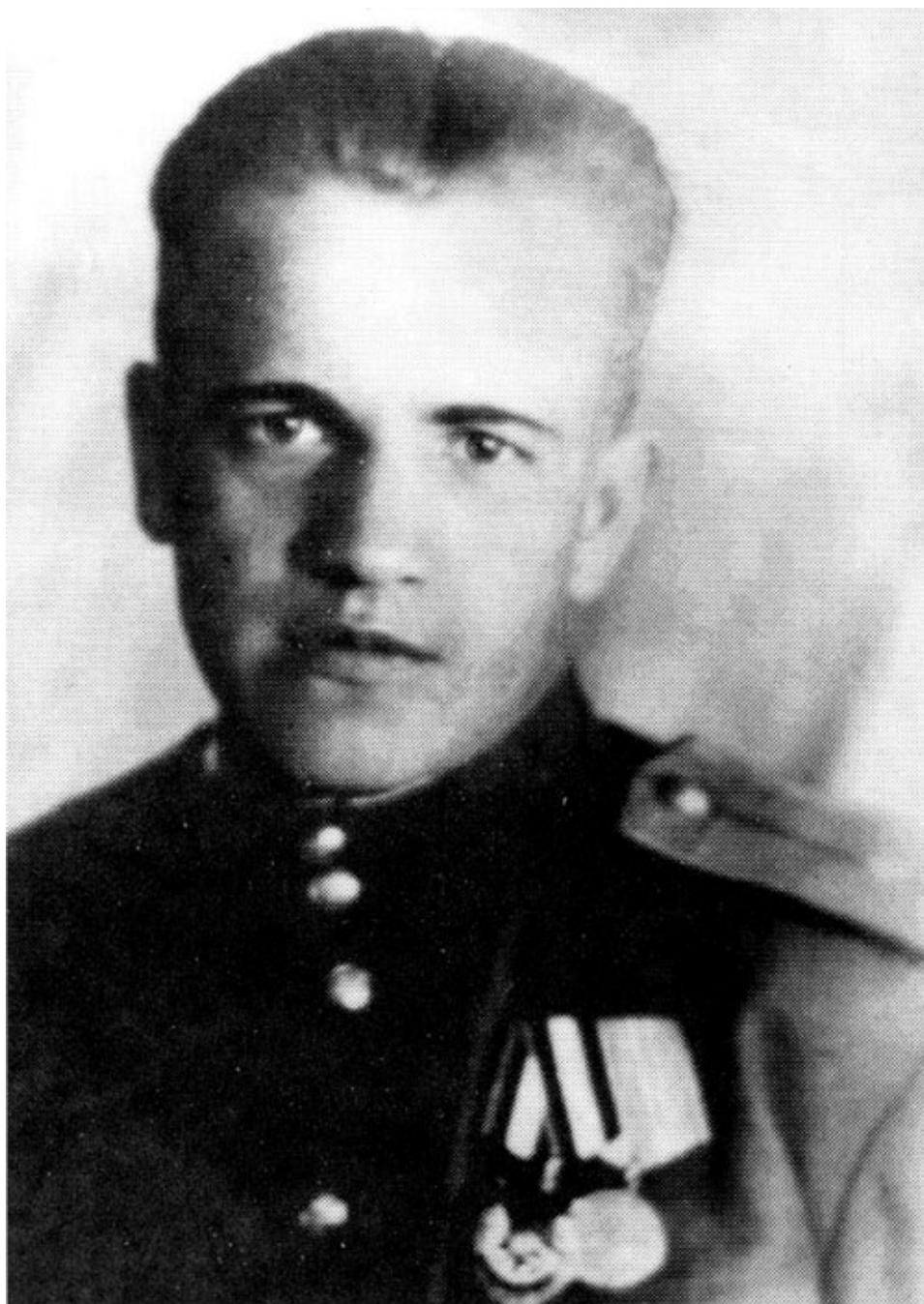
Афганистан. Командир подразделения «Каскад» А. Лазаренко (второй справа в первом ряду) с офицерами

Майор И. Банов. Снимок фронтовой поры

Полковник И. Банов

Лейтенант П. Голицын

Генерал-майор П. Голицын (в центре) на возложении венков

В. Стрельбицкий (справа) с братьями-фронтовиками. 1945 г.

Полковник В. Стрельбицкий

В. Стрельбицкий (справа) с иностранными военными атташе

Диверсионный рейд на железную дорогу

Минирование «железки»

notes

Примечания

1

«Гриша» — позывной командира отряда М. Линькова.

2

Оперативное название радистов партизанских отрядов.